

№24 (221), вып. 28
Декабрь 2015

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1995 г.

**Журнал входит
в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации,
в которых рекомендуется публикация
основных результатов диссертаций
на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук**

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Издатель:

НИУ «БелГУ»

Издательский дом «Белгород»

Адрес редакции, издателя, типографии:
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-50062 от 29 мая 2012 г.

Выходит 4 раза в год.

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ЖУРНАЛА**

Главный редактор

О.Н. Полухин,
ректор НИУ «БелГУ», доктор
политических наук, профессор

Зам. главного редактора

И.С. Константинов,
проректор по научной
и инновационной работе НИУ «БелГУ»,
доктор технических наук, профессор

Научный редактор

В.М. Московкин,
профессор кафедры мировой экономики
НИУ «БелГУ», доктор географических наук

Ответственный секретарь:

О.В. Шевченко
зам. начальника УНИИ НИУ «БелГУ»,
кандидат исторических наук

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ ЖУРНАЛА**

Главный редактор серии

А.П. Короченский,
профессор факультета журналистики
НИУ «БелГУ», доктор филологических
наук, профессор

Заместители главного редактора:

И.А. Нагорный,
профессор кафедры русского языка
и методики преподавания
историко-филологического факультета
НИУ «БелГУ», доктор филологических
наук, профессор

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

Гуманитарные науки

Филология Журналистика Педагогика
Психология

Belgorod State University Scientific bulletin

Philology Journalism Pedagogy Psychology

СОДЕРЖАНИЕ

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Антропологические тенденции постмодернистской семиотики искусства. **Д.К. Манохин 5**

Исследование категории неопределенности в русском языке на материале корпусных данных. **В.А. Нуриев 14**

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Синтаксические функции междометий в русском и китайском языках. **Ван Синсинь 19**

Пророчество как черта поэтики позднего Достоевского. **В.В. Кичигина 25**

Актуализационно-прагматическая функция модальных частиц в публицистических текстах. **И.А. Нагорный 30**

Синонимические ряды слов и их функция в романе «Что делать?» Н.Г. Чернышевского. **Т.М. Уздеева 36**

РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Функционирование иноязычных вкраплений в языке африканских иммигрантов во Франции. **Ж. Багана, Я.А. Глебова 41**

Вербализация концепта «Грубость» в немецком языке (на материале сказки В. Хауфа «Карлик Нос»). **И.В. Бойчук, А.О. Лавриненко 46**

Прозвищное наименование как процесс взаимодействия лингвистической семиотики и семиотической концептологии. **О.Д. Вишнякова, В.А. Александрова 51**

Теоретические основания исследования семантических особенностей фразеологизмов. **Гэ Цзиншэнь 61**

Вербализация насилия в англоязычной социальной рекламе. **М.С. Евстифеева 66**

Этнокогнитивный аспект медицинского дискурса эдвардианской эпохи (на примере британского сериала „CASUALTY 1900S“). **А.А. Куценко 71**

Перифразы с нейтральным стилистическим окрасом в языке современной французской публицистики. **Г.В. Свищев, С.В. Слепцова 76**

Внутренняя диалогичность англоязычного романа в контексте современной филологии. **Ж.Е. Фомичева 81**

О.Н. Прохорова, директор Института межкультурной коммуникации и международных отношений НИУ «БелГУ», доктор филологических наук, профессор

И.Ф. Исаев, заведующий кафедрой педагогики НИУ «БелГУ», доктор педагогических наук, профессор

В.В. Гребнева, заведующая кафедрой психологии педагогического факультета НИУ «БелГУ», кандидат психологических наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

М. Геруля, доктор гуманитарных наук, профессор Силезского университета, Катовице и Высшей гуманитарной школы, Сосновец (Польша)

К. Жиро, доктор философии, профессор Барселонского Автономного университета, директор Департамента средств массовой информации, коммуникации и культуры (Испания)

В.И. Лозовая, доктор педагогических наук, профессор Харьковского национального университета, член-корреспондент Академии педагогических наук (Украина)

У. Перси, доктор филологии, профессор Университета Бергамо (Италия)

А. А. Тертычный, доктор филологических наук, профессор факультета журналистики Московского государственного университета

А.В. Фёдоров, доктор педагогических наук, профессор, проректор по научной работе Таганрогского государственного педагогического института

Консультант

Е.А. Кожемякин, заведующий кафедрой коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор философских наук, профессор

Ответственный секретарь

А.О. Лавриненко

Статьи публикуются в авторской редакции

Компьютерная верстка и оригинал-макет *Л.П. Котенко*

E-mail: Korochensky@bsu.edu.ru

Подписано в печать 27.11.2015

Формат 60×84/8

Гарнитура Times New Roman

Усл. п. л. 25,0

Заказ 258

Цена свободная

Тираж 1000 экз.

Дата выхода 30.11.2015

Подписной индекс в Объединённом каталоге «Пресса России» – 81466

Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в Издательском доме «Белгород»
Адрес: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

Материалы международной научно-практической конференции «Медиаисследования: век XXI» (Белгород, 23-25 сентября 2015 г.)

Н.В. Духовный синкретизм и концепция всеединства в русской публицистике. **И.И. Бандеров** 87

О фактах и фактоидах в современных журналистских текстах.

А.В. Белоедова 89

Жанровые заимствования в рекламе. **Г.В. Бобровская** 95

К вопросу об употреблении прагматонимов в рекламных текстах.

Л.Р. Ермакова 95

Значимость культуры социологического мышления

журналистов в современных условиях. **М.В. Коротицкая**,

Е.И. Радченко 104

Процесс инференции и имплицитные смыслы в понимании

рекламных текстов. **Н.В. Трайковская** 109

Медиаобразование, медиапросвещение, медиакритика, кинокритика как факторы формирования медиакомпетентности.

Я.И. Тяжлов 112

Редакция пропаганды казанской студии телевидения как элемент советской идеологии. **М.Х. Фатыхова** 118

О развитии научной журналистики на Белгородчине: принципы, проекции, перспективы. **В.К. Харченко** 122

ПЕДАГОГИКА

Использование сказки в качестве методического средства на уроках английского языка в шестых классах. **В.Л. Ермаков** 127

Сущность и специфика профессиональной нравственности курсантов вузов МВД России. **Н.В. Ерошенков, Е.И. Ерошенкова** 134

Формирование учебно-исследовательской культуры учащихся на этапе предпрофильной подготовки в общеобразовательной организации. **И.Ф. Исаев, О.В. Алиева** 141

Роль и место учебного текста в духовно-нравственном развитии личности школьника в процессе обучения русскому языку на дому.

В.О. Перминов 145

ПСИХОЛОГИЯ

Жизнестойкость и религиозность как ресурсы современного человека в трудных жизненных ситуациях. **Н.М. Волобуева**,

Т.А. Сережко 151

Психологические особенности процессов саморегуляции подростков с зависимым поведением. **С.А. Корнеева, А.В. Локтева** 159

Эмпирическое исследование толерантной личности в сфере межнациональных отношений: анализ особенностей развития ценностной сферы и социального интеллекта.

Л.Д. Король 165

Психологические особенности переживания процесса старения.

Л.Б. Кузнецова 173

Норма социальной идентичности: структурно-генетический анализ.

Е.А. Петраш 182

Исследования отношения к идеалам. **Т.Н. Разуваева**,

Е.А. Шевченко 189

Открытый доступ к личной информации в социальных сетях как способ привлечения социального одобрения подростками в интернет-пространстве. **О.И. Самосват** 194

Сведения об авторах 199

№24 (221), Вып. 28
December 2015

SCIENTIFIC PEER-REVIEWED JOURNAL

Belgorod State University
Scientific Bulletin

Philology Journalism Pedagogy
Psychology

Founded in 1995

The Journal is included into the nomenclature of the leading reviewing journals and publications issued in the Russian Federation that are recommended for publishing the key results of the theses for Doctor and Candidate degree-seeking.

Founder:

Federal state autonomous educational establishment of higher professional education «Belgorod State National Research University»

Publisher:

Belgorod State National Research University

Belgorod Publishing House

Address of editorial office, publisher, letterpress plant: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor)

Mass media registration certificate

ПИ № ФС 77-50062 May 29, 2012

Publication frequency: 4 /year

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

O.N. Polukhin,

Rector of Belgorod National Research University, Doctor of Political Sciences, Professor

Deputy Editor-in-Chief

I.S. Konstantinov,

Vice-Rector on Scientific and Innovative Work of Belgorod National Research University, Doctor of Technical Sciences, Professor

Assistant Editor

V.M. Moskovkin,

Professor of World Economy Department of Belgorod National Research University, Doctor of Geographical Sciences

Assistant Editors

O.V. Shevchenko,

Deputy Head of Scientific and Innovative Activity Department of Belgorod State National Research University, Candidate of Historical Sciences

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL SERIES

Chief editor:

A.P. Korochemskiy,

Professor of Faculty of Journalism, Doctor of Philological Sciences, Professor (Belgorod National Research University)

Deputies of chief editor:

I.A. Nagorniy,

Faculty of History and Philology, Department of Russian Language and Teaching, Doctor of Philological Sciences, Professor (Belgorod National Research University)

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

Гуманитарные науки

Филология Журналистика Педагогика

Психология

CONTENTS

METHODOLOGY AND METHODS OF SCIENTIFIC WORK

Anthropologic tendencies of postmodern semiotics of art.

D.K. Manokhin 5

Corpus-based study of the category of uncertainty in the Russian language. **V.A. Nuriev 14**

RUSSIAN PHILOLOGY

Syntactic functions of interjections in Chinese and Russian.

Wang Xingxin 19

Prophecy as a feature of the poetics of the late Dostoevsky.

V.V. Kichigina 25

Actualization and pragmatic function of modal particles in journalistic texts. **I.A. Nagorny 30**

Synonymous series of words and their function in the novel "What to do?" by N.G. Chernyshevsky.

T.M. Uzdeeva 36

ROMANCE-GERMANIC PHILOLOGY

Functioning of foreign inclusions in the language of African immigrants in France. **J. Baghana,**

Y.A. Glebova 41

Verbalization of the concept of «RUDENESS» in German (on the material of W. Hauff's fairy-tale "Der Zwerg Nase").

I.V. Boichuk, A.O. Lavrinenko 46

Soubriquet nomination as linguistic semiotics and semiotic conceptology interaction process. **O.D. Vishnyakova,**

V.A. Aleksandrova 51

Theoretical basis of research of phraseological units semantic features. **Gje Czinshjen 61**

Verbal representation of violence in English social advertising.

M.S. Yevstifeeva 66

Ethnic cognitive aspect in Edwardian medical discourse (in terms of 'casuality 1900s' British series).

A.A. Kutsenko 71

Neutral periphrases in modern French journalism.

G.V. Svischev, S.V. Sleptsova 76

Inner dialogics of English-language novel in the context of contemporary philology. **Z.Y. Fomicheva 81**

O.N. Prohorova,
Director of Institute of Intercultural
Communication and International Relations,
Doctor of Philological Sciences, Professor
(BelgorodNationalResearchUniversity)

I.F. Isaev,
Faculty of Psychology, Head of Department
of Pedagogics Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor (BelgorodNational
ResearchUniversity)

V.V. Grebneva, Head of Department of
Psychology, Faculty of Pedagogy, Professor
(BelgorodNationalResearchUniversity)

Members of Editorial Board:

M. Gierula,
Doctor of Humanities, professor
of SilesianUniversity, Katowice, professor
of High School of Humanities, Sosnowiec
(Poland)

X. Giro,
PhD, professor of Autonomous University
of Barcelona, director of Department
of Mass Media, Communication and
Culture (Spain)

V.I. Lozovaya
Doctor of Pedagogy, professor of KharkovNa-
tionalUniversity, member of Academy
of Pedagogical Science (Ukraine)

H. Persi,
Doctor of Philology, professor
of University of Bergamo (Italy)

A.A. Tertychniy,
Doctor of Philosophical Sciences,
professor of Faculty of Journalism
of Moscow State University

A.V. Fedorov,
Doctor of Pedagogy, professor, vice-rector
of Taganrog State Pedagogical Institute

Consultant:

E.A. Kozhemyakin,
Faculty of Journalism, Head
of Department of Communication Studies,
Advertising and Public Relations,
Doctor of Philosophical Sciences,
professor (Belgorod National Research
University)

Responsible secretary:

A.O. Lavrinenko

The articles are given in authors` editing.

Dummy layout by *L.P. Kotenko*

E-mail: Korochensky@bsu.edu.ru

Passed for printing: 27.11.2015

Format: 60x84/8

Typeface: Georgia, Impact

Printer's sheets: 25,0

Order: 258

Price: free

Circulation: 1000 copies

Date of publishing: 30.11.2015

Subscription reference in The Russian Press
common catalogue – 81466

Dummy layout is replicated at Publishing House
"Belgorod", Belgorod State National Research
University
Address: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

JOURNALISM AND PUBLIC RELATIONS
Materials of the international scientifically-practical conference
"Media preferences survey: XXIst century"
(Belgorod, 23-25 September, 2015)

N.B. Spiritual syncretism and concept of unity in Russian publicism.

I.I. Banderov 87

About facts and factoids in media texts. **A.V. Beloedova 89**

Genre borrowing in advertising. **G. V. Bobrovskaya 95**

To the question about the use of pragmatonyms in advertising texts.

L.R. Ermakova 100

The importance of culture in sociological thinking of the journalist in
modern conditions. **M.V. Korotitskaya,**

Y.I. Radchenko 104

Process of inference and implicit meaning in the understanding
of advertising text. **N.V. Traykovskaya 109**

Media education, media enlightenment, media criticism

and film criticism as a factors of the formation of media competence. **Y.I.**

Tyazhlov 112

Issue advocacy Kazan TV studio as a part of Soviet ideology.

M.K. Fatykhova 118

Science journalism development in Belgorod Region: principles,
directions, prospects. **V.K. Kharchenko 122**

PEDAGOGICS

Using of fairy-tale as a methodical tool at English lessons in 6th classes.

V.L. Yermakov 127

Summary and specific of cadets' professional morals of high
schools of MIA of Russia. **N.V. Yeroshenkov,**

Y.I. Yeroshenkova 134

The formation of educational research culture of students
on preprofile training in educational organizations.

I.F. Isaev, O.V. Alieva 141

The actualization of the lexical supply within the practical English
classes at a non-linguistics higher education institution.

V.O. Perminov 145

PSYCHOLOGY

Hardiness and religiousness as resources of modern man in difficult
situations. **N.M. Volobueva, T.A. Serezhko 151**

Psychological features of self-regulation processes in adolescents
with dependent behavior. **S.A. Korneeva, A.V. Lokteva 159**

Empirical research of tolerant personality in the sphere
of international relations: an analysis of axiological and social

intelligence development peculiarities. **L.D. Korol 165**

Psychological features of experience of aging.

L.B. Kuznetsova 173

Norms and social identity violation: structural and genetic analysis.

E.A. Petrash 182

Study of attitudes to the ideals. **T.N. Razuvaeva,**

E.A. Shevchenko 189

Open access to personal information in social networks as
a way to attract social approval by teens in internet space.

O.I. Samosvat 194

About authors 199

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 141

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ СЕМИОТИКИ ИСКУССТВА ANTHROPOLOGIC TENDENCIES OF POSTMODERNIC SEMIOTICS OF ART

Д.К. Манохин
D.K. Manokhin

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, 308015,
г. Белгород, ул. Победы, 85*

Belgorod National Research University, 85, Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: manokhin@bsu.edu.ru

Ключевые слова: семиотика, искусство, постмодернизм, антропология, теория коммуникации.
Keywords: semiotics, art, postmodernism, anthropology, theory of communication.

Аннотация. Статья посвящена антропологическим тенденциям постмодернистской семиотики искусства. Автор рассматривает развитие семиотики в контексте структурализма и постструктурализма и приходит к выводу, что после исключения антропологической специфики искусства «прагматический поворот» приводит к формированию антропологических концептов.

Abstract. This article is devoted to the anthropologic tendencies of the postmodernistic semiotics of the art. The author considers the development of the semiotics in the context of the structuralism and the poststructuralism. He arrives at a conclusion that after the exception of the anthropologic specification of the art the «pragmatic turn» leads to the formation of the anthropologic concepts.

Критика антропологических универсалий в философии структурализма и постструктурализма. В контексте постмодернистской культурной парадигмы формой теоретической рефлексии обычно считают постструктурализм. Поэтому именно он ассоциируется со словосочетанием постмодернистская философия. Однако спецификация постструктуралистского философского дискурса не представляется возможной без осознания природы метафизики структурализма, причём не только в качестве объекта критики, но и в виде оснований последующей трансформации, в которой сохранены некоторые исходные антропологические допущения. В силу этого целесообразно учитывать «диалектику» структурализма и постструктурализма.

Структурализм изначально оформился как новый подход в социогуманитарном знании, на первый взгляд, не претендующий на роль метафизики. Как пишет Г. К. Косиков, «<...> структурализм, возникший как реакция на отставание гуманитарных наук имел целью их модернизацию – перевод с эмпирико-описательного на теоретический уровень» [12, с.3]. Такой трансформации способствовали достижения в области теоретической лингвистики, связанные с творчеством Ф. де Соссюра [см.: 19]. Он выдвинул тезис о языке как объекте исследования внутренней лингвистики, построил его структурную модель, основанную на понятии значимости, и обозначил возможность экстраполяции этой модели на другие предметные области посредством создания новой науки – семиологии. Основываясь на данных положениях, антрополог К. Леви-Стросс использовал структурный метод для изучения нелингвистического объекта – структур родства, сделав допущение о подобии организации этого объекта организации языка, смоделированной в теории Ф. де Соссюра. Таким образом, антропологическая проблематика получила успешную (в плане объяснительной процедуры) семиологическую интерпретацию. Затем экспансия структуралистского телеологически-функционального объяснения охватила области социологии, психоанализа, эстетики, филологии. Сложилось единое теоретико-методологическое основание социогуманитарных исследований – научная парадигма, которая впоследствии в квазипозитивистском духе стала претендовать на

статус новой научной философии, элиминирующей влияние классической метафизики [см.: 16, с. 804; 11, с. 272]. Структуралисты выступили с жёсткой критикой философских универсалий, а поскольку отправная линия становления новой парадигмы исходила из исследований антрополога К. Леви-Стросса, то центральный удар был нанесён по концептам «человек», «субъект», «сознание».

Известно знаменитое высказывание К. Леви-Стросса: «<...> конечная цель наук о человеке не в том, чтобы конституировать человека, но в том, чтобы растворить его <...> реинтегрировать культуру в природу и в конечном счёте жизнь – в совокупность физико-химических состояний» [цит. по: 12, с.47]. Не менее красноречив другой представитель структуралистского движения М. Фуко: «<...> человек – это изобретение недавнее. <...> это просто было следствием изменений основных установок знания <...>. Если эти установки исчезнут <...> тогда <...> человек изгладится, как лицо, нарисованное на прибрежном песке» [цит. по: 16, с. 775].

Во многом подобный радикализм объясняется и чрезмерным пафосом классической философии в отношении антропологических универсалий, и герменевтической направленностью предшествовавшего структурализму гуманитарного знания. Философия, начиная с Нового времени, в лице «рационалистов» подчёркивала субстанциональный характер сознания, указывая детерминированность всех его процессов интеллектуальными процедурами, которые основывались на акте саморефлексии. Человек интерпретировался, прежде всего, как субъект познания и активного социального действия. В познании он обладал способностью адекватно отображать в сознании (разуме) объективные законы реальности, в практике – преобразовывать социальный мир и улучшать свою жизнь в соответствии с рационально обоснованными интенциями. Такой феномен как язык рассматривался в качестве инструмента познания/коммуникации, структура и функции которого «прозрачны» для индивида. Впоследствии многие философы обнаруживали недочёты в этой антропологической метафизике, что в неклассической философии привело к иррационалистическим тенденциям. Гуманитарное же знание было не столь развито в новоевропейской традиции: большинство его нынешних «тем» либо находилось в ведении философии, либо относилось к риторике. В XIX веке в контексте становления гуманитарного знания и трансформации наиболее с ним связанной «романтической» философии установился психологизм, имплицитно соответствующую герменевтику.

В таком историческом контексте структурализм попытался «возродить» рационалистические тенденции в социогуманитарном знании, но вынужден был пересмотреть антропологическую утопию Нового времени. Структуралисты избавились от психологизма посредством применения семиотического подхода к анализу социогуманитарных феноменов, но это же применение закономерно привело к демистификации концепта человека как свободной разумной личности.

С точки зрения структуралистской философии любой социокультурный феномен представляет собой манифестацию абстрактной системы правил комбинации конечного числа элементов. Эта структура может быть выявлена только путём научного анализа и смоделирована при помощи специального метаязыка. «Рядовой» пользователь не осознаёт влияния подобной структуры на процессы мышления и поведения. Действие структуры/кода имеет для человека бессознательный характер. Таким образом, человек оказывается подчинённым коду и теряет какую-либо автономию. Его сознание редуцируется к репрезентации правил кода, свобода элиминируется или рассматривается как иллюзия, личностные характеристики депсихологизируются, а в социальном плане сводятся к выполнению социальной роли, фундированной опять-таки типовыми матрицами общественного поведения. Всё это демонстрирует исключение прагматики как составной части семиотики (версия Пирса-Морриса [см.: 14, 15]), обусловленное тем, что в основу структуралистского подхода была положена лингвоориентированная модель Ф. де Соссюра, неограниченная экстраполяция и универсализация которой привела к соответствующей «антиантропологической» метафизике. Место человека заняла структура, причём структуралисты были заняты поисками некоего Пра-Кода, фундирующего все системы правил социокультурных практик.

Линию такой антропологической критики продолжили философы, которых называют постструктуралистами – У. Эко, Ж. Деррида, Р. Барт, Ю. Кристева. Однако эта критика была направлена как против классической антропологии, так и во многом против структуралистской интерпретации. Указанные мыслители также пользовались семиотическим инструментарием. Некоторые из них – У. Эко, Р. Барт – на определённом этапе творчества принадлежали к структуралистскому движению. Основная инициатива исходила от Ж. Деррида. Он подверг критике сосюрскую концепцию знака и, что особенно важно, стал использовать концепты семиотической теории Ч. С. Пирса, то есть обратился к прагматическим проблемам семиозиса. Прагматическая (в семиотическом смысле термина) направленность философии постструктурализма имплицитно обращала внимание на проблемах интерпретации социокультурных феноменов, понятых как текст, то есть вновь сконцентрировала внимание на субъекте социальных акций. Однако это не означало реанимации классического концепта человека.

Структурализм был рассмотрен постструктуралистами как вариант метафизического дискурса, использовавшего в качестве субститута метафизических универсалий понятие структуры. В

этом отношении структуралистская парадигма представляет собой модификацию классического рационализма, исключая понятие рационального субъекта, но не отказывающуюся от понятия рационального порядка, деперсонализированный характер которого даже усиливает репрессивность метафизической системы. Ж. Деррида в своих «классических» работах [см.: 8, 10] посредством имманентной критики структуралистского дискурса демонстрирует несостоятельность бинарной структуры знака Ф. де Соссюра и, учитывая идеи бесконечного семиозиса и пансемиотизма Ч. С. Пирса, сводит культуру к Тексту, не имеющему линейной детерминации. Культура представляет собой множество кодов, не редуцируемых к Пра-Коду и не обладающих «чистотой» дискурса, то есть находящихся в состоянии перманентной трансгрессии. Таким образом, человек освобождается от репрессии со стороны абстрактной структуры, но оказывается включённым в перформанс множества случайно пересекающихся слабых (нестабильных) кодов.

Репрессивность метафизики как сильного кода по отношению к агенту социального действия оказывается в центре антропологической тематики постструктурализма. В этом контексте философы-постструктуралисты полностью разделяют идею своих предшественников о том, что человек есть средство реализации языка. Но в новой теории человек оказывается ещё и «расщеплённым субъектом»: его мыслительная деятельность является гетерогенным текстом, иллюзия гомогенности и персональной атрибуции которого возникает из-за отсутствия критической рефлексии и на деле приводит к ещё большему растворению личности. Язык властвует над человеком, субъекты познания и коммуникации лишь эффекты текста, не имеющие ни личной биографии, ни собственных суждений. С точки зрения постструктуралистов имеет место самоинтерпретация мысли, рассеивающая смысл культурного текста.

Однако для постструктуралистской философии характерно своего рода бунтарство, направленное и против репрессии властного дискурса, и против неотрефлексированного растворения субъекта в пространстве интертекста. В диагностированной самими постмодернистами ситуации этот бунт не может быть призывом к абсолютной свободе индивида – эмансипации от языка. Как правило, на передний план выходит деконструктивистский проект как форма интеллектуальной игры, направленной на поиск нестабильности текста (социокультурного феномена) и построение интерпретативной импровизации или критического модуса высказывания [см.: 9]. В этом случае интерпретатор сознательно отказывается быть носителем одного языка и обращается к наблюдению за всеми возможными контекстами кодов/текстов, «копилкой» которых он является. Ускользая от определённой позиции, интерпретатор превращается в квазисубъекта дискурса, что вполне может стать определённым стилевым эффектом философского (или иного) дискурса, используемым намеренно и подразумевающим наличие определённого сообщества, которое состоит из таких гиперрефлексирующих иронически настроенных интеллектуалов, что мы и можем наблюдать в постмодернистской культуре. Иными словами, можно сказать о том, что проект критики антропологических универсалий, начатый в структурализме и продолженный в постструктурализме, имплицитно предполагал появление нового концепта человека постмодерна, рассмотренного не на уровне «объекта» рефлексии, а на уровне авторефлексии учёных/философов, генерирующих тексты особой формы, репрезентирующие наличие антропологического начала, обладающего текстовым сознанием, относительной свободой и, потенциально, способностью личностного самоопределения посредством конструирования воспроизводимой идиолектной конфигурации приёмов дискурса.

Спецификация постмодернистской антропологии в семиотике искусства. Семиотика искусства, взятая в контексте постмодернистского философского дискурса, выполняет функции философии искусства/эстетики. Причём в случае структуралистской и постструктуралистской семиотики искусства можно наблюдать сложную диалектику в отношении взаимовлияния собственно номинированного как философский (в академическом смысле) и научного дискурсов.

В семиотике искусства структурализм представлен именами Р. Барта [см.: 1], К. Бремона [см.: 5], А.-Ж. Греймаса [см.: 6,7]. Структуралисты в качестве «образца» художественной знаковой системы рассматривали литературу. Это объясняется тем, что за основу интерпретации была принята лингвоориентированная модель языка Ф. де Соссюра. Соответственно, методы лингвосомиотического анализа стали использоваться сначала по отношению к литературе, в основе которой лежит вербальный язык, а затем были перенесены на нелингвистические виды коммуникации – жестикюляцию, кино, живопись, музыку и т. д. Помимо общеизвестных достижений такой перенос породил множество проблем, связанных с недооценкой специфической природы этих видов семиозиса. Можно сказать, что структуралистская философия искусства изначально приняла форму «монологической» метафизики, утвердившей литературоцентризм эстетики. Лишь в ходе развития структуралистской программы и становления постструктурализма молчаливо принятый тезис о примате вербально артикулированной знаковой системы был подвергнут критике, что повлияло на создание альтернативных моделей артикуляции семиозиса [см.: 23, с. 149-222].

Изначальная ориентация на «лингвоцентризм» стала основой для отказа от таких философски ангажированных концептов, как искусство, художественное творчество, произведение. В структурализме речь шла не о стандартной философии искусства, но о попытке построения объяснительной схемы, которая сводила бы множество текстов к единому для них типу – совокупности элементов и правил их синтагматического расположения. Как писал в отношении разграничения задач литературной критики и науки о литературе Р. Барт, литературоведение «сможет существовать не как наука о содержаниях <...> но <...> об условиях существования содержания, иначе говоря, как наука о формах <...>» [2, с. 377]. Иными словами, структуралисты абстрагируются от прагматики, относя её к литературно-критическому дискурсу, и сводят свои задачи к описанию синтаксиса и формализованной (парадигматические отношения) семантики. Текст оказывается вырванным из контекста, что вполне оправдано в рамках определённого типа анализа, но при попытке метафизического обобщения, что и имело место быть в структурализме, приводит к последствиям, критическим для антропологических феноменов.

Автор и читатель как две сферы «субъективности» растворяются в объективных формах языка/кода/знаковой системы. Художественный текст предстаёт как манифестация знаковой системы – жанра, стиля. Происходит «амбивалентная» процедура: с одной стороны, автор и читатель как обладающие личностными характеристиками элиминируются из акта семиозиса, а с другой, – помещаются в него, но как идеально-типические образования, сводимые к отправителю/реципиенту, пассивно воспроизводящему правила кода. Любые нарушения кода рассматриваются как незначительные аномалии, а не как эстетические эффекты, репрезентирующие личностные (в плане искусства) показатели автора/читателя. В контексте общеполитического движения всё это складывается в новую «антиантропологическую» эстетику, которую в случае семиотики искусства поначалу отчасти развивает и постструктурализм. Это связано с тем, что на позиции постструктурализма переходят многие структуралисты, которые, продолжая использовать тот же концептуальный аппарат и схемы аргументации, встраивают их в новый контекст.

Репрезентативным примером может служить программная статья Р. Барта «Смерть автора» [3], утвердившая соответствующий концепт вслед за «смертью человека» и «смертью субъекта». Здесь Барт выступает против предшествующей философии искусства, искавшей объяснение произведения в создавшем его человеке – авторе, рассматриваемом, прежде всего, в биографическом контексте. Барт, следуя семиологической перспективе, подвергает классический концепт автора критике. Он отмечает, что «письмо – та область неопределённости <...> где теряются следы нашей субъективности <...> исчезает всякая самотождественность <...>. <...> если о чём-либо рассказывается ради самого рассказа <...> то есть <...> вне какой-либо функции, кроме символической деятельности как таковой, – то голос отрывается от своего источника, для автора наступает смерть <...>. С точки зрения лингвистики, автор есть всего лишь тот, кто пишет, так же как «я» всего лишь тот, кто говорит «я»; язык знает «субъекта», но не «личность», и этого субъекта, определяемого внутри речевого акта и ничего не содержащего вне его, хватается, чтобы «вместить» в себя весь язык <...>» [3, с. 384, 387]. Вместо фигуры автора Барт предлагает ввести термин «скриптор», который элиминирует личностно-психологические компоненты и сводит «автора» к субъекту письма, выступающему в роли «переписчика» различных видов дискурса. В этом смысле речь идёт о постструктуралистской интерпретации концепта «автор», не отменяющей самого действия писателя, хотя последний «может лишь вечно подражать тому, что написано <...>; в его власти только смешивать <...> виды письма <...>, если бы он захотел выразить себя, ему <...> следовало бы знать, что внутренняя «сущность» <...> есть не что иное, как уже готовый словарь, где слова объясняются лишь с помощью других слов, и так до бесконечности» [3, с. 389]. Что касается читателя, то французский семиолог говорит о том, что смерть автора имплицитно рождает читателя, который оказывается основой интерпретации письма, но при этом он лишён истории, биографии, психологии и вновь сводится к пространству цитации – интертексту. Таким образом, мы наблюдаем обращение к прагматике текста, которая согласуется с постструктуралистским вниманием к аномалиям (семиотическим сбоям), но не приводит к реконструкции классических антропологических категорий эстетики, так как делает акцент на полисемантизме и незамкнутой интерпретации текста, редуцируя сознание субъекта дискурса к семиотическим феноменам.

Тенденция «прагматизации» усиливается в семиотике искусства Ю. Кристевой [см.: 13]. В своей философии искусства она формирует известные концепты «интертекстуальность», «карнавал», «полифонический роман», ссылаясь на критически настроенного по отношению к структурализму М. М. Бахтина. Интересны их антропологические импликации. Кристева выражает откровенную симпатию к текстам авангарда, подчёркивая отличие автора/читателя этих текстов от монологизма дискурса классического искусства. Речь идёт о внимании авангардистов к языку, стремлении разрушить его стереотипы, выполняющие властную функцию по отношению к субъекту эстетической деятельности. Авангард новой формации, естественно, не может аннигилировать язык, но может отрефлексировать специфику бесконечной игры смысла в форме глобального интертекста. «Подрывная» деятельность такого автора состоит в том, что, ускользая от определённой

позиции, он демистифицирует иллюзию онтологического наличия властного порядка и посредством этого парадоксально утверждает себя в качестве субъекта художественного семиозиса, пусть и не обладающего мнимыми с точки зрения современной семиотической антропологии привилегиями автора. Можно сказать, что научная рефлексия приводит к декларации новой эстетики, антропологические и иные последствия которой тотально присутствуют в искусстве, начиная с 60-х годов XX века.

Таким образом, в контексте семиотики искусства наблюдается критика и трансформация антропологических концептов, коррелятивная общефилософским парадигмам структурализма и постструктурализма. Процесс анализа антропологических феноменов движется от синтактико-семантической аннигиляции фигур автора/читателя и связанных с ними понятий свободы творчества и т. п. к прагматической коррекции тех же концептов, демонстрирующей своеобразные «субституты» романтической эстетики и, в некоторой степени, антропологическую тенденцию позитивно-проективного типа.

«*After-postmodernism*»: «реконструкция» антропологических феноменов. Термин «*after-postmodernism*» используется для обозначения новейших тенденций постмодернистской философии и концептуально соответствует его интерпретации, представленной в энциклопедии «Постмодернизм»: «*after-postmodernism* – современная (поздняя) версия постмодернистской философии – в отличие от постмодернистской классики деконструктивизма <...>» [16, с. 8].

Различение постструктуралистской и постмодернистской философии представляет собой хорошо известную проблему. Не вдаваясь в подробности перечисления решений этой проблемы, остановимся на интерпретации, в соответствии с которой в названии постструктурализм подчёркивается диалектическая связь со структуралистской философской программой, тогда как употребление слова «постмодернизм» вводит более широкий контекст, ассоциируемый с постнеклассической философией [см.: 15, с. 601, 618]. Автор статьи «*After-postmodernism*» М. А. Можейко подчёркивает, что «версия» позднего постмодернизма направлена на производство программ преодоления кризиса идентификации, который ранее был репрезентирован посредством анализа постструктуралистской критики концептов человека, личности, автора. М. А. Можейко выделяет два типа таких программ: неоклассицизм – возврат утраченных значений (М. Готдингер, Дж. Уард); коммуникативистская стратегия, представленная трансцендентальной семиотикой К.-О. Апеля.

Выражая солидарность с обозначенной точкой зрения, мы хотели бы подчеркнуть в феномене «*after-postmodernism*» упомянутое вначале противопоставление деконструктивистской форме дискурса, то есть попытку выработки собственно «позитивной» философской установки, не отменяющей при этом необходимости критической саморефлексии. Что же касается тематически-персональной перспективы (в смысле отнесения к рассматриваемому феномену конкретных философских позиций/программ), то мы хотели бы и дополнить, и акцентировать определённые контексты.

Помимо упомянутых ранее философских позиций хотелось бы подчеркнуть два дополнительных контекста. Во-первых, это саморефлексия философов, принадлежавших к постструктуралистскому движению – Р. Барта, Ж. Деррида. Ранее упоминалось, что бунтарский (хотя и смягчённый семиотическим академизмом) характер постструктуралистского дискурса имплицировал появление концептов, на первый взгляд отрицающих антропологическую тематику (скриптор, деконструкция), но на деле потенциально содержащих в себе антропологические коннотации. В более поздний период Ж. Деррида стал заниматься изучением эффектов субъекта, производимых структурой текста. Подобный интерес породил множество мысленных экспериментов в виде работ на стыке философской рефлексии, научного анализа и художественной формы [см.: 9]. Такие эксперименты характерны и для Р. Барта, который в конце жизни и вовсе обратился к чисто эссеистической форме, включающей фрагменты феноменологии, семиотики, литературы [см.: 4]. Эти тексты не сформировали неоклассического субъекта и не нашли решения проблем трансцендентальной прагматики, но *de facto* продемонстрировали «посткритическую» форму постмодернистского дискурса: способность писать тексты с идентифицируемым «авторским» стилем, хотя и принадлежащие к общей парадигме. Это лишний раз позволяет занять позицию герменевтики подозрительности и высказать суждение о том, что постмодернизм имел свою демистифицирующую фазу, направленную против стандартизированного понимания классической философии, и свою квазипозитивную фазу, представленную не в трансформации движения в целом (что допустимо только в метафизике академических учебников), но в дискурсе конкретных мыслителей, осуществивших трансгрессию дискурса.

Во-вторых, речь идёт о позиции, репрезентацией которой может служить фигура У. Эко [см.: 23]. Он, как известно, никогда не примыкал к онтологическому структурализму, считая, что структура – это теоретическая модель, положенная в основу гипотетико-дедуктивной процедуры. К тому же он представляет образец философа/учёного, изначально в своих семиотических постро-

ениях опиравшегося на семиотическую линию Пирса-Морриса и пытавшегося согласовать её как с семиологией Ф. де Соссюра, так и с теорией коммуникации. Исходный прагматический уклон и осторожный академический тон дискурса итальянского философа никогда не приводили его к аннигиляции антропологических феноменов. Более того, большинство его работ посвящено не просто описанию структуры социокультурных феноменов, но проблемам их интерпретации, рассмотренным в коммуникативном аспекте. Период 60-х годов XX века, отмеченный бунтарскими настроениями, У. Эко встретил введением концепта семиотического идиолекта, легко экстраполируемого за пределы собственно сферы искусства. Это понятие помимо прочего подчёркивает индивидуальный характер семиозиса. И вообще выявление структурных кодифицированных элементов социокультурных феноменов, по У. Эко, способно дать возможность «от противного» вычислить персонально-личностный вклад субъекта. Хотя при этом У. Эко никогда не воспроизводил ни классического, ни романтического концептов человека. Что же касается современного этапа постмодернистской философии, то У. Эко одним из первых выступил за проект установления границ интерпретации, базирующийся на его идеях 60-х годов, не предусматривающих, тем не менее, реконструкции прозрачной референции как в программе неоклассицизма.

Таким образом, можно сказать, что у программ реконструкции антропологических концептов были свои предшественники. И, если сторонники неоклассицизма и «коммуникативистики» могут быть отнесены к поздним метатеоретикам постмодернизма, то предшественники демонстрируют и саморефлексию радикального деконструктивизма, и постепенную аналитическую работу, лишённую радикальных выпадов и приводящую к хорошо аргументированным трансформациям антропологических универсалий, которые можно продолжить и довести до логического конца, не взывая к воскрешению субъекта. При этом для современного состояния постмодернистской антропологии характерен акцент на прагматике семиозиса, как правило, эксплицитно отсылающий к семиотической программе Ч. С. Пирса – будь то К.-О. Апель или У. Эко. В целом, это приводит либо к смягчению антропологического экстремизма, либо, в большинстве случаев, – к конструированию концептуальных положений, открыто оперирующих антропологическим понятиями, хотя и интерпретированными в современном общепризнанном и культурологическом контекстах, что является вполне объяснимым и закономерным в ситуации изменения культурной парадигмы.

Философско-антропологические обобщения современной семиотики искусства. В контексте тенденций, характерных для состояния постмодернистского философского дискурса, номинированного как «after-postmodernism», современная семиотика искусства обнаруживает процесс актуализации ранее отмеченных позитивных потенциалов. Причём, как и в случае с ситуацией «after-postmodernism», здесь также можно выделить «предшественников».

В качестве таковых можно отметить Р. Барта, Ю. Кристеву, У. Эко. Особое внимание следует уделить последнему в силу тех «позитивных» коннотаций мысли, о которых было сказано ранее. Но прежде отметим, что для всех характерна некая апология авангарда, важность которой станет ясной по ходу изложения материала.

В работе У. Эко «Отсутствующая структура. Введение в семиологию» [23], рассматривающей проблему соотношения онтологического и методологического структурализма и провоцирующей переход к постструктуралистским позициям, содержится раздел, в котором подводятся итоги многолетних исследований итальянского философа и учёного, посвящённых изучению эстетических феноменов. Используя строгую терминологию семиотики и теории коммуникации, У. Эко вводит в качестве научной интерпретанты понятия искусства термин «эстетическое сообщение». Его трактовка связана с общефилософской позицией учёного: пониманием культуры как совокупности способов кодирования информации. При этом разграничиваются коды и лексикодеды. Первые представляют собой перечень символов, правил их комбинирования и соотношения с определёнными значениями, типичный для некоторого сообщества. Вторые рассматриваются как вариации первых, формирующие коннотации, знакомые лишь части индивидов, входящих в сообщество. В этом смысле У. Эко демонстрирует изначальную ориентацию на прагматику, что подразумевает учёт деятельности субъекта. Если происходит такая фундаментальная переработка кода/лексикодеды, при которой правила передачи сообщения уникальны, то вводится понятие идиолекта. Эстетическое сообщение представляет собой вариант идиолекта и заключается в такой структуризации семиозиса, которая заставляет реципиента сместить внимание с референции на сам способ передачи. Но, чтобы отграничить собственно эстетический идиолект от неэстетического, У. Эко подчёркивает, что новация кода должна распространяться на все уровни передачи, начиная от уровня физических носителей (цвет, тембр и т.п.) и заканчивая уровнем идеологических ожиданий. Именно самый «простой» уровень задаёт структуру всем остальным, что приводит к их глобальному изоморфизму. Так образуется «идиолект произведения искусства» [23, с. 105]. Такой идиолект, разумеется, подразумевает наличие автора, хотя и не обладающего автономией классического субъекта. Автор существует в контексте мировой культуры, представленном множеством кодов, его сознание опосредовано правилами языка и т. п. Со всем этим У. Эко согласен, более то-

го, многие из этих постмодернистских концептов он сам и инициировал. Но для учёного этап деконструкции всего лишь демистификация мифа о свободе, мешающего творческим процедурам. Пояснение структуры эстетического семиозиса помогает автору рефлексивно относиться к своему тексту, а читателю - искать подлинные новации, для чего необходимо знание семиотических клише. Нетрудно усмотреть в таком описании эстетического идиолекта дань уважения авангарду. Действительно, У. Эко был сторонником такого типа искусства и участвовал в эстетическом движении 50-х-60-х годов XX века, отстаивая идеи атональной музыки, нефигуративной живописи и т. п. При этом ему был присущ постмодернистский тон: утверждения о том, что автор опирается на коды, пытается особым образом сочетать их, провоцирует читателя открытой логикой означающих. Читатель наполняет текст смыслом исходя из ассоциативно возникших аппликаций структуры дискурса на предметную область. Количество прочтений бесконечно, и ни одно нельзя считать истинным. Но У. Эко говорит о соблюдении границ интерпретации, навязываемых текстом благодаря его уникальному формальному ритму, рисунок которого читатель не в состоянии проигнорировать, не потеряв эффекта «связности» дискурса. Интерпретация строится как диалектическое напряжение между структурой текста и его семантическими проекциями, не имеющими строгих ограничений. Здесь обнаруживается прямой путь к феномену игры, на котором построено искусство постмодерна.

В 80-е годы У. Эко и стал одной из центральных фигур постмодернистской философии и литературы. Это было связано как с тем, что авангард, казалось, исчерпал коммуникативные возможности, придя к эффекту семантического шума, так и с тем, что массовая культура, к которой семиологи искусства всегда испытывали особый интерес, связанный с выявлением семиотических клише, перешла к тотальной экспансии вследствие развития средств массовой информации и идеологии постиндустриальной цивилизации. Постмодернистский дискурс стал для У. Эко и других эстетиков и художников своеобразной модификацией искусства авангарда. В этом отношении идеи Р. Барта и Ю. Кристевой об авторе-скрипторе, пересмешнике культурных кодов, приобрели в искусстве 80-х годов новые коннотации. Они, как и концепты У. Эко, стали основой формирования «критического» автора/читателя, противопоставленного пассивному потребителю массовой культуры. При этом такой критический автор/читатель может использовать все исторические коды и коды массовой культуры в целях их рефлексии и критики, что провоцирует появление метаязыка и, соответственно, подразумевает «рост сознания» субъекта эстетического семиозиса. Гипертрофией этого становится своеобразная коммуникативистская утопия, подразумевающая наличие некоего «сообщества» индивидов, каждый из которых формирует своё личностное начало посредством усвоения и переработки множества разнородных текстовых объектов, именно множество которых в контексте деконструкции метафизики искусства снимает разговор о наличии единого порядка и провоцирует индивида занять активную, хотя и ироническую, позицию по отношению к дискурсивным практикам. Так тенденциозность новой формы искусства имплицитно антропологические коннотации некоего квази-Просвещения.

В этом отношении показательна точка зрения американского постмодерниста-прагматика Р. Рорти, выраженная в программной статье «От религии через философию к литературе: путь западных интеллектуалов» [17]. Судя по названию, ясно, что Рорти, пародируя контовское учение, указывает на позитивность современной стадии культурного развития, связанной с вытеснением литературой (искусством) религиозного и философского типов дискурса. Последние объединяются посредством наличия некоей «искупительной истины» - финальной интерпретанты, претендующей на универсальное и окончательное понимание смысла человеческого существования. В отличие от них литература предлагает ряд разнообразных интерпретаций, и «литературный интеллигент», посещающий театры и музеи и читающий *много* книг, осознаёт относительность/субъективность «искупительных истин». Это провоцирует формирование собственной рефлексивности и скепсиса по отношению к любому стереотипу, который касается культурных феноменов. Рорти пишет: «<...> смысл чтения многих разных книг заключается в том, чтобы узнать о существовании многих разных целей и смыслов жизни, - и через это знание стать автономной личностью <...>. <...> безграничное расширение пределов человеческого воображения будет играть ту роль, которую покорность божественной воле играла в религиозной культуре, а открытие реальной реальности - в культуре философской» [17, с. 31, 41]. Таким образом, искусство начинает играть роль основы современной антропологической культуры, а современная семиотика искусства посредством анализа специфики классического и постмодернистского искусства выражает претензии на философско-антропологические обобщения, которые являются не только спецификациями общеполитических позиций постмодернизма, но и концептами, используемыми философами для построения мировоззренческой концепции.

Что касается переднего края современности - начала XXI века, то в качестве симптоматического знака можно отметить программную антологию «Семиотика и Авангард», составители и авторы которой [см.: 18, 20, 21, 22] выражают ведущую направленность семиотики искусства,

усиливающую указанные ранее тенденции. Речь идёт о «человекоразмерности» семиотики: изучении феноменов сознания автора, творческой деятельности, проблем интерпретации. Авторы вновь возвращаются к искусству авангарда, изучая как тексты, принадлежащие его «классикам», так и новейшие произведения, хотя и находящиеся в контексте постмодернистской культуры, но, при учёте этого контекста, направленные на инновации в области структур языка. Именно авангард, симпатию к которому можно наблюдать практически у всех философов/учёных, принадлежащих к структурализму, постструктурализму и современной версии постмодернизма, оказывается семиотическим объектом, потребность в анализе которого позволяет выработать понятия и методологические концепции, выражающие тенденции «реконструкции» антропологических феноменов. При этом творческий характер авангардной художественной практики сказывается на дискурсе самой семиотики. Мы наблюдаем, как авангард провоцирует семиотические трансформации, а они, в свою очередь, воздействуют на авангард. В этом отношении можно сказать, что ни одна гуманитарная дисциплина в истории науки/философии не имела настолько тесной диалектической связи со своим объектом. Также нельзя не заметить, что большинство исследователей, представленных в этой антологии, вновь демонстрируют обращение к семиотической теории Ч. С. Пирса, что указывает на не раз фигурировавшее замечание о том, что акцент на лингвoseмиотической модели Ф. де Соссюра во многом сказался на «деантропологизации» начальной стадии семиотики искусства и, в целом, философского дискурса постмодернизма. Но кроме пирсовских идей следует отметить наброски «глубинной семиотики» В. В. Фещенко [см.: 22], в которой автор обращается к наследию русской семиотики – концепциям А. Белого, Г. Г. Шпета, А. Ф. Лосева и пытается описать творческий процесс художественного семиозиса, используя понятия «внутренний человек», «внутренний язык». Однако процесс такого описания, хотя и задействует концепты русской семиотики, вряд ли был бы возможен без контекста семиотики «внешнего», которая задаёт матрицу поиска возможных внутренних корреляций.

Таким образом, в современной семиотике искусства мы видим постепенное усиление антропологических тенденций, заложенных ещё в постструктуралистской критике антропологических универсалий, – движение от описания эстетического идиолекта через становление игровой личности и поисков её автономии в контексте культуры постмодерна к попыткам конструирования концептов творчества автора художественного семиозиса. Естественно, что эти тенденции не означают восстановления интерпретанта человека, автора, читателя, характерных для предыдущих форм антропологической мысли, но обозначают переход к новой антропологии, опосредованной семиотически артикулированной критикой данных феноменов.

Список литературы

1. Барт, Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов / Р. Барт; пер. с фр. Г. К. Косикова // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Сост. Г.К. Косиков. - М.: Прогресс, 2000. - С. 196-238.
2. Барт, Р. Критика и истина / Р. Барт; пер. с фр. Г.К. Косикова // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв. Трактаты, статьи, эссе / Сост., общ. ред. Г.К.Косикова. - М.: Изд-во МГУ, 1987. - С. 349-386.
3. Барт, Р. Смерть автора / Р. Барт; пер. с фр. Г.К. Косикова // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Сост., общ. ред. Г.К. Косикова. - М.: Прогресс, 1989. - С. 384-391.
4. Барт, Р. Camera Lucida: Комментарий к фотографии / Р. Барт; пер. с фр. М. Рыклина. - М.: Ad Marginem, 1997. - 224 с.
5. Бремон, К. Структурное изучение повествовательных текстов после В.Проппа / К. Бремон; пер. с фр. Г. К. Косикова // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. - М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. - С. 472-479.
6. Греймас, А.-Ж. В поисках трансформационных моделей / А.-Ж. Греймас; пер. с фр. Г.К. Косикова // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Сост. Г.К. Косиков. - М.: Прогресс, 2000. - С. 171-195.
7. Греймас, А.-Ж. Размышления об актантных моделях / А.-Ж. Греймас; пер. с фр. Г.К. Косикова // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Сост. Г.К. Косиков. - М.: Прогресс, 2000. - С.153-170.
8. Деррида, Ж. О грамматологии / Ж. Деррида; пер. с фр. Н. С. Автономовой. – М.: Ad Marginem, 2000. – 512 с.
9. Деррида, Ж. О почтовой открытке от Сократа до Фрейда и не только / Ж. Деррида; пер. с фр. Г.А. Михалкович. - Мн.: Современный литератор, 1999. – 832 с.
10. Деррида, Ж. Письмо и различие / Ж. Деррида; пер. с фр. Д.Ю. Кралечкина. - М.: Академический проект, 2000. – 495 с.
11. Ильин, И.П. Постмодернизм: словарь терминов / И.П. Ильин. - М.: Интрада, 2001. - 384 с.
12. Косиков, Г.К. «Структура» и/или «текст» (стратегии современной семиотики) / Г.К. Косиков // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Сост. Г.К. Косиков. - М.: Прогресс, 2000. - С. 3-48.

13. Кристева, Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева; пер. с фр. Г.К. Косикова // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Сост. Г.К. Косиков. - М.: Прогресс, 2000. - С. 427-457.
14. Моррис, Ч.У. Основания теории знаков / Ч.У. Моррис; пер. с англ. В.П. Мурат // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. - М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. - С. 45-97.
15. Пирс, Ч.У. Из работы «Элементы логики. *Grammatica speculativa*» / Ч.У. Пирс; пер. с англ. Т.В. Булыгиной, А.Д. Шмелева // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. - М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. - С.165-226.
16. Постмодернизм : энциклопедия / Сост. и науч. ред. А.А. Грицанов, М.А. Можейко. - Мн.: Интерпресссервис; Книжный дом, 2001. - 1040 с.
17. Рорти, Р. От религии через философию к литературе: путь западных интеллектуалов / Р. Рорти; пер. с англ. С.Д. Серебрянова // Вопр. философии. - 2003. - № 3. - С. 30-41.
18. Сироткин, Н. С. О методологии исследования авангардизма или семиотические отношения авангардизма к действительности / Н. С. Сироткин // Семиотика и Авангард: Антология / Ред.-сост. Ю. С. Степанов, Н. А. Фатеева, В. В. Фещенко, Н. С. Сироткин. Под общ. ред. Ю. С. Степанова. - М.: Академический Проект; Культура, 2006. - С. 33-42.
19. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр; пер. с фр. - Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. - 432 с.
20. Степанов, Ю. С. Семиотика, философия, авангард / Ю. С. Степанов // Семиотика и Авангард: Антология / Ред.-сост. Ю. С. Степанов, Н. А. Фатеева, В. В. Фещенко, Н. С. Сироткин. Под общ. ред. Ю. С. Степанова. - М.: Академический Проект; Культура, 2006. - С. 5-32.
21. Фатеева, Н. А. Идентичность личности автора и вариативность форм выражения в текстах авангарда / Н. А. Фатеева // Семиотика и Авангард: Антология / Ред.-сост. Ю. С. Степанов, Н. А. Фатеева, В. В. Фещенко, Н. С. Сироткин. Под общ. ред. Ю. С. Степанова. - М.: Академический Проект; Культура, 2006. - С. 43-53.
22. Фещенко, В. В. Глубинная семиотика: стадии погружения (от «внутреннего человека» - к «человеку авангарда») / В. В. Фещенко // Семиотика и Авангард: Антология / Ред.-сост. Ю. С. Степанов, Н. А. Фатеева, В. В. Фещенко, Н. С. Сироткин. Под общ. ред. Ю. С. Степанова. - М.: Академический Проект; Культура, 2006. - С. 125-150.
23. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко; пер. с итал. В. Г. Резник и А. Г. Погоняйло. - Спб.: Симпозиум, 2006. - 544 с.

УДК 81'322

**ИССЛЕДОВАНИЕ КАТЕГОРИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
НА МАТЕРИАЛЕ КОРПУСНЫХ ДАННЫХ¹
CORPUS-BASED STUDY OF THE CATEGORY OF UNCERTAINTY IN
THE RUSSIAN LANGUAGE**

**В. А. Нуриев
V.A. Nuriev**

Институт языкознания РАН, Россия, 125009, г. Москва, пер. Б. Кисловский, 1

Institute of Linguistics, RAS, 1, B. Kislovsky lane, Moscow, 125009, Russia

E-mail: nurieff.v@gmail.com

Ключевые слова: параллельный корпус, перевод, лингвоспецифичные единицы, контрастивная лингвистика, семантические категории, русский язык, французский язык.

Keywords: parallel corpus, linguospecific units, contrastive linguistics, semantic categories, category of uncertainty, Russian, French.

Аннотация. В статье представлены терминологический аппарат, методология, первые результаты и перспективы исследования показателей неопределенности в русском языке на основе данных параллельного русско-французского подкорпуса Национального Корпуса Русского Языка (НКРЯ). Исследования в области анализа языковой семантики интенсивно развиваются на протяжении последних нескольких десятилетий. В 1990-х гг. была высказана идея о том, что каждый язык оперирует некоторым набором языковых доминант. Согласно Е.В. Падучевой, для русского языка одной из таких доминант является неопределенность. Развивая этот тезис, мы проводим дальнейший анализ и описание семантической категории неопределенности в русском языке. В качестве исследовательского материала используются русско-французские параллельные тексты, входящие в состав НКРЯ, что позволяет привлечь перевод в качестве одного из исследовательских методов и получить принципиально новые научные данные.

Abstract. This article is a position paper that aims to present the research framework and the very first results of a Russian-French parallel corpus-based study. The paper focuses on the category of uncertainty and its markers in Russian compared with French. It finds its roots in the contrastive approach to the studies of language semantics that has been actively developed for the last several decades by many scholars. In the early 1990s, they have got interested in the specific semantic features of a certain language that make it different from other languages. That is how the concept of semantic dominants appeared. Uncertainty is thought to be one of those dominants for the Russian language. The presented investigation is based on this statement. Therefore the main purpose of the study in question is to reveal different kinds of such markers and give their extensive account. Here the corpus-based approach is likely to be the most fruitful, since parallel literary texts in different languages help to see the subtle differences and traits that usually remain hidden in a single language analysis.

1. Введение

Исследования в области анализа языковой семантики интенсивно развиваются на протяжении последних нескольких десятилетий.

В отечественной традиции, с одной стороны, сформировалось направление корпусных исследований русской грамматики (rusgram.ru), с другой – оформилась традиция изучения культурно-специфичной языковой семантики и лингвоспецифичной лексики (ср. работы В.Г. Гака, Ю.Д. Апресяна, В.Ю. Апресян, Н.Д. Арутюновой, И.Б. Левонтиной, Е.В. Падучевой, А.Д. Шмелева и др.). Наряду с ними выделилось относительно новое направление – контрастивные корпусные исследования (ср. труды Д.О. Добровольского, Анны А. Зализняк, А.А. Кретьева, Д.В. Сичинавы и др. [3; 4; 5; 18]), в русле которых и выполняется данная работа.

2. Постановка задачи

В своей статье 1996 г. Е.В. Падучева пишет, что неопределенность составляет одну из «семантических доминант» (термин А. Вежбицкой) русского языка [13]. Это широкая семантическая сфера, значительно разработанная в русском языке по сравнению с языками других групп. В отличие от языков Западной Европы, в русском языке отсутствует грамматическая категория определенности / неопределенности, а также неопределенные местоимения-существительные, соответствующие английскому *one*, французскому *on*, немецкому *man*. Между тем, русские показатели неопределенности образуют разветвленную систему, позволяющую передавать тонкие смысловые различия, в других языках трудно выражимые. Особое место в этой системе занимает отдельный

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 14-06-31358 мол_а.

класс неопределенных местоимений и наречий, который выражает «слабую определенность». Кроме того, имеется обширная группа средств выражения неопределенности субъекта (разнообразные типы безличных, неопределенно-личных и обобщенно-личных предложений).

Представляемое исследование опирается на тезис о неопределенности как одной из «семантических доминант» русского языка. Оно направлено на изучение и описание семантической категории неопределенности посредством анализа средств ее выражения при переводе. Материалом служат тексты, составляющие русско-французский подкорпус НКРЯ.

3. Русские языковые показатели неопределенности и их французские функционально-эквивалентные переводные соответствия

В упоминавшейся выше статье 1996 г. Е.В. Падучева задает структурные параметры модели исследования русских языковых показателей неопределенности, справедливо помещая эту модель в сферу коммуникативного синтаксиса и предлагая адаптированный к ее нуждам терминологический аппарат. Семантика неопределенности необходимо связывается с субъектами речевого действия – первичными и вторичными. Также выделяется значение неопределенности объекта, выражаемое языковыми средствами, значительную долю которых составляют неопределенные местоимения: нереферентные, собственно неопределенные, слабоопределенные. Выявляется неопределенность как пропозициональная установка, когда значение неопределенности распространяется на всю предикацию, а не сконцентрировано в единичном лексическом маркере.

Категория неопределенности в русском языке передается с помощью обширного арсенала средств, каждое из которых имеет свою функциональную нагрузку. Это неопределенные местоимения и наречия типа *какой-нибудь, кто-нибудь, какой-то, кто-то, кое-какой, один, однажды, некоторые, кое-где, некогда* и др., показатели эпистемической модальности *должен, должно быть; вроде (бы); не то ..., то ли... то ли, или; чуть ли не; как будто, как бы; что ли; что-то*; разные типы неопределенно-личных предложений и т.д.

Особенности их употребления с разной степенью детализации приводятся во многих работах (ср. [10, с. 48; 1, с. 172; 2, с. 187-188; 8; 9, с. 119-126; 12; 13; 14, с. 538-543; 15, с. 191; 16, с. 114-115; 17]). Рассматриваемые в качестве примеров контексты, как правило, ограничиваются цитацией классических и современных русскоязычных произведений, что совершенно оправдано целевыми установками. Однако в изучении русских языковых показателей неопределенности представляется весьма интересным и продуктивным контрастивный анализ. Установление, по данным параллельного корпуса, французских соответствий для указанных единиц русского языка позволяет иначе взглянуть на особенности их употребления. Наличие одной и более иноязычных (в данном случае, французских) речевых реакций на определенную стимульную русскую языковую единицу – часть словосочетания, предложения и текста – помогает выявить те ее характеристики, которые остаются незамеченными при рассмотрении одноязычных контекстов. Ситуация сопоставления в данном случае принимает форму нелабораторного (естественного) эксперимента, где в качестве респондентов выступают французские литературные переводчики, работавшие с оригинальным русским текстом (о естественном эксперименте подробнее см. [11]). В этой связи особенно интересно сравнивать варианты перевода одного и того же речевого отрезка, для чего здесь используется поливариантный параллельный русско-французский подкорпус НКРЯ.

В частности, контрастивный анализ помогает установить степень выраженности самого признака неопределенности, закрепленного в значении той или иной языковой единицы, и выявить факторы ослабления / усиления его интенсификации.

Рассмотрим несколько примеров из НКРЯ, где русские речевые отрезки представлены со своими французскими функционально-эквивалентными переводными соответствиями и содержат нереферентное местоимение *какой-нибудь*:

(1) *Предстояло думать о средствах к принятию **каких-нибудь** мер.* [И.А. Гончаров. Обломов (1848-1859)]

*Il fallait donc prendre **des** mesures.* [Ivan Gontcharov. Oblomov (Arthur Adamov 1959)¹]

*Il fallait songer aux moyens de prendre **des** mesures.* [Ivan Gontcharov. Oblomov (Luba Jurgenson 1988)]

(2) *Обломов иногда интересовался **какою-нибудь** новостью, пятиминутным разговором...* [И.А. Гончаров. Обломов (1848-1859)]

*Certes, Oblomov s'intéressait parfois à **une** nouvelle qu'ils lui apportaient, aux brefs propos qu'il échangeait avec eux...* [Ivan Gontcharov. Oblomov (Arthur Adamov 1959)]

*Il arrivait à Oblomov de s'intéresser à **une** nouvelle, de suivre une conversation de cinq minutes...* [Ivan Gontcharov. Oblomov (Luba Jurgenson, 1988)]

¹ В круглых скобках даны имена переводчиков и год издания перевода.

(3) Конечно, недурно заглянуть и в театр и влюбиться в **какую-нибудь** Лидию... она миленькая! [И.А. Гончаров. Обломов (1848-1859)]

*Évidemment, il n'est pas mauvais de jeter de temps en temps un coup d'œil au théâtre, ni même de tomber amoureux d'une **quelconque** Lydia. Elle est mignonne, cette Lydia.* [Ivan Gontcharov. Oblomov (Arthur Adamov)]

*Bien sûr, il n'y a pas de mal à aller une fois ou deux au théâtre, à s'amouracher de **quelque** Lidia... Elle est gentille!* [Ivan Gontcharov. Oblomov (Luba Jurgenson 1988)]

(4) Он долго думал, долго ловил **какую-нибудь** угловатую черту, за которую можно было бы уцепиться... [И.А. Гончаров. Обломов (1848-1859)]

*Il réfléchissait, cherchait à saisir **quelque** trait précis sur lequel il pût avoir prise...* [Ivan Gontcharov. Oblomov (Arthur Adamov 1959)]

*Il réfléchissait longtemps, cherchait longtemps **quelque** trait anguleux à quoi se raccrocher...* [Ivan Gontcharov. Oblomov (Luba Jurgenson 1988)]

(5) Никто не мог сказать, чтобы когда-нибудь видел его на **каком-нибудь** вечере. [Н.В. Гоголь. Шинель (1842)]

*Personne ne pouvait dire qu'il l'avait jamais vu à **une** soirée.* [Nikolaï Gogol. Le Manteau (André Markowicz 2007)]

*Quant à Akaki Akakiévitch, jamais personne ne put dire qu'on l'avait vu à **une** soirée **quelconque**.* [Nikolaï Gogol. Le Manteau (Boris de Schloezer, 1925)]

*Personne ne pouvait affirmer l'avoir croisé un jour dans **une** soirée.* [Nikolaï Gogol. Le Manteau (Bernard Kreise 1998)]

*Personne ne pouvait se souvenir de l'avoir jamais aperçu à une soirée **quelconque**.* [Nikolaï Gogol. Le Manteau (Henri Mongault 1938)]

(6) ...кто на вечер – истратить его в комплиментах **какой-нибудь** смазливой девушке, звезде небольшого чиновного круга... [Н.В. Гоголь. Шинель (1842)]

*...qui, à une soirée – pour la dépenser en compliments à **telle ou telle** jeune fille délurée, étoile d'un cercle restreint de fonctionnaires...* [Nikolaï Gogol. Le Manteau (André Markowicz 2007)]

*...d'autres encore vont à des soirées, où ils dépensent leur temps à faire la cour à **quelque** piquante demoiselle, étoile d'un petit cercle bureaucratique...* [Nikolaï Gogol. Le Manteau (Boris de Schloezer 1925)]

*...d'autres encore se dépensant pour la soirée en compliments à **quelque** ravissante jeune fille, étoile d'un petit cercle de fonctionnaires...* [Nikolaï Gogol. Le Manteau (Bernard Kreise 1998)]

*...celui-là se rend en soirée pour y débiter des compliments à **quelque** piquante jeune fille, étoile d'un petit cénacle d'employés...* [Nikolaï Gogol. Le Manteau (Henri Mongault 1938)]

Не во всех приведенных примерах нереперентное местоимение *какой-нибудь* лексикализуется во французском переводе. В зависимости от целого набора факторов признак неопределенности либо получает переводную реализацию в качестве отдельной лексемы (*quelque, tel ou tel / telle ou telle, quelconque*), в которой закреплено соответствующее значение, либо, снижая интенсификацию и «расщепляясь», грамматикализуется при помощи артикля *un / une / des*.

Неопределенный артикль заменяет местоимение *какой-нибудь*, если в русском предложении оно относится к неодушевленному существительному (пример 1, 2). Когда *какой-нибудь* приобретает дополнительные оттенки значения, становясь частью отрицательного высказывания (пример 5), происходит нагнетание признака неопределенности, что проявляется в переводческих осцилляциях (*une / quelconque*). Дистантное положение по отношению к определяемому слову служит сигналом к обязательной лексикализации в переводе, что свидетельствует о более выраженном значении неопределенности (пример 4).

Определяя одушевленное существительное, *какой-нибудь* в большинстве случаев находит соответствие в форме отдельной лексемы при переводе (пример 6, 3).

Контрастивный анализ демонстрирует, что интенсификация / ослабление признака неопределенности зависит от таких параметров, как синтаксическая позиция маркера неопределенности в предложении, его коммуникативная нагрузка (неопределенность субъекта / объекта) и т.д.

Практически каждый из русских маркеров неопределенности при переводе на французский язык обнаруживает примечательные особенности, неочевидные при анализе только русскоязычных контекстов.

Собственно-неопределенное местоимение *кто-то* в половине случаев не переводится прямым французским аналогом *quelqu'un*¹. Переводчик сообщает ему функцию анафора и пытается в переводе восстановить соответствующий антецедент, выражая неопределенность с помощью грамматических маркеров. В этой связи приведем два примера:

¹ По всей видимости, это происходит из-за того, что употребление *quelqu'un* накладывает определенные ограничения. В ряде ситуаций, обозначая кого-то местоимением *quelqu'un* один из коммуникантов знает, о ком идет речь.

(7) ...или в лесу **кто-то** прогуливается, будто с фонарем, да страшно хохочет... [И.А. Гончаров. Обломов (1848-1859)]

...*Dans la forêt un promeneur muni d'une lanterne riait d'un rire terrible...* [Ivan Gontcharov. Oblomov (Arthur Adamov 1959)]

...ou encore **un être** muni d'une lanterne se promenait dans la forêt, riait aux éclats à faire frémir... [Ivan Gontcharov. Oblomov (Luba Jurgenson 1988)]

(8) Река тоже присмирела; немного погода и в ней вдруг **кто-то** плеснул еще в последний раз, и она стала неподвижна. [И.А. Гончаров. Обломов (1848-1859)]

Et celle-ci s'assagit à son tour: un dernier clapotement, et elle est immobile. [Ivan Gontcharov. Oblomov (Arthur Adamov 1959)]

...*et de la rivière endormie: peu après on y entend un dernier clapotis, puis elle s'immobilise.* [Ivan Gontcharov. Oblomov (Luba Jurgenson 1988)]

В трех из четырех случаев русский показатель неопределенности *кто-то* удаляется из перевода, не получая реализации в качестве полнозначной лексемы (исключение – *un être*), а контактный русский глагол трансформируется во французское существительное (*прогуливаться* – *promeneur*, *плескать* – *clapotement, clapotis*), при котором ставится неопределенный артикль. Весь синтаксический контур французского предложения коренным образом изменяется по сравнению с русским. Примечательно, что в примере 8 второй переводчик вводит дополнительный глагол (*entendre* – *слышать*), иначе выстраивая коммуникативную рамку описываемой ситуации, больше эксплицируя позицию наблюдателя/слушателя. Реконструируя и первую, и вторую ситуацию из примеров 7-8, мы можем заметить, что *кто-то* вводит неопределенность персонажа, но персонажа второстепенного, не несущего дальнейшей функциональной нагрузки в сюжетной развертке. Соответственно признак неопределенности не требует обязательной акцентуации и интенсификации, потому маркируется грамматическими средствами в трех переводных вариантах из четырех. По той же причине при переводе *кто-то плеснул* в обоих случаях нивелируется признак одушевленности, характерный для русского *кто-то*.

Сопоставляя таким образом русские и французские параллельные тексты, можно установить, какие показатели неопределенности являются лингвоспецифичными для русского языка, где французский язык усматривает в русском языке неопределенность и реализует ее, вводя неопределенный артикль и неопределенное местоимение-существительное *on* (не имеющие аналога в русском языке).

4. Дальнейшее направление исследования

Отметим, что приведенные речевые отрезки являются отрывками классических произведений русской литературы. Данное исследование предполагает существенное расширение русско-французского подкорпуса НКРЯ на основе оригинальных текстов и переводов современной художественной литературы (произведения В. Аксенова, С. Алексиевич, А. Солженицына, В. Сорокина, братьев Стругацких, Л. Улицкой и др.). Такое расширение позволит проследить на современном материале, насколько изменяются / усиливаются / удаляются маркеры неопределенности, переходя из русской языковой среды во французскую. Еще одна причина, обосновывающая необходимость расширения русско-французского подкорпуса, заключается в более четкой регламентации деятельности литературного переводчика во Франции за последние тридцать лет. До этого языковые единицы, ответственные за передачу неопределенности, не всегда находили свои соответствия в переводах на французский язык, в отдельных случаях при переводе имели место значительные опущения. Однако сейчас, благодаря более четкой кодификации деятельности литературного переводчика, показатели неопределенности игнорируются значительно реже. Расширение русско-французского подкорпуса НКРЯ даст возможность получить представление о бытовании категории неопределенности не только в языке классических произведений, но и в современных текстах. Также оно позволит проследить, как со временем изменялись переводческие стратегии в отношении одного и того же маркера неопределенности в русском языке.

В ходе исследования предполагается усовершенствовать методику выявления лингвоспецифичных языковых единиц русского языка, разработанную и применяемую авторами монографий: «Ключевые идеи русской языковой картины мира» [6], «Константы и переменные русской языковой картины мира» [7].

Основываясь на анализе параллельного русско-французского корпуса, планируется установить французские функционально-эквивалентные переводные соответствия для русских лингвоспецифичных единиц – показателей неопределенности. Предполагается статистически оценить удельный вес того или иного соответствия среди всего множества переводных вариантов, полученных на одну русскоязычную стимульную единицу. Статистические исследования такого рода на русско-французском корпусном материале еще не проводились, однако их результаты могут иметь

большое значение для контрастивной лингвистики, двуязычной лексикографии, теории и практики перевода.

Для лингвоспецифичных единиц – показателей неопределенности будут фиксироваться и анализироваться случаи отсутствия в параллельных текстах адекватных переводных соответствий и случаи, когда перевод отсутствует.

5. Заключение

Сопоставительное описание специфических черт семантической системы русского языка на основе современных корпусных данных – задача исключительной важности, открывающая значительные перспективы в разработке принципов корпусно-ориентированного сопоставительного исследования языковой семантики. Представленное исследование на последующих этапах позволит инвентаризировать единицы русского языка (лексические, грамматические, конструкционные), выражающие значение неопределенности; уточнить типы значений понятийной категории неопределенности, выражаемых в русском языке, на фоне универсального грамматического набора; теоретически осмыслить полученные результаты как фрагмент корпусной грамматики русского языка и адаптировать их к нуждам двуязычной лексикографии, теории перевода и преподавания.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение. Бытийный тип. – М.: Русский язык, 1983. – 198 с.
2. Былинский К.И., Розенталь Д.Э. Литературное редактирование – М.: Флинта, Наука, 2011. – 400 с.
3. Добровольский Д.О. Корпус параллельных текстов в исследовании лексической семантики // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции Диалог 2004. – М.: Наука, 2004. – С. 179-184.
4. Добровольский Д.О., Кретов А.А., Шаров С.А. Корпус параллельных текстов: архитектура и возможности использования // Национальный корпус русского языка: 2003-2005. – М.: Индрик, 2005. – С. 263-296.
5. Добровольский Д.О. Корпус параллельных текстов в исследовании культурно-специфичной лексики // Национальный корпус русского языка: 2006-2008. – СПб.: Нестор-История, 2009. – С. 383-401.
6. Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 540 с.
7. Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. – М.: Языки славянских культур, 2012. – 696 с.
8. Кузьмина С.М. Семантика и стилистика неопределенных местоимений. В кн.: Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. – М.: Наука, 1989. – С. 158-231.
9. Николаева Т.М. От звука к тексту. – М.: Языки славянской культуры, 2000. – 680 с.
10. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим руководством Апресяна Ю.Д. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 1488 с.
11. Нуриев В.А. Некоторые особенности мысленного эксперимента и его роль при реализации художественного перевода // Ментальность. Коммуникация. Перевод. – М.: ИНИОН РАН, 2008. – С. 141-159
12. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. – М.: Наука, 1985. – 272 с.
13. Падучева Е.В. Неопределенность как семантическая доминанта русской языковой картины мира [Электронный ресурс] / Падучева Е.В., 1996. Режим доступа: http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf/dominanta1_1996.pdf
14. Падучева Е.В. Статьи разных лет. – М.: Языки славянской культуры, 2009. – 736 с.
15. Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. В 2 томах. Том 1 – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 568 с.
16. Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 624 с.
17. Шмелев А.Д. Парадоксы идентификации. В кн.: Тожество и подобие. Сравнение и идентификация. – М.: Наука, 1990. – С. 33-51.
18. Loiseau S., Sitchinava D.V., Zalizniak Anna A., Zatsman I.M. Information Technologies for Creating the Database of Equivalent Verbal Forms in the Russian-French Multivariant Parallel Corpus // Информатика и ее применения, 2013. Том 7, вып. 2. – С. 100-109.

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.161.1

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ МЕЖДОМЕТИЙ В КИТАЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ SYNTACTIC FUNCTIONS OF INTERJECTIONS IN CHINESE AND RUSSIAN

Ван Синсинь
Wang Xingxin

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, 308015,
г. Белгород, ул. Победы, 85*

Belgorod National Research University, 85, Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: wangxingxin250024@yandex.ru

Ключевые слова: функции, междометие, синтаксис, китайский, русский, язык.
Keywords: function, interjection, syntax, Chinese, Russian, language.

Аннотация. В статье анализируются синтаксические функции междометий в китайском и русском языках, а также рассматриваются их сходства и различия. Актуальность проблемы лежит как в плоскости теоретической лингвистики, так и в плоскости практического применения языка. Знание о специфике функциональных свойств китайских и русских междометий дает возможность произвести более качественный перевод с одного языка на другой, а синтаксические особенности китайских междометий, выявленные в статье, помогут изучающим китайский язык понять роль междометия в предложении. Важная роль в анализе междометий отводится сравнению свойств синтаксической функциональности исследуемых единиц на примере отрывков из литературных произведений.

Abstract. The article analyzes the syntactic functions of interjections in Chinese and Russian, as well as discussed their similarities and differences. The urgency of the problem lies in the plane of theoretical linguistics, and in the plane of the practical application of the language. Knowledge of the specifics of the functional properties of Chinese and Russian interjections makes it possible to produce a high-quality translation from one language to another, and syntactic features of Chinese interjections identified in the article will help to learn Chinese to understand the role of interjections in the sentence. An important role in the analysis is given interjections than syntactic properties of functional units examined on the example of excerpts from literary works.

Введение

Актуальность сравнительно-сопоставительного анализа китайских и русских междометий лежит как в плоскости теоретической лингвистики, так и в плоскости практического применения языка. Знание о функционале китайских междометий, а также определение их сходств и отличий от русских междометий дает возможность произвести более качественный перевод с одного языка на другой, синтаксические же особенности китайских междометий помогут изучающим китайский язык понять роль междометия в предложении. Важная роль, на наш взгляд, должна отводиться и выявлению сравнительных функциональных характеристик русских и китайских междометий в художественном тексте, обусловленных статусными характеристиками междометий как частей речи в китайском и русском языках.

Основная часть

В китайском языке междометия фактически не определяют принципы моделирования предложения, однако некоторые специфические функциональные характеристики междометий оказывают косвенное влияние на построение конструкции. В этом плане выделяются три основные синтаксические функции китайских междометий:

1. Междометия в китайском языке могут образовывать отдельные предложения. Подобные предложения как правило встречаются в речевых диалогах и по своим функциональным характеристикам могут быть как повествовательными, так и вопросительными. Кроме того, данные пред-

ложения в большинстве своем эмоционально насыщены, при этом сами междометия лексически задают типологические параметры предложения, вводя последнее в разряд восклицательных. Когда междометие выступает в роли самостоятельного предложения, оно может выполнять в китайском языке практически все синтаксические функции. Помимо этого, подобные междометия имеют независимые тональные характеристики – определяют тональность китайского предложения, а с семантической точки зрения – выражают относительно полное значение. Например:

— 我的好孩子，别打岔，你真的准备跟你妈妈回上海么？(wo de hao hai zi, bie da cha, ni zhen de zhun bei gen ni ma ma hui shang hai me?)

— 嗯！(en!) — Дорогой, не перебивай, вы действительно готовы с мамой отправиться обратно в Шанхай? — **Эн!**

哈！哈！你相信了？(ha! ha! ni xiang xin le?) — Ха! Ха! Ты поверил в это?

— 我说的话他都听见了吗？(wo shuo de hua ta dou ting jian le ma?)

— 嘘！(xu!) — он все услышал, что я сказала? — **Сюй!**

“嘻！”另一块石头忍不住，出声笑了 (“xi!” lin yi kuai shi tou ren bu zhu, chu sheng xiao le) — “Хи!” Другой кусок камня не мог выдержаться за смеялась (叶圣陶《古代英雄的石像》E Шэнтао “Статуя героя в древности”).

Китайские междометия занимают относительно стабильную позицию в составе предложения. Подавляющее большинство междометий употребляются в начале конструкции, а реже – в середине и крайне редко междометия встречаются в конце китайского предложения. Обычно междометия выделяются восклицательным знаком или запятой, это унаследовано от традиций древнего китайского языка.

Известный лингвист Ма Цзяньчжун в своей работе «Ма ши вэнь тун», определяя положение междометия в синтаксической структуре предложения, писал, что междометие – это эмоциональное восклицание человека, поэтому его позиция не зависит от порядка слов в конструкции [1, с. 23].

Например:

哈，还真不简单。(ha, hai zhen bu jian dan.) — **Ха**, не просто так.

啊？你说什么？(a? ni shuo shen me?) — **А?** Что ты сказал?

啧啧，你的衣服真好看！(ze, ze, ni de yi fu zhen hao kan) — **Джэ, Джэ**, твоя одежда очень красивая!

我们这儿，哈，就属你最聪明。(wo men zher, ha, jiu shuo ni zui cong ming) — Среди нас, **ха**, ты самый умный.

饥寒交迫，哎！— 什么时候才有好转呢？(ji han jiao po, ai! shen me shi hou cai you hao zhuan ne?) — Страдать от голода и холода, **эй!** — когда это стало к лучшему?

亲爱的，哎，这也是没有办法的办法呀。(qin ai de, ai, zhe ye shi mei you ban fa de ban fa ya.) — Дорогая, **эй**, у нас нет другого выхода.

又到了周一了，唉！(you dao le zhou yi le, ai!) — Опять понедельник, **эй!**

你走运了，哼！(ni zou yun le, heng!) — Тебе везет, **хен!**

我怎么会碰到你这样的无赖，呸！(wo zen me hui pen dao ni zhe yang de wu lai, pei!) — Почему я встретил такого хулигана как ты, **пэй!**

2. Междометие может использоваться в китайском предложении в качестве вводного слова, а также может стать частью структуры предложения, для того чтобы автор мог выразить собственную эмоциональную оценку относительно предмета разговора.

Например, в русском языке в предложении *Вон та средняя, ух, прытка в работе* междометие **ух** отделяется от основной структуры предложения интонационно. Грамматических оснований для такого отделения нет, поскольку междометие не выполняет функцию вводного слова. В китайском же предложении 即使我就算把韩国卖了，唉，我是卖了一笔大价钱的啦。(ji shi wo jiu suan ba han guo tai le, ai, wo shi tai le yi bi da jia qian de la.) (Даже если бы я продавал Корею, эй, я бы и то продал за большую цену (郭沫若 Го Можо)) междометие **эй** выполняет функцию грамматически вводного элемента, поэтому в основе выделения данного элемента – не только интонационные, но и грамматические основания.

3. В китайском языке междометие является достаточно гибким синтаксическим элементом и может использоваться в составе предложения на правах члена структуры. Несмотря на то, что китайские междометия могут использоваться как самостоятельные члены предложения, те междометия, которые выполняют функцию подражания голосу говорящего, способны выполнять функцию обстоятельства, определения или сказуемого.

Конкретизируем сказанное:

А. Междометие в китайском языке может выполнять функцию глагола-сказуемого. Это, в основном, относится к междометиям, занимающим позицию в центре предложения, и связано с син-

таксическими особенностями китайского глагола. Отметим, что предикатно-сказуемая функция – это наиболее распространенная в составе предложения функция китайских междометий. Например:

...她笑了起来吓了一口要走。(ta xiao le qi lai pei le yi kou yao zou) — ... Она засмеялась **тьфу** и хотела уйти. (李劫人 Ли Цзежен)

我哼了一声，心里终究有一丝遗憾，没有见着隔壁的房客。(wo hen le yi sheng, xin li zhong jiu you yi si yi han, mei jian zhe ge bi de fang ke) — Я **фыркнул**, в душе все же не было ни малейшего сожаления, что я не видел соседнего жителя. (《隔壁的房客》 Соседний жилец)

Б. Междометие в предложении выполняет функцию обстоятельства. Например:

蔡大嫂也啧啧赞道好鲜。(cai da sao ye ze ze zan dao hao xian.) — Тетя Цай тоже **цэ-цэ** хвалила очень вкусно. (李劫人 Ли Дежен)

黑氏吓地吐一口，将他揪出店门，门也随之关个严实。(hei shi pei di tu yi kou, jiang ta xian chu dian men, men ye zui zhi guan ge yan shi.) — Женщина Хей наплевала **тьфу**, и выгнала его из магазина, дверь также плотно закрыла. (《天狗》 небесный пёс)

В. Междометие в китайском предложении может выполнять функцию дополнения. Данная функция междометия является менее распространенной в китайском языке. В подобных случаях междометие используется как дополнительный конкретизатор сказуемого – обстоятельство состояния:

刘东方又惊又喜，一连声说“哦”!(liu dong fang you jing you xi, yi lian sheng shuo “o”!) — Лю Донгфан была приятно удивлена, несколько раз сказала **о**!

鸿渐惊疑得忍不住叫“噢”全想来这就是赵辛媚信上所说的“要事”了。(hong zhan jing yi de ren zhu bu jiao “yi” quan xiang lai zhe jiu shi zhao xin mei xin shang suo shuo de “yao shi” le.) — Хонг Цзянь удивленно вскричал **Ий** и все вспоминал, было ли это “чем-то важным”, о чем Чжао Синьмэй говорила в письме.

Г. Междометие в китайском языке может выполнять функцию постпозиционного определения сказуемого. Однако при этом отметим, что данная функция междометия используется в китайском предложении крайне редко:

她吓得“啊”了一声。(ta xia de “a” le yi sheng.) — Она испугалась, **ах**.

小明突然肚子痛，痛得直哎哟。(xiao ming tu ran du zi teng, teng de zhi ai you) — Сяомин, внезапно почувствовав боль в животе, закричал от боли **эйю**.

Д. Междометие способно выполнять в китайском предложении функцию определения:

听到我的一声高声的“啊”的应声之后，她就涨红了脸，撒开了手，大笑着跑了。(ting dao wo de yi sheng gao sheng de “a” de ying sheng zhi hou, ta jiu zhang hong le lian, cai kai le shou, da xiao zhe pao le.) — После того, как она услышала мой крик громкий «а», она покраснела, сделала бросок рук, убежала от смеха. (郁达夫 Ю дафу)

“啊，我不看重这些。”杨子淡的“哈”一声，包含着深深的感叹。(“a, wo bu kan zhong zhe xie.” Yang zi dan de “qiang” yi sheng, bao han zhe shen shen de gan tan.) — **А**, я не ценю это”. Ян **захлебнулся**, глубоко восклицая.

Еще одной синтаксической особенностью китайских междометий является то, что для усиления стилистического эффекта нередко используется редупликация. Однако междометия могут повторяться только полностью, то есть если междометие состоит из двух иероглифов, то повторяются всегда оба иероглифа, графически обозначающие междометия. Например:

哎呀，哎呀！真疼呀！(ai ya, ai ya! zhen teng ya!) — **Эйя, эйя!** Слишком больно!

哇塞！哇塞！这里真的很漂亮！(wa sai! wa sai! zhe li zhen de hen piao liang!) — **Васай! Васай!** Какие красивые места!

Мнения лингвистов относительно синтаксических функций междометий расходятся и пока нет однозначного определения грамматической природы рассматриваемых компонентов. Следует сказать, что наиболее тщательно вопрос о синтаксической функции междометия был разработан в работе «Синтаксис русского языка» академика А. А. Шахматова, в которой впервые была предпринята попытка всесторонне осветить проблему русских междометий с грамматической точки зрения [2, с. 85-86]. Шахматовым была внесена некоторая ясность в синтаксическую природу междометий. Для этого ученый наметил внутри класса междометий отдельные группы, а также занялся изучением различных типов междометных предложений. А.А. Шахматовым допускалось, что междометия могут быть синтаксическим центром предложения, а также подчеркивалась близость междометий к классу глаголов. Обосновывалось это характерным для русского языка употреблением междометий в роли эквивалентов глагола

Говоря о синтаксической функции междометия в русском языке, следует упомянуть издание «Русская грамматика» (1980), в котором междометия определяются как класс неизменяемых слов, служащих для нерасчлененного выражения чувств, ощущений, душевных состояний и дру-

гих (часто произвольных) эмоциональных и эмоционально-волевых реакций на окружающую действительность [3, с. 732]. В русском языке к основным синтаксическим особенностям междометий следует отнести то, что в составе предложения данные компоненты функционируют относительно обособленно от других слов. Кроме того, русские междометия способны выступать в роли самостоятельных модально окрашенных предложений.

Например:

Мы с Камий вздыхаем "ах!" – и одновременно тянемся к остаткам своей шоколадки (К. Метелица);

Кузнечик заморгал, оглушенный словами Седого: – Ой! – опустив голову, он с благоговейным страхом посмотрел на то, что выглядело, как безобидный бугорок под майкой (М. Петросян);

От удивления мог произнести только один звук: "О!" (А. Куприн);

"Эхма!" – презрительно воскликнул Лунев (М. Горький).

Одна из самых продуктивных функций междометий как в китайском, так и в русском языках – это функция репрезентации субъективно-модального значения.

Данная функция выполняется двумя способами.

Первый способ не характерен для русского языка, однако проявляет себя в китайском языке и сфокусирован на выполнении междометием функции вводного слова в составе предложения. Способность междометия выступать в роли вводного слова проявляется в китайском языке достаточно редко и ставит авторской целью акцентуализацию авторской точки зрения, наслаивание авторского взгляда на событие:

这真是太过分了，这太岂有此理啦! (zhe zhen shi tai guo fen le, zhe tai qi you ci li le!) – Вот уж действительно, это уже слишком!

唉，我当大姐的，只能剩这么点儿了。(ai, wo zhe dang da jie de, zhi neng sheng zhe me dian er le) – Эй, я же старшая сестра, мне остаётся только надеется на лучшее;

嗨，又是一年过去了!(hai, you shi yi nian guo qu le) – Хай, еще один год прошел!

丁宝：嗨，掌柜的，我来啦!(ding bao: hai, zhang gui de, wo lai la!) – Дин Бао: Хай, хозяин, я пришёл! (老舍 Лао Шэ 《茶馆》 Чайная);

于大璋：嗯，现在还能作副科长，也总算不容易!(yu da zhang: en, xian zai hai neng zuo fu ke zhang, ye zong suan bu rong yi!) – Юй Дажан: Ен, теперь, когда я стал заместителем начальника отдела, я понял, что это не так легко (老舍 Лао Шэ 《春华秋实》 весной цветы, осенью – плоды).

Второй способ продуктивно применяется и в китайском, и в русском языках. Он предполагает введение в структуру предложения преимущественно первообразных эмоциональных междометий. Суть данного способа заключается в том, что модальная семантика междометия интегрируется в общее значение предложения, а само междометие оказывает корректирующее влияние на смысл предложения в целом (Ср. русск.: **Ах** годы-годы; **Ах** как приятно!; **Ах** как жалко!; **Ох** и красота!; **Ах** она змея!; **Ох** уж эти мне родственники!; **Ох** как стыдно!; **Ой** как кольнуло!; **Эх** ты житье-бытье!; **Эх** и песня!; **Вишь**, как ругается! и кит.: 哎呀，太晚了! (ai ya, tai wan le!) – Эйя, слишком поздно! 嗨哟，加油呀! (hai you, jia you ya!) – Хайю, вперед! 天哪，真快! (tian na, zhen kuai!) – Черт возьми, очень быстро! 乖乖外边真冷! (guāiguāi, wàibian zhēn lěng) – Ой, до чего же холодно на улице!).

Еще одной важной, идентичной выполняемой китайским междометием функцией русского междометия является функция интенсификации. Суть данной функции – в усилении междометием качественного или количественного признака, который выражен какой-либо знаменательной частью речи. При выполнении междометием акцентирующей функции междометие либо помещается в контактную позицию непосредственно перед словом, обозначающим собственно признак (**У!** какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль! (Н. Гоголь); **У!** какая образина! Волосы - щетина, очи – как у вола (Н. Гоголь); Сквозь любезность прокрадывалась **ух** какая юркая прыть женского характера! (Н. Гоголь)), либо выносится в синтаксическую позицию придаточной части сложного предложения (*В старину свадьба водилась не в сравнение нашей. Тетка моего деда, бывало, рассказет – люли только! (Н. Гоголь); Вот и прошлый год был такой неурожай, что **боже храни!** (Н. Гоголь); Так спешим, что **на-поди!** (И. Никитин).*)

Еще одной функцией междометия в русском языке, сопоставимой с аналогичной функцией китайского междометия, является возможность в некоторых случаях проявлять себя в роли члена предложения. Однако данную функцию русского междометия, в отличие от подобной функции китайского междометия, нельзя назвать собственной синтаксической функцией данного элемента. Возможность выступать в роли члена предложения появляется у русского междометия тогда, когда оно замещает позицию того или иного компонента предложения. Данная позиция проявляет себя

обычно тогда, когда междометие заменяет собой какую-либо словоформу в необходимой синтаксической позиции:

Она все **ох** да **ох**;
Характер у него **ой-ой-ой**;
Народу – господи **боже мой!**
Дела – **увы** и **ах!**
Доходы – **ну!**

Сказал бы "**ох**", да не велит бог (посл.);
Обманывает век, а живет всё **эк** (посл.);

В некоторых случаях возникает тесное функциональное взаимодействие междометий и противительных союзов, вследствие чего союзы *но, а, ан, ан нет, ан глядь* становятся по семантическим свойствам близкими междометиям, например:

Вот вы хотели, чтоб я ничего не получила, **ан**, люди справедливые, по-иному рассудили (Ю. Домбровский);

Тут бы обедать идти и спать завалиться, **ан нет!** – помни, что ты дачник (А. Чехов);

Что занимаюсь философией да иной раз нет времени, так уж я и не отец? **Ан вот нет же**, отец! Отец, черт их побери, отец! (Н. Гоголь);

Вот, думаю, уж всё пропало, погиб, **ан глядь**, – железная дорога по моей земле прошла, и... мне заплатили (А. Чехов);

Ай-ай! как изба настудилась! Торопится печь затопить, **Ан глядь** – ни полена дровишек (Н. Некрасов).

Эмоционально-экспрессивные значения междометий в русском языке могут быть усилены повторением самого междометия или же повторением гласной в его составе, например:

– Тьфу ты! – плюнул я и низким торфяным голосом пустил вдоль ручья: – **Э-э-э-э-эй!**.. – **А-а-а?** – дружно отозвались Николай с приятелем. – В трясину **у-тя-ну-у-у-у...** (Ю. Коваль);

Ай, ай, – сказал полицейский, – дело, кажется, скверное! (А. Толстой);

Болеет, **ай-ай-ай**, какая беда, – сказал Гетманов, зевнул, махнул рукой (В. Гроссман);

– Ну, не хочешь – не надо. Лежи себе. – **Эй, эй!** Постой! Чего торопишься? (М. Сергеев);

– **Эй, эй, эй**, – забубнил Савелий, пытаясь вывернуться, – ща милицию позову (журн. текст);

Какого я тебе медведика покажу! Такой страшный, сердитый! **У-у!** (Н. Чехов);

И целый день, до вечера, играл "Полдень". "**У-у-у! У-у-у!**.." – неслось по лесу (С. Козлов);

– А-а-а! – завопили зэки. – **У-у-у!** Увидели: из авторемонтных три фигурки выскочило, значит с молдаваном (А. Солженицын);

Фу-у-у! Какая невкусная каша! (Д. Донцова);

– Ты меня разлюбишь, и я умру, – отвечала девушка. – **Фу, фу, фу**, – говорил он. – Зачем такие страсти (Б. Вахтин).

Подобный способ усиления эмоционально-экспрессивного значения междометия также присутствует и в китайском языке. Однако существуют некоторые различия на синтаксическом уровне между подобными повторяющимися междометиями в китайском и русском языках. В частности, в китайском языке не фиксируются повторяющиеся звуки в пределах одного междометия, но продуктивно фиксируется повторение самого междометия:

哎呀呀! 这瓜长得这么大呀!(*ai ya ya a! zhe gua zhang de zhe me da ya!*) – **Эйяя!** Этот арбуз растет такой большой!

颖轩接过一看, 喜出望外: “**砚! 喵喵!** 好好!” (*ying xuan jie guo yi kan, xi chu wang wai: yan! he he he! hao hao!*) – Ин Сюань забрал с неожиданной радостью: тушечница! **Хехехе!** Очень хорошо! (郭宝昌 Го Баочанг 《大宅门》 Большой дом);

回来我到没有看着热闹, 反被人家当热闹看了去了。**哈哈!** 你够了吗?(*hui lai wo dao mei kan zhe re nao, fan bei bie ren kan le qu le. ha ha ha! ni gou le ma?*) – Обрати я вернулась, чтобы посмотреть на оживлённую толпу, надо мной только посмеялись. **Ха-ха-ха!** Тебе достаточно? (欧阳予倩 Оуян Юйчэан 《回家以后》 Возвращение домой).

Междометия в русском языке как языковые явления, в своей основе лежащие за пределами частей речи, проходят через процесс постепенного перехода из области морфологии в область синтаксиса. В итоге междометия оказываются и вне синтаксиса словосочетания, и вне синтаксиса предложения. А.М. Пешковский в своей работе «Русский синтаксис в научном освещении» в главе «О словах и словосочетаниях, не образующих предложений» пишет об этом явлении следующие: «Междометия – это знаки чувствований, а не представлений. Все остальные слова языка (кроме однородных в этом отношении с междометиями побудительных слов) – знаки представлений. Таким образом, вступить в какие-либо отношения с другими словами языка эти слова не могут. Выразить же самостоятельно сказуемость они способны наименее из всех описанных здесь разрядов,

так как сказуемое есть прежде всего слово-представление, осложненное выражением процесса мысли [4, с. 168].

Выводы

На основе проведенного анализа функций русских и китайских междометий и выявления некоторых синтаксических особенностей рассматриваемых компонентов в структуре предложения можно говорить о том, что, несмотря на принадлежность русского и китайского языков к разным языковым семьям, синтаксические функции междометий в обоих языках во многом идентичны. Во-первых, одно из важнейших сходств — это возможность междометий выступать в роли самостоятельных предложений, в том числе модально-ответного типа. Во-вторых, китайские и русские междометия при использовании в качестве вводного компонента являются частью общей структуры предложения, необходимыми элементами для того, чтобы выразить эмоциональную оценку говорящего относительно высказанного. В-третьих, несмотря на то, что междометия в русском и китайском языках используются как самостоятельные части речи, иногда междометия все-таки могут быть близки к другим частям речи, например, глаголу, выполняя в предложении предикатные функции, что говорит о грамматической гибкости междометия как части речи в обоих языках. Одним из самых ярких различий между междометиями в русском и китайском языках является редупликация междометий. Однако в китайском языке редупликация служит прежде всего для усиления эффекта от возгласа, междометие в этом случае может повторяться только полностью. В русском же языке междометие может повторяться как полностью, так и дублировать последнюю гласную. Еще одно важное отличие русских и китайских междометий отражает их положение в структуре предложения. В русском языке междометие, как правило, фиксируется в начале или в конце предложения, изредка междометие занимает интерпозицию в составе конструкции. В китайском же языке позиция междометия не дифференцирована — междометие фиксируется как в начале или в конце предложения, так и в интерпозиции в составе конструкции.

Актуализированные в статье проблемы, на наш взгляд, являются перспективными для дальнейшего рассмотрения в плане разработки сферы модально-оценочных характеристик события, репрезентируемых и китайскими, и русскими междометиями, выявления сходств и отличий в закономерностях указанной репрезентации.

Список литературы

1. Ма Цзяньчжун 马建忠 Ма ши вэнь тун 《马氏通文》. — Шанхай, 1924. — 83 с.
2. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 624 с.
3. Русская грамматика. В двух томах. Т. 1. / Отв. ред. Н.Ю. Шведова — М.: Наука, 1980. — 789 с.
4. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. — М.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1938. — 512 с.

УДК 821.161.1

**ПРОРОЧЕСТВО КАК ЧЕРТА ПОЭТИКИ ПОЗДНЕГО ДОСТОЕВСКОГО
PROPHECY AS A FEATURE OF THE POETICS OF THE LATE DOSTOEVSKY****В.В. Кичигина
V.V. Kichigina***Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, 308015,
г. Белгород, ул. Победы, 85**Belgorod National Research University, 85, Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia**E-mail: kichigina@bsu.edu.ru*

Ключевые слова: автор, авторская позиция, художественный метод, диалог, пророчество, публицистика, поэтика.

Keywords: the author, author's position, artistic method, dialogue, prophecy, journalism, poetics

Аннотация. В статье рассматривается специфика художественного метода Ф.М. Достоевского в единстве его художественного и публицистического слова. Выделяется пророчество как своеобразный художественный приём в «Дневнике писателя» и романе «Братья Карамазовы», анализируется своеобразие авторской позиции и формы её выражения в статье «на злобу дня»

Abstract. In the article the specificity of the artistic method of F. M. Dostoevsky in the unity of his fiction and non-fiction words. The prophecy stands out as a unique artistic technique in "the Diary of a writer" and the novel "the Brothers Karamazov", analyzes the originality of an author's position and forms of its expression in the article "on the topic of the day"

Введение

Вопрос об объективном смысле литературного произведения тесно связан с вопросом о степени реализации в нем авторских идей, форме утверждения. Писатель надеется быть понятым самым широким кругом читателей, стремится к тому, чтобы его произведение являлось, по мысли Гегеля, диалогом с каждым стоящим перед ним человеком.

Говоря о герое, авторе- зрителе как «основных живых моментах, участниках события произведения» [1, 165], М. М. Бахтин отмечает, что «по отношению к герою и его миру, миру жизни, ценностно устанавливается прежде всего автор, и эта его художественная установка определяет и его материально-литературную позицию» [1, 171].

Далее, определяя позицию автора в литературном произведении, М. М. Бахтин справедливо отмечает, что «автор должен находиться на границе создаваемого им мира как активный творец его, ибо вторжение его в этот мир разрушает его эстетическую устойчивость» [1, 166]. Таким образом, реализация авторской идеи прямо соприкасается с позицией автора по отношению к героям своего произведения, иными словами, восприятие того, что хотел сказать автор, находится в тесной зависимости от того, как, каким образом он это сказал.

Писательская манера Достоевского уникальна. И не только тем, что позволяет проникнуть в глубины человеческих размышлений о вере в бога, о бессмертии, подвиге и добродетели, о преступлении, раскаянии и святости, но и самим способом этих размышлений. Художественный метод писателя предполагает творческое взаимодействие с читателем, который не просто «поглощает» предложенные ему истины, но думает, примеряя себя к различным, часто диаметрально противоположным точкам зрения, предложенным в «метатексте»* Достоевского. Такой тип поэтики назван М.М.Бахтиным «полифонизмом» и по-прежнему является предметом научных дискуссий с попыткой проникнуть в авторскую точку зрения, которая сознательно скрыта от поверхностного прочтения.

Своеобразие языка и стиля писателя, способ выражения им собственной идеи можно называть по-разному – от «реализма в высшем смысле» (по словам самого Достоевского) до неохристианства (К.Леонтьев) или пророчества о русской революции (Д.Мережковский). Существует целая школа собственно литературоведческого прочтения романов писателя-«пророка», важными вехами в развитии которой стали работы М.М. Бахтина, Г.М. Фридендера, Л.П. Гроссмана, А.С. Долинина, В.Я. Кирпотина, О. Кауса, М. Холквиста и др.

Однако для отечественной науки о Достоевском до последнего времени являлся характерным преимущественно «социологизированный» подход к проблеме. Зарубежное литературоведение в большей мере сосредоточивалось на анализе поэтики и психоаналитических аспектах

* Это определение И.Л.Волгина относительно всего, написанного Ф.М. Достоевским

осмысления творчества писателя (Х. Нейман, Отс, А. Рудицына и др.). При всём многообразии высказанных точек зрения исследователи, как правило, сходятся в одном: художественное и публицистическое творчество Ф.М. Достоевского различны и по форме, и по способу выражения авторской позиции.

В данной статье мы попытаемся рассмотреть как единое целое принципы публицистических высказываний Достоевского-журналиста и художественные приёмы Достоевского-романиста в контексте его пророческих прозрений. Пророчество в данном случае зафиксировано как часть поэтики, характеризующаяся особыми качествами хронотопа: принципиальной незавершённостью событий настоящего в их тесной причинно-следственной зависимости с уже совершённым и ещё не совершившемся действием.

Основная часть

Известно, что в художественном творчестве писатель стремится к максимальной объективности. Сам Достоевский в плане «Жития великого грешника»^{*} определяет эту особенность следующим образом: «Сухость рассказа иногда до Жиль Блаза. На эффективных и сценических местах - как бы (разрядка автора. - В.К.) вовсе этим нечего дорожить. Но и владычествующая идея жития чтобы видна была, т.е. хотя и не объяснять словами всю владычествующую идею и всегда оставлять ее в загадке, но чтоб читатель всегда видел, что идея эта благочестива. ... Тоже - подбором того, об чем пойдет рассказ, всех фактов, как бы непрерывно выставляется что-то и непрерывно постановляется на вид и на пьедестал будущий человек» [2, 71-72].

В этом высказывании интересна установка на будущего человека – проброс в идеальное грядущее. Достоевский, пристально следящий за происходящим вокруг него на самых разных планах жизни, обладает способностью выводить современное в вечное (как, например, в повести «Кроткая» и романе «Бесы», оттолкнувшись в замысле от газетных заметок). В этом смысле интересен и главный герой романа «Братья Карамазовы» - Алёша – как деятель «неопределённый, невыяснившийся», по словам автора. Да и герой предыдущего романа «Подросток», в силу своего возраста, тоже большей частью *будущий* человек. Достоевскому интересен временной интервал, те изменения, которые он может включать в себя. Поэтому и последний роман писателя – это рассказ о причинах главного сюжета, скрытого от читателя: «беда в том, что жизнеописание-то у меня одно, а романов два. Главный роман второй – это деятельность моего героя уже в наше время, именно в наш теперешний текущий момент. Первый же роман произошел еще тринадцать лет назад, и есть почти даже и не роман, а лишь один момент из первой юности моего героя...» [3, XIV, с. 6]. Таким образом, автор романа достаточно свободно перемещается по оси времени из прошлого через настоящее в будущее, демонстрируя реальность всех трёх координат в художественном пространстве романа.[†]

Такая сложная художественная система, включающая в себя и возможность диалога с читателем, и осознанно-минимальное авторское участие в показе жизненных противоречий, казалось бы, исключает публицистичность как прямое авторское высказывание. Тем не менее, Достоевский является одним из выдающихся публицистов своего времени. В одном из своих писем он писал, что в литературном деле его цель и надежда – «высказаться в чем-нибудь, по возможности вполне, прежде чем умру» [7, с. 175]. «Высказаться вполне» позволяет прямое обращение к читателю, без экрана и посредства художественных образов, выводящих за рамки повседневности частную уголовную хронику. Формой такого высказывания служат страницы «Дневника писателя».

Провести границу между Достоевским-романистом и Достоевским-публицистом, на первый взгляд, достаточно просто, отталкиваясь от способа выражения авторской позиции. Тем не менее, этот раздел будет условен, поскольку и прямое публицистическое слово, обращённое к современнику, и сложная художественная система романа включают в себя высказывания, данные, например, в пророческом формате как монолог. В последнем романе писателя «Братья Карамазовы» есть характерные эпизоды такого рода: «- Сие и буди, буди, хотя бы и в конце веков, ибо лишь сему предназначено совершиться! И нечего смущать себя временами и сроками, ибо тайна времен и сроков в мудрости Божией, в предвидении Его и в любви Его. ... Сие последнее буди, буди.

-Буди, буди! - благоговейно и сурово подтвердил отец Паисий» [3, XIV, с.51]. Эти слова принадлежат монахам и стилистически торжественно оправданы темой (государство и церковь), однако в контексте разговора в келье старца Зосимы, где прописывается сценарий грядущей трагедии в семье Карамазовых, такие пророчества звучат лишь одним из голосов многоплановой структуры романа.

^{*} Замысел большого романа, частично осуществленный в последних романах писателя

[†] В 1873 г. в статье "По поводу выставки" писатель говорил о том, что современный художник не должен останавливаться на достигнутом, а завоевать для русской живописи также область исторического "идеального" и фантастического, ибо "идеал ведь тоже действительность, такая же законная, как и текущая действительность" [2, X1, с.301]

О пророческом даре самого Достоевского заговорили лишь в конце его жизни. «Я читала вещей «Братьев Карамазовых» Достоевского и наслаждалась психическим анализом (...), чувствуя, как в душе все перебирается и укладывается по уголкам, все хорошее и мелкое. Благодаря «Братьям Карамазовым» можно переработаться и стать лучше» (В.Н. Третьякова) [5, с. 124-127]; «Едва ли мы дождемся такого другого психиатра, каковым был Федор Михайлович, т.к. для того, чтобы писать так, чтобы раскрывать всю душу человеческую и затем относиться к ней так тепло и любовно, как относился он, - нужно пережить столько, сколько пережил, перечувствовал и вынес он, и выйти из этого ужасного горнила не ослабленным, жестоким, а вселюбящим, всепрощающим, глубоко религиозным и бескорыстно честным» (Л.И. Павленков, чиновник) [5, с. 542-543]. Оба корреспондента отмечают тонкость психологического анализа, свойственную произведениям Достоевского. Павленков даже называет писателя глубоким психиатром, видимо вкладывая в это определение и оттенок «целительного», «врачующего душу» значения. Сам Достоевский буквально повторяет слова В.Н. Третьяковой, делясь впечатлениями о вечере в Дворянском благородном собрании с А.Г. Достоевской, где заметил: «... бездна людей, молодежи и седых дам бросались ко мне, говоря: вы наш пророк, вы нас сделали лучшими, когда мы прочли «Карамазовых»» [4, с.345].

Называя автора «Братьев Карамазовых» пророком, а сам роман вещим (а определения такого рода можно встретить неоднократно), многочисленная аудитория Достоевского имела в виду, вероятно, не только и не столько его провидческий дар (трудно судить о нем современнику), сколько способность увидеть сокровенный смысл в очевидной для всех истине, ведь в каноническом понимании пророк - это не только «лицо, одаренное божественным даром предвидения и предсказания», но и лицо, «возвещающее народу волю Божию», «создатель религиозно-нравственного уклада» [6].

Собственно пророческий дар у Достоевского его читатели и исследователи обнаружат много позже, уже в XX веке, соотнося его, в первую очередь, с историей и идеологией революции, удивительно точно прописанных в романе «Бесы» почти за 50 лет до октябрьского переворота.

Прижизненная же популярность во многом связана с публицистической деятельностью писателя. В последние годы жизни его журнал «Дневник писателя» пользуется колоссальным успехом, он во многом способствует тому, что читатели Достоевского приближаются к нему, могут побеседовать на интересующие темы, не только связанные с вечными, но и самыми злободневными вопросами. На страницах «Дневника писателя» Достоевский высказывается прямо, размышляя о политике, экономике и литературе, о войне и мире, о настоящем и будущем Европы.

Именно здесь, в фокусе настоящего, неожиданно проявляется пророческий дар писателя, оценить который оказалось возможным только сейчас, почти через 140 лет, когда политическая карта мира, казалось бы, изменилась неузнаваемо. В «Дневнике писателя» за 1877 год уделяется большое внимание славянскому вопросу в связи с очередной русско-турецкой войной 1877-1878 гг. Так называемый Восточный вопрос поднимался в связи с освобождением русскими Болгарии от турецкого ига. Несколькими статьями сентября и октября, октября и ноября журналов с посвященными размышлениям на эту тему. В настоящее время видимое отсутствие актуальности вряд ли привлекает большое количество современных читателей к данному тексту, однако именно здесь Достоевский прописывает судьбу России на ближайшее столетие.

«Хочу сказать одно совсем особое слово о славянах, которое мне давно хотелось сказать. Не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными! И пусть не возражают мне, не оспаривают, не кричат на меня, что я преувеличиваю и что я ненавистник славян!

Я, напротив, очень люблю славян, но я и защищаться не буду, потому что знаю, что всё точно так именно сбудется, как я говорю, и не по низкому, неблагодарному, будто бы, характеру славян, совсем нет, — у них характер в этом смысле как у всех, — а именно потому, что такие вещи на свете иначе и происходят не могут...» [3, с. 77-78]. Убежденность писателя такова, что, как у настоящего пророка, не нуждается в аргументах («знаю, что всё точно так именно сбудется, как я говорю»). Этот акцент на знание сохраняется и в следующих строках: «Распространяться не буду, но знаю, что нам отнюдь не надо требовать с славян благодарности, к этому нам надо приготовиться вперед. Начнут же они, по освобождении, свою новую жизнь, повторяю, именно с того, что выпросят себе у Европы, у Англии и Германии, например, ручательство и покровительство их свободе, и хоть в концерте европейских держав будет и Россия, но они именно в защиту от России это и сделают» [3, с.78].

Далее Достоевский прописывает сценарий будущего действия: «Начнут они непременно с того, что внутри себя, если не прямо вслух, объявят себе и убедят себя в том, что России они не обязаны ни малейшею благодарностью, напротив, что от властолюбия России они едва спаслись при заключении мира вмешательством европейского концерта, а не вмешайся Европа, так Россия ... проглотила бы их тотчас же, «имея в виду расширение границ и основание великой Всеславян-

ской империи на порабощении славян жадному, хитрому и варварскому великорусскому племени» [3, с.78-79].

При этом он ясно ощущает временной интервал того, что должно будет произойти: «Долго, о, долго еще они не в состоянии будут признать бескорыстия России и великого, святого, неслышанного в мире подвиги ее знамени величайшей идеи, из тех идей, которыми жив человек и без которых человечество, если эти идеи перестанут жить в нем, — коченеет, калечится и умирает в язвах и в бессилии...» [3, с. 79] Более того, подчёркивает, что его видение не касается настоящего момента:

«Но о теперешнем моменте я говорить не стану<...> , но потом, когда ...они кое-как устроятся, <...> выставят как политическую, а потом и научную истину, что не будь во все эти сто лет освободительницы-России, так они бы давным-давно сами сумели освободиться... , своею доблестью или помощью Европы, которая, опять-таки не будь на свете России, не только бы не имела ничего против их освобождения, но и сама освободила бы их. <...>

Может быть, целое столетие, или еще более, они будут беспрерывно трепетать за свою свободу и бояться властолюбия России; они будут заискивать перед европейскими государствами, будут клеветать на Россию, сплетничать на нее и интриговать против неё» [3, 79].

Видение Достоевского не может не поражать чёткостью и точностью отдельных деталей (это, кстати, особенность видения как средневекового литературного жанра): «О, я не говорю про отдельные лица: будут такие, которые поймут, что значила, значит и будет значить Россия для них всегда. Они поймут всё величие и всю святость дела России и великой идеи, знамя которой поставит она в человечестве. Но люди эти, особенно вначале, явятся в таком жалком меньшинстве, что будут подвергаться насмешкам, ненависти и даже политическому гонению. Особенно приятно будет для освобожденных славян высказывать и трубить на весь свет, что они племена образованные, способные к самой высшей европейской культуре, тогда как Россия — страна варварская, мрачный северный колосс, даже не чистой славянской крови, гонитель и ненавистник европейской цивилизации.

У них, конечно, явятся, с самого начала, конституционное управление, парламенты, ответственные министры, ораторы, речи. Их будет это чрезвычайно утешать и восхищать. Они будут в упоении, читая о себе в парижских и в лондонских газетах телеграммы...» [3, с.79-80]

Любое пророчество есть предупреждение. Эта установка присутствует и в данном тексте: «России надо серьезно подготовиться к тому, что все эти освобожденные славяне с упоением ринутся в Европу, до потери личности своей заразятся европейскими формами, политическими и социальными, и таким образом должны будут пережить целый и длинный период европеизма прежде, чем постигнуть хоть что-нибудь в своем славянском значении и в своем особом славянском призвании в среде человечества.

Между собой эти земли будут вечно ссориться, вечно друг другу завидовать и друг против друга интриговать» [3, с.80].

Дальнейшие отношения России и новых славянских государств Достоевский описывает как достаточно привычную семейную историю: «Разумеется, в минуту какой-нибудь серьезной беды они все непременно обратятся к России за помощью. Как ни будут они ненавистничать, сплетничать и клеветать на нас Европе, заигрывая с нею и уверяя ее в любви, но чувствовать-то они всегда будут инстинктивно (конечно, в минуту беды, а не раньше), что Европа естественный враг их единству, была им и всегда останется, а что если они существуют на свете, то, конечно, потому, что стоит огромный магнит — Россия, которая, неодолимо притягивая их всех к себе, тем сдерживает их целостность и единство <...> России надолго достанется тоска и забота мирить их, вразумлять их и даже, может быть, обнажать за них меч при случае» [3, с.80]. Однако в этой истории акценты расставлены таким образом, что позволяют сделать обобщения далеко не семейного масштаба.

Размышляя о целесообразности «трудов, досад и вечной заботы» в отношении малых славянских народов, Достоевский приводит читателя к мысли о сакральной миссии, исполняемой Россией в общеевропейском и мировом контексте: «...для чего: для того, чтоб жить высшею жизнью, великою жизнью, светить миру великой, бескорыстной и чистой идеей, воплотить и создать в конце концов великий и мощный организм братского союза племен, создать этот организм не политическим насилием, не мечом, а убеждением, примером, любовью, бескорыстием, светом; вознести наконец всех малых сих до себя и до понятия ими материнского ее призвания — вот цель России, вот и выгоды ее, если хотите» [3, с. 81]. Таким образом, писатель расширяет круг малой семьи с её обыденными раздорами и склоками до понимания единой семьи славянских народов и функции России как матери этих подрастающих детей, объединяющей силой материнской любви в единое целое.

Завершающие строки этого слова стилистически акцентируют пророческий формат, указывая на ещё один возможный вариант развития: «Если нации не будут жить высшими, бескорыстными идеями и высшими целями служения человечеству, а только будут служить одним своим «интересам», то погибнут эти нации несомненно, окаменеют, обессилеют и умрут. А выше целей нет, как те, которые поставит перед собой Россия, служа славянам бескорыстно и не требуя от них благодарности, служа их

нравственному (а не политическому лишь) воссоединению в великое целое. Тогда только скажет все-славянство свое новое целительное слово человечеству... Выше таких целей не бывает никаких на свете. Стало быть, и «выгоднее» ничего не может быть для России, как иметь всегда перед собой эти цели, всё более и более уяснять их себе самой и всё более и более возвышаться духом в этой вечной, неустанной и доблестной работе своей для человечества» [3, с. 82].

Если к данным строкам благоговейно добавить: «Сие и буди, буди!», не возникнет никакого ощущения смены стиля. Это и естественно, и удивительно одновременно. Естественно потому, что художественные и публицистические строки написаны одним автором. Удивительно потому, что публицистический и художественный текст у Достоевского, при их принципиальном различии, имеют общие зоны. В данном случае их две: семья и Россия.

Напомним, что данная глава «Дневника писателя» - «Одно совсем особое словцо о славянах, которое мне давно хотелось сказать» - увидела свет в 1877 году, т.е. между двумя самыми «семейными» романами Достоевского – «Подросток» и «Братья Карамазовы». В письме к Х. Д. Алчевской от 9 апреля 1876 г. Достоевский охарактеризовал «Дневник» как необходимую для подготовки к созданию будущего романа творческую лабораторию. «Готовясь написать один очень большой роман, — писал он, — я <...> задумал погрузиться специально в изучение не действительности собственно, а с нею и без того знаком, а подробностей текущего. Одна из самых важных задач в этом текущем для меня <...> молодое поколение и вместе с тем современная русская семья, которая, я предчувствую это, далеко не такова, как всего еще двадцать лет назад...» [3, ХХІХ, кн. 2, 78].

Семья - это вообще одна из самых актуальных тем современности, отражённая в данный период и в романе Л.Н.Толстого «Анна Каренина», и в «Господах Головлёвых» М.Е. Салтыкова-Щедрина. Семья ближе и ярче любого другого социального института отражает изменения, происходящие в русском обществе 70-х гг. ХІХ в. Её распад читается метафорически на самых разных планах бытия.

Достоевскому удаётся не только зафиксировать и воплотить в художественном слове особенности «сиротского» мироощущения русского человека, выросшего без отца и матери в непреходящей тоске по ним и их небесным проекциям, но и расширить понимание семьи до народного единения как внутри России, так и вокруг неё. «Семья» славянских народов, видимо, подчиняется тем же законам распада-единения, что и любая другая. Эта мысль прослеживается определённо и на уровне подбора лексики: «...выказав полнейшее бескорыстие, тем самым Россия и победит, и привлечет, наконец, к себе славян; сначала в беде будут прибегать к ней, а потом, когда-нибудь, воротятся к ней и прильнут к ней все, уже с полной, с детской доверенностью. Все воротятся в родное гнездо» [3, с.81]. Совершенно определённая картина единения детей под крыло материнской любви в родное гнездо.

Таким образом, для писателя равно важны две составляющих будущего мироустройства: семья как братское единство детей, познавших отторжение родителей и междоусобные распри, и Россия, вбирающая в себя все народы, желающие добровольного объединения вокруг её границ.

Своё торжественное пророчество о будущей судьбе славянских народов писатель называет «словцом», подобно тому, как его герой назовёт впоследствии «поэмкой» невероятно пророческое откровение о Христе и человеке. Это значит, что данная идея очень важна для него, настолько, что хочется снизить пафос пренебрежительным суффиксом, «как бы вовсе этим нечего дорожить». Читателю Достоевского необходимо сделать усилие, чтобы дотянуться до мысли о том, что именно этим «словцом» дорожить-то и стоит. Очевидно, совершить это усилие он большей частью не в состоянии.

Заключение

Л.И. Сараскина в одном из своих интервью сказала о том, что Россия прочитала Достоевского и теперь проживает по его сценарию. Рискиём поправить: Россия НЕ прочитала Достоевского, именно поэтому вынуждена проживать то, что могло остаться на бумаге в качестве предупреждения, не уплотняясь до жёстких болезненных откровений сбывшихся пророчеств гениального писателя.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности.// Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.
2. Документы по истории литературы и общественности. Вып.1. Ф.М. Достоевский. М., 1922. С. 71-72.
3. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. XXVI. Л.: «Наука», 1984.
4. Достоевский Ф.М., Достоевская А.Г. Переписка. Л.: Наука, 1976. – 490 с.С. 345.
5. Литературное наследство, том 86. М., «Наука», 1973.
6. Малый энциклопедический словарь. Т.П. вып. IV-й. Изд-е Брокгауз-Эфрон. Спб., 1909. С. 1095.
7. Ф.М. Достоевский, Письма, т. II, М. - Л., 1930

УДК 811.161.1

**АКТУАЛИЗАЦИОННО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ МОДАЛЬНЫХ ЧАСТИЦ
В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ***
**ACTUALIZATION-PRAGMATIC FUNCTION OF MODAL PARTICLES
IN JOURNALISTIC TEXTS**

И.А. Нагорный
I.A. Nagornyy

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85*

Belgorod National Research University, 85, Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: nagornyy@bsu.edu.ru

Ключевые слова: модальные частицы, текст, публицистика, функционирование, рема, высказывание, говорящий, адресат, предположение.

Keywords: modal particles, text, the media, functioning, rema, an utterance, the speaker, the addressee, the assumption.

Аннотация. В статье описываются особенности функционирования модальных частиц в публицистических текстах. Частицы, являясь яркими репрезентаторами точки зрения говорящего, прагматически сориентированы на актуализацию комплекса актуализационных модально-текстовых смыслов. Рассматриваемые модальные квалификаторы сориентированы на адресата, выступают в качестве средств донесения до адресата прагматически ценной, по мнению говорящего, информации.

Abstract. The article describes the peculiarities of functioning of modal particles in journalistic texts. Particles being bright representative the point of view of the speaker, pragmatically oriented towards the actualization of the complex modal updating-textual meanings. Consider the modal qualifiers are focused on the destination, serve as a means of conveying to the addressee pragmatically valuable, in the opinion of the speaker, information.

Введение

Основанием для выделения актуализационно-прагматической функции послужил факт наличия у модальных частиц способности коммуникативно маркировать в высказывании взаимодействующий компонент либо комплекс компонентов. Это, в свою очередь, позволяет выполнять модальными частицам ряд важных для жанра публицистики коммуникативных задач: устанавливать коммуникативный контакт автора публицистического текста с адресатом; продуктивно доносить до адресата позицию говорящего, его личностное мнение; квалифицировать событие в нужном для автора публицистического текста аспекте. Выполняя актуализационно-прагматическую функцию, рассматриваемые частицы характеризуются как лексико-грамматические средства актуального членения, которые включаются или же составляют рематический центр высказывания в публицистических текстах.

Идеи актуального членения предложения, или его коммуникативной перспективы, а также специфика тема-рематической организации высказывания, актуализированные В.Матезиусом [1, с. 240-245], в русистике получили дальнейшее развитие, и в настоящее время составляют особый аспект лингвистической науки [2; 3; 4; 5; 6]. Не уделяя пристального внимания истории и современному состоянию заявленной проблемы, отметим ряд важных для нас моментов. Высказывание есть речевая реализация предложения, в нашем случае – в публицистическом тексте. Речевое высказывание обладает достаточной автономностью как в плане содержания, так и в плане выражения. В то же время высказывание включается в текст. Соответственно, самостоятельность его в разной степени нивелируется, приобретая статус относительности.

Основная часть

В публицистическом тексте все подчинено целям и задачам актуальной коммуникации, поэтому любой информативно значимый компонент в зависимости от контекста, соотносительно с целями и задачами публициста, может стать актуально значимым. Этому способствует, как отмечает Н.Д.Арутюнова, то, что позиция ремы «не предъявляет к своему лексическому наполнителю требований ни со стороны количества значения, ни со стороны его качества» [7, с. 166]. Следовательно, указанную структурную позицию может занять любой языковой элемент, в том числе и служебного уров-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04-00196

ня, такой, например, как частица. В основе данного явления лежит то, что рематическая зона формируется говорящим в публицистическом тексте уже при замысле высказывания, т.е. в процессе его подготовки и осмысления коммуникативно-прагматической ситуации говорящим. Статус рематического компонента, несущего в публицистическом тексте наиболее актуальную информацию, оказывается, таким образом, заранее predetermined жанровыми особенностями репортажа, очерка, эссе, критической статьи и т.д. Языковая позиция актуализации [6, с. 380-381] в этом случае будет представлять собой некое перспективное отражение точки зрения говорящего в актуальных, прагматически сориентированных значениях используемых языковых средств. Таким образом, оказывается, что структура предложения является неотъемлемым фактором его актуального членения [2, с. 60-78; 8, с. 48-50]. Грамматическое членение конструкции, совпадая или не совпадая с актуальным членением речевого высказывания в плане подачи информации, является одним из важных тестовых конструктов с позиции грамматико-синтаксических условий его организации, так как грамматическое членение служит выявлению места логического ударения как одного из важнейших инструментариев донесения актуальной информации до адресата. Прагматически сориентированное приспособление грамматической структуры конструкции к задачам коммуникации в результате конкретного включения в ту или иную речевую ситуацию, таким образом, есть его актуальное членение. В.В.Богданов по этому поводу констатирует следующее: «Актуальное членение, или функциональная перспектива, представляет собой разбиение предикатного выражения на две части. Одна часть служит для того, чтобы включить предикатное выражение в текст, а другая – для того, чтобы передать новую информацию» [3, с. 133].

Актуализация важной для автора публицистического текста информации осуществляется при помощи специальных средств выделения коммуникативного центра высказывания. Данные средства дифференцируются на ядерные и периферийные. К ядерным, как известно, относятся порядок слов и интонация. Группу периферийных составляют разноуровневые лексические элементы, среди которых фиксируются и модальные частицы. Последние продуктивно используются говорящим для актуализации информации, служащей стимулом для создания относительно-истинного суждения применительно к описываемому фрагменту события. А так как подобная информация в абсолютном большинстве случаев соотнесена с новым, она включается в состав ремы сообщения. Следовательно, модальные частицы также причисляются к рематическим элементам высказывания: *Литературный институт – едва ли не единственный не эвакуировавшийся из столицы* (Литературная газета); *Я слышал, что теперь, дескать, можно получить в течение недели все интересующие вас сведения о наличии товаров и услуг в любом регионе* (Мир новостей); *Я часто думаю о нас. Как будто снова мы вместе и будто бы ничего на самом деле не было* (Московский комсомолец).

При помощи модальной частицы осуществляется введение в публицистический текст важной авторской квалификативной предположительной информации в коммуникативную структуру предложения: *При этом они вряд ли окажутся результативными до того, как будут разрабатаны эффективные профилактические и терапевтические меры борьбы с этой болезнью* (Куранты); *Вроде им и не грозит увольнение в первую очередь, однако для пенсионера это крайне важно* (Неделя). Данная информация представляется для автора текста необходимой, поскольку актуализирует целый комплекс квалификативно-предположительных смыслов, смыслов, которые автору текста необходимо в первую очередь донести до адресата.

Представление в жанре публицистики логически важной информации сопровождается ее дополнительной актуализацией, связанной с репрезентацией личностного оценочного фактора, что в итоге приводит к приобретению особой коммуникативной значимости квалификативными смыслами, реализуемыми модальными частицами. Частицы, таким образом, включаются в состав рематической доминанты публицистического текста, что нередко приводит к перераспределению коммуникативной важности отдельных элементов в высказывании: *И мне казалось, что прекрасный и суровый водопад застыл в центре этого пейзажа и едва ли тронется с места* (Литературная Россия); *Но вот вопрос: имеет ли он право эту свою трактовку произвольно менять то так, то сяк, приспособиваясь к конъюнктуре? Вряд ли* (Правда); *Нам вроде подходит, с нашими-то финансовыми возможностями* (Российская газета); *Якобы честь открытия принадлежит ему и только ему* (Сельская новь).

Функция рематизации при подаче актуальной информации оказывается для модальной частицы характерной, что обусловлено, на наш взгляд, типом генерализуемых частицей смысловых отношений в семантической структуре высказывания. Квалификативные модальные смыслы, актуализируемые модальными частицами, нельзя признать статичными, заранее известными адресату, и потому относимыми к теме сообщения. Данные смыслы не есть «исходная точка» [1, с. 234] в информативном потоке, так как они сосредоточены как раз на информации новой, информации, которая сфокусирована не только на обозначении сообщаемого, но, в первую очередь, – на авторском взгляде на событие, на событийно-оценочном компоненте. В модально-оценочном высказывании выражается отношение говорящего описываемому событию, причем обозначаемые факты получают прагматически оправданную, по мнению автора текста, квалификативную харак-

теристику со стороны публициста для определения и выражения «коммуникативного задания сообщения» [9, с. 65]. Итогом является включение модально-кваликативного высказывания в состав реактивного речевого регистра, который объединяет сообщения, «выражающие реакцию говорящего... на коммуникативную ситуацию» [6, с. 398]. Указанная функция характеризуется нами как основа для рассмотрения модальных частиц в качестве пограничных межрегистровых средств, служащих «как бы пограничной вехой между предикативными единицами..., принадлежащими к разным регистрам» [Там же, с. 425].

Попытаемся детально рассмотреть, каким образом и относительно каких компонентов в публицистических текстах осуществляется операция актуализации, реализуемая говорящим в высказываниях с модальными частицами.

В жанре публицистики модальные частицы, как правило, логически ориентированы на трансформацию семантического поля предиката суждения как компонента ремы. Это естественно, поскольку именно данный концепт является ядерным элементом пропозиции и, соответственно, носителем предикативных отношений, корректорами которых выступают модальные частицы. При этом так называемого «утяжеления ремы» частицами в высказывании не происходит. Способ воздействия модальной частицы на предикат можно охарактеризовать в этом плане как выделительно-ограничительный. Результатом такого воздействия является, во-первых, дополнительная актуализация предиката, несущего наиболее важную в коммуникативном аспекте информацию, а во-вторых, – частичная конкретизация модально-кваликативными смыслами его семантического поля: *Та бессознательная энергия, тот религиозный экстаз, которые заложены древним художником, **вряд ли** воспринимались его современниками так, как переживаются нами* (Известия); *А вы **разве** не знаете, что здесь собраны все лучшие детские работы за последние три года?* (Гудок); *И уже сейчас понятно, что одного процента бюджета... как раз на эти реставрационные работы **вряд ли** хватит* (Воздушный транспорт). Коммуникативная перспектива высказывания остается здесь стабильной. Глобального перераспределения тема-рематических границ ни в высказывании, ни в тексте не происходит, хотя рема и подвергается дополнительной актуализации со стороны модальной частицы. Существенным корректирующим фактором можно считать только то, что предикат уже не осмысливается в качестве ядерного рематического элемента. Место центрального компонента коммуникативной структуры занимает модальная частица, составляющая с предикатом в данном случае единый смысловой комплекс, что позволяет актуализировать ценную для автора текста оценочную информацию, отражающую собственное мнение публициста относительно квалифицируемого события.

Подобное наблюдается и при распространении влияния модальных частиц на семантику высказывания в целом, за исключением, естественно, того момента, что частица уже не составляет с предикатом единого семантического комплекса: ***Едва ли** много книг прочитано было за каникулы* (Литературная газета); ***Якобы** эту посылку принесли еще позавчера вечером* (Куранты); ***Едва ли не** весь коллектив цеха объединения «Карболит», где работает Сергей Ильин, обратился в суд с просьбой учесть смягчающие обстоятельства* (Известия).

Отметим, что собственно рематические конструкции в публицистическом тексте представляют собой нечленимые модально-ответные высказывания, имеющие в своем составе только модально-кваликативное средство (Ср. высказывания типа: *Чем запомнится 14 июля 1989 года, день 200-летнего юбилея Великой французской революции? Военным парадом, в котором приняло участие рекордное число боевых самолетов и вертолетов?* **Вряд ли** (Версия); *И руководитель думает именно так?* -**Едва ли** (Юность)).

Реже актуализационному воздействию модальной частицы подвергается компонент, представляющий в логическом плане субъект суждения. Автор публицистического текста – репортажа, очерка и т.п. – обычно предпочитает не акцентировать на данном семантическом компоненте свою точку зрения. Если все же подобное происходит, то только под воздействием особых причин, которые имеются у автора. Они обусловлены коммуникативным заданием, определяют соответствие высказывания коммуникативной целеустановке и включение его в речевую ситуацию общения. При этом коррекция затрагивает как план содержания речевой единицы, так и план ее выражения. В содержательном аспекте нами отмечена трансформация актуализируемого компонента в состав ремы, в плане же выражения налицо фиксация модальной частицы в контактной позиции к конструктивно взаимодействующему компоненту: ***Небось** сам в гости напросился, – думаю. – Как же!* (Советская женщина); ***Вдруг** слышится какой-то звук. Что такое? **Вроде** все открыто. Но откуда шепот?* (Алтайская неделя).

Будучи материализатором логического ударения, модальные частицы могут служить актуализации и периферийного объекта квалификации: *Он вернется сюда **вряд ли** раньше пяти часов* (Спутник кинозрителя); *Страшиновато писать об этом, но гибель наших соотечественников при разных чрезвычайных обстоятельствах стала **едва ли не** будничным фактом* (Аргументы и факты); *К Сухово-Кобылину, который **едва ли не** первым в России задумался о тайной силе бюрократии, проследил, как палачи становятся жертвами, **как бы** вдруг начали прислушиваться* (Лите-

ратурная газета). При этом вне предикативной основы предложения возникает актуализационный центр и происходит выделение дополнительного предикативного ядра. Последнее, в принципе, характерно для жанра публицистики, поскольку подобная позиция актуализации служит для привлечения внимания адресата к обсуждаемой проблеме: *И не случайно, думаю, ведь кооперативная – это сегодня **едва ли не** единственная легальная форма созидательной активности населения* (Сельская новь); *Знают их **едва ли не** во всех уголках земного шара даже далекие от шахмат люди* (Версия); ***Будто** в году 1912 это было? Осенью, помнится. Холод и мороз был славный* (Костер). В высказываниях подобного рода зафиксировано намеренное расчленение автором текста грамматического и актуального членения [7, с. 165]. Соответствие между ремой и сказуемым, темой и подлежащим здесь демонстративно нарушено, грамматический и коммуникативный центр предложения-высказывания образованы разными формальными элементами.

Месторасположение модальной частицы в высказывании относительно актуализируемого компонента достаточно стабильно – это препозиция. В публицистическом тексте, как правило, логически не вычлняются элементы, по отношению к которым модальные частицы находятся в постпозиции. В этом сказывается прогрессивное влияние частицы: *И мне отвечали, что это **якобы** совершенно не то, что я думаю* (Юность); *Вот такие «тихие» грабежи стали **едва ли не** нормой на рынках* (Версия); *На обороте указан тираж – 140 тысяч, но это, скорее всего, принятие желаемого за действительное – на ротапринте **вряд ли** осилить такой объем* (Литературная Россия).

Исключением являются случаи, когда модальная частица занимает позицию абсолютного конца предложения (*Встреча состоится **вряд ли*** (Известия); *Вопрос лежит на поверхности. Но ответ – **едва ли*** (Литературная Россия)), а также фиксируется в вопросительных по форме предложениях, где допустимое регрессивное влияние модальной частицы обусловлено самим коммуникативно-функциональным типом конструкции (*-Ты! Слышь, **что ль?*** (Юность); *Слушайте, что говорят! Не слышите **будто?*** (Октябрь)).

Препозиция модальной частицы относительно актуализируемого компонента в большинстве случаев в публицистических текстах носит контактный характер: *Боюсь, **едва ли не** каждая строка потребует специальных комментариев* (Огонек); *Где-то на Востоке есть **якобы** магический камень, который снимает все порчи* (Смена); *И многие молодые люди рассуждают по поводу своего трудоустройства примерно так: **авось** что-нибудь придумаю, где наша не пропадала!* (Работница). Дистантная позиция частицы фиксируется либо при воздействии последней на высказывание в целом (частица в этом случае располагается в начале высказывания: ***Вряд ли не** мучительнее и тягостнее переживание* (Литературная газета); ***Вроде** и не слышали раньше в поселке про то, что можно, оказывается, протезировать зубы без боли, применяя новейшие обезболивающие средства* (Сельская жизнь); ***Небось** и не хочется совсем идти в такую даль?* (Юность)), либо при выделении взаимодействующего компонента при помощи логического удара (место частицы в данном случае строго не фиксировано: *Они, **чай**, и не знают, как избавиться от нашего грызунов* (Сельская новь); *Не будем впадать в эйфорию, останемся реалистами: **вряд ли** в будущем году грянет вал сочинений молодых, который обрушится с журнальных страниц на читателя* (Комсомольская правда)).

Заметим, что занимаемая модальной частицей позиция не играет существенной роли в отнесении рассматриваемых квалификаторов к тематическим или рематическим элементам членения. Частицы всегда и во всех позициях служат выделению коммуникативного центра высказывания, актуализируют прагматически ценные для автора текста смыслы. Это компоненты ремы. Рема же, как известно, представляет собой главную коммуникативную цель любого сообщения, поэтому роль модальных частиц как рематических элементов весьма значительна для общего семантического поля высказывания. Именно с помощью модальной частицы последнее получает смысловую корректировку в сторону полюсов утверждения или отрицания как рефлекторов авторского мнения, что является решающим фактором в определении места высказывания на модальной шкале степеней достоверности.

Линейная последовательность синтаксических компонентов является тем формальным средством, которое фиксирует актуальное членение [1; 10]. В зависимости от порядка следования конструктивные компоненты могут получать большую или меньшую значимость. Выполняя актуализационно-прагматическую функцию, частицы в публицистических текстах нередко выступают в качестве трансформаторов тема-рематических границ.

При прямом порядке следования компонентов информация имеет поступательный характер, подается по мере нарастания ее значимости – от темы к реме. Конструкции при данной последовательности работают на динамическое единство связного текста, они «располагают свои компоненты так, чтобы информация развивалась последовательно от данного, известного... к новому, неизвестному» [6, с. 378].

В высказываниях с прогрессивным порядком следования компонентов модальные частицы, как правило, занимают интерпозицию, располагаясь на границе актуального членения – после темы и

открывая ремю: *Смысл таков – // **вряд ли** принесет им удовлетворение победа, если в их рядах таковой недисциплинированный игрок (Юность); В истории революции // **едва ли** сыщется другая столь же туманная и противоречивая фигура, как Нестор Иванович Махно (Куранты).* Такие высказывания формально могут быть отнесены к конструкциям с фиксированным актуальным членением. Граница между темой и ремой проходит здесь непосредственно перед частицей. Актуализации в данном случае подвержен либо предикат, либо компонент из состава его группы: *Не надо все же впадать в иллюзию – полностью отделить высказывание от субъекта высказывания // **вряд ли** удастся (Русский язык в школе); Получиться-то обязательно получится, только – что? Что в сентябре 1935 года автор Швейка, оставивший своего героя сиротой, увы, еще в 1923 году // **едва ли** мог написать футбольный матч Москва – Прага (Литературная газета).* Частица выполняет в высказываниях подобного рода обычную для себя функцию дополнительного актуализатора рематического элемента, так как самим прогрессивным порядком следования компонентов предполагается именно подобное актуальное членение: *Документы, которые сейчас лежат передо мной, возвращают нас в конец двадцатых – начало тридцатых годов и касаются событий, не привлечших, да и // **вряд ли** могущих привлечь внимание историков (Аргументы и факты); Не раз уже историки, литераторы, ученые писали о таинственном исчезновении императора Александра I и появлении его в образе старца Федора Кузьмича – // **якобы** вовсе и не умер он в 1825 году (Версия); Если бы уже в 20-е годы Сталин всерьез задумал убийство Троцкого, он // **вряд ли** выслал бы его из СССР (Комсомольская правда).* Модальные частицы при данной реализации не могут быть охарактеризованы в качестве специфических показателей точки зрения говорящего, однако при этом они стабильно выполняют свою основную коммуникативную функцию – актуализируют позицию автора текста через репрезентацию личностной точки зрения публициста на событие. В данных высказываниях компоненты тематической части не сообщают принципиально новой, неизвестной для собеседника информации, однако служат выполнению определенной задачи – связи предложения с жанровым контекстом. Тем не менее, неверно утверждать, что тема здесь не принимает участия в создании общего информационного пространства высказывания: и тема, и рема являются лишь словесными значениями, информация же выражается их активным сочетанием в общем смысловом поле коммуникативной единицы (Ср.: *Бойсь, однако, что и после всего, что произошло, жалобы медиков // **вряд ли** прекратятся (Московский комсомолец); И то и другое стало традицией понятной, но // **вряд ли** вполне правомерной (Спутник телезрителя); Можно быть привязанным к жизни всем своим существом, как Пушкин, да же испытывать острый вкус ко всей ее бытовой стороне, что, например, отличало Булгакова, – // **вряд ли** это // **убережет** (Литературная Россия).*

В предложениях с регрессивным порядком следования компонентов картина существенно меняется. Вынесение модальной частицы как элемента ремы в начало высказывания может быть обусловлено целым рядом причин: необходимостью позиционной контактности ремы с соотносимым членом предшествующего высказывания для обеспечения плавности перехода авторского повествования от одного события к другому с параллельной оценкой событий, расчленением пространственной ремы, желанием говорящего интенсифицировать диалог, ритмом и т.п.

Если конструкции с прогрессивным порядком следования компонентов «более естественны для спокойного монологического сообщения или повествования» [6, с. 379], то регрессивно построенные высказывания с модальными частицами всегда несут дополнительную смысловую нагрузку в публицистическом тексте, обусловленную дополнительной коммуникативно-прагматической нагрузкой самой частицы: ***Вряд ли** справедлива такая налоговая оценка их деятельности (Гудок); Можно ли сегодня остановить распространение «белой смерти»? **Вряд ли**, если этим будет заниматься только милиция (Патриот Алтая).*

При регрессивном построении сообщения происходит резкое повышение значения начала высказывания. Именно здесь располагаются наиболее важные в коммуникативном аспекте элементы, а значит и модальные частицы, корректирующие их семантические поля. Смысловая функция частицы становится в этом случае доминирующей, поэтому модальное значение, реализуемое служебным элементом, распространяется на высказывание в целом. Результатом этого является намеренная акцентуация собственной точки зрения автором публицистического текста: ***Вряд ли** что-нибудь скажет вашим читателям перечисление специальных терминов (Русский язык в школе); Наверное, **едва ли** ожидал он такого приема (Мир новостей); **Разве** возможно это после столь долгого отсутствия? (Неделя).*

Подобным образом модальные частицы реализуют себя в том случае, когда автор при прямом порядке следования компонентов выносит частицу в позицию абсолютного начала высказывания (Ср.: ***Вряд ли** кто-либо мог позволить себе встать на его пути (Алтайская правда); Еще вопросы. Такие странные. **Как будто** я думал тогда о том, что могло произойти (Воздушный транспорт).* Однако прямой порядок в таких высказываниях, на наш взгляд, нарушен. Рема здесь расчленена, а модальной частице в смысловом аспекте придано особое значение, соотношенное с непосредственным коммуникативным заданием говорящего. Цель последнего: во-первых, подчеркнуть максимальной коммуникативной актуализации саму частицу и, соответственно, маркиру-

емый ею компонент; во-вторых, выделить как самостоятельный модально-квалификативный смысл, генерализуемый модальной частицей в смысловом пространстве публицистического текста: **Вряд ли руководитель занимается этим из врожденной вредности – скорее ради излишней перестраховки** (Известия); **И стоит человек дурак дураком перед этими валунами, которым в общем-то глубоко наплевать, что перед ними «яйцеголовый гомо сапиенс» конца XX века. Чай, они еще и не таких видели!..** (Московский комсомолец).

Компоненты темы дополнительной актуализации со стороны модальной частицы могут быть подвергнуты лишь тогда, когда они выделены автором логически при помощи фразового ударения. Однако в этом случае называть их компонентами темы было бы, наверное, опрометчиво, так как они фактически включаются в состав ремы посредством актуализационного воздействия на них модального квалификатора – частицы (Ср.: **Вряд ли // он // сделает это - Вряд ли он // сделает это; Будто // он придет - Будто он // придет**).

В сравнении с теми случаями, когда модальные частицы строго фиксировались на границе актуального членения, открывая собой рематическую часть высказывания, влияние их на предикат при регрессивном порядке следования компонентов не уменьшается, как того следовало бы ожидать, а, напротив, увеличивается. Модально-квалификативные смыслы, реализуемые модальными частицами в подобных высказываниях, гораздо объемнее конкретизирующих смыслов, которые актуализируются частицей, фиксированной на тема-рематической границе в высказывании при прогрессивном порядке следования компонентов актуального членения. В этом аспекте высказывания, аналогичные приведенным выше, нельзя приравнять к типичным конструкциям с прогрессивным порядком следования компонентов, поскольку здесь по факту рематический компонент предшествует тематическому. Данные высказывания, на наш взгляд, должны быть отнесены к особой разновидности регрессивного порядка следования компонентов актуального членения.

Выводы

Модальные частицы в публицистических текстах во всех позициях выступают в качестве членящего тема-рематического элемента, находятся на границе актуального членения и открывают рематическую часть высказывания. В связи с тем, что в большинстве своем модальные частицы оказывают прогрессивное воздействие на компонент, они всегда находятся в начале рематизированной части сообщения. Иными словами, с изменением месторасположения частицы с большой долей вероятности может измениться и актуальное членение всего высказывания, которое здесь оказывается фиксированным. Фиксатором же вариативности является сама модальная частица. Таким образом, хотя актуальное членение предложения и базируется на порядке слов и интонации, однако наличие модальных частиц – фиксатора логического ударения – может оказаться решающим для определения (либо перераспределения) тема-рематических границ в высказывании, а в более широком аспекте – основой регистровой подвижности высказывания. Актуализационно-прагматическая функция модальных частиц при этом приобретает особую значимость.

Для описания смыслового пространства публицистического текста заявленные проблемы видятся важными, так как модальные частицы, выступая в качестве актуализаторов точки зрения автора текста, интенсификаторов авторского оценочного мнения относительно описываемого события, являются важными текстовыми маркерами, сориентированными на установление тесного коммуникативного контакта с адресатом.

Список литературы

1. Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения / В. Матезиус // Пражский лингвистический кружок – М.: Прогресс, 1967. – С. 239-245.
2. Ковтунова И.И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложени / И.И. Ковтунова – М.: Просвещение, 1976. – 239 с.
3. Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения / В.В. Богданов – Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. – 204 с.
4. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г.А. Золотова – М.: Наука, 1982. – 368 с.
5. Крылова О.А. Понятие нерасчлененного высказывания / О.А. Крылова // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1982. – №2. – С. 77-80.
6. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 528 с.
7. Аспекты семантических исследований / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1980. – 356 с.
8. Немец Г.П. Семантико-синтаксические средства выражения модальности в русском языке / Г.П. Немец – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1989. – 142 с.
9. Крушельницкая К.Г. К вопросу о смысловом членении предложения / К.Г. Крушельницкая // Вопросы языкознания. – 1956. – №5. – С. 55-67.
10. Распопов И.П. Строение простого предложения в современном русском языке / И.П. Распопов – М.: Просвещение, 1970. – 191 с.

УДК 83.3

**СИНОНИМИЧЕСКИЕ РЯДЫ СЛОВ И ИХ ФУНКЦИЯ В РОМАНЕ
«ЧТО ДЕЛАТЬ?» Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО
SYNONYMOUS SERIES OF WORDS AND THEIR FUNCTION IN THE NOVEL
"WHAT TO DO?" BY N.G. CHERNYSHEVSKY**

**Т.М. Уздеева
T.M. Uzdeeva**

*Чеченский государственный университет, Россия, 364907, Чеченская республика,
г. Грозный, ул. Февральская, 13*

Chechen State University, 13, Fevral'skaya St., Grozny, 364907, Russia

E-mail: yzdeeva@mail.ru

Ключевые слова: синонимический ряд, спецификация, логическая градация, понятийная игра.
Keywords: synonyms series, specification, logical gradation, conceptual game.

Аннотация. Работа посвящена исследованию функциональной значимости повторяющихся понятий, образующих синонимические ряды в романе писателя. Автор статьи анализирует II и III главы романа. В результате наблюдений выявлена трехчленная логическая градация в синонимическом ряде «обыкновенный» - «замечательный» - «особенный». Выявлена самостоятельная значимость понятий «прежде» - «теперь», «теперь» - «тогда», «очень плохо» - «очень хорошо». Сделан вывод об авторской «понятийной игре». Обозначена роль и назначение этих рядов в структуре повествования романа «Что делать?». Акцентирована их оценочная функция. Автором статьи обнаружены смысловые и стилистические нюансы в употреблении синонимических рядов.

Abstract. The work is devoted to the study of the functional significance of recurring concepts forming synonymous rows in the novel writer. The author analyzes II and III chapters of the novel. As a result of observations revealed tripartite logical graduation in synonymous number of "ordinary" - "wonderful" - "special". Revealed the importance of self-concepts of "first" - "now", "now" - "if", "very bad" - "very good". It is concluded that the author's "conceptual game." That defines the role and purpose of these series in the narrative structure of the novel "What to do?". Accentuated their evaluation function. The correspondent found the semantic and stylistic nuances in the use of synonymous series.

В романе «Что делать?» Н.Г. Чернышевского прослеживается авторская игра с некоторыми понятиями. Эту «игру» необходимо проследить во всей ее полноте и в той последовательности, в какой она осуществляется в романе. На протяжении I главы, после заданной в самом ее начале логической градации, мелькает несколько раз только слово «обыкновенный» – на двух первых страницах и в совершенно нейтральном контексте. Но вот оно вновь возникает в романе – в начале II главы.

I глава закончилась для героини романа преддверием катастрофы, и теперь рассказчик анализирует эту ситуацию: «Известно, как в прежние времена оканчивались подобные положения: отличная девушка в гадком семействе; насильно навязываемый жених, пошлый человек, который ей не нравится... Девушка начинала тем, что не пойдет за него; но постепенно привыкала иметь его под своею командою и, убеждаясь, что из двух зол – такого мужа и такого семейства, как ее родное, – муж зло меньшее, осчастливливала своего поклонника; сначала было ей гадко, когда она узнавала, что такое значит осчастливливать без любви; но муж был послушен; стерпится – слюбится, и она обращалась в *обыкновенную* хорошую даму, то есть женщину, которая сама-то по себе и хороша, но примирилась с пошлостью и, живя на земле, только коптит небо. Так бывало прежде с отличными девушками, так бывало прежде и с отличными юношами, которые все обращались в хороших людей, живущих на земле тоже только затем, чтобы коптить небо. – Так бывало прежде, потому что порядочных людей было слишком мало: такие, видно, были урожаи на них в прежние времена, порос „колос от колоса, не слышать и голоса". А век не проживешь ни одинокою, ни одиноким, не запахнувши, – вот они и чахли или примирились с пошлостью.

Но теперь чаще и чаще стали другие случаи: порядочные люди стали встречаться между собою. Да и как же не случаться этому все чаще и чаще, когда число порядочных людей растет с каждым новым годом? А со временем это будет *самым обыкновенным* случаем, а еще со временем и не будет бывать других случаев, потому что все люди будут порядочные люди. Тогда будет очень хорошо. Верочке и теперь хорошо» и т. д. [15:46–47].

Антитеза, идущая красной нитью через все это рассуждение, вводит в сферу повествования главный мотив романа. В этом отношении чрезвычайно характерным является уже самое общее противопоставление, которым организуется все рассуждение: противопоставление «прежние времена» – «теперь». Если развязки житейских положений в «прежние времена» хорошо известны читателю, то весь его интерес, естественно, должен обратиться к тому новому, что меняет, характер этих развязок «теперь». Рассказчик заставляет ожидать появления «новых людей» и, следова-

тельно, вспомнить саму формулу из подзаголовка романа – «новые люди». Но этого мало. Здесь вводится определение «новых людей как «порядочных людей». Выясняется, что «порядочные люди были и в «прежние времена», что особенность теперешней ситуации не в том, что «новые» порядочные люди отличаются от порядочных людей «прежних времен», а в том, что «теперь чаще и чаще... порядочные люди стали встречаться между собой.

Далее. Противопоставление «прежде» – «теперь», несмотря на всю свою самостоятельную значимость, не замкнуто в себе, а разомкнуто в сторону будущего. Время не только меняет общественную ситуацию, но и убыстряет общественное развитие «Теперь» не просто противоположно «прежде» – в нем это «прежде» отрицается, но еще не отменяется. «Прежде» и «теперь сосуществуют: отрицание старого порядка вещей начато, и принципиально ново, но задача состоит в том, чтобы этот порядок был вытеснен без остатка, а это может случиться лишь временем», когда «все люди будут порядочные люди. Тогда будет очень хорошо», – завершает рассказчик свою мысль. Развитие идет не только от «прежде» – через «теперь» к «тогда», но и от «очень плохо» – к «очень хорошо». Исследование ситуации, существующей независимо от нашего желания и наше желание, совпадающее с объективной тенденцией развития и тем самым убыстряющее его, накладываются друг на друга, совпадают друг с другом и в лице рассказчика выступают перед читателем как определенная общественная позиция.

Слово «обыкновенный» встречается в этом контексте дважды. Первый раз оно несет в себе примету «прежних времен», когда «женщина, которая сама-то по себе и хороша, но примирилась с пошлостью», была «обыкновенной хорошей дамой. Второй раз слово «обыкновенный», хотя и употреблено одиноко, восстанавливает всю логическую конструкцию трехчленной формулы: «прежде» – случаи встречи между собою «порядочных людей» были «особенными», необыкновенными, маловероятными; «теперь» – они уже закономерны, но все еще «замечательны», редки, неповсеместны; «со временем» – они станут «обыкновенными», нормальными, незамечательными. Формула оказывается повторенной и, следовательно, заново предпосылает повествованию, но в новом качестве: впервые она «играет» – в ней обнаруживается способность оцениваемые в ее рамках факты действительности ориентировать в координатах исторического времени.

Именно с этого момента в тексте романа окончательно устанавливается роль трехчленной понятийной конструкции «обыкновенное»-«замечательное»-«особенное» во всех ее функциях и как критерия, определяющего отбор повествовательного материала на протяжении всего романа; и как некоей логической «сетки», определяющей границы и формы оценочных суждений рассказчика в ходе повествования; и как художественного принципа, определяющего тот неповторимый ракурс, в котором представляются читателю все изображаемые в романе лица, события, факты, а также проблемы и их решения.

После вступительного рассуждения рассказчика в начале главы слово «обыкновенный» возникает при описании впечатления, сложившегося у Лопухова относительно Верочки на вечере в день ее рождения: «Лопухов наблюдал Верочку и окончательно убедился в ошибочности своего прежнего понятия о ней как о бездушной девушке, холодно выходящей по расчету за человека, которого презирает: он видел перед собою *обыкновенную* молоденькую девушку, которая от души танцует, хохочет; да, к стыду Верочки, надобно сказать, что она была *обыкновенная* девушка, любившая танцевать» [15:55].

Верочка называется здесь «обыкновенной девушкой» дважды, и это не простой повтор слова – это повтор оценки: так характеризует ее сначала Лопухов в своем размышлении, и затем его определение подхватывает и подтверждает уже от себя рассказчик. «Обыкновенность» героини объясняется – указан противоположный случай: «необыкновенной» была бы «бездушная девушка, холодно выходящая по расчету за человека, которого презирает». Таким образом, «обыкновенность» Верочки оказывается первой и, следовательно, важнейшей ее характеристикой. Да и само слово, использованное для этой характеристики, становится в романе весомее, ибо вторично употребляется рассказчиком как оценочное по отношению к центральной героине романа, причем если в первый раз лишь для характеристики ее воспитания, то теперь – для характеристики ее личности.

В следующем разделе главы читатель встречает уже целый словесный каскад, варьирующийся вокруг этого слова. Подспудно здесь возникает еще раз та же оценка героини и тоже удвоенная благодаря повтору: «„Как это *странно*, – думает Верочка: – ведь я сама все это передумала, перечувствовала, что он (Лопухов) говорит и о бедных, и о женщинах, и о том, как надобно любить, – откуда я это взяла? Или это было в книгах, которые я читала? Нет, там не то: там все это или с сомнениями, или с такими оговорками, и все это как будто что-то *необыкновенное, невероятное*. Как будто мечты, которые хороши, да только не сбудутся! А мне казалось, что это *просто, проще всего*, что это *самое обыкновенное, без чего нельзя быть, что это верно все так будет, что это вернее всего!*.. Да разве они этого не говорят? Нет, им только жалко, а они думают, что в самом деле так и останется, как теперь, – немного получше будет, а все так же. А того они не говорят, что я думала. Если бы они *это* говорили, я бы знала, что умные и добрые люди так думают; а то ведь

мне все казалось, что это только я так думаю, *потому что я глупенькая девочка*, что кроме меня, глупенькой, никто так не думает, никто этого в самом деле ждет..."

Нет, Верочка, это *не странно*, что передумала и приняла к сердцу все это ты, *простенькая девочка*, не слышавшая мысли-то тех людей, которые стали этому учить... твои книги писаны людьми, которые учились этим мыслям, когда они бы еще мыслями; эти мысли казались *удивительны, восхитительны* – и только. Теперь, Верочка, *эти мысли в уме ясно видь в жизни*, и написаны другие книги, другими людьми, которые находят, что *эти мысли хороши, но удивительного нет в них ничего...*» [15:59–60].

«Странное» / «необыкновенное» / «невероятное» / «восхитительное» / «удивительное» – таков один синонимический ряд, варьирующийся вокруг понятия «особенное». «Не странное/простое» / «проще всего» / «самое обыкновенное» – таков второй синонимический ряд, варьирующийся вокруг понятия «обыкновенное». Оба ряда разветвлены, насыщены смысловыми и стилистическими нюансами. Два крайних понятия логической градации благодаря взаимному проникновению этих синонимических рядов отчетливо присутствуют в тексте, и присутствуют в тактичной, ненавязчивой, не академической сухой словесной оболочке. Тем самым создается лексическое поле, в котором просто понятийная конструкция обогащается добавочными смысловыми оттенками. Не случайно, что этот факт совпадает с моментом возникновения в романе темы «мыслей» – темы поисков правильного мировоззрения, темы тождества передовой общественной науки и жизненного мироощущения «простого» человека. Любимая идея рассказчика совмещается в своем проявлении с одним из узловых этапов в развитии его оценочной конструкции.

В то же время здесь происходит дальнейшее уточнение характеристики героини романа. Читатель теперь узнает; сама она думает о себе точно так же, как перед этим думал ней Лопухов. Она называет себя «глупенькой девочкой», вновь эту ее оценку повторяет за нею рассказчик, слегка поправляя, но не изменяя ее существа, – он называет ее «простенькой девочкой». «Глупенькая» – это случайное и психологически очень понятное определение, но слово «простенькая» в качестве синонима для слова «обыкновенная» – не случайно. В нем характеристика героини как «обыкновенной девушки». Верочка «проста» и «глупа» не тупой «простотой» обывателя и не сытой «глупостью» тунеядца, а светлой «простотой» ясного сознания и святой «глупостью» доброго сердца и чистой совести. Игра синонимических рядов и создает необходимую для этого существенного уточнения характеристики героини словесно-понятийную атмосферу. «Станным», «необыкновенным», «невеселым», «удивительным», с одной стороны, и «не странным», «простым», «проще всего», «самым обыкновенным», не имеющие в себе «ничего удивительного», с другой стороны, выступает здесь одно и то же явление действительности: так противоположно воспринимается и оценивается оно людьми разных поколений, разных общественных идеалов, разных по своему общественному содержанию мировоззрений. «Обыкновенность» и «простота» героини как элементы ее характеристики только в данном контексте наполняются своим конкретным содержанием, которое без него не могло бы быть выведено ни из лексического значения этих слов, ни из логического объема соответствующих этим словам понятий.

Итак, мы видим, что во II главе романа происходит интенсивное смысловое расширение и в то же время художественная конкретизация объема понятия «обыкновенный» – первого члена оценочной авторской формулы.

В III главе столь же интенсивно и еще более радикально конкретизируется – применительно к художественному контексту романа – объем противоположного члена оценочной формулы – понятия «особенное».

Описание истории устройства Верой Павловной швейной мастерской, чему посвящен весь IV раздел III главы, содержит в себе этот многократно повторяющийся последний член оценочной авторской формулы: «Мастерская Веры Павловны устроилась. Основания были просты, вначале даже так просты, что нечего о них и говорить. Вера Павловна не сказала своим трем швеям ровно ничего кроме того, что даст им плату, но немного побольше той, какую швеи получают в магазинах; *дело не представляло ничего особенного...* Эти три девушки нашли еще трех или четырех, выбрали их с тою осмотрительностью, о которой просила Вера Павловна в этих условиях. В Вере *тоже не было ничего возбуждающего подозрение, то есть ничего особенного*: молодая и скромная женщина желает, чтобы в мастерской были девушки прямодушного, доброго характера, рассудительные, уживчивые, *что же тут особенного?* Вера Павловна сама познакомилась с этими выбранными, хорошо познакомилась, прежде чем сказала, что принимает их, это актуально; это тоже рекомендует ее как женщину основательную, и только. *Думать тут не над чем, не доверять нечему...* Вера Павловна постоянно была в мастерской, и уже они успели узнать ее очень близко как женщину расчетливую, осмотрительную, рассудительную, при всей ее доброте, так что она заслужила полное доверие. *Особенного тут ничего не было и не предвиделось...*» [15:130].

Многократное приглашение рассказчика согласиться с тем что в «простых основаниях» мастерской не было «ничего особенного», вызывает у читателя недоумение и заставляет размышлять, причем в нужном автору направлении. Кто станет в «простых основаниях» мастерской ис-

коть что-либо «подозрительное»? Вероятно, это девушки-швеи не могли увидеть в предприятии Веры Павловны «ничего особенного», а на самом деле это не так? И почему «ничего особенного» значит «ничего возбуждающего подозрение»? Читателю в действительности предлагается ожидать и «особенное», и даже «подозрительное».

Описание мастерской еще не началось, но мысль о политическом смысле предприятия Веры Павловны и, следовательно, намек на политический подтекст всего этого мотива уже введены в текст романа. Так начинает готовиться почва для игры специфическим значением слова «особенный» в дальнейшем – при характеристике Рахметова.

Дальше в том же разделе, после того как Вера Павловна приступила к осуществлению своего плана и попыталась объяснить девушкам свое желание не присваивать прибыль себе, а делить ее между самими работницами, говорится: «Долгие разговоры были возбуждены этими *необыкновенными* словами. Но доверие было уже приобретено Верой Павловною; да и говорила она просто, не заходя далеко вперед, *не рисуя никаких особенно заманчивых перспектив*, которые после минутного восторга рождают недоверие. Потому девушки не сочли ее помешанною, а только и было нужно, чтобы не сочли помешанною. Дело пошло понемногу» [15:133].

Теперь, когда, наконец, в описание введено то «особенное», на котором так резко рассказчик акцентировал внимание читателя еще в начале описания, звучит слово «необыкновенный» – ближайший синоним слова «особенный», да и само это слово также присутствует здесь. Тем самым подтверждено еще раз понятное противостояние «особенный» – «обыкновенный» с акцентом на слове «особенный», которое в контексте всего описания специфицировано другим, ранее употребленным и гораздо более острым по смыслу синонимом – «подозрительный».

В продолжение этого описания истории мастерской оба слова, являющиеся крайними членами оценочной авторской формулы, употребляются еще несколько раз, хотя и в нейтральных лексических значениях, но сама густота их употребления выразительна и в стилистическом отношении не нейтральна. Здесь же, впервые после начала II главы, возникает понятийная градация в своем полном виде и затем, на протяжении ближайших трех разделов, повторяется еще дважды. Поскольку сразу вслед за этим – в УЩ и IX разделах III главы – рассказчик дает характеристику самому типу центральных героев своего повествования, то, вероятно, перед тем как приступить к такой характеристике, он посчитал необходимым еще и еще раз закрепить в сознании читателя логическую конструкцию своей понятийно-оценочной формулы.

Характеристика «новых людей» как типа оценочно организована рассказчиком вокруг понятия «особенный»: «Все резко, выдающиеся черты их – черты не индивидуумов, а типа, типа до того разнящегося от привычных тебе, пронизательный читатель, что его *общими особенностями* закрываются личные разности в нем» [15:148]. Вот как говорится о будущем «новых людей»: «...тогда уж не будет этого *отдельного типа*, потому что все люди будут этого типа, и с трудом будут понимать, как же это было время, когда он считался *особенным, типом, а не общею натурою всех людей?*» [15:149]. Наконец, в IX разделе, где продолжается характеристика, сказано: «Но все это они представляют себе как-то по-своему: и нравственность и комфорт, и чувственность и добро понимают они *на особый лад*, и все на один лад, и не только все на один лад, но и все это как-то на один лад, так что...» и т.д. [15:150].

Мы видим, что слово «особенный» действительно выступает как ударное, ключевое для характеристики целого типа, всей совокупности «новых» героев романа, и таким образом оно покрывает собою, а следовательно, и вбирает в себя все конкретные смысловые параметры типа, разъясненные в ходе характеристики, придавая этим параметрам, в свою очередь, собственную свою окраску. Так получается, что порядочность «новых людей», их принципиальность, их последовательность в поступках – это не вообще порядочность, принципиальность, последовательность, но то, и другое, и третье – «особого» рода. А между тем вся «особенность» этих качеств заключается в том, что они не разрознены, а сцементированы воедино и неразрывны друг с другом. Новый тип характеризуется суммой этих качеств единственно потому, что они составляют новую сумму – не механическую, а органическую. Так входит в роман еще один специфический оттенок, существенно влияющий на формирование конкретного значения слова «особенный» в тексте романа. Этот оттенок – мысль о новом нравственном качестве изображаемых романистом героев.

Спецификация и расширение лексического значения одного из слов – членов оценочной авторской формулы ведет к необходимости аналогичного изменения лексического значения и противоположного члена формулы – слова «обыкновенный».

В XI разделе III главы рассказывается о страсти Кирсанова к Вере Павловне и его первой попытке ее подавить. «Разговор шел, как *обыкновенно*, – повествует рассказчик, – без всяких церемоний; Кирсанов болтал больше всех, но вдруг замолчал... Через несколько времени, *раньше обыкновенного*, он встал и ушел, простившись, как всегда, просто» [15:151 – 152]. «Прошло еще два дня; не зайти к Лопуховым четыре дня сряду было делом *необыкновенным* для Кирсанова» [15:152]. И вдруг эта «необыкновенность» его поведения становится разительной; текст начинает пестреть неожиданным; «стал дураком и пошляком»; «выходило как-то дрянно»; «начал нести...

пошлую чепуху»; «уж несколько дней до своего явного опошления он был странен»; «из-под маски порядочного человека высывалось несколько дней такое длинное ослиное ухо» [15:153] и т.д.

До сих пор противоположность понятий «обыкновенный» – «особенный» была однозначной. И вот теперь, когда второе слово этой группы приобрело для читателя новый смысл, возникший в художественном контексте романа, происходит аналогичное уточнение смысла первого слова. Читатель видит здесь, что значит в романе «необыкновенное», когда оно не то же самое, что «особенное»: это – «пошлостное» в окружающей «новых людей» реальной действительности. Именно теперь мир «новых людей» в романе окончательно отделяется и противопоставляется «допотопному» миру «пошлых» людей*. Лексическое значение слова «обыкновенный», так же как это произошло несколько раньше со словом «особенный», расширяется, и конкретное значение этого слова в тексте романа отныне включает в себя также моральную и социальную характеристику круга его «новых» героев. Это означает, что понятийная оценочная градация, продолжая сохранять свою логическую форму, существенно изменила свое содержание: являвшаяся вначале простым соотношением понятий, она стала теперь художественно-образным соотношением оценочных рядов, содержание которых определяется уже не столько общеязыковой нормой, сколько контекстом самого романа.

Читателю начинает открываться авторский «урок», и для стиля романа весьма характерно, что он открывается лишь в том объеме, в каком он читателем в данный момент уже усвоен. Действительно, реальные человеческие отношения, известные читателю помимо романа – из собственного жизненного опыта, и воспринимаются и, следовательно, оцениваются им как «обыкновенные». С этой точки зрения такие герои романа, как Вера Павловна, Лопухов и Кирсанов, являются безусловно людьми «необыкновенными», «особенными». И сам рассказчик как будто так же понимает их: ведь говорит же он, что это люди «на особый лад». Однако по своей собственной мерке – все они люди «обыкновенные». То, что с точки зрения «допотопных людей» является «особенным», настойчиво пропагандируется рассказчиком как заурядное, незамечательное, «обыкновенное». Но тем самым пропагандируется принципиально другая, точка зрения – точка зрения «порядочных людей». С другой стороны, естественно, что раз изображаемые лица и их поступки – подчеркнута оцениваются как «обыкновенные», внутри этого круга фактов и с точки зрения самих «порядочных людей» должны существовать явления «особенные». Что это за явления и в чем будет заключаться их «особенность» по сравнению с этого рода «обыкновенностью», читателю пока не видно, не известно. Но почва подготовлена, оценочное «силовое поле» создано: «новые люди» – «обыкновенные» ли, или «особенные» – все отграничены не только нравственно и социально, но – с величайшей осторожностью и как бы мимоходом – также и политически в современной романисту социальной среде.

Литература

1. Алексеев Н.А. Комментарии к журнальной редакции «Что делать?» //Чернышевский Н.Г. Что делать?. – М., 1957. – С. 358–367.
2. Бахтин М.М. Эпос и роман // Вопросы литературы, 1970.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
4. Бландова Н. Г. Композиционно-стилистические и языковые особенности «снов Веры Павловны» //Русский язык в школе. – 1974. – № 6.
5. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М., 1993.
6. Водовозов Н.В. Вступительная статья к роману «Что делать?» и комментарии к роману // Чернышевский Н.Г. – М., 1980.
7. Верховский Г.О. О романе «Что делать?» - Ярославль, 1959.
8. История русской литературы – М, Л, 1956 – т8.
9. Каплан И. Е. Опыт анализа языка главы «Особенный человек» (роман «Что делать?»)//Вопросы преподавания русской литературы в национальной школе. – М., 1972. – С. 168–186.
10. Курдюмова Т. Ф. Изучение художественных особенностей романа Н. Г. Чернышевского в курсе девятого класса средней школы //Учен. зап. МГПИИм. В. И. Ленина, – 1961, – № 175. – С. 57–78.
11. Лебедев А.А. Герои Чернышевского – М., 1962.
12. Лебедев А. А. Разумные эгоисты Чернышевского. – М., 1973.
13. Липеровская С.И. Идеино-художественное значение снов Веры Павловны в романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?»//Изучение художественного текста в школе. – М., 1956. – С. 87–100.
14. Рейсер С.А. Примечания к тексту романа «Что делать?» Н.Г. Чернышевского – Л., 1975.
15. Чернышевский Н.Г. «Что делать?» - // Полн. собр. соч. в 10-и т. – т.9 – С-Петербург – 1906 – с.1 - 317

* Тот же лексический круг еще раз возникнет в тексте, когда Лопухов, наконец, догадается о страсти Кирсанова к Вере Павловне и станет пересматривать детали его прошлого поведения: «...В тогдашних глупых выходках Кирсанова не было ничего такого, что не было бы известно Лопухову за *очень обыкновенную* принадлежность нынешних нравов; не редкость было и то, что человек, имеющий порядочные убеждения, поддается пошлости, происходящей от нынешних нравов» (гл. III, разд. XXI, с. 183).

РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.133.1

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНЫХ ВКРАПЛЕНИЙ В ЯЗЫКЕ АФРИКАНСКИХ ИММИГРАНТОВ ВО ФРАНЦИИ FUNCTIONING OF FOREIGN INCLUSIONS IN THE LANGUAGE OF AFRICAN IMMIGRANTS IN FRANCE

Ж. Багана, Я.А. Глебова
J. Baghana, Y.A. Glebova

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85*

Belgorod National Research University, 85, Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: baghana@bsu.edu.ru, glebova@bsu.edu.ru

Ключевые слова: национально-культурная специфика, культура, билингвизм, билингв, иноязычные вкрапления.

Keywords: national and cultural specific features, culture, bilingualism, bilingual, foreign inclusions.

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы функционирования иноязычных вкраплений в языке франкоязычных африканцев-иммигрантов, проанализирована национально-культурная специфика иноязычных вкраплений (на примере темы родственных отношений).

Abstract. This paper focuses on the problem of functioning of foreign inclusions in the language of francophone African immigrants, and on the analyses of national and cultural marked characteristics of the foreign inclusions (at the example of family relations).

Иноязычные вкрапления достаточно широко распространены в языке африканских иммигрантов, живущих во Франции и невозможно назвать их точное количество. Иноязычные вкрапления являются частью специфики национальной культуры африканцев в связи с ограниченной способностью французского языка выражать африканскую культуру и удовлетворить потребности иммигрантов в самовыражении, а также в выражении культурных ценностей, реалий.

Большая часть иноязычных вкраплений в языке билингвов связана с предметным миром и явлениями, свойственными африканской культуре, а также с необходимостью адекватного обозначения эмоционально-оценочных реакций индивидов. Иноязычные вкрапления имеют главным образом денотативное и эмоционально-оценочное содержание, при этом денотативное содержание преобладают над аффективными. Появление денотативных наименований обусловлено внешней причиной – социокультурной спецификой иммигрантской африканской среды и внутренней причиной – отсутствием языкового знака для обозначения африканских реалий. Слов концептуально-логического характера значительно меньше.

Иноязычные вкрапления, отражающие национально-культурную специфику в языке африканских иммигрантов, можно объединить в различные семантически-мотивированные группы, однако в рамках данной статьи будут рассмотрены иноязычные вкрапления, указывающие на родственные отношения.

Примеры функционирования иноязычных вкраплений в художественных произведениях и разговорной речи иммигрантов, проживающих во Франции, показывают как африканские писатели-билингвы и африканские иммигранты используют иноязычные вкрапления.

Заметим, что иноязычные вкрапления графически вариативны и частично подвергаются графической адаптации. Первым указан наиболее распространенный вариант написания, например, *tchèque/tcheck/tchèk/chek*.

Иноязычные вкрапления, указывающие на родственные отношения. Теме родственных отношений и уважения к старшим занимает большое место в традиции иммигрантов, проживающих во Франции. У африканцев, как и у других народов, уважение к старшим явилось итогом длительного и сложного процесса развития как морально-правовых, так и социальных институтов.

Родственные отношения и особенно, мнение старших представляются важной частью жизни африканцев вне зависимости от обстоятельств. Старший родственник или член сообщества прожил долгую жизнь, и соответственно, обладает большим багажом знаний и обширным опытом. Большинство африканцев, независимо от страны проживания, прислушиваются к мнению старших [1].

Проблема обращений к старшим имеет четкую национально-культурную специфику как в Африке, так и в Европе. Иммигранты не забываются африканские традиции и реалии, используют их в повседневной жизни во Франции, а также учат этому своих детей. Для африканцев, живущих в Европе, родственные отношения остаются такими же иерархичными, как и в Африке.

Так как системы родственных связей в Европе и Африке не совпадают, то французская лексика приобретает специфические черты в территориальном варианте французского языка. По мнению В. Т. Клокова, в основе африканской системы родства лежит принцип, в соответствии с которым все члены общества одного поколения являются братьями и сестрами, даже если, с точки зрения европейца, родственные связи отсутствуют [2].

Ж. Багана подчеркивает, что иноязычные вкрапления, используемые для обращения (например, *ya* «старший», *ma* «мать», *koko* «дедушка/бабушка», *tata* «отец», *bokilo* «свекр/свекровь/тесть/теща», *séméki* «зять/невестка», *poko* «дядя», *léki* «младший брат», *ngwankazi* «младший брат отца», *mana kulutu* «старшая сестра матери, тетя»), расширяют свое значение. Кроме основного значения, свойственного центрально французскому варианту – обращения к членам семьи (чаще всего старших по возрасту), эти слова приобретают новые значения, обозначая любого человека определенного возраста (определяется первоначальным значением), с которым есть что-то общее (клан, этнос, страна, континент, дружба) [3].

Например, основное значение – *ya/yâ* (из языков группы банту, сокращение от *yaaya*) [фр. «aîné(e), grand frère, grande sœur»] – «старший/старшая; старший брат; старшая сестра». При использовании в качестве обращения ставится перед именем или фамилией и подчеркивает уважение или привязанность к старшему по возрасту человеку. Может служить для обращения к старшему брату или старшей сестре. Реже употребляется полная форма *yaaya*, *yâya*, *yâya*.

J'y ai trouvé le couple, qui m'avait précédée d'un an. Ils m'ont accueilli comme une sœur. Thérèse m'appelait yaaya (grande sœur) et je crois que ma venue lui apportait un plus [4]. – Я нашла там пару, которая опередила меня на год. Они относились ко мне как к сестре. Тереза называла меня старшей сестрой, и я считаю, что мой визит много принес ей.

Ya/yaaya также может обозначать любого человека, старшего по возрасту, с которым есть что-то общее (например, дружба, этнос, страна, континент).

Ya Malongo bientôt viendra chez nous. C'est un ami de mon père. – Старший брат Малонго скоро приедет к нам. Это друг моего отца.

Часто вкрапление *ya/yaaya* используется в составе прозвища, обладающего негативным значением, например *ya mado*. *Mado* [от фр. Madeleine] – женское имя еврейского происхождения, восходящее к Марии Магдалене. В среде африканских иммигрантов, так называют женщину, ведущую свободный образ жизни, у которой плохая репутация.

Значение словосочетания может расширяться и служить синонимом для французского выражения «*femme bien en chair*» – «женщина в теле». В этом случае, *ya mado* передает национально-культурную специфику Конго, и особенно ДРК. В этих странах ценятся крупные женщины с пышными формами, которые становятся синонимом идеала женской красоты для конголезцев. Заметим, что это стремление распространено не только в Африке, но и во Франции: часть африканок используют все доступные средства, чтобы поправиться и соответствовать идеалу красоты.

Phénomène Ya Mado, femme congolaise cherche fesses rebondies. – Феномен женщин в теле, конголезка стремится к округлым ягодицам.

Фраза «*c'est ya mado*» распространена в среде африканской молодежи в качестве синонима [фр. *c'est mort*] – «это смерть», в значении, что ожидаемое от индивида действие не будет им выполнено.

«*Tu m'accompagnes au magasin?*»; «*Frère c'est ya mado*». – «Ты пойдешь со мной в магазин?»; «Брат, я не пойду».

Также в сфере обращений к старшим часто встречаются составные слова, обозначающие лицо одного поколения, но немного старше. Например, *yaaya mobali* (киконго, лингала) [фр. «grand frère – «старший брат»] – лицо мужского пола или *yaaya twasi* (киконго, лингала) [фр. «grande sœur – «старшая сестра»] – лицо женского пола.

Широко распространена форма уважительного обращения *koko*, *kooko* (из языков группы банту) [фр. «grands-parents, grand-père, grand-mère»] – «родители отца или матери, дедушка, бабушка и их друзья».

Disons au revoir à kooko Jean avant de partir. – Скажем до свидания дедушке Жану перед уходом.

Другим термином, передающим уважительное отношение к старшей женщине, является *mama* (из языков группы банту) [фр. *maman, mère (f)*] – «мать, матушка».

Je revois Marie et sa mama, une grosse négresse couverte d'or... [5]. – Я снова встречаю Марию и ее мать, крупную негритянку, увешанную золотом.

Иммигранты чаще используют краткую форму – *ma, mâ, mam'*.

Visiblement, elle ne sait pas si elle doit dire: «Merci beaucoup Ma Juliette» ou «Ya Julietté». Elle ne sait pas si maman a l'âge d'être sa mère ou sa grande sœur. [6]. – Очевидно, она не знает, что должна говорить: «Большое спасибо, Матушка Джульетта» или «Уважаемая Джульетта». Она не знает возраст: женщина возраста ее матери или ее старшей сестры.

Слово *ma* или *mama* часто расширяет значение, обозначая африканку, уважаемую в силу своего возраста и социального статуса. Редко может использоваться для описания полной женщины.

On entendait au loin chanter une vieille femme. La berceuse de la mama trouait la nuit. Quelque part, un enfant allait s'endormir [7]. – Вдали слышалось пение старухи. Колыбельная матушки пронызывала ночь. Где-то засыпал ребенок.

В сочетании с женским антропонимом может быть эквивалентом обращения, свойственного французскому языку – [фр. «*madame*»] – «мадам».

Mama Jeanne a toujours été de bon conseil pour moi. – Мадам Жанна всегда была хорошим советчиком для меня.

Иногда иноязычное вкрапление может сужать значение и использоваться африканцами, живущими во Франции, в качестве синонима [фр. *poitou (f)*] – «няня, нянька».

Je n'ai pas besoin d'engager une mama. – У меня нет необходимости нанимать няню.

В сочетании со словом *mama* образуются составные слова, выражающие уважения к женщине. Например, *mama kulutu/mama kouloutou/ mama nkulutu* [фр. «*tante maternelle*»] – «тетя по линии матери», используется африканцами при обращении к старшей сестре матери или любой уважаемой женщине, по возрасту старше матери, с которой есть что-то общее (этнос, страна, друзья и т.д.)

Il s'agit des concours de mode, de coiffure, de gastronomie, de "miss "mama kouloutou". – Это конкурс моды, красоты, гастрономии, «мисс «хозяйка»».

Другое вкрапление, *mama mokonzi* (из языков группы банту) [фр. *chef*] – «руководительница», обозначает женщину, наделенную властью и выполняющую руководящую функцию, начальника.

Hier, nous avons parlé avec la mama mokonzi, chef de projet. – Вчера мы беседовали с начальницей проекта.

Смысловое значение – *mama koko/mama nkoko* (из языков группы банту) [фр. *grand-mère (f)*] – «бабушка»:

Je quittai mon fils avec sa mama koko. – Я оставила сына с его бабушкой.

Одним из способов подчеркнуть уважительное отношение к тете, младшей сестре матери или любой женщине возраста тети является словосочетание *mama léki* (мунукутуба, лингала) [фр. *mère cadette (f)*] – «младшая мать».

Mama léki est arrivée hier de Marseille. – Мамина младшая сестра вчера приехала из Марселя.

Иноязычное вкрапление *mama tapasa* (киконго, лингала) [фр. *mère de jumeaux ou de jumelles*] образовано благодаря сочетанию слов *mama* «мать» и *tapasa* «близнецы» и переводится как «мать близнецов». Синонимом является словосочетание из языка лари, образованное краткой формой *ta* – *ta-ngoudi* (лари) [фр. *mère de jumeaux ou de jumelles*] – «мать близнецов». По аналогии образуется иноязычное вкрапление *ta-ngoudi* [фр. *père de jumeaux ou de jumelles*] – «отец близнецов».

Elle accoucha de deux jumeaux. Elle est ta-ngoudi. – Она родила двух близнецов. Она мать близнецов.

Африканцы употребляют иноязычные вкрапления *mbuta* или *mbuta-muntu* (лингала) [фр. *vieillard (m)*] – «пожилой человек» для обозначения человека, вызывающего уважение в силу своего возраста или социального положения. В качестве примера приведем следующую фразу:

Mbuta, je suis heureux de vous voir. – Уважаемый, я так рад Вас видеть.

Слово может также сужать значение и обозначать «охранник, ночной сторож» – [фр. *gardien, veilleur de nuit (m)*].

Jean travaille comme mbuta depuis 30 ans. – Жан работал сторожем в течение 30 лет.

Уважение адресанта к адресату мужского пола передает иноязычное вкрапление *tata/tâta/taata/tâta* (из языков группы банту) [фр. *papa (m)*] – «папа, отец» и может переводиться как «дядя отца или матери, мужчина возраста дяди».

Tata Loubelo et moi avions été parmi les premiers habitants de Moukonzi-Ngouaka. C'était un travailleur modèle [8]. – Я и папаша Лубело были среди первых жителей Муконзи-Нгуака. Это был образцовый работник.

Чаще употребляется краткая форма – *ta*, особенно перед мужскими антропонимами:

Bonjour Ta Makaya je t'annonce une grande nouvelle [9]. – Здравствуй, дядя Макая, я сообщу тебе замечательную новость.

По аналогии с *ama koko*, часто встречается словосочетание *tata koko* (из языков группы банту) [фр. «grand père (m)»] – «дедушка» и *tata kulutu/ tata kouloutou/ tata nkulutu* [фр. «oncle paternel»] – «дядя по линии отца». Конголезцы используют словосочетание *tata kulutu* при обращении к старшему брату отца.

Tata koko de André habitait à Lyon. – Дедушка Андре жил в Лионе.

Словосочетание *tata mwasî* (лингала) состоит из слов *tata* [фр. «père (m)»] – «отец» и *mwasî* [фр. «femme (f)»] – «женщина» и обозначает тетю (сестру отца). Удивительно, что отсутствует словосочетание *tata mobali* (*mobali* [фр. «homme (m)»] – «мужчина») в языке конголезцев, которое, по аналогии, должно было бы служить для наименования брата отца.

Эту функцию выполняет слово *noko* (лингала) [фр. «oncle (m)»], которое первоначально обозначало французского или бельгийского колонизатора в Африке, затем, значение слова претерпело изменения, и в среде иммигрантов используется для наименования дяди. Приведем пример употребления:

Noko Richard arrive par le train Nice–Paris. – Дядя Ричард приезжает поездом Ницца–Париж.

Однако иммигранты из Конго предпочитают употреблять иноязычное вкрапление *ngwankazi* (киконго) [фр. «père cadet (m)»] – «младший отец», для наименования или обращения к дяде, младшему брату отца.

Notre ngouankazi vend des fruits au marché Barbès. – Младший брат нашего отца торгует фруктами на рынке Барбес.

Среди африканцев широко распространено многозначное иноязычное вкрапление *bokilo* (из лингала) [фр. beau-père, belle-mère, beau-frère, belle-sœur], которое может обозначать члена семьи супруга (свекор, свекровь, зять, золовка), независимо от пола.

J'ai vu le mari de ma sœur. Eh, bokilo, comment ça va? – Я увидел мужа моей сестры. Зять, как дела?

Второе значение слова – родственник по линии супруги (теща, тесть, невестка, шурина).

Например, *il est vrai, que ces mêmes termes «belle-mère» et «beau-père» designent aussi la mère ou le père du conjoint, c'est-à-dire la ou le «bokilo».* – Действительно, термины «теща» и «тесть» обозначают мать или отца супруги, другими словами «родственников жены».

Заметим, что *bokilo* обладает максимально расширенным значением. В свою очередь, *séméki* (лингала) [фр. beau-frère, belle-sœur] принято только при наименовании зятя или невестки.

Mon séméki évite les réunions de famille. – Мой зять избегает семейных праздников.

Основным значением иноязычного вкрапления *mbanda* (конголезские языки) является муж сестры супруга или жена брата супруги. Слово *mbanda* может употребляться для обращения к шурина, деверю, свояку, зятю, тестю, свекру, отчиму. Приведем пример:

Depuis que tu as marié la petite sœur de ma femme, tu es mon mbanda. – С тех пор, как ты женился на младшей сестре моей жены, ты стал моим свояком.

Второе значение *mbanda* [фр. «rival»] – «соперник (соперница)». Заметим, что среди конголезцев, *mbanda* имеет отрицательную коннотацию, так как сужает значение (в отличие от французского синонима) и обозначает не соперника, конкурента в работе, делах, а «соперника или соперницу в любви», т.е. любовника жены или любовницу мужа.

L'homme reste la proie de mbanda. – Мужчина остается добычей любовницы.

В языке африканских иммигрантов прочно вошло иноязычное вкрапление *mpangi* (киконго) [фр. frère ou sœur de sang], которое обозначает брата или сестру по крови.

Où est mon mpangi? – Где мой брат?

Кроме уважительных обращений младших к старшим, в среде африканских иммигрантов распространено обращение старшего к младшему брату или любого молодого человека младшего возраста – *léki* (лингала).

Léki Claude a besoin de vous. – Младший брат Клод нуждается в вас.

В продолжение наименований младших членов семьи появляется иноязычное вкрапление *mwana/моана/туана* [фр. enfant] – «ребенок». В первом значении обозначает ребенка от 3 до 5 лет, но в языке конголезцев значение расширяется и обозначает ребенка любого возраста. Приведем пример:

Tu ne sais pas ouvrir la bouteille: tu es un mwana! – А, подумай только, ты не знаешь, как открыть бутылку: ты ребенок!

Итак, для Африки характерна особенная система родства, которой свойственно уважение к старшим и выполнение их указаний. Большинство приведенных выше слов африканцы используют в Африке, однако иммигранты, в связи с сохранением иерархичности родственных отношений, вынуждены использовать эти слова в качестве иноязычных вкраплений уже во французском языке во Франции.

Список литературы

1. Словарь современной фразеологии французского языка Африки/под. ред. Ж. Багана. – М.:ФЛИНТА: Наука, 2014. – 436 с.
2. Клоков В.Т. Французский язык в Африке. – Саратов, 2000. – 284 с.
3. Багана Ж. Языковая интерференция в условиях франко-конголезского билингвизма: Дис... д-ра филол. наук. – Саратов, 2004. – 350 с.
4. Mabeko Tali, J.-M. Le Musée de la honte. – Paris: L'Harmattan, 2003. – 128 p.
5. Quémeneur J. S. Les coups pour rien. – Paris: Gallimard, 1964.
6. U Tam'si, Tchicaya, Les Phalènes. – Paris: Albin Michel, 1984. – 250 p.
7. Makhele C. Le Cercle des vertiges. – Paris: L'Harmattan, 1992. – 173 p.
8. Tati-Loutard, J.-B. Fantasmagorie. – Paris: Présence africaine, 1998. – 128 p.
9. Tchichelle T. Les Fleurs des lantanas, – Paris: Présence africaine, 1997. – 218 p.

УДК 811.112.24:821.112.2:81-119:82-34

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ГРУБОСТЬ» В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ СКАЗКИ В. ХАУФА «КАРЛИК НОС»)
VERBALIZATION OF THE CONCEPT OF «RUDENESS» IN GERMAN
(ON THE MATERIAL OF W. HAUFF'S FAIRY-TALE "DER ZWERG NASE")**

**И.В. Бойчук, А.О. Лавриненко
I.V. Boichuk, A.O. Lavrinenko**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85*

Belgorod National Research University, 85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: boichuk_i@bsu.edu.ru, lavrinenko@bsu.edu.ru

Ключевые слова: Вильгельм Хауф, концепт, литературная сказка, немецкий язык
Keywords: Wilhelm Hauff, concept, literary fairy-tale, German

Аннотация. В настоящей статье рассматривается вопрос о вербализации концепта **грубость** в немецком языке (на материале оригинального текста сказки В. Хауфа «Карлик Нос»). Данный концепт является одним из ключевых этнокультурных стереотипов, связанных не только с Германией, но и с германскими народами в целом. Выбор материала обусловлен принадлежностью творчества немецкого писателя и новеллиста Вильгельма Хауфа к такому направлению в искусстве как бидермайер, которое, в свою очередь, является квинтэссенцией немецкой культуры. Анализ сказки выявляет, что одной из важнейших особенностей этого произведения является его чрезвычайная насыщенность концептом *грубость*, репрезентируемым в той или иной форме на протяжении практически всего текста сказки.

Abstract. The article deals with the question of verbalization of the concept of “rudeness” in German (on the material of W. Hauff's fairy-tale “Der Zwerg Nase”). This concept is one of key ethno-cultural stereotypes connected not only with Germany and its people, but also, to a limited extent, with the whole group of Germanic peoples. The choice of the material is due to the fact that German writer Wilhelm Hauff's œuvre belongs to the artistic style Biedermeier which, in its turn, could be considered as the quintessence of the German culture. The analysis of the fairy-tale reveals that one of the distinguishing features of this work is its saturation with the concept of “rudeness” which is represented in some form or other throughout the text of the fairy-tale.

Основной постулат когнитивной лингвистики как одного из самых популярных языковедческих направлений нашего времени сводится к мысли о том, что язык является не только открытой системой знаков, находящейся в состоянии непрерывного развития, но и особым способом репрезентации знаний человека о мире, своеобразным способом включения конкретного человеческого сознания (и, соответственно, определённой картины мира) в глобальную картину мира. На наш взгляд, цель такого включения состоит в том, чтобы сократить угол в мировосприятии не только носителей разных языков и культур, но и в восприятии носителей одной и той же культуры. Как пишет Л. Вайсгербер, язык сам по себе является картиной мира, выражением культуры и духа народа [Вайсгербер:185], а значит, изучение той или иной культуры невозможно без изучения основного для этой культуры языка. Отметим, что данная дефиниция важна не только при изучении тех или иных культуры и языка в их современном состоянии, но и при диахроническом подходе к исследованию их. Поэтому, если перед исследователем поставлена задача изучить хотя бы один аспект какой-либо культуры, не являющейся для него родной, ему необходимо помнить о том, что на формирование данного языка оказывает влияние совокупность культурных кодов, основанных на исторических реалиях (в том числе – политических процессах), территориальных особенностях, типе мышления или даже мировоззрения, главенствующего в заданное время и т.д.

Так, например, более или менее полное восприятие немецкой культуры невозможно без наличия фоновых знаний о её языке и литературе, без представления о ключевых фигурах, формировавших эту культуру в том виде, в каком она существует на данный момент. Одной из таких фигур был писатель Вильгельм Хауф (в традиционной передаче – Гауф), чьё творчество, несомненно, представляет интерес не только для исследователей, но и для обывателя – не только в Германии, но и за рубежом.

Вильгельм Хауф родился в 1802 году в Штутгарте, в 1824 году получил степень доктора философии и теологии в Тюбингенском университете и именно в это время начал заниматься художественным творчеством – опубликовал сборники рассказов и волшебных сказок, которые стали не только одной из важнейших составляющих немецкой культуры, но и культуры мировой. Несмотря на то, что Хауф прожил весьма короткую жизнь – всего 27 лет – его наследие весьма велико

и представляет интерес для исследования как с текстологических и литературоведческих, так и с лингвистических позиций.

Как говорилось ранее, язык является отражением не только действительности и проявлений культуры, но и самого духа народа, ключевые особенности которого проще всего проследить в прецедентных текстах, впитавших в себя большую часть различных культурных стереотипов. Творчество В. Хауфа, своеобразно репрезентирующее немецкую действительность, на наш взгляд тоже весьма стереотипично, так как его ключевые аспекты во многом совпадают с ключевыми аспектами немецкой культуры в целом. В первую очередь, это связано с тем, что Вильгельм Хауф относится к авторам, чье творчество развивалось в рамках такого направления как бидермайер (нем. Biedermeier). Самое название этого художественного направления, в дословном переводе которого содержится значение 'простодушный' (нем. — bieder) позволяет говорить о том, что оно легло в основу целой культурной эпохи, как нельзя более ярко отражающей немецкую ментальность – эпохи филистерства.

Как уже было сказано, искусство всегда тесно связано с теми или иными политическими и историческими процессами. Если мы говорим о литературном процессе, то справедливо будет считать его своего рода реакцией на события, происходящие в данный момент в мире. Так, бидермайер стал своеобразным откликом на нестабильную политическую ситуацию в Германии начала девятнадцатого века. Основной чертой этого направления в искусстве является идеализация быта, реализация романтизма и ампира, уход от глобальной действительности к локальной. Если для немецкого философа Людвиг Витгенштейна границы мира совпадали с границами языка [Витгенштейн: 56], то для идеологов бидермайера границы мира совпадали с границами семьи. Семья для них – модель Вселенной, а создание камерного провинциального комфорта является основной жизненной целью. Возвращаясь к творчеству Вильгельма Хауфа, отметим, что именно поэтому все положительные персонажи его произведений так мещански добродетельны и красноречивы, а отрицательные – неприглядны и грубы. Заметим, что в мировой культуре грубость считается важнейшим этнокультурным стереотипом, лежащим в основе культуры германских народов. Подтверждением этому, на наш взгляд, могут служить характеристики, данные А. И. Герценом немцам и англичанам: «Французские слабости и недостатки долею улетучиваются при их легком и быстром характере. У немца те же недостатки получают какое-то прочное и основательное развитие и бросаются в глаза. Надобно самому видеть эти немецкие опыты, представить so einen. burschikosen Kamin de Paris в политике, чтобы оценить их. Мне они всегда напоминали резвость коровы, когда это доброе и почтенное животное, украшенное семейным добродушием, разыграется, заветренничает на лугу и с пресерьезной миной побрыкает обеими задними ногами или пробежит косым галопом, погоняя себя хвостом», и далее – «Уличные грубости сильно оскорбляют сначала французов и итальянцев. Немец, напротив, принимает их с хохотом, отвечает таким же ругательством, перебранка продолжается, и он остается очень доволен. Обоим это кажется любезностью, милой шуткой. "Bloody dog!"- кричит ему, хрюкая, гордый британец. "Стерва Джон Буль!" – отвечает немец, и каждый идет своей дорогой.

Это обращение не ограничивается улицей – стоит только посмотреть на полемику Маркса, Гейнцена, Руге et consorts, которая с 1849 года не переставала и теперь продолжается по ту сторону океана. Глаз наш не привык видеть в печати такие выражения, такие обвинения, ничего не пощажено, ни личная честь, ни семейные дела, ни поверенные тайны.

У англичан грубость пропадает, поднимаясь на высоту таланта или аристократического воспитания; у немцев – никогда. Величайшие поэты Германии (за исключением Шиллера) впадают в самую неотесанную вульгарность» [Герцен: <http://>].

Подобное противопоставление позволяет считать такой важный концепт как *грубость* одним из центральных в немецкоязычной литературе в целом и в творчестве Вильгельма Хауфа в частности. В настоящей статье мы предлагаем изучить способы языковой репрезентации данного концепта на материале оригинального текста одной из известнейших сказок В. Хауфа – «Карлик Нос» (нем. "Der Zwerg Nase"). Выбор данного материала обусловлен тем, что именно в тексте этой сказки исследуемый нами концепт вербализован наиболее ярко.

Сказка В.Хауфа «Der Zwerg Nase» была написана в 1827 году, в эпоху Vormärz. Она входит в сборник «Märchen – Almanach auf das Jahr 1827 für Söhne und Töchter gebildeter Stände». О значимости и популярности этой сказки говорит и тот факт, что существует не менее тринадцати её переводов на русский язык. В.Келер пишет: ««Карлик Нос» ... Не знаю, есть ли на земле человек, который не читал бы или по крайней мере не слышал этой сказки.» [5 : 10].

Анализ сказки «Карлик Нос» выявляет, что одной из важных особенностей этого небольшого (чуть более тридцати страниц) произведения является его чрезвычайная насыщенность концептом *грубость*, репрезентируемым в той или иной форме на протяжении практически всего текста сказки.

Анализ речевых характеристик и действий персонажей сказки показывает, что *грубость* в различных ее проявлениях, – от изощренных вербальных издевательств (например, советы отно-

сительно футляра для уродливо длинного носа карлика) до крайнего её проявления — открытой физической агрессии (например, довольно жестокое избивание Якоба пучком сапожных ремней, истязания ведьмой Kräuterweiss своих антропоморфных белок и морских свинок или наличие огромного бича в руках зрителя дворца, который он, не колеблясь, то и дело пускает в ход), — буквально пропитывает сказку, принимая те или иные формы. Редкий персонаж произведения не демонстрирует в какой-то момент грубость либо словом, либо действием. В сущности, только Мими, заколдованная дочь волшебника Веттербока, не обнаруживает грубости, если не считать таковой её вынужденные угрозы и шипение, направленные на самозащиту

Stichst du mich,
So beiß ich dich;
Drückst du mir die Kehle ab,
Bring ich dich in frühe Grab.

Первой грубость проявляет ведьма Kräuterweiss («Сведущая в травах»), бесперемонно роясь в товаре Ханны и понося его. Однако при этом Kräuterweiss не употребляет всё же чрезмерно грубых слов, ограничиваясь такими, в общем-то, относительно умеренными характеристиками товара как «Schlechtes Zeug, schlechtes Kraut, schlechte Ware, Schechte Kohl!». Порой она даже притворно ласкова, обращаясь к Якобу «Söhnchen», с тем, чтобы тут же перейти к угрозам: «also gefällt dir meine Nase, meine schöne lange Nase, sollst auch eine haben, mitten im Gesicht bis übers Kinn herab». Однако невербальная составляющая ее поведения гораздо более груба, даже в какой-то мере агрессивна: «die Alte, beugte sich nieder vor den Körben und fuhr mit ein Paar dunkelbraunen, häßlichen Händen in den Kräuterkorb hinein, packet die Kräutlein, die so schön und zierlich ausgebreitet waren, mit ihren langen Spinnenfingern, brachte sie dann eines um das andere hin auf an die lange Nase und beroch sie hin und her». Вместе с тем реакция Якоба на фоне поведения ведьмы Kräuterweiss выглядит чрезмерно эксплозивной и слишком злобной для ребёнка его возраста (не следует упускать из вида, что это к тому же дисциплинированный немецкий мальчик из добропорядочной, хотя и небогатой бюргерской семьи, а не какой-нибудь необузданный уличный мальчишка, немецкий Гаврош). Вне художественного контекста поведение Якоба, пользуясь терминологией К.Леонгарда, в данной ситуации можно было бы квалифицировать как поведение акцентуированной личности возбудимого типа. И если ведьма Kräuterweiss осуждает лишь товар Ханны, то Якоб «переходит на личности» и принимается крайне грубо критиковать физические недостатки и внешность старой женщины, а заодно и её моральные качества (называя ее «unverschämtes»), дерзко обращаясь при этом к ней (женщине весьма преклонного возраста и клиентке его матери) на «ты»: «Höre, du bist ein unverschämtes altes Weib" rief er unmutig (заметим, что Якоб кричит), «erst fährst du mit deinen garstigen braunen Fingern in die schönen Kräuter hinein und drückst sie zusammen, dann hältst du sie an deine lange Nase...» и далее грубость Якоба становится еще более отвратительной: «Wackle nur nicht so garstig mit dem Kopf hin und her" rief der Kleine ängstlich, - он фантазирует: « dein Hals ist ja so dünn wie ein Kohlstengel, der könnte leicht abbrechen, und dann viele dein Kopf hin ein in den Korb; wer wollte dann noch kaufen!», — здесь грубость мальчика переходит в неприкрытое циничное и злобное глумление. Позже примерно в том же ключе над носом заколдованного Якоба будет издеваться его собственный отец-сапожник: вероятно, в этом состоит некая особая poetic justice. Эмоциональная реакция двенадцатилетнего мальчика на провокационное поведение злой волшебницы явно избыточна. Возраст ведьмы Kräuterweiss и её физические недостатки, — то, что в общем должно бы скорее смягчить раздражение юного торговца, как раз ещё больше распаляют его гнев и используются им в качестве предмета упрёков. При этом, думается, Якобом нарушаются определенные морально-этические табу, ведь в тот момент никто не знает, что он и его мать имеют дело с ведьмой — перед ними просто хотя и бесцеремонная, но всё же довольно жалкая, беспомощная старуха. В этом, очевидно, и заключается роковая ошибка Якоба. Ведь если бы Якоб вёл себя более корректно с необычной покупательницей, вполне вероятно, она не поступила бы с ним так жестоко.

Возможно, ведьма Kräuterweiss символизирует тёмное начало в душе самого Якоба, реализующееся в его грубости по отношению к старому и внешне беспомощному человеку, или, по меньшей мере, она изопрённо апеллирует к этому тёмному началу, искусно провоцируя его, Якобу же не удается обуздать свои эмоции. (Возникает даже вопрос, не участвовал ли в какой-то мере образ Якоба и его печальная история в создании Юханом Боргеном образа Вилфреда Сагена — в душах обоих персонажей бурлят De mørke kilder /норв. тёмные воды/, с которыми они не могут совладать).

Вызывает некоторое удивление, что Ханна, воздерживаясь сама от явной перебранки с ведьмой, тем не менее не пытается пресечь грубость Якоба, хотя ей не составило бы никакого труда это сделать, судя по тому, что Якоб, хотя и хныча, но выполняет её распоряжение проводить страшную старуху с купленным товаром, т.е. родительская власть её над Якобом вполне для этого достаточна. В этой связи интересно вспомнить, как сурово отец наказывает сына за непочтение к Маленькому Муку в другой сказке того же автора, действие которой происходит не в Германии, а в

городе Никее в Малой Азии. То есть Ханна, чей образ изначально позиционируется как образ добропорядочной матери семейства, не лишенной эстетического чувства («...und ihre Gemüse auf gefällige Art aus zu breiten und legen wußte»), ее товар был «so schön und zierlich ausgebreitet»), в данной ситуации груба имплицитно, в сущности, она присоединяется к словам Якоба, эти слова, вероятно, она хотела бы сказать и сама, но не посмела, опасаясь наказания, которое могло её за это ожидать со стороны городских властей. Хотя, когда ведьма сулит Якобу метаморфозы, которые должны вообще лишить его шеи, Ханна все же вмешивается и довольно грубо для своего социального положения говорит злой волшебнице Kräuterweiss: «Schwätzt doch nicht so unnützes Zeug mit dem Kleinen da».

Следующее проявление грубости, – и вербальной, и физической – обращение ведьмы со своими заколдованными домочадцами при возвращении домой. На этот раз Kräuterweiss, будучи у себя дома, не только не стесняется в выражениях, но и прибегает к физическому насилию: «Wo habt ich meine Pantoffeln, schlechtes Gesindel? rief die Alte und schlug mit dem Stock nach ihnen».

Дальнейшую манифестацию концепта *грубость* мы наблюдаем уже после того, как Якоб покидает дом ведьмы и слышит в толчее в свой адрес (не подозревая, однако, что эти слова относятся к нему): «Ei, sehet den häßlichen Zwerg!...» и другие грубые насмешки. Далее на Якоба обрушивается буквально поток грубости со стороны окружающих. Ханна, сама потерявшая единственного сына, не проявляет, впрочем, особого сострадания или хотя бы толерантности к окружающим, в том числе и физически убогим, адресуя своему неизвестному заколдованному сыну целую серию ругательств: «Was willst du von mir, häßlicher Zwerg!» rief sie, «fort, fort! Ich kann der gleichen Possen spiel nicht leiden.» И далее: «Ich habe dir schon gesagt, gehe deines Weges!» «Bei mir verdienst du kein Geld durch deine Gaukelein, häßliche Mißgeburt». Ханна, как и её сын Якоб семь лет назад, принимается упрекать раздражившего её собеседника его физическими недостатками, что совершенно недопустимо с точки зрения не только морали, но и элементарных приличий. Кроме того, она, как и Якоб в своё время, кричит. Примечательно, что Ханна даже употребляет слово «der Unverschämte», которым семью годами ранее воспользовался ее сын в разговоре с ведьмой Kräuterweiss. К Ханне с готовностью присоединяются её соседки-торговки, не только не скупящиеся на оскорбления, но и угрожающие Якобу физической расправой: «über ihn herfallen und ihn zu zerkratzen». При этом автор отмечает особую способность рыночных торговков (возникает вопрос: только ли немецких?) ругаться.

Грубость сапожника – отца Якоба принимает изощрённую форму, когда он, внешне оставаясь достаточно вежливым, в конце беседы с карликом неожиданно издевательски предлагает: «Ist Euch vielleicht etwas von meiner Arbeit gefällig, junger Herr?» ... «vielleicht ein Futteral für Eure Nase?», в высшей степени бестактно развивая затем тему уродливо длинного носа Якоба в течение довольно длительного времени. В конце концов, грубовато потребовав от карлика «Lasset mich in Ruhe», он выпроваживает его. У соседа-брадобрея Урбана заколдованного Якоба ждет еще более изощрённо-издевательский прием. Урбан пространно издевается над уродливой внешностью карлика, используя в своих насмешках даже тропы, а все посетители цирюльни при этом хохочут («wieherndes Gelächter füllte die Baderstube»). Поведение брадобрея абсолютно отвратительно, пожалуй, его плохо замаскированная притворной любезностью грубость – худшая из всех персонажей, тем более что фигура Якоба для него, казалось бы, наиболее индифферентна. Однако Урбан устраивает настоящий омерзительный спектакль для посетителей цирюльни и при этом расчетливо планирует извлекать финансовую выгоду из уродства Якоба – у его гнусной кисло-сладкой грубости есть материальная, прагматическая подоплёка, – в заведение его конкурента Шаума посетителей заманивает великан, а Урбан хочет заполучить в качестве приманки для клиентов карлика Якоба. В сущности, его грубость заслуживает большего наказания, чем грубость самого Якоба, у которого хотя бы имелись какие-то основания грубить ведьме Kräuterweiss – понятная обида за пренебрежительное отношение неприглядной покупательницы к столь тщательно и искусно разложенному матерью товару. Вероятно, В.Хауф неспроста наделил этот персонаж именно таким именем (И. Х. Дворецкий переводит urbānus в своем «Латинско-русском словаре» как *утонченный, благовоспитанный, образованный, культурный, приветливый, любезный*). Примечательно, что именно в связи с деловым предложением Урбана Якобу в сказке употребляется слово *der Schimpf*.

Дальнейшее общение с отцом (ранее «er wie ein Hund von der Tür seines Vaters gejagt werde») заканчивается для Якоба уже грубым физическим насилием: «Da bei nahm er ein Bündel Riemen, sprang auf den Kleinen zu und schlug ihn auf den hohen Rücken und auf die langen Arme, daß der Kleine vor Schmerz auf schrie und wein end da von lief.» Сапожник не просто бьет Якоба, он набрасывается на него и бьет ремнями именно «auf den hohen Rücken und auf die langen Arme», причем удар наносится изо всей силы. Здесь мы уже имеем дело скорее с изощренной жестокостью, нежели просто с грубостью.

Итак, на заколдованного Якоба обрушивается настоящая лавина грубости, часто доходящей до степени жестокости. Складывается впечатление, что крайняя грубость присуща практиче-

ски всем жителям города, в котором происходит действие сказки. Но грубые нравы свойственны не только местным филистерам, торговцам, сапожникам и брадобреям. В герцогском дворце глазеющие и громко хохочущие над Якобом слуги образуют целые толпы, назойливо преследующие карлика, а смотритель дворца не только грубо бранит своих подчиненных (“Um des Himmels willen, ihr Hunde...”), но и то и дело пользуется своим бичом. Чрезвычайно груб и сам герцог: “Hund von einem Zwerg!...Soll ich dir deinen großen Kopf abhacken lassen zur Strafe für deine schlechte Kocherei?”, “Gehe, du Hund...” (вообще, слово *der Hund* в качестве ругательства во дворце весьма популярно). То есть в городе грубы все, от сапожника до герцога, грубость носит массовый характер, как будто жителей города поразила некая психологическая эпидемия (что, в сущности, во многом совпадает с характеристикой немецкой грубости, данной А. И. Герценом). В.Хауф пишет: «In jener Stadt gibt es, wie überall, wenige mit leidige Seelen, die einen Unglücklichen, der zu gleich etwas Lächerliches An sich trägt, unterstützen». Вполне естественно, что Якоб несёт наказание за свою грубость по отношению к уродливой старухе, но возникает вопрос, почему жестоко наказан именно он, если большинство жителей города по крайней мере ничем не лучше его в этом отношении?

Таким образом, на основе анализа текста литературной сказки «Der Zwerg Nase» можно сделать следующие выводы:

- Выявляется массовое присутствие концепта *грубость* в этом произведении.
- Концепт *грубость* реализуется в данном произведении различными путями: речевые характеристики персонажей, их действия и поступки, авторские отступления и ремарки. Однако важно заметить при этом, что слово *die Roheit* или его синонимы в тексте сказки не употреблены ни разу. Лексически концепт *грубость* реализуется преимущественно следующими словами и словосочетаниями: *du bist ein unverschämtes altes Weib, schlechtes Zeug, schlechte Ware, der Unverschämte, wackle nur nicht so garstig mit dem Kopf hin und her, dein Hals ist ja so dünn wie ein Kohlstengel, schlechtes Gesindel, häßlich, häßliche Mißgeburt, häßlicher Zwerg, gehe deines Weges!, fort, fort!, deine Gaukelein, er wie ein Hund von der Tür seines Vaters gejagt werde, ihr Hunde, Hund von einem Zwerg, du Hund, der Schimpf, deinen großen Kopf, deine schlechte Kocherei, rufen, schwatzen.*
- В ряде случаев в этой сказке В.Хауфа концепт *грубость* практически сливается с концептом *жестокость*.

Литература

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. – М. : 2010
2. Вайсгербер Л. Родной язык и формирование духа. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 232 с.
3. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. – М.: АСТ, 2010. – 192 с.
4. Герцен А. И. Былое и думы. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://az.lib.ru/g/gercen_a_i/text_0090.shtml (дата обращения – 10.10.2015)
5. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. – М., Русский язык Медиа, 2008. – 844 с.
6. Келер В. Прекрасная весна, у которой не было осени. С.5-11. / Вильгельм Гауф. Сказки. – Ленинград «Художник РСФСР», 1979.
7. Леонгард К. Акцентированные личности. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2000
8. W. Hauff. Der Zwerg Nase. / Hauffs Werke in zwei Bänden. Zweiter Band. Ss. 137-169. – Aufbau Verlag Berlin und Weimer, 1979.

УДК 81-25.81'373

**ПРОЗВИЩНОЕ НАИМЕНОВАНИЕ КАК ПРОЦЕСС ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СЕМИОТИКИ И СЕМИОТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТОЛОГИИ
SOUBRIQUET NOMINATION AS LINGUISTIC SEMIOTICS AND SEMIOTIC
CONCEPTOLOGY INTERACTION PROCESS**

**О.Д. Вишнякова¹, В.А. Александрова²
O.D. Vishnyakova, V.A. Aleksandrova**

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова¹, 119991, РФ, г. Москва, мкр. Ленинские Горы, 1;
Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308015, РФ, г. Белгород, ул. Победы, 85*

*Moscow State University named after M. V. Lomonosov, 1, Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russia;
Belgorod State Research University, 85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: ol-vish@mail.ru, aleksandrova_v@bsu.edu.ru

Ключевые слова: антропонимическое прозвище, языковой знак, выделенность, концепт, фрейм-структура, коннотация

Keywords: antroponymic nickname, linguistic sign, salience, concept, frame structure, connotation.

Аннотация. Семиотическая выделенность прозвища, выступающего в функции условного знака-признака или символа, способствует установлению особых отношений в профессиональном и обиходно-бытовом общении, обеспечивая конвенциональную ориентацию человека в мире. Языковой знак, используемый в качестве прозвища, под влиянием различных дискурсивных факторов может подвергаться семасиологическим трансформациям, приобретать значения и коннотации, отражающие новые концептуальные содержания, получать новые интерпретации в сознании окружающих, обогащая таким образом свой культурный опыт.

Abstract. Semiotic salience of a soubriquet, acting in the function of identification sign or symbol, contributes to the establishment of special relations in professional and everyday communication providing the conventional orientation of a person in the world. A linguistic sign used in the function of a nickname, influenced by various factors of discourse, may be subject to semasiological transformations, acquire meaning and connotations, reflecting the new conceptual content, receive new interpretations in the minds of others, thus enriching its cultural experience.

Настоящая статья посвящена проблеме изучения спортивных прозвищ, являющихся одним из наиболее широко представленных ономазиологических пластов в области языковой номинации. Исследование феномена антропонимического прозвища, существующего в обществе с давних времен (в английском языке понятие «прозвище» было впервые зафиксировано в XV веке [20; 31]), занимает особое место в сфере ономазиологии, изучающей процессы именования предметов и явлений реального мира [4, с. 288]. Прозвищная номинация как динамический процесс, отражающий восприятие и оценку человека его окружением, заслуживает внимания с различных точек зрения: этимологической, лексико-семантической, структурно-композиционной, стилистической, аксиологической и т.д. Особо следует остановиться на вопросах лингвокогнитивного и лингвесемиотического характера, лежащих в области соприкосновения ментального и знакового аспектов языкового функционирования. Отметим, что в исследованиях, проведенных в указанном направлении, уже предлагаются классификации, основанные на представлении предмета изучения в категориях когнитивной лингвистики (например, «фигура – фон», «профиль – база» [20, с. 118]).

Традиционное рассмотрение результатов процесса прозвищной номинации базируется в первую очередь на типологической классификации прозвищ, основанной на таких параметрах, как источник номинации, сфера употребления, ситуативные характеристики, структурная организация, образная специфика [10; 15; 20; 30; 26; 22]. Так, материал, заимствованный из области языковой репрезентации спортивного дискурса, представляющего достаточно богатый источник для изучения прозвищной номинации, позволяет исследователю выявить и подвергнуть основанной на структурно-содержательных принципах классификации следующие типы прозвищ, бытующих в мире спорта:

1. Прозвища, отражающие внешние особенности человека (часто наименования с элементами иронии, сарказма):

1.1 в основе номинации – общие характеристики внешности, голова, лицо – the Bald Eagle (Джим Смит, футбольный менеджер, за отсутствие волос на голове), Ugly (бейсболист Джонни Дикшот), Tomato Face (бейсболист Ник Каллоп),

1.2 в основе номинации – особенности роста и телосложения – the Long Fellow (Лестер Питот, английский жокей), Big Jack (Джек Чарльтон, английский футболист), Megatron (игрок в регби

Кальвин Джонсон), Bones (профессиональный американский боец ММА Джонатан Джонс); Kid Poker (игрок в покер Дэниел Негреану, обладающий невысоким ростом), Peanut (корейская гольфистка Ми Хюн Ким, за ее маленький рост),

1.3 в основе номинации - физические недостатки, неадекватность, повторяемость движений – the Gnome (Кейт Флетчер, английский игрок в крикет, из-за особенностей внешности); The Mouth (игрок в покер Майк Матусов из-за движений рта), Bunions (бейсболист Хайнц Бекер, имевший проблемы со ступнями),

1.4 в основе номинации – особенности внешних признаков: одежды, аксессуаров, предметов семиотической значимости – Blade Runner (шестикратный чемпион летних Паралимпийских игр Оскар Писториус, южноафриканский бегун на короткие дистанции ЮАР с ампутацией конечностей обеих ног ниже колен); АН-22 (российский футболист Александр Анюков, игровой номер - 22), АК-47 (российский баскетболист Андрей Кириленко, игровой номер - 47), Rotkäppchen (Little Red Riding Hood) (немецкая рыжеволосая биатлонистка Кати Вильгельм, выступающая в красной шапочке),

1.5 в основе номинации – прямые и метафорические цветообозначения, в том числе - цвет кожи – Goldenballs (Дэвид Бэкхэм), Black Mamba (американский профессиональный баскетболист Коби Брайант), Chocolate Thunder (американский баскетболист Даррел Докинс),

2. Прозвища, данные по названию вида спорта: Miss Ping (американская теннисистка Леа Нойбергер), Шахматный кудесник (советский гроссмейстер Михаил Таль), The King of Biathlon (норвежский биатлонист Оле Эйнар Бьорндален), Poker Brat (игрок в покер Фил Хельмут, неоднократный победитель состязаний по покеру), The Princess of Diving (китайская пятикратная чемпионка мира по дайвингу Го Цзинцзин),

3. Прозвища, в основе которых лежит отсылка к функциональным обязанностям, роду деятельности, с учетом настоящих и прежних занятий, ассоциации с определенными фактами биографии, имеющими биографическую значимость предметами или личностями - the Black Diamond (Том Крибб, английский боксер, работал перевозчиком угля в юности), The Professor (игрок в покер Говард Ледерер, высоко образованный человек), Spice Boy (футболист Дэвид Бекхэм, по аналогии с названием популярной британской поп-группы "Spice Girls", где выступала его жена Виктория), Fireman, Feuerwehrmann (немецкий футболист Бернд Шнайдер, член добровольной пожарной бригады города Леверкузен), Hollywood (Барри Джекекел, сын голливудского актера Ричарда Джекекела),

4. Прозвища, основанные на особенностях манеры профессионального поведения, качествах, проявляемых в состязаниях и на тренировках, часто с элементами метафоричности - Mean Joe Greene (футболист Джо Грин), Joe Cool (футболист Джо Монтана), Beast Mode (футболист Маршаун Линч), Sweetness (футболист Уолтер Пейтон, прекрасно двигающийся на поле), The Human Rain Delay (бейсболист Майк Харгроув, обращающий особое внимание на состояние спортивной формы при подготовке к состязанию), Megatron (футболист Кэлвин Джонсон), His Airness (прославленный американский баскетболист Майкл Джордан), Rampage (американский профессиональный боец смешанного стиля Куинтон Джексон), Never Nervous (американский баскетболист Первис Эллисон), Mad Max (баскетболист Вернон Максвелл), The Scientist (игрок в гольф Роберт Карлссон, отличающийся своим аналитическим подходом), Sphinx of the Links (гольфист Боб Чарльз, за свою немногословность во время игры),

5. Прозвища, характеризующие профессиональные особенности и спортивные качества, отражающие высокий уровень профессионализма, притязаний, профессиональной и социальной значимости, в том числе - в плане эмоционально-оценочного восприятия окружающих, игроков, спортивных болельщиков - Le Magnifique (канадский хоккеист, многолетний капитан Марио Лемье), Magic (знаменитый американский баскетболист Эрвин Джонсон), The Greatest (американский боксер Мохаммед Али - урождённый Кассиус Марселлус Клей), Prime Time (футболист и бейсболист Дейон Сэндерс), Johnny World (игрок в покер Джон Хенниган), Poker Brat (игрок в покер Фил Хельмут, неоднократный победитель состязаний по покеру - "Phil Hellmuth holds the record for most World Series of Poker bracelets"), The Magician (уникальный игрок в покер Антонио Эсфандиари), Flying Tomato (американский сноубордист Шон Уайт), "The White Brazilian", "Der weiße Brasilianer" (немецкий футболист, полузащитник Бернд Шнайдер, за точную манеру игры соотносим с известной бразильской знаменитостью Эдсоном Арантисом ду Насименту, более известным как Пеле), Alexander the Great (российский хоккеист Александр Могильный), The Commander (Кристиано Рональдо, португальский футболист, выступающий за испанский клуб «Реал Мадрид» и сборную Португалии), The Emperor (игрок в гольф Бобби Джонс)

6. Прозвища, отражающие умственные или моральные качества, эмоционально-оценочные предпочтения, профессионально значимые факты биографии, иногда с элементом иронии - The Truth (американский баскетболист Пол Пирс), The Freshest Man on Earth (бейсболист Арли Латам),

7. Прозвища, возникшие по внешнему сходству с другими людьми - Никулин (российский футболист Юрий Жирков), Putin (выдающийся американский футбольный вратарь Кейси Келлер), Chingizkhan (выдающийся немецкий футбольный вратарь Оливер Кан),

8. Прозвища, отражающие сходство с предметами и явлениями окружающего мира, функционирующие на метафорическом уровне - Night Train (футболист Дик Лейн), Satan's Wallpaper (канадский хоккейный вратарь Мартин Бродёр), The Refrigerator, William 'The Refrigerator' Perry (футболист Уильям Перри), The Bus (футболист Джером Беттис), The Snowman (американский боксер Джефф Монсон), Diesel (баскетболист Шэкил О'Нил), Trigger (английский футболист Ники Саутхолл), Misgowne (баскетболист Винни Джонсон), The Flying Banana (победитель соревнований по фристайлу, профессионал Эдди Фиола),

9. Прозвища, произошедшие от зоонимов (номинаций животного мира) – Guy the Gorilla (Ян Ботам, английский игрок в крикет, из-за крепкого телосложения), Mighty Mouse (Кевин Кигэн, английский футбольный менеджер), Kung Fu Panda (бейсболист Пабло Сандовал), the Bald Eagle (Джим Смит, футбольный менеджер), The Flying Squirrel (американская гимнастка Габриэль Дуглас), Bear (тренер футбольной команды Пол Браун), The Madras Tiger, Tiger of Madras, Tiger from Madras (лидер мировых шахмат Виши Ананд получил это прозвище за быстроту мышления и точные ходы), Spider-Man (Майкл Адамс, известный американский гроссмейстер и шахматист), El Scorpio (колумбийский вратарь Рене Игита), Spider (баскетболист Джон Сэлли), The Worm (баскетболист Деннис Родман), Kangaroo Kid (баскетболист Билли Каннингэм), The Green Hornet (велосипедист Дэвид Забриски), The Welsh Bulldog or just Bulldog (гольфист Брайан Хаггетт), Leopard Head (велосипедист Сэм Пилгрим)

10. Прозвища, произошедшие от антропонимов - Donnie Baseball (бейсболист Дон Маттингли), Big Ron (Рон Аткинсон, английский футболист, из-за большого количества побед), Donnie Baseball (бейсболист Дон Маттингли), Named After Jackie Robinson (бейсболист Робинсон Кано), OMGClayAiken (игрок в покер Фил Галфонд), «Эйр Йордан» (известный болгарский футболист Йордан Лечков, по аналогии с «Эйр Джордан», прозвищем американского баскетболиста Майкла Джордана), Chris "Jesus" Ferguson (игрок в покер Крис Фергюсон, за предполагаемое сходство с Иисусом Христом), Pelezinho – Маленький Пеле (Пауло Сезар, бывший футболист сборной Бразилии, за схожий с Пеле стиль игры),

11. Прозвища на основе антропонимов, подвергшихся процессам аббревиации различных типов, включая цифровое обозначение - AN-22 (российский футболист Александр Анюков, AN – начальные буквы фамилии; а также языковая игра - по аналогии с маркировкой самолета), AK-47 (один из лидеров российского баскетбола Андрей Кириленко, начальные буквы имени и фамилии соответствуют сокращению АК («Автомат Калашникова»), игровой номер 47), CuJo (по начальным буквам имени и фамилии «Curtis Joseph» - канадский хоккейный голкипер Кёртис Джозеф), Big Chucky (знаменитый украинский гроссмейстер Василий Иванчук, транслитированное в английский язык прозвище образовано от продуктивного этнического суффикса –чук: сокращение Ivanchuk до chuk), Becks (Дэвид Бэкхэм), A.I. (американский баскетболист Аллен Иверсон), Big O (американский баскетболист Оскар Робертсон), Dee (баскетболист ДеКован Каделл Браун, DJ (баскетболист Деннис Джонсон), T-Mac (баскетболист Треиси МакГрейди), VB (австралийский спортсмен Натан ван Берло), 747 (канадский хоккеист Марк Крофорд), Kovy (российский хоккеист Илья Ковальчук), Roysen (английский вратарь Саймон Ройс), Robbo (игрок в регби Джейсон Робинсон), P-Rod (скейтбордист Пол Родригес младший),

12. Прозвища, обусловленные национальной принадлежностью, местом происхождения объекта наименования, местом приобретения спортивных достижений (образованные от этнонимов и топонимов): Hebrew Hammer (бейсболист Райан Браун), Nigerian Nightmare (футболист Кристиан Окойе), The Great Dane (игрок в покер Гус Хансен из Дании), Texas Dolly (игрок в покер Долли Брансон), Раша (Russia) (российский футболист Алексей Смертин), Polish Powderkeg (футболист Себастьян Яниковски), Captain Canada (баскетболист Стив Нэш), Broadway Joe (легендарный футболист Джо Нэмэт), The Welsh Wizard (футболист Райан Гиггс), The Russian (австралийский футболист Алекс Ищенко), The Welsh Bulldog (гольфист Брайан Хаггетт),

13. Прозвища, основанные на созвучии с именами и фамилиями спортсменов, иногда включающие рифму, элементы языковой игры: Fat (американский баскетболист Лафайет Левер), Hot Rod (баскетболист Родни Хандли), Earl The Pearl (баскетболист Эрл Монро), Clyde The Glide (баскетболист Клайд Редстер), Nate The Great (баскетболист Нейт Турмонд), Super-Svendson (биатлонист Эмиль Хегль Свендсен), Big Bad John (боксер Джон МакДермотт), Roysen The Voice (английский вратарь Саймон Ройс), Eagle Diegel (гольфист Лео Дигель)

14. Прозвища, основанные на распространенных в европейских, в том числе - англоязычных странах формах выражения близости и симпатии посредством ряда существительных с уменьшительно-ласкательным значением, часто – с долей юмора или иронии: The Bambino (профессиональный бейсболист, аутфилдер Бейб Рут), Kid Poker (игрок в покер Дэниел Негреану),

Willi the Kid (биатлонист Уилфрид Паллхубер), Chicharito (мексиканский футболист Хавьер Эрнандес, от испанского «горошинка»), El Nino (гольфист Серджио Гарсиа),

15. Особо следует выделить коллективные прозвища (созданные для вторичного наименования команды или группы спортсменов): Les Quatre Mousquetaires – (Четыре мушкетёра) - прозвище четырёх французских теннисистов первой половины XX века Жана Боротра, Анри Коше, Жака Брюньона и Рене Лакоста, Dirty Dozen (команда игроков в американский футбол Dallas Cowboys team в 1975 году), C-Team (тренер по верховой езде Феликс Котзее и жокей Тони Круз), The Three Degrees (название группы чернокожих спортсменов - Лаури Чаннингэм, Брэндон Бэтсон, Сирил Регис - прозвище, данное футбольным тренером Роном Аткинсоном в конце 70-х годов по аналогии с афро-американской женской вокальной группой), The golden couple (чемпионы по плаванию в летних параолимпийских играх Саша Киндред и Нири Льюис).

Иными словами, антропонимическое прозвище может рассматриваться как дополнительное имя, данное человеку в соответствии с определенными характеристиками, в основном уточняющими специфику восприятия его образа окружающими. Оно функционирует в дискурсивном пространстве как языковая единица комплексного характера, обладая свойствами пограничной структуры, находящейся на пересечении областей имен собственных и нарицательных. Исследователи относят прозвища к категории вторичных наименований, в основе типологии которых лежит характер номинативной ценности и способ переосмысления действительности, с учетом оценочного потенциала их прагматической специфики, включающей такие факторы, как этноцентризм, стереотипизация, предубеждения, различного рода предпочтения и т.п. [17]. Как правило, прозвище присваивается человеку извне, исходит из внешней среды, от других людей, избирательно направляющих внимание лишь на некоторые, поступающие в дальнейшую когнитивную обработку признаки. Активизация внимания осуществляется благодаря сильному его стимулированию посредством реализации признаков, наиболее важных с точки зрения внешней среды, оценивающей эти признаки как подлежащие вычлениению из общей совокупности фактов на основе тех или других критериев.

Прозвище спортсмена, обладающее в ряде случаев выраженным ситуативным характером, является важным элементом процесса языкового отражения его профессиональной жизни, как в профессионально-бытовом общении, так и в представлении на уровне СМИ. Внешняя среда, осуществляющая строгий отбор, не являющийся случайным, присваивает объекту номинации имя, опираясь на собственное восприятие, фоновые знания и культурный опыт, оценочную шкалу [25; 27], заложенные в долговременной памяти составляющих данное окружение индивидов, учитывая лингвосомиотическую специфику процесса номинации, отраженную в культурном опыте языкового знака, используемого в целях создания присваиваемого данному объекту прозвища. Таким образом, прозвищная номинация может рассматриваться как подвижный динамический процесс: в представлении дающих наименование образ человека способен меняться в зависимости от проявления тех или иных значимых характеристик на основе выделенности – феномена, обусловленного различными взаимосвязанными когнитивными составляющими, такими как восприятие, категоризация, хранение и обработка информации, организация знаний, активизация внимания, сравнительно-сопоставительная деятельность и т.п. Исследователи отмечают тот факт, что выделение объекта или ситуации в целом, так же как и одного или нескольких их аспектов базируется на сравнении объектов или ситуаций между собой. При этом сравнению подвергаются как объективные свойства предметов или ситуаций, так и отношения между ними с точки зрения дающего именование субъекта. В этой связи важно отметить, что основания для сравнения могут быть различными, в том числе множественными, - что определяет сложность феномена выделенности: возникают проблемы дискретности/недискретности используемой для сравнения шкалы, определения оснований для сравнения и сопоставления, установления ориентира, выявления обусловленных нормированным характером выделяемого элемента прототипических характеристик [см.: 2].

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что категория выделенности выступает в значительной мере как категория, обусловленная рядом субъективных факторов, и поэтому может обладать очевидными ограничениями. Так, в рассматриваемом нами материале в большинстве случаев прозвище спортсмена является лишь одним из существенных, но имеющих частный, ситуативный характер свойств на фоне общей картины его жизни и деятельности, таким образом, являясь источником информации только об одном из значимых для внешнего круга аспектов. Этим положением обусловлен тот факт, что в целом ряде случаев объект номинации может приобретать не одно, а несколько прозвищ, в зависимости от того, какие признаки выступают в качестве наиболее значимых с точки зрения присваивающего наименование в данный момент субъекта. Так, например, футболист Дэвид Бекхэм, носящий краткое экономичное прозвище Becks, одновременно известен как Spice Boy, по аналогии с названием популярной британской поп-группы "Spice Girls", где выступала его жена Виктория. Еще примеры – английский футболист ирландского происхождения Уэйн Руни носит прозвища Wazza ("A type of horn played in Sudanese music") и Shrek ("A 2001

American computer-animated fantasy-comedy film character”), австралийский футболист Адам Шнайдер известен под прозвищами Schneiderman, Schneids, Pocket Rocket, австралийский футболист Brad Johnson — Johnno, The Smiling Assassin, американский маунтинбайкер Эдди Фиола - The Flying Banana, King of Skateparks, советский вратарь Лев Яшин был известен как The Black Panther, The Black Spider, параолимпиец Оскар Писториус – Oz, Blade Runner, гольфист John Daly - Long John, The Lion, Wild Thing, гольфист Harry Cooper - Lighthorse, Pipeline и т.д. Иными словами, точка зрения внешней среды, оценка окружающими находящегося в фокусе внимания в данный момент признака является мотивационной точкой отсчета в процессе присвоения того или другого прозвища в рамках данной ситуации. В акте номинации, представляющем собой «речемыслительный процесс, направленный либо на выбор существующего в языке готового обозначения для именуемого явления и мысли об этом явлении, либо на создание подходящего названия для него» [13, с. 42] и сопряженном с явлениями первичного и вторичного порядка, превалирует креативная составляющая и выбор лежащего с его основе мотивирующего признака «не обязательно определяется его сутью, это может быть всего лишь бросающийся в глаза признак, но в номинации используется название этого признака для обозначения предмета в целом» [23, с. 426]. Отметим также тот факт, что процесс переосмысления значений в акте вторичной номинации соотносим с фоновыми знаниями и представлениями о внутренней форме подвергающегося содержательной трансформации знака в сознании носителей языка [с.м.: 5, с. 75].

Выделенность, будучи в значительной мере субъективным фактором, может быть противопоставлена отражающей суть явлений и предметов имеющей сущностный характер информативности в широком смысле. По мнению В.З. Демьянкова, «выделенность vs. существенность (релевантность) (salience vs. relevance) – понятия, получающие различные характеристики в разных когнитивных теориях, принимающих, что в центре внутреннего мира каждого человека находится он сам, а мир воспринимается как межсубъективная действительность. "Прорезь", через которую человек рассматривает "мир", также входит в состав "биографической ситуации", включающей запас знания субъекта: что тот предполагает, какова его мотивация и само действие в социальном мире (т.е. в совокупности предшественников, современников, "сообщников" в широком смысле слова – "consociates" – тех, с кем у человека общим является пространство и время – и преемников), – все зависит от логически увязанной системы "релевантности", которой человек руководствуется в своей жизни» [9, с. 22]. Расширяя границы исследования, целесообразно затронуть и проблемы лингвистической выделенности, учитывая тот факт, что когнитивная система человека объединяет как подвергаемые процессу вербализации, так и относящиеся к неязыковому опыту сущности, охватывая таким образом самые разные уровни и подчиняя себе самые разные процессы в силу своей универсальности. Прозвищная номинация как один из наиболее экономичных способов репрезентации содержательных структур может подвергаться анализу в терминах иерархии релевантности значений и оптимизации, соотносимой с границами выразительности человеческого языка, скорее всего опирающимися как на качественный, так и количественный показатели.

Известно, что именно существование языка обуславливает реализацию возможностей доступа к структурам сознания. Е.С. Кубрякова пишет: «Мы знаем о структурах сознания только благодаря языку, который позволяет сообщить об этих структурах и описать их на любом естественном языке. Проще говоря, хотя с информацией о мире мы сталкиваемся постоянно, а получение ее осуществляется всеми органами чувств, все объяснения и об объектах и о чувствах мы получаем благодаря языку – через дискурс, общение, тексты. Подавляющее большинство необходимых сведений о мире (прежде всего – научных и теоретических) мы постигаем не в ходе нашей чувственной, предметной, практической деятельности, какой бы важной и базовой она в нашей жизни ни являлась, но в ходе деятельности, опосредованной языком» [14, с. 43].

Языковой знак реализуется как «показатель, выразитель данного языкового значения» [4, с. 158], репрезентант образно-предметного содержания, обусловленный способностью языка «взамен сложной структуры знания использовать довольно простую, гештальтную, которая... имеет языковую привязку к телу такого знака, как слово (или эквивалентное ему сочетание слов)» [14, с. 316]. Рассмотрение антропонимического прозвища в терминах знаковых структур первичной и вторичной номинации позволяет исследователям обратиться к проблеме поиска новых смыслов в значениях существующих единиц языка, обусловленного ассоциативным характером человеческого мышления и полифункциональным характером языкового знака, с учетом роли вторичного наименования в процессе организации вторичного концептуального переосмысления на основе образной когнитивной обработки [6; 11]. В.Н.Телия отмечает закономерность использования языковых средств в целях вторичного наименования в связи с необходимостью восполнения недостающих в данном языке номинативных средств [24]. Прозвищная номинация, по мнению исследователей, может рассматриваться как вторичная номинация, а природа выбора прозвища как имени собственного вторичного порядка идентична механизму косвенной номинации, поскольку прозвища создаются посредством ассоциативно-семантического отражения свойств и особенно-

стей объекта (метафоризация, метонимия, антономазия) [5, с. 75-76]. Использование уже имеющих в языке знаков в целях вторичной номинации предполагает их новую смысловую и функциональную нагруженность, а также появление новых контекстов для реализации образной основы с общими для первичных и вторичных наименований признаками.

Взаимодействие значения и смысла в языковой единице, ее семантическая двойственность обусловлены функциональной подвижностью и гибкостью языкового знака, его полифункциональной природой [3; 6], в связи с чем возникает предположение о формировании различных измерений знака в актах семиозиса, регулируемых принципами существования определенной кодовой системы [8, с. 156-157], что обуславливает процесс перехода «от мира сигнала к миру смысла» [29, с. 47], в ходе человеческой коммуникации опирающегося и на базовые культурные коды. Исследователи отмечают, что под влиянием целого ряда дискурсивных факторов процессы вторичной номинации могут сопровождаться приобретением языковой единицей референтных коннотаций, имеющих эмоционально-оценочную и эмоционально-образную природу и объясняемых феноменом транспозиции кодовых элементов [1; 8], т.е. актуализации ситуативно значимых смыслов, в том числе оценочных.

Как известно, совокупность значений, ценностей и норм как результат познавательной деятельности человека отражена в концепте, включающем в свое содержание не только эксплицитное, но и имплицитное знание. В качестве исходной операции, лежащей в основе процесса именования, выступает концептуализация, сопровождаемая процессом соотнесения с реальной ситуацией в соответствии с определенным когнитивным образом. Когнитивный выбор обусловлен в том числе и существованием адекватного данной ситуации репертуара языковых средств, используемых как для прямого, так и метафорического наименования данного фрагмента действительности. В то же время следует подчеркнуть, что процесс появления антропонимического прозвища связан не только с возможностью многообразного отражения в нем действительности, но и с определенными ограничениями как собственно языкового, так и экстралингвистического характера, обусловленными физическими, психическими и образовательными возможностями личности, а также родом профессиональных занятий и кругом общения субъекта именования. Как отмечает Е. С. Кубрякова, «точки соприкосновения между теорией номинации и когнитивной лингвистикой вполне очевидны: если в первой ставится вопрос о том, как все сущее в мире получает свое обозначение, то во второй идет речь о соотнесении языковых форм с их когнитивными аналогами, следовательно, созданные или создаваемые обозначения должны быть сопоставлены с теми структурами знания, объективации которых они служат» [14, с. 321].

Ситуативный характер прозвищной номинации лежит в основе реализации определенной фрейм-структуры, выступающей в роли базовой в ходе репрезентации концепта посредством языкового знака. Данная фрейм-структура может рассматриваться в качестве ключевой [см.: 16], репрезентируемой в пространстве дискурса определенным вербальным знаком. Вместе с тем, как указывалось выше, в ряде случаев выделенность как базовая характеристика может быть реализована в соответствии с несколькими векторами вычленения значимых признаков одновременно, предполагая создание нескольких содержательно различающихся наименований для одного объекта. Следует отметить и тот факт, что не всегда находятся основания для рассмотрения выделенных признаков в качестве равноценных и допустимым является их расположение в соответствии со шкалой значимости от центра к периферии.

Спортивные прозвища могут быть представлены как самостоятельная область дискурсивного пространства, обладающая как своей кодовой спецификой, так и особенностями концептуальных оснований. С точки зрения лингвистической семиотики особое внимание следует уделить вопросам взаимодействия собственно семиотического (знакового) и семасиологического (содержательного, внутренне присущего языковому значению) в единицах языка. Вербализуемая посредством языкового знака - антропонимического прозвища фрейм-структура, будучи выделенной в данный момент, с течением времени и под воздействием событий, происходящих в окружающем мире и оказывающих влияние на изменение положения дел, приобретает новые ассоциации, пересекаясь с другими фрейм-структурами и стоящими за ними концептами. Таким образом осуществляется взаимодействие репрезентирующего его содержание значения и с новой совокупностью семантических структур, что находит реализацию на уровне речевого функционирования в точках языкового соприкосновения лингвистических значений, соответственно, подчиняясь принципу сочетаемости двух взаимосвязанных аспектов когнитивной деятельности - структурной стабильности (structural stability) и гибкой приспособляемости (flexible adaptability) [19, с. 375].

Семиотическая выделенность антропонимического прозвища в спортивной среде способствует установлению особых отношений в профессиональном и обиходно-бытовом планах, где прозвище-знак выступает в функции пароля, т.е. некоего условного знака-признака, предназначенного для подтверждения личности, удостоверения полномочий и ранга оценочности, определяя процессы регламентации и конвенциональной ориентации в мире при помощи вербального знака. Знак, присвоенный объекту извне, рассматривается как ориентир, направляющий даль-

нейшую деятельность, целеполагание, установки как самого объекта именованного, так и его окружения, по крайней мере, в представлении существующего во внешней среде субъекта. Отметим также, что в целом ряде случаев спортивная прозвищная номинация как процесс сопряжения того или другого языкового знака с личностью именуемого объекта в представлении его окружения обладает более сложным, в огромной степени социокультурно детерминированным характером, чем эмоциональная экспрессивность и оценочность. Прозвище-знак в ряде случаев начинает «жить своей жизнью», вторгаясь в другие сферы человеческого бытия, и выходит за рамки именованного своего первоначального объекта, либо проявляя тенденцию к существованию в виде имени нарицательного, либо канонизируя своего обладателя, превращаясь в подобие олицетворенного символа, вызывая целые ряды порой непредсказуемых и непредвиденных ассоциаций и порождая новые стоящие за именем фреймы.

Обратимся к материалу.

Гарольд Эдвард Грейндж, знаменитый американский футболист, в течение своей жизни носил несколько прозвищ - "Red" (по цвету своих волос), "Ice Man", "the Wheaton Ice Man" ("To help the family earn money, he took a part-time job as an ice totter for \$37.50 per week, a job which helped him to build his core strength (and provided the source of his nickname "Ice Man", or "the Wheaton Ice Man"), получив также знаменитое имя "The Galloping Ghost". Относительно последнего содержится упоминание о том, что его ввел в обиход спортивный обозреватель Уоррен Браун: "However, it was Chicago sportswriter Warren Brown who nicknamed Grange "The Galloping Ghost." When questioned in a 1974 interview, "Was it Grantland Rice who dubbed you the Galloping Ghost?" Grange replied, "No, it was Warren Brown, who was a great writer with the Chicago's American in those days" [32]. В то же время, обладающее первоначально меньшей образностью, но большей естественностью яркое прозвище "Red" становится идентифицирующей чертой спортсмена, имя которого во многих источниках содержит и этот отличительный признак (что достаточно типично для спортивных прозвищ в целом) - Harold Edward "Red" Grange [Там же]. После игры на открытии в 1924 году памятного стадиона в Иллинойсе в честь выпускников и студентов университета, принимавших участие в Первой мировой войне, молодой спортсмен удостоился даже поэтических строк Грантланда Райса, содержащих выделенную известным спортивным обозревателем начала XX века отличительную черту внешности Грейнджа, обретшую затем символический характер:

"A streak of fire, a breath of flame
Eluding all who reach and clutch;
A gray ghost thrown into the game
That rival hands may never touch;
A rubber bounding, blasting soul
Whose destination is the goal — Red Grange of Illinois!"

В дальнейшем оба прозвища - "Red" и "The Galloping Ghost" - не покидают ставшего знаменитостью и кинозвездой спортсмена, существуя параллельно и идентифицируя его личность в зависимости от того, какое из них более удачно отражает необходимые в данной ситуации качества и наиболее оптимально вписывается в соответствующий контекст: так, сериал из 12 частей, вышедший в 1931 году, получил название "The Galloping Ghost", так же был назван школьный талисман в Пенсильвании в честь спортсмена, в то время как в Уитоне, где его имя получило футбольное поле, школьная команда стала известна как "The Wheaton Warrenville South Red Grange Tigers", а созданная профессионалами автобиографическая книга Г. Э. Грейнджа вышла впервые в 1953 году под названием "The Red Grange Story". Вместе с тем, следует обратить внимание на тот факт, что прозвищная номинация "Red" оказывается достаточно распространенной в англоязычных странах и, в результате, для идентификации личности ее носителя требуется либо употребление прозвища в составе полного имени и фамилии, либо реализация параллельной прозвищной структуры, как это происходит в описанном случае. Важно обратить внимание и на семантическую специфику единицы "red", которая в семиотическом контексте духа соревнования [12] отражает решительное, временами вызывающее и даже агрессивное настроение спортсмена, волю к победе, метафорически сопоставимую с настроениями военной ситуации. Так, могут быть приведены следующие примеры подобного использования единицы "red" в целях прозвищного наименования, заимствованные из сетевых источников:

"John Graham "Johnny" Red Kerr was an American basketball player, coach, and color commentator. He played in the NBA from 1954 to 1966, mainly as a member of the Syracuse Nationals. He later held several coaching and administrative positions before embarking on a thirty-three year career as a television color commentator for the Chicago Bulls"; "Donald "Don" Goldstein, known as Red, is an American former college All American and Pan American Games champion basketball player"; "When he retired, Red Holzman was the second winningest coach in NBA history (Red Auerbach is #1), with 696 victories in regular season play, mostly with the New York Knickerbockers. His Knick teams won NBA championships in 1970 and 1973. Red was elected to the Basketball Hall of Fame as a coach in 1986"; "Why was Manfred von Richthofen's nickname the Red Baron? Manfred von Richthofen was the best

fighter pilot of the time period. He was so cocky that he painted his plane bright red so all his enemies could see him. Hence his nickname the red baron!" [33].

Известный американский спортивный обозреватель Берт Рэндолф Шугар указывает на выдающуюся роль Грейнджа в развитии спорта и символическую роль образа спортсмена: «Грейндж сфокусировал внимание нации на спорте, который до его появления считался разве что наполнителем газетных страниц между бейсбольными сезонами. Деймон Раньон написал о его подвигах следующее: «Он сочетает в себе троих или четверых спортсменов. Он и Джек Демпси, и Бейб Рат, и Эл Джолсон, и Пааво Нурми и воин», завершая очерк о спортсмене следующими словами: «Таким был Ред Грейндж, наполовину человек, наполовину миф — и во всем футболист» [28]. Представляется возможным добавить в этой связи, что немаловажную роль в презентации имиджа известного футболиста сыграли и его яркие, образные прозвища - "The Galloping Ghost" и "Red",-нашедшие достойное место в существующем социокультурном и социолингвистическом контексте, функционирующие в сопровождении различных ассоциаций и эмоционально-оценочных значений.

Как отмечают спортивные репортеры, прозвища американской теннисистки Крис Эверт обязаны своим появлением ее бесконечному терпению, которое «проявлялось в ледяной невозмутимости, подразумевавшей спокойную, но сознательную сдержанность, позволявшую ей отключиться от всего вокруг и сконцентрироваться лишь на том, что было по-настоящему необходимо в настоящее время: на игре. Неудивительно, что ее стали называть «Ледяной принцессой корта», а в Англии — «Ледяной Лолли», что по-британски означает «эскимо на палочке» [Там же]. Очевидно, что в данном случае большую роль сыграла и внешность Эверт, которая в хрониках фигурирует как «Малышка Крисси», «Мисс американский пирожок» [Там же]. Известно, что ряд прозвищ обусловлен сопоставительными характеристиками их носителей с теми или другими успешными и знаменитыми личностями, получившими общественное признание еще до появления тех, кто по каким-то параметрам оказался на них похожим в дальнейшем. Например, трехкратная олимпийская чемпионка в одиночном фигурном катании норвежка Соня Хени, среди учителей которой была знаменитая русская балерина Тамара Карсавина, в 1927 году увидела танец бессмертной Анны Павловой и включила в свою программу движения и хореографический рисунок великой балерины, выбрав для сопровождения музыку из «Лебединого озера». На Олимпийских играх в США в 1932 году репортеры немедленно окрестили ее «Павловой на льду», сочиняя о ней историю за историей. В то же время характер и воля к победе дали основания для того, чтобы окружающие называли Соню «железной бабочкой» [Там же]. По воле судьбы, данное прозвище оказалось наиболее символически значимым: ставшая киноактрисой Хени потеряла затем свою популярность вследствие своих тесных связей с нацистами и имя «железная бабочка» приобрело ряд новых оценочных коннотаций.

Так, анализ рассмотренного материала позволяет заключить, что прозвище-знак, мотивированное различными факторами, проявляет способность к передаче новых значений, обусловленных стоящими за данным вербальным репрезентантом фрейм-структурой и детерминирующим данный фрейм концептом, элементы содержательной области которого в зависимости от изменяющегося положения дел в мире могут быть представлены новыми фреймами, находящими вербальное выражение на уровне функционирования данного знака, характеризуемого в ряде случаев новыми языковыми точками соприкосновения.

Приведем ряд примеров использования уже существующих в дискурсивном пространстве знаков-имен известных личностей, выступающих как прецедентные имена, для создания прозвищ их «спортивных аналогов»: Named After Jackie Robinson (бейсболист Робинсон Кано, названный так отцом в честь знаменитого бейсболиста), Эйр Йордан (известный болгарский футболист Йордан Лечков, по аналогии с Air Jordan, прозвищем американского баскетболиста Майкла Джордана), Chris "Jesus" Ferguson (игрок в покер Крис Фергюсон, за предполагаемое сходство с Иисусом Христом), Pelezinho — Маленький Пеле (Пауло Сезар, бывший футболист сборной Бразилии, за схожий с Пеле стиль игры), чилийский форвард Иван Саморано (также «Вертолет») у российских журналистов получил прозвище Иван Грозный после яркого выступления за мадридский «Реал», нынешний главный тренер молодежной сборной России Александр Бородюк — Горби, получивший это прозвище в Гельзенкирхене в конце 80-х, когда Михаил Горбачев был популярен на Западе (такое же прозвище в «Барселоне» в свое время носил и Игорь Корнеев — нынешний коллега Бородюка по работе в тренерском штабе Гуса Хиддинка).

Таким образом, языковой знак, используемый в качестве прозвища, под влиянием различных дискурсивных факторов может приобретать значения и коннотации, отражающие новые концептуальные содержания и получать новую интерпретацию в сознании окружающих. Некоторые прозвища могут служить отправной точкой для создания новых наименований, представляющих собой знаки, вербально репрезентирующие обширную концептуальную сферу, обладающую целым спектром значений и ассоциаций. Это положение является существенным как по отношению к одному и тому же объекту номинации, так и по отношению к разным объектам. Причем, ис-

пользование прозвищ в качестве прецедентных имен может рассматриваться как достаточно продуктивный способ номинации, позволяющий не только трансформировать стоящую за оригиналом фрейм-структуру, обуславливающую применение того или другого наименования к новому объекту, но и дополнить новой информацией лежащую в ее основе содержательную концептуализованную область, опирающуюся как на языковое, так неязыковое знание [7; 18; 21]. Очевидно также и то, что с течением времени содержательная сторона реализуемого по отношению к новому объекту знака подвергается семасиологическому переосмыслению (иногда приобретая иронические или иные эмоционально-экспрессивно-оценочные созначения), что оказывает влияние на алгоритмы использования самого знака, обнаруживая его динамический и полифункциональный характер, обогащая культурный опыт вербального носителя информации, с одной стороны, и трансформируя возможности смысловых интерпретаций существующего знака-признака как элемента профессионального кода, - с другой.

Список литературы

1. Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка [Текст] / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 285 с.
2. Армеева А.Р. Когнитивная категория выделенности и ее языковые корреляты: (Моделирование процесса вербализации визуальной информации). Автореф. дис. ... канд. филол.н.: 10.02.21 / А.Р. Армеева. – М.: 2001. - 26 с.
3. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека [Текст] / Н.Д. Арутюнова. - М: Языки русской культуры, 2000. – 896 с.
4. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов [Текст]/ О.С. Ахманова. - М.: Сов. энциклопедия, 1966. – 608 с.
5. Ван Несс, С.Р. Использование вторичной номинации при создании прозвищных наименований [Текст] / С.Р. Ван Несс // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Сер. Лингвистика. – 2008. -Вып. 16 (116). С. 74-77.
6. Вишнякова, О. Д. Функциональные особенности языкового знака в языке и речи (на материале современного английского языка). Дис. ... д-ра. филол. н.: 10.02.04/ О.Д. Вишнякова. - М.: 2003. - 500 с.
7. Вишнякова, О. Д. Языковой знак как предмет семиотической концептологии [Текст] / О. Д. Вишнякова. – Тула: Изд-во Тульского гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2008. -196с.
8. Герасименко, И. Е. Коннотация и динамизм языкового знака [Текст] / И. Е. Герасименко // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. – 2008. – N 59. Вып. 16. – С. 153-159. URL: <http://elag.urfu.ru/bitstream/10995/22766/1/iurg-2008-59-15.pdf>
9. Демьянков, В.З. ВЫДЕЛЕННОСТЬ vs. СУЩЕСТВЕННОСТЬ (РЕЛЕВАНТНОСТЬ)/ В.З. Демьянков // Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. - М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. - С.22-25.
10. Ермолович, Д.И. Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи [Текст] /Д.И. Ермолович. – М.: Р.Валент, 2005. - 416 с.
11. Калиткина, Е.Н. Роль вторичной номинации в языковой концептуализации действительности [Текст] /Е.Н. Калиткина. - URL: http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2010/VIII/uch_2010_VIII_00007.pdf
12. Климов, М.Ю. Семиотическая система спорта как феномен культуры. Дис. ... канд. философ. н.: 24.00.01/ М.Ю. Климов. – Барнаул: 2006. - 123 с.
13. Кубрякова, Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности [Текст] / Е.С. Кубрякова. М.: Наука, 1986. – 159 с.
14. Кубрякова, Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е.С. Кубрякова. - М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
15. Леонович, О. А. Краткий словарь английских прозвищ [Текст] /О.А. Леонович. – М.: Высшая школа, 2007. – 183 с.
16. Остапюк, М.И. Ключевой фрейм как когнитивная основа диалогической коммуникации: на материале современного немецкого языка. Дис. ... канд. филол.н.: 10.02.04/ М.И. Остапюк. – Белгород: 2007. - 138 с.
17. Пашкевич, А.А. Прозвища и клички в системе номинативных средств английского языка. Дис. ... канд. филол. н.: 10.02.04/ А.А. Пашкевич.- СПб.: 2006. -164 с.
18. Прохорова, О.Н. , Чекулай, И.В., Багана, Ж., Куприева, И.А. , Сапронова, Е.А. Отражение процесса познания в языке: в поисках концептуальных оснований [Текст] / О.Н. Прохорова // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – 2012. - № 24 (143). Вып. 16. С. 104-110.
19. Рахилина, Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость [Текст] / Е.В. Рахилина. – М.: Русские словари, 2008. – 416 с.
20. Робустова, В.В. Антропонимическое прозвище в когнитивно-функциональном аспекте (на материале англоязычных художественных произведений XX – XXI вв.). Дисс...канд. филол. н.: 10.02.04 / В.В. Робустова. - М.: 2009. – 230 с.
21. Степанов, Ю.С. Семиотика. Антология [Текст]/ Ю.С. Степанов. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – 691 с.
22. Суперанская, А.В. Имя – через века и страны [Текст]/ А.В. Суперанская. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 192 с.

23. Телегин, Л.А. Мотивирующий признак и его воплощение в единицах номинации [Текст]/Л.А. Телегин // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство. Сборник в честь Е.С. Кубряковой. – М.: Языки славянских культур, 2009. – С. 423-429.
24. Телия, В.Н. Вторичная номинация и ее виды [Текст]/В.Н. Телия. // Языковая номинация. Виды наименований. - М.: Наука, 1977. - С. 129 – 221.
25. Цепкова, А.В. Аксиологический потенциал прозвищ как части карнавальной картины мира (на материале британских и американских прозвищ) [Текст]/ А.В. Цепкова// Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. - Вып. № 115. URL: linguistics/aksiologicheskiiy-potentsial-prozvisch-kak-chasti-karnavalnoy-kartiny-mira-na-materiale-britanskih-i-amerikanskih-prozvisch.html
26. Цепкова, А.В. Лингвокультурологический потенциал прозвищ различных мотивационных типов (на материале английского языка) [Текст]/ А.В. Цепкова //Электронный журнал «Вестник Новосибирского государственного педагогического университета». URL: http://rus.neicon.ru:8080/xmlui/bitstream/handle/123456789/6822/1_Цепкова_эж5.pdf?sequence=1
27. Чекулай, И. В. Функционально-деятельностный подход к изучению принципов оценочной категоризации в современном английском языке: Монография [Текст] /И.В. Чекулай. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. – 236 с.
28. Шугар, Берт Рэндолф. 100 великих спортсменов [Текст]/ Берт Рэндолф Шугар. - М.: «Вече», 2003. - 432 с. URL: <http://buinbet.narod.ru/>
29. Эко, У. Отсутствующая структура: Введение в семиологию [Текст]/ У. Эко. - СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 432 с.
30. Delahunty A. Oxford Dictionary of Nicknames. – Oxford: Oxford University Press, 2003. – 229 p.
31. Morgan J., O'Neill Ch., Harre R. Nicknames. Their Origins and Social Consequences. – London, Boston, and Henley: Routledge and Kegan Paul, 1979. – 153 p.
32. Red Grange. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Red_Grange
33. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

УДК 811.111

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМАНТИЧЕСКИХ
ОСОБЕННОСТЕЙ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ**
**THEORETICAL BASIS OF RESEARCH OF PHRASEOLOGICAL UNITS SEMANTIC
FEATURES**

Гэ Цзиншэнь
Gje Czinshjen

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308015,
РФ, г. Белгород, ул. Победы, 85*

Belgorod State Research University, 85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: 1064216@bsu.edu.ru

Ключевые слова: фразеологические единицы, фразеология, компонент-соматизм, фразеология, полисемия
Keywords: phraseological units, phraseology, somatic component, polysemy

Аннотация. В данной статье предпринимается попытка проанализировать теоретические основания изучения семантики фразеологизмов-соматизмов в современном языке. В фокусе внимания находится системный обзор знаний и положений, имеющийся в современной фразеологии.

Abstract. This article attempts to analyze the theoretical basis of the study of semantics of phraseological units with the somatic component in the modern language. The focus of attention is a systematic review of knowledge and positions available in modern phraseology.

Выступая в качестве раздела языкознания, фразеология ассоциирована с изучением устойчивых словосочетаний или фразеологических единиц (далее ФЕ), фразеологических оборотов, паремий, идиом и т.д. Реже в широком смысле слова фразеология называет не лингвистическую отрасль, а всю совокупность эмпирического материала, свойственного любому языку мира. Таким образом, фразеология выступает и в качестве лингвистической дисциплины и в качестве всего пласта исследуемого ею эмпирического материала. Единицами последнего выступают фразеологизмы или словосочетания, идиомы, унилатеральные фразеологические единицы, речевые штампы, поговорки, пословицы, крылатые выражения. Все виды ассоциированных с фразеологией единств являются комплексными раздельно оформленными образованиями, в составе которых присутствуют два и/или более элемента, причем какой-либо один из них всегда является знаменательной частью речи.

ФЕ принципиально выделяются на фоне прочих лексических единиц и их сочетаний, поскольку они раздельно оформлены, обладают семантической связанностью между конституирующими их элементами, поэтому воспроизводимы и воспринимаются комплексно.

Генезис и онтология фразеологизмов, как основного объекта фразеологии, различны. Они коррелируют с разными историческими эпохами, историей и культурой народа, ассоциированы со многими сферами человеческой жизнедеятельности, например, культурной, бытовой, экономической, социальной, отражают специфику менталитета, настроения, нравы, дух той или иной народности. Их образование непосредственно связано с переосмыслением входящих в их состав компонентов, появлением новых коннотаций благодаря метафоризации или метонимии. Метафорическое переосмысление в таком случае выражается посредством переноса значения, основанного на сходстве между несколькими объектами, и выступает в качестве одного из источников пополнения фразеологического фонда*. Метонимия также является переносом значения, но она базируется не на сходстве, а на смежности нескольких понятий или объектов.

Будучи одной из самых интересных и семантически наполненных отраслей знания, фразеология стремительно развивается, что позволяет ей мотивировать исследователей к поиску массы трактовок основного понятия «фразеологизм» и обоснованию разнообразных точек зрения на предмет его таксономии. Однако интересным в таком случае является то обстоятельство, что таксономия фразеологизмов напрямую взаимосвязана с определением рассматриваемого термина. Рассмотрим некоторые точки зрения на этот счет.

Самую широкую, общую и в связи с этим хорошо известную в наши дни типологию ФЕ предложил В.В. Виноградов. Данная классификация базируется на учете степени мотивированно-

* Гак В.Г. Национально-культурная специфика метонимических фразеологизмов // Фразеология в контексте культуры. М., 1999

сти/немотивированности структурных частей фразеологизмов. Эта классификация включает три нижеследующие группы.

К первой группе выделенных ФЕ относятся фразеологические сращения, которые представляют собой устойчивые словосочетания, имеющие цельное значение, которое не может быть выведено исключительно из анализа их составных частей.

Вторую группу ФЕ составляют фразеологические единства или такие словосочетания, значение которых может быть выведено из интерпретации семантики их составляющих. В связи с этим такие фразеологические единства воспринимаются как тропы или метафоры. И в основном они придают речи яркую стилистическую окраску.

Последняя, третья группа фразеологизмов, представляет собой устойчивые обороты, которые организуются благодаря мотивированности семантики их компонентов. Такое значение реализуется исключительно в определенном лексическом окружении*.

Представленное В.В. Виноградовым деление фразеологизмов на группы регулярно дополняется классификацией Н.М. Шанского, который помимо прочих представленных групп выделяет фразеологические выражения. Последние композиционно представляют собой комбинацию слов со свободными значениями, тем не менее, они могут в комплексе члениться на составляющие. Такие выражения зачастую весьма специфичны синтаксически, поскольку они представляют собой не столько фразы, сколько целые предложения[†].

Несколько отличная точка зрения представлена Г.Г. Соколовой. Лингвист полагает, что принципиально важной характеристикой фразеологизмов является мотивированность/немотивированность семантики их компонентов. Первое представляется ученому как связь между семантикой ФЕ и прямым значением переменного словосочетания, на котором это фразеологическое сочетание базируется, второе – как отсутствие такой связи[‡].

С.И. Ожегов полагает, что фразеология должна быть ассоциирована исключительно с идиомами или устойчивыми выражениями, значения которых детерминированы входящими в их структуру компонентами. Такое определение граничит с фразеологией в узком смысле слова. Соответственно, с таких позиций в качестве объекта исследования фразеологии можно назвать только идиому[§].

Иной точки зрения придерживается Н.М. Шанский, который считает, что фразеология ассоциирована со всеми устойчивыми выражениями и включает в качестве основного объекта исследования крылатые выражения, пословицы, поговорки и проч. Лингвист полагает, и в настоящей работе нам близка его точка зрения, что ФЕ представляет собой воспроизводимую в готовом виде языковую единицу, включающую два и более ударных компонента словного характера, фиксированную по семантике, композиции и структурной организации^{**}.

Кроме того, опираясь на мнения авторитетных фразеологов^{†††§§***}, мы определяем устойчивые словосочетания, отвечающие критериям расчлененности (заключается в способности составляющих функционировать самостоятельно), количественности (выражается в количественном составе фразеологизма), композиционной идентичности (структурное сходство любого фразеологизма и словосочетания), идиоматичности (семантическая слитность компонентов, обуславливающая их новое спаянное значение, невозможное для каждого компонента в отдельности), устойчивости (выражается в определенной доле инвариативности), воспроизводимости в готовом виде (семантической нерасчлененности в употреблении, редкой вариативностью в речи), коммуникативной направленностью (выражается в прагматическом потенциале), номинативностью (способность фразеологизма называть предмет или явление, давать им характеристики с учетом семантической спаянности значения), экспрессивностью (мощный прагматический потенциал фразеологизма).

Итак, ФЕ представляется единицей вторичной номинации в комплексе составных элементов, особенно если речь идет об устойчивых выражениях, не допускающих трансформации качественного и/или количественного состава. Такие устойчивые словосочетания высокой степени сращения выполняют номинативно-характеризующую функцию, в синтаксическом аспекте выступают как единое целое, переосмыслены и для актуализации такого значения требуют коллока-

* Виноградов В.В. Об основных типах ФЕ в русском языке // Виноградов В.В. Избр. Труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977.

† Шанский Н.Н. Фразеология современного русского языка. М., 1985.

‡ Соколова В.С., Грюнберг А.А. История изучения бесписьменных иранских языков // Очерки по истории изучения иранских языков. М., 1962.

§ Ожегов С.И. О структуре фразеологии // Лексикографический сборник. Вып. 2. М., 1957.

** Шанский Н.Н. Фразеология современного русского языка. М., 1985.

†† Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. М., 1986.

†† Водяха А.А. Эмотивный потенциал фразеологических единиц // Взаимодействие языковых уровней в сфере фразеологии; доклад – Волгоград, перемена, 1996.

§§ Вокуров В.Н., Основы стилистики фразеологических единиц, - М., 1983.

*** Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб., 1996.

ции лексем определенных тематических групп. При этом важным и интересным обстоятельством употребления фразеологизмов является их некоторая прецедентность, что предполагает отсутствие необходимости объяснения контекста при употреблении, его внедрения в коммуникативную ситуацию без ущерба для восприятия транслируемого значения. Здесь также необходимо отметить, что большинство фразеологизмов известны носителям языка, в случае их незнания, коммуникант, как правило, требует уточнения или разъяснения семантики такого словосочетания, то есть запрашивается контекст, из которого ясно, что это особая единица, а не сочетание слов, и который дает возможность ее правильно интерпретировать. При этом не теряются не только денотативное содержание, но и коннотативные свойства – экспрессивность, стилистическая и эмоциональная окраска. Таким образом, важной характеристикой фразеологизмов является их взаимосвязь и обусловленность культурной традицией и историей народа-создателя.

В отношении исследования фразеологизмов интересным является тот факт, что вне зависимости от выбранного подхода вопросы, связанные с фразеологической семантикой всегда актуальны. В настоящем исследовании фразеологическая семантика также представляет особый интерес, поскольку объективный анализ значения возможен исключительно при учете его семантической организации и структуры значения. Обратимся к рассмотрению некоторых ключевых понятий фразеологической семантики.

Описывая фразеологическую семантику, А.В. Кунин отмечает, что при всей корреляции структуры фразеологических единиц и их значения, первая намного шире второй. Это объясняется тем, что структура не ограничивается исключительно сигнификативным, денотативным и коннотативным аспектами, она определяется его грамматическим значением, моно-/полисемантической, системными речевыми и языковыми связями*.

Интересной нам также кажется точка зрения И.И. Чернышовой[†], которая полагает, что знаки вторичного образования, которые лингвист именуется фразеологизмами, в любом случае будут иметь целый набор денотативного, сигнификативного и коннотативного компонентов. Причем, если два первых компонента присущи семантике любого знака, то последний является прерогативой любого знака вторичного образования. Последний ассоциирован с онтологией языка, развитием общества, процессом эволюции, поскольку он основан на способности человека строить ассоциативные связи между референтом и единицей его первичной/вторичной номинации.

Однако коннотации в случае с простым словом и фразеологизмом – вещь не идентичная. Как отмечает И.И. Чернышова, образование коннотаций в семантике слова осуществляется в результате семантического сдвига по поводу смены денотата, в случае с фразеологизмом происходит процесс полной или частичной метафоризации. В результате этого семантический сдвиг полностью затрагивает весь фразеологизм и создает образную мотивированность значения. Более того, коннотативный компонент имеет тенденцию к увеличению экспрессивного потенциала через модификацию компонентного состава.

Также необходимо отметить, что в зависимости от принадлежности к тому или иному классификационному виду у фразеологизмов есть свои особенности в виде мотивированности и немотивированности значения, кроме того, они отличаются разной степенью переосмысления значения, фразеологической абстракции. Последняя базируется на синкретичности и дискретности элементов структуры фразеологизма. И если основной элемент ФЕ имеет буквальное значение и может быть переосмыслен – он составит мотивированный фразеологизм. Кроме того, диапазон структурно-семантической сложности ФЕ сравнительно с единичной лексемой более значителен, в нем переплетаются переосмысления от самых простейших фраз до целых предложений. Благодаря таким особенностям ФЕ считается довольно сложным образованием аналитического характера, имеющим специфическую семантическую структуру.

По мнению А.В. Кунина, фразеологическое значение представляет собой инвариативную информацию, которая может быть эксплицирована благодаря семантическим осложнениям, вербализованным целюно оформленными единицами того или иного языка. Последние организованы структурно и могут быть вариативны в своей композиции*.

Принимая во внимание вышеописанное обстоятельство, Н.Г. Комлев выделяет три разновидности фразеологического значения. Они включают идиоматическое значение (как правило репрезентировано отдельно оформленными единицами с полностью или частично переосмысленными значениями), идиофразеоматическое значение (где одна из нескольких отдельно оформленных единиц языка имеет буквальное или осложненное значение) и фразеосемантическое значение (где инвариант информации выражен раздельнооформленными единицами языка с непереосмысленным значением)[§].

* Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. М., 1986.

† Чернышева И.И. Фразеология современного немецкого языка. М.: Высш. пж., 1970.

‡ Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. М., 1986.

§ Комлев Н.Г. Слово в речи. Денотативные аспекты / Н.Г. Комлев. - 2-е изд., стер. - Москва : УРСС, 2003.

Переосмысление фразеологической номинации представляет собой сдвиг значения, то есть специфические процессы, связанные с изменением объема понятия и в основном происходит благодаря вторичной номинации. В таком случае могут образовываться фразеологические единицы, в которых встречаются прототипы в виде переменных словосочетаний, их значения опосредованы. Соответственно, актуально метафорическое переосмысление. Другой путь переосмысления является более сложным. Он происходит также, как происходит простое переосмысление, но осуществляется путем преобразования буквального значения прототипа. Однако в таком случае большую роль играет такой фактор как «немотивированность» значения или его ассоциации с экстралингвистическими факторами. Одним из наиболее продуктивных способов такого осмысления является метонимическое переосмысление.

Любой процесс переосмысления представляет собой определенное семантическое преобразование, как правило окказиональное, до тех пор пока появляющийся фразеологизм не превращается в полноценную единицу языка. Как только фразеологизм набирает рекуррентность и узнаваемость в определенной лингвокультуре, он теряет свою окказиональность и приобретает узуальность. Таким образом осуществляется процесс сужения или расширения значения, когда семантический объем одного понятия переходит в объем другого понятия. Первый именуется подчиненным, а второй – подчиняющим. В результате перекрещивания значения, когда содержание понятий разнится, но в чем-то частично совпадает, происходит сдвиг.

Итак, семантика фразеологизмов представляет собой одно из самых сложных и многоаспектных явлений, требующих комплексного и детального изучения с позиций разнообразных методов. Это обстоятельство связано с тем, что в комплексе фразеологизм представляет собой не просто отдельно взятое явление или объект действительности в словесном выражении, но и сам отрезок реальной действительности, отношение к происходящему со стороны автора сообщения. Само значение фразеологизма, таким образом, заключено в особом способе трансляции и описания отрезка действительности. Как отмечает А.И. Чернова, сам фразеологизм описывает не только денотат, как он есть, но и передает отношение к нему, характеризует и транслирует мнение адресанта.

Современные исследования все чаще стремятся изучить семантическую составляющую устойчивых словосочетаний, связывая ее с историей и культурой народа. Таким образом семантика, будучи одним из приоритетных аспектов исследования, влияет на комбинаторику слов, предопределяет смысловой компонент более сложных конструкций, в том числе устойчивых выражений и словосочетаний. В данном случае речь идет о трех составляющих значения обозначаемого, обозначающего и денотата. Первый элемент связан с денотатом, второй выступает в качестве результата общественного познания действительности и тождественен понятию. Тройное явление «означающее – денотат – означаемое» выступает в качестве основного элемента семантики, составляет категорию значения.

Кроме того, как было упомянуто ранее, семантика фразеологизма особенно отличается наличием коннотаций, которые включает такие составляющие как эмотивность, экспрессивность, оценку, стилистический аспект, связанный с коммуникативно-стилистической стороной функционирования ФЕ*.

Учитывая выбор в качестве объекта исследования соматических ФЕ с основным компонентом «голова» в двух дистантных языках, помимо определения терминологического аппарата, целесообразно гипотетически определить необходимый инструментарий с целью адекватного, комплексного и объективного описания рассматриваемых ФЕ.

Забегая вперед, отметим, что предпринимаемое исследование в духе компаративного анализа учитывает передовые методики лингвистического анализа и предполагает системный подход с учетом параметров тенденции антропоцентризма и привлечением данных лингвокультурологии и лингвоаксиологии. В расчет также принимаются экстралингвистические данные, имеющие вербальное отражение. Последние именуются В.Н. Телия как окультуренные представления «о картине мира некоторого социума – о входящих в нее природных объектах, артефактах, явлениях, выделяемых в ней действиях и событиях, метофактах и присущих этим сущностям их пространственно-временных или качественно-количественных измерений»[†]. Посредством учета принципов антропоцентризма и лингвоаксиологии будет установлен целый ряд универсальных и специфических образов, характерных для каждого языка. В качестве первичных методов обработки фактических данных будут предприняты методы описательного, дефиниционного, этимологического, компаративного анализа. Набор представленного инструментария позволит рассмотреть специфические характеристики фразеологизмов, которые позволяют говорить об их сложности и специфике, выполнении определенных функций в языке.

* Куний А.В. Курс фразеологии современного английского языка. М., 1986.

[†] Телия В.Н. Фразеология. // Общее языкознание: Внутренняя структура языка. М.: Наука, 1972.

Именно ФЕ, выступая в качестве кладези народной мудрости лингвокультуры, ассоциированы с фоновыми знаниями носителей языка, опытом и традициями народа, а также играют принципиальную роль в создании языковой картины мира. Фразеологизмы не только называют определенное явление или событие в жизни, а, как правило, они направлены на описание деятельности человека и ее характеристику, но и точно передают отношение говорящего к этой ситуации. В последнем случае особенное значение имеет коннотация, которая обеспечивается посредством символизации, эксплицированной ФЕ в конкретной коммуникативной ситуации. Исследование коннотации на примере фактического материала выносится на перспективу настоящего исследования.

Список литературы

1. Гак В.Г. Национально-культурная специфика метонимических фразеологизмов // Фразеология в контексте культуры. М., 1999
2. Виноградов В.В. Об основных типах ФЕ в русском языке // Виноградов В.В. Избр. Труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977.
3. Шанский Н.Н. Фразеология современного русского языка. М., 1985.
4. Соколова В.С., Грюнберг А.А. История изучения бесписьменных иранских языков // Очерки по истории изучения иранских языков. М., 1962.
5. Ожегов С.И. О структуре фразеологии // Лексикографический сборник. Вып. 2. М., 1957.
6. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. М., 1986.
7. Водяха А.А. Эмотивный потенциал фразеологических единиц // Взаимодействие языковых уровней в сфере фразеологии; доклад – Волгоград, перемена, 1996.
8. Вокуров В.Н., Основы стилистики фразеологических единиц, - М., 1983.
9. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб., 1996.
10. Чернышева И.И. Фразеология современного немецкого языка. М.: Высш. пж., 1970.
11. Комлев Н.Г. Слово в речи. Денотативные аспекты / Н.Г. Комлев. - 2-е изд., стер. - Москва : УРСС, 2003.
12. Телия В.Н. Фразеология. // Общее языкознание: Внутренняя структура языка. М.: Наука, 1972.

УДК 81-112

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ НАСИЛИЯ
В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЕ
VERBAL REPRESENTATION OF VIOLENCE
IN ENGLISH SOCIAL ADVERTISING**

**М.С. Евстифеева
M.S. Yevstifeeva**

Волгоградский государственный аграрный университет, 400079, г. Волгоград, ул. 64-й Армии, 135

Volgograd State Agricultural University, 135, 64th Army St., Volgograd, 400079, Russia

E-mail: evstif@inbox.ru

Ключевые слова: англоязычная социальная реклама, насилие и защита, дискурс, номинативная группа, номинативная плотность.

Keywords: English social advertising, violence and defense, discourse, nomination group, nomination density.

Аннотация. В статье рассматриваются средства вербальной репрезентации насилия и защиты его жертв в дискурсе англоязычной социальной рекламы. Выявлены пять групп глагольных лексем, номинирующих виды насилия и способы защиты, рассмотрена их семантика и сочетаемость с объектными лексемами, обозначающими причины, цели, результаты, способы и средства насильственных действий. Проанализирована номинативная плотность групп, позволяющая установить соотношение фрагментов социальных отношений, вербализуемых в исследуемом дискурсе.

Abstract. The article describes means of language representation of violence and defense of its victims in the English social advertising discourse. Five groups of verbs which denote kinds of violence and ways of defense have been singled out; their semantics and combinability with the nominal lexemes denoting reasons, purposes, results, means and ways of violence have been considered. The nomination density of the groups has been analyzed to show the correlation between the parts of social relations verbalized in the discourse under study.

Социальная реклама – это вид коммуникации, ориентированный на привлечение внимания к самым актуальным проблемам общества и его нравственным ценностям, направленный на актуализацию проблем общества. Предназначение ее – гуманизация общества и формирование его нравственных ценностей. Миссия социальной рекламы – изменение поведенческой модели общества *. Предметной основой социальной рекламы выступают сферы социальных отношений, отражаемые в ментальности, ценностях и идеях, регулирующих просоциальное поведение людей †.

Дискурс англоязычной социальной рекламы позволяет рассмотреть эту область современной жизни с позиций лингвосомиотики, опираясь на совокупность вербальных, невербальных и смешанных (креолизованных) знаков; при этом, подчеркивают ученые ‡, вербальный компонент рекламного сообщения является основным.

Анализ показывает, что вербальные знаки дискурса англоязычной социальной рекламы номинируют агентов (причиняющих насилие) и реципиентов (жертв насилия) дискурса, их действия, средства и способы действия, их качества и свойства, место и время действий, базовые концепты. Вся концептосфера англоязычной социальной рекламы включает четыре группы концептов: «Охрана окружающей среды», «Безопасность», «Здоровье», «Социальная защита». Охрана окружающей среды представлена субконцептами «Защита животных», «Экология», «Социальная ответственность». Безопасность касается поведения на дороге. Забота о здоровье направлена на отказ от курения, борьбу с алкоголизмом, на планирование рождаемости. Социальная защита, или защита уязвимых слоев населения, включает противодействие насилию по отношению к женщинам и детям, помощь бездомным, голодающим и инвалидам.

В настоящей статье мы рассмотрим языковые средства, используемые рекламой для репрезентации социальной защиты женщин и детей от насилия. Словесные знаки, денотирующие действия, анализируются в составе пяти номинативных групп глаголов, реализующих свою объектную

*Николайшвили Г. Г. Социальная реклама в политическом процессе современной России: автореф. дисс. ... канд. социол. наук : 23.00.02. М., 2009. С. 19

† Глухова Д. С. Социальная реклама: функционально-предметные особенности и специфика творческого процесса : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.01.10. М., 2013. С. 9

‡ Ягодкина М. В. Язык рекламы как средство формирования виртуальной реальности : автореф. дисс. ... доктора филол. наук : 10.02.01. СПб., 2009. С. 17

сочетаемость с лексемами, обозначающими причины, цели, результаты, способы и средства насильственных действий.

НГ₁ «Физическое насилие» включает глагольные лексемы, семантизирующие физический вред, наносимый женщинам и детям. Доминантой ряда является глагол *beat* = hit again and again как обладающий общей нейтральной семантикой. Остальные глаголы специфицируют:

– степень насилия (*batter* = damage, break, or cause to lose shape by continual hard use or beating; *flap* = strike loosely; *touch* = strike lightly, or make connection with, esp. with the hands or fingers), способы (*fist* = strike with the fist; *kick* = strike forcibly with the foot; *punch* = strike with the fist; *push* = exert force on (someone or something) in order to move them away from oneself; *slap* = hit or strike with the palm of the hand or a flat object; *smack* = strike (someone or something), typically with the palm of the hand and as a punishment),

– результаты насилия (*break* = separate into pieces as a result of a blow, shock, or strain; *bruise* = inflict a bruise on (someone or something); *hurt* = cause pain or injury to; *kill* = cause the death of (a person, animal, or other living thing)).

Глаголы организуются в градуированную шкалу от наиболее слабого в смысле физического воздействия *touch* до фатального *kill*. В эту же группу мы относим и глагол *rape* как номинант насильственных действий, наносящих физический вред (*rape* = force (another person) to have sexual intercourse with the offender against their will).

Основными семами, представляющими эту группу, являются 'beat', 'hit', 'damage', 'strike', 'force', 'pain', 'injury'.

He woke me by smacking me in the face. I screamed but he just stared right through me like I wasn't there. ... I was punched and kicked, bruised and battered *.

Процессные знаки физических действий синтагматически и семантически сочетаются с лексемами, номинирующими:

– участки тела реципиента, наиболее часто подвергающиеся физическому насилию (*breasts, face, head*);

– способы нанесения физического вреда (*abuse, assault, attack*);

– используемые средства – элементы одежды (*belt, boot, chrome-ironed buckle, leather-reinforced gloves, scarf*), кулаки и ладони (*fist, palm*), оружие (*knife, rifle*);

– результаты физического насилия – различного рода раны (*scars, trauma, wounds*).

Black dress and scarf in silk chiffon [vs.] Leather belt with chrome-ironed buckle. There are brands no one should wear. Domestic violence is a crime †.

НГ₂ «Психологическое насилие» включает глагольные лексемы, обозначающие действия, причиняющие психический ущерб. Основным глаголом данной номинативной группы является *affect* = cause some result or change in; influence; cause feelings of sorrow, anger, etc. Насилие над личностью может выражаться:

– в ее подавлении (*control* = determine the behaviour or supervise the running of; maintain influence or authority over; *dictate* = state or order authoritatively; control or decisively affect),

– создании ситуации повышенной ответственности и связанного с ней напряжения сил (*cross-examine* = question (someone) aggressively or in great detail; *demand* = ask authoritatively or brusquely),

– вовлечении в неприятности с помощью обмана (*lure* = tempt (a person or animal) to do something or to go somewhere, especially by offering some form of reward; *trick into* = cunningly deceive or outwit; use deception to make someone do something),

– пренебрежительном по отношению к ней поведении (*stare (through someone)* = look fixedly or vacantly at someone or something with one's eyes wide open),

– нанесении обиды путем лишения ценных, важных, дорогих личности предметов (*steal* = take (another person's property) without permission or legal right and without intending to return it).

К базовым семам в этой группе лексем можно отнести 'influence', 'authority', 'control', 'aggressively', 'without permission', 'deceive'.

Abuse is a truly hurtful thing. But more horrific than the scars it leaves is the devastating impact it creates. Children who experience or witness violence at home may grow up thinking that it is acceptable to use violence on their own spouses and children, continuing a deadly, painful cycle. Each of us can play a part in breaking this vicious cycle. The hurt can stop if you help. Please. Don't just stand there. Reach out ‡.

* <http://www.victimssupportsco.org.uk/>

† <http://theinspirationroom.com/daily/2008/there-are-brands-no-one-should-wear/>

‡ <http://osocio.org/category/violence>

Лексическая сочетаемость глаголов этой группы позволяет выявить специфику психологического насилия:

- причины – поведение и одежда (*cleavage, dress, pants* и др.);
- способы – давление со стороны официальных органов (*trial*), пренебрежение (*neglect*), оскорбление (*bitch, prostitute, slut, whore*);
- результат психологического насилия, при котором страдает достоинство, внутренняя целостность и свобода личности, взаимоотношения и др. (*dignity, freedom, future, impact, interior, relationships, trauma*).

В эту же группу лексем отнесены предметы, представляющие моральную ценность для личности, лишение которых наносит психологический ущерб (*phone, photo (of my dad), purse* и др.).

*“Bitch!!” Words hurt. You can’t see them but the scars from verbal abuse are real and can last for years. Don’t suffer in silence **.

В НГ₃ «Принуждение к нежелательным действиям» входят глаголы, номинирующие действия, совершаемые без согласия реципиента, но с ее участием, для достижения собственных целей. Семантика насилия присутствует в прямых значениях лексем *cause = make (something, especially something bad) happen; force = make (someone) do something against their will; drive or push into a specified position or state using physical strength or against resistance; push = compel or urge (someone) to do something, especially to work hard; demand persistently*, а также в значениях глаголов с нейтральной семантикой, которые в ситуации насилия приобретают новые контекстные значения нежелательных для субъекта действий:

- использовать в собственных целях (*use = exploit (a person or situation) for one’s own advantage*) с получением выгоды (*sell = give or hand over (something) in exchange for money; traffic = deal or trade in something illegal*),
- заставлять заниматься неприятным делом (*employ = make use of; recruit = persuade to do or help with something*),
- насильно удерживать или перемещать (*displace = force (someone) to leave their home; grasp = seize and hold firmly*).

пример

Основные семы, выражающие идею принуждения, – ‘cause’, ‘force’, ‘urge’, ‘against smb’s will’.

We must make this a thing of the past. Child prostitute. It’s frightening to think children today are still forced to work in factories, employed as prostitutes, recruited as soldiers, or don’t have excess to clean water. These are some of the many issues Save the Children is working to make obsolete †.

Синтагматическая сочетаемость глагольных лексем данной группы с объектными показывает:

- инструменты принуждения – наркотики, алкоголь, словесное воздействие (*alcohol, drugs, invitation, recruitment, words*);
- цель принуждения – тяжелый труд, занятие проституцией и др. (*labour, prostitution, sex*).

If you pay a prostitute, you’re financing human trading. Every year, 2,450,000 people become victims of human trafficking, of whom 92% end up being used for sex. 98% of the victims used by the sex industry are women and children ‡.

Анализ номинативной плотности этих групп показывает, что наиболее распространенным оказывается причинение физического вреда (41,8%), далее следует нанесение психического ущерба (35,4%), принуждение к нежелательным действиям составляет меньшую долю (22,8%), что, по-видимому, сопряжено с дополнительными затратами времени и труда со стороны агента действий.

НГ₄ «Реактивные действия» обозначает действия, совершаемые реципиентом в качестве реакции на насилие. Основным глаголом, наиболее эксплицитно выражающим реакцию на насильственные действия, является *defend = to keep safe from harm; protect against attack*. Другие глаголы специфицируют способ реагирования на насилие:

- убежать и спрятаться (*disappear = to go out of sight; escape = to get away e.g. from an enclosed space, a situation which prevents freedom of action, etc.; get free; hide = to put or keep out of sight; prevent from being seen or found; leave = to go away (from); run away = to go away (as if) to escape*),
- закричать (*scream = to cry out loudly expressing anger, pain, fear*),
- ответить (*respond = to do something in answer, react*),

* http://adsoftheworld.com/media/print/kafa_bitch

† http://adsoftheworld.com/media/print/save_the_children_child_prostitute

‡ http://adsoftheworld.com/media/print/luxembourg_government_human_trading_1

– приспособиться к ситуации (*adapt* = to make or become suitable for new needs or different conditions),

а также выражают чувства, испытываемые реципиентом, – страх, стыд, страдание и др. (*fear* = to be afraid of; consider or expect with feelings of fear; to be afraid for the safety of someone or something; *shame* = to feel deep moral discomfort or loss of self-respect caused by consciousness of guilt, immoral behaviour, inability, or failure; *suffer* = to experience pain, difficulty, or loss; (from) to experience something unpleasant, esp. over a long period of time or habitually).

Доминантными семами в этой группе являются ‘safe’, ‘prevent’, ‘protect’, ‘away’, ‘pain’, ‘fear’.

Every kid on the street has a story. Many of the homeless youth on our streets have escaped from homes filled with abuse and violence. ‘Directions’ is a 24 hour resource center where they can find the support and tools they need to get off the streets for good *.

Лексемы, представляющие сочетаемость глаголов данной группы, обозначают:

– чувства и ощущения реципиента – боль и страх (*anguish, fear, hurt, pain* и др.);

– средства, используемые реципиентом для сокрытия следов физического насилия, – косметические и медицинские (*cover-cream, eye-shadows, glue&gloss, secret-cosmetics, sterilizing-moisture* и др.);

– способы защиты от насилия, распределяющиеся по шкале от наименьшего сопротивления в виде молчания до самоубийства как наиболее радикального способа (*autism, disappearance, dreams, fight, silence, suicide*).

My secret cosmetics store: cover cream, sterilizing moisture, glue & gloss, black & blue eye shadows †.

НГ₅ «Защитные действия (сторонних актантов)» представляет действия по охране жертв от насилия. Основными глаголами являются *defend* и *help*. Первый выражает общую идею защиты (*defend* – см. дефиницию выше в НГ-4; его синонимами в этом смысле являются *protect* = keep safe from harm or injury and *save* = keep safe or rescue (someone or something) from harm or danger, обозначающими цель всех действий), которую осуществляют как реципиент, так и ее защитники. Второй (*help* = make it easier or possible for (someone) to do something by offering them one’s services or resources; improve (a situation or problem)) – раскрывает различные виды и способы помощи реципиентам со стороны защитников (*services and resources*):

– физической (*act* = take action; do something; *stop* = cause (an action, process, or event) to come to an end; prevent (an action or event) from happening; prevent or dissuade (someone) from continuing in an activity or achieving an aim; prevent (someone or something) from performing a specified action or undergoing a specified experience),

– психологической (*assure* = tell someone something positively to dispel any doubts; *talk* = speak in order to give information or express ideas or feelings; persuade or cause (someone) to do something by talking; *teach* = impart knowledge to or instruct (someone) as to how to do something; encourage someone to accept (something) as a fact or principle),

– медицинской (*heal* = cause (a wound, injury, or person) to become sound or healthy again; alleviate (a person’s distress or anguish); correct or put right (an undesirable situation)),

– материальной (*finance* = provide funding for (a person or enterprise)),

– юридической (*report* = give a spoken or written account of something that one has observed, heard, done, or investigated; make a formal statement or complaint about (someone or something) to the necessary authority; *witness* = see (an event, typically a crime or accident) happen).

пример

Базовыми семами, репрезентирующими эту группу, являются ‘protect’, ‘prevent’, ‘encourage’, ‘alleviate’, ‘correct’, ‘safe’, ‘(make) easier’.

Abuse is a never ending cycle. We can help stop it ‡.

С этими семами сочетаются значения предметных лексем, вступающих в синтагматические отношения с глаголами и обозначающих:

– целевую направленность защитных действий – отстаивание прав, ценностей и жизни реципиентов в целом (*life, rights, values*);

– явления, вызывающие необходимость защитных действий (*crime, past, pedophilia, violence* и др.);

– средства, используемые для защиты реципиента, – информирование, выслушивание, проявление чувства солидарности и др. (*help, information, story, truth, safety, solidarity, strength (to face up), support, unity*).

* http://osocio.org/message/every_kid_on_the_street_has_a_story/

† <http://osocio.org/category/violence>

‡ <http://abusestophere.org>

Demand dignity. Defend rights of women and girls. Freedom from sexual violence is a human right. Stop violence *.

Номинативная плотность этих групп характеризует усилия реципиента и сторонней помощи как приблизительно равные (43% и 57%, соответственно), однако диапазон средств, используемых защитными организациями, примерно в два раза шире, чем у реципиента.

Синтагматическая сочетаемость предметных и признаковых имен, которые, по словам А. А. Уфимцевой, обслуживают познавательную-классификационную и качественно-оценочную сферы деятельности человека[†], позволяет выявить дополнительные характеристики исследуемого явления. Так, признаковые имена, представленные прилагательными, денотируют способ насилия (*emotional, physical, sexual, verbal*), степень риска (*abusive – frightening – dangerous – devastating – deadly*), силу воздействия (*big, great*), оценочное отношение к действиям (*bad, dirty, vicious, worse*). Прилагательные, обозначающие одежду агентов и реципиентов дискурса социальной рекламы, составляют оппозицию на основании качества материалов (*chrome-ironed, fur, leather-reinforced, metal*, подчеркивающие жестокость агентов, – *satin-tiered, silk chiffon, silk ruffled*, акцентирующие незащищенность реципиентов). Коннотации страха передаются прилагательными-кolorонимами (*black, black & blue*). Семантика боли, ужаса, отвращения и унижения представлена рядом имен, обозначающих чувства и ощущения, а также отношение реципиента к самой ситуации (*gutted, hard (to take), horrific, humiliated, hurtful, lousy, painful, sad*).

Silk ruffled top. Satin tiered skirt. Leather boot with metal hardware and solid rubber. There are brands no one should wear. Domestic violence is a crime. Call *.

Таким образом, рассмотренные номинативные группы характеризуются семантическими различиями и неравномерностью количественного состава. Группы находятся в тесном взаимодействии, пересекаясь отдельными семами в значениях составляющих их лексем. Объектная сочетаемость глаголов подтверждает семантическую направленность исследуемых номинативных групп. Каждая номинативная группа представляет собой незамкнутую, открытую систему, границы которой размыты и пересекаются с другими номинативными группами, обеспечивая целостность всей лексической системы исследуемой сферы.

Список литературы

1. Николайшвили Г. Г. Социальная реклама в политическом процессе современной России : автореф. дисс. ... канд. социол. наук : 23.00.02. М., 2009. С. 19
2. Глухова Д. С. Социальная реклама: функционально-предметные особенности и специфика творческого процесса : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.01.10. М., 2013. С. 9
3. Источник примеров. – URL: <http://osocio.org/category/violence>
4. Уфимцева А. А. Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексики. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 102
5. Ягодкина М. В. Язык рекламы как средство формирования виртуальной реальности : автореф. дисс. ... доктора филол. наук : 10.02.01. СПб., 2009. С. 17
6. British and World English Dictionary. – URL: <http://www.oxforddictionaries.com/>
7. Longman Dictionary of English Language and Culture. – Longman Group UK Limited, 1992.
8. Macmillan Dictionary and Thesaurus. – URL: <http://www.macmillandictionary.com/>

* <http://nonprofit-design.tumblr.com/post/6510921832/kragtbakker-demand-dignity-defend-the-rights>

[†] Уфимцева А. А. Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексики. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 102

* <http://osocio.org/category/violence>

УДК 81'42

ЭТНОКОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ МЕДИЦИНСКОГО ДИСКУРСА ЭДВАРДИАНСКОЙ ЭПОХИ (НА ПРИМЕРЕ БРИТАНСКОГО ТЕЛЕСЕРИАЛА 'CASUALTY 1900s')
ETHNIC COGNITIVE ASPECT IN EDWARDIAN MEDICAL DISCOURSE (IN TERMS OF 'CASUALTY 1900s' BRITISH TV-SERIES)

А.А. Куценко
A.A. Kutsenko

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
 308015, РФ, г. Белгород, ул. Победы, 85*

Belgorod State Research University, 85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: alinaconfiture@gmail.com

Ключевые слова: лингвокогнитивный анализ, этнокогнитивные маркеры, экстрадискурсивный фон, медицинский дискурс, телеформат, Эдвардианская эпоха.

Keywords: linguistic cognitive analysis, ethnic cognitive markers, extralinguistic background, medical discourse, TV-format, Edwardian Era.

Аннотация. В данной статье репрезентированы результаты проведенного нами анализа этнокогнитивного аспекта медицинского дискурса Эдвардианской эпохи на примере исторического телесериала телекомпании BBC 'Casualty 1900s'. Выявлена высокая частотность этнокогнитивных маркеров, представляющих собой в большинстве случаев лингвокультуры, употребляемые в речи медицинского персонала и пациентов больницы. Проведен анализ экстрадискурсивного фона в телеформате фильма. Установлено, что наиболее частотными темами диалогов и монологов в телесериале 'Casualty 1900s' являются темы, связанные с чистотой и методами дезинфекции в больнице, особенностями операционных палат и употребление связанных с ними лингвокультур, строгой иерархией и дисциплиной внутри персонала, а также правами женщин.

Abstract. This article represents the results of ethno-cognitive aspect analysis in Edwardian medical discourse in terms of BBC's 'Casualty 1900s' TV-series. The high frequency of ethnic cognitive markers represented by linguistic cultures in most cases and used in speech of medical staff and patients is found. The analysis of extralinguistic background in TV-format of the film is done. It is found that the most frequent dialogue and monologue topics in 'Casualty 1900s' TV-series are the topics related to the cleanness and disinfection methods in the hospital, the features of operating theatres and the usage of related linguistic cultures, strict hierarchy and discipline within the staff and the rights of women.

Многочисленный термин «дискурс», появившийся в западной лингвистике в 60е годы XX века благодаря Эмилю Бенвенисту, прочно вошел в употребление и список основных понятий гуманитарных дисциплин, таких, как семантика, социолингвистика, дискурсивная психология и др. Отечественную школу, по мнению Н.Ф. Алефиренко, «отличает лингвоцентрический подход к понимаю дискурса» [1, с. 240].

Под дискурсом в общем смысле понимают речь, связанный текст, процесс языковой деятельности. Однако, «в специальном, социогуманитарном смысле — это социально обусловленная организация системы речи, а также определённые принципы, в соответствии с которыми реальность классифицируется и репрезентируется (представляется) в те или иные периоды времени» [8].

Термин «дискурс» имеет множество значений, как лингвистических, так и связанных с другими гуманитарными науками. Так, Т.М. Николаева выделяет несколько значений термина «дискурс»: прежде всего, это связанный текст, далее это может быть его устно-разговорная форма, диалог, группа высказываний, связанных между собой по смыслу, либо речевое произведение как данность — письменная или устная [подробнее: 5, с. 467]. Следовательно, понятие «дискурс» представляет собой коммуникативную ситуацию, обусловленную экстралингвистическими факторами. В ядре этой ситуации может быть, в том числе, и текст. Н.Ф. Алефиренко выделяет в качестве наиболее важных понятий, связанных с дискурсом, такие понятия, как «речь», «диалог», «стиль» и «язык». По его мнению «когнитивной составляющей речи являются когнитивные механизмы ее порождения, знания мира, мнения, ценностные установки, играющие важную роль для понимания и восприятия информации. При этом в центре внимания исследователей оказывается диалогичность речи-мышления, поскольку субъект речи вне зависимости от наличия/отсутствия реального или воображаемого (потенциального) адресата проецирует на него свое сообщение, подбирая для этого необходимые локативные и перформативные средства» [1, с. 238]

В настоящее время актуальным является рассмотрение дискурса телесериалов. Лингвистическим источником информации здесь является речь персонажей, представленная в виде диалогов и монологов. В качестве источников экстралингвистической информации выступают, в первую

очередь, зрительные образы (внешность героев и образы обстановки, их окружающей). Более того, источником информации в кинематографе является невербальное общение – смех, плач, восклицания, паузы, интонация и т.д.

Среди многочисленных фильмов и телесериалов, которые транслируются отечественными и зарубежными телеканалами, нами в качестве исследовательской прерогативы выявлена тематическая группа, имеющая медицинский аспект в качестве основной сюжетной канвы, реконструирующей тот или иной исторический период. Такие произведения кинематографа представляются весьма интересными для изучения медицинского дискурса в ту или иную историческую эпоху.

«Медицинский дискурс представляет собой сложное речевое явление: лекции перед студентами, официальное и неофициальное общение с пациентом и его родственниками, запись в карточке пациентов, ведение истории болезни, оформление больничных листов, справок» [2, с. 21].

Очевидно, «что участниками медицинского дискурса являются медики и пациенты, при этом существует разветвленная специализация медиков как по горизонтали (специальности врачей), так и по вертикали (врачи - медицинские сестры - санитары)» [3].

В статье представляется интересным рассмотреть один из исторических телесериалов, демонстрирующих развитие медицины в Эдвардианскую эпоху (1900-1910 гг.) – британский исторический телесериал ‘Casualty 1900s’ («Лондонский госпиталь»). В нем повествуется как о достижениях науки в области медицины в 1906-1909 гг., так и о быте Эдвардианской эпохи в целом, характеризующейся, в первую очередь, строгой социальной иерархией и неравенством классов. Имена и фамилии персонажей не являются вымышленными – они принадлежат знаменитым врачам, медицинским сестрам, пациентам и другим известным людям, жившим и работавшим в Лондонском Госпитале в начале XX века. Описания событий взяты из архивов больницы, газет и воспоминаний персонала. Телеканал BBC, транслировавший данный сериал с 2006 по 2009 годы, приводит следующее описание роли госпиталя в британском социуме начала XX века: «100 лет назад Лондонский госпиталь был самой прогрессивной больницей в Британии. Долгое время он оставался последней надеждой для обитателей трущоб. Четкая работа персонала достигалась благодаря строгой дисциплине» [9].

Речь персонала больницы представляет обширный материал для изучения и исследования медицинского дискурса, а также лингвистических и экстралингвистических факторов, определяющих специфику этого дискурса.

Материалом нашего исследования послужили диалоги между врачами и пациентами, врачами и медицинскими сестрами и т.д. Исследуемая речь персонажей телесериала «Лондонский госпиталь» – персонала и пациентов – была разделена нами на несколько групп по темам, которые чаще всего выступали в качестве предметов диалогов и монологов в больнице. Нами было установлено, что в исследуемом телесериале преобладают диалоги как форма медицинского дискурса.

В методологическую базу нашего исследования введены понятия «телеформат», «экстрадискурсивный фон». Под телеформатом нами понимается исследовательский конструкт, представляющий собой совокупность вербализованной в фильме информации, образующий целостный когнитивный телересурс, как озвученный, так и виде субтитров. По нашему мнению, при изучении телеформата сериалов и художественных фильмов необходимо учитывать как лингвистические особенности, так и его экстрадискурсивную специфику. Экстрадискурсивный фон телеформата представляет собой совокупность экстралингвистических факторов, сопровождающих эксплицированную информацию телересурса, необходимую для понимания общей сюжетной канвы экранизированного материала, и формирующую в сочетании с речевыми актами когнитивно-дискурсивное единство телеформата.

Исследование медицинского дискурса в телеформате исторического телесериала «Лондонский госпиталь» осуществлено нами посредством лингвокогнитивного анализа. Лингвокогнитивный анализ предполагает применение концептуального подхода, привлекающего описание концептов, отражающих фрагменты объективной реальности и их языковой репрезентации [подробнее: 7].

Нами было установлено, что в речи персонала больницы и пациентов можно выделить дискурсивные темы, послужившие предметом обсуждений и в основном касающиеся самой больницы, и темы, присущие Эдвардианской эпохе в целом.

В каждой дискурсивной теме нами были выявлены этнокогнитивные маркеры, под которыми нами понимаются отдельные лексемы и словосочетания, встречающиеся в устной и письменной речи носителей языка, выступающие в роли вербализованных указателей и определяющих лингвокультурологическую картину мира той или иной эпохи и этноса. Чаще всего этнокогнитивными маркерами являются лингвокультурема. По мнению В.В. Воробьева «лингвокультурема как комплексная межуровневая единица представляет собой диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного или предметного) содержания. Это единица более «глубокая» по своей сути, чем слово» [4].

Из всей совокупности тем исследованных диалогов телесериала мы выделили четыре наиболее существенных:

- 1) чистота в госпитале;
- 2) хирургия и операционные палаты;
- 3) острые социальные различия и строгая иерархия внутри персонала больницы;
- 4) права женщин в начале XX века (в частности, невозможность женщины стать врачом).

Специфика всех четырех выделенных нами групп тем диалогов в британском историческом телесериале «Лондонский госпиталь» проиллюстрирована далее на примерах.

Нами было установлено, что одной из главных тем обсуждений в госпитале была тема чистоты. До появления антибиотиков считалось, что защите от распространения инфекции способствовало, в первую очередь, соблюдение чистоты повсюду: в операционных, смотровых, в палатах выздоравливающих. Соблюдение чистоты требовалось от всего медицинского персонала.

В процессе лингвокогнитивного анализа нами были выявлены следующие этнокогнитивные маркеры, характеризующие ситуацию, связанную с чистотой в больнице: *carbolic soda*; *a good nail brush*. Кроме того, были выявлены номинанты *the cleanest*; *dirty*, не являющиеся этнокогнитивными маркерами, но также вербализующие в дискурсе понятие «чистота».

Пример 1

One of the probationers: Sister! It's a skin infection again. Erysipelas I mean.

*Sister Spencer: It's three weeks since we lost Morrison. <...> It's **the cleanest** ward in hospital!* [14]

Пример 2

Dr. Fenwick: It's erysipelas... You've got third infection in a month!

Sister Spencer: What would you suggest?

*Dr. Fenwick: I'm suggesting? This place is **dirty**, it's a bloody disgrace!*

Sister Spencer: How dare you use language like that in my ward?!

Dr. Fenwick: Your ward, sister, is closed. [14]

Пример 3

*Dr. Fenwick: You know the secret of successful surgery doctor Walton? **A good nail brush.*** [14]

Пример 4

*Matron Luckes: Seal all openings, all wrap paper, windows, fireplaces, doors. Strain the beds, wash all over with a **carbolic soda**, one part to fifty. <...> Bed frames take down to the yard to be disinfected, and all spins and dressings to be burned. All staff we need to be disinfected and uniform sterilized. This infection is deathful.* [14]

Примечательно, что лингвокультурема *carbolic soda* в **Примере 4** – типичное средство дезинфекции Викторианской и Эдвардианской эпох. Ведь еще в середине XIX века в качестве средства дезинфекции «в медицинской практике начали использовать карболовую кислоту, которая <...> получила широкое распространение как средство профилактики послеоперационных осложнений» [11].

Интересным является тот факт, что Эдвардианская эпоха отличалась высокой частотностью волнений в массах, связанных с притоком эмигрантов, наличием террористических организаций и т.д. Количество хирургических операций, проводимых вследствие полученных травм в результате взрывов и перестрелок на улицах, превышало количество других услуг, предоставляемых в Лондонском госпитале. В исследуемом дискурсе нами была выявлена лингвокультурема *operating theatre*, которая высоко частотна. Лингвокультурема *operating theatre* чаще всего подлечит сокращению и употребляется просто как *theatre*, вероятно, вследствие того, что только эта палата имеет сходство с амфитеатром, в ней есть места для зрителей – студентов и персонала. «В центре операционных палат находился приподнятый стол для выполнения операций, а вокруг располагались несколько рядов сидений, чтобы студенты и другие зрители могли наблюдать за проведением хирургической операции» [авт. пер. с 12], хирург при этом комментировал происходящее. Проиллюстрируем вышесказанное на следующих примерах:

Пример 5

Dr. Fenwick: Color?

Dr. Lawes: Er.. red...

*Dr. Fenwick: Red? What does it mean? <...> This is scarlet. <...> Give him up to **theatre!*** [14]

Пример 6

*Sister Russel: Everything is in order, this one just came up from the **theatre.*** [14]

Пример 7

*Dr. Dean: **Theatre** in ten minutes.* [14]

Пример 8

*Dr. Culpin: Give him up to the **theatre**, right now!* [14]

В современном англоязычном медицинском дискурсе идет постепенное вытеснение понятия *theatre* выражением *operating room* или *surgery*, поскольку, в связи с достигнутым прогрессом в области медицины, в операционные палаты, по причине соблюдения стерильности, не допуска-

ются посторонние – только сам хирург и его ассистенты, что привело к ненужности мест для зрителей. Также операционные претерпели ряд изменений в области интерьера, в частности, уменьшился размер палаты и добавилось новое оборудование.

Нами было выявлено высоко частотное употребление лингвокультуреми *theatre* с наречием *up* со значением направления вверх, в сочетании с глаголами *give*, *come* и т.д., что объясняется тем фактом, что высоту стола для проведения хирургических операций, а также положение больного можно было регулировать, чаще всего и сам стол был высоким, отсюда выражения *came up from the theatre* и *give him up to the theatre*, проиллюстрированные в **Примерах 6** и **8** соответственно.

Лингвокультурема *theatre* употребляется также в сочетании с хронемами. Под хронемой понимается «языковая единица, вербализующая темпоральный маркер в повествовательном контексте текста, репрезентирующий время как компонент невербального кода коммуникации» [6, с. 822-823]. Причем, нами были выявлены как одноядерные хронемы (*just*), так и хронемы, состоящие из двух и более лексем (*right now*, *in ten minutes*).

Примечательным и свойственным Эдвардианской эпохе в целом, является факт наличия строгой иерархии, как в домашнем социуме (господа – прислуга), так и в общественном социуме, в данном случае, представленном больницей и ее персоналом (хирург – ассистенты; врач – медсестры; старшая сестра – медсестры – стажерки). Это подтверждают следующие примеры и выявленные нами лексемы и словосочетания, связанные с темой социальной иерархии и дисциплины: *duties*, *to report smb.* и др.:

Пример 9

*Sister Russel (to Probationer Bennet): Did you give him Brandy?! <...> I was quite specific as for your **duties**. Never see fit to your act, of your own behalf. Nurses do not prescribe medications, and you're not a nurse, not yet. Never carry on like this!* [14]

Пример 10

*Matron Luckes: Probationer Bennet! <...> Sister Russel <...> says you have making of a good nurse. But she has got to **report you**. Now, if we have to talk this again, it'll be my office with your bags packed. You understand?*

Probationer Bennet: Yes, miss Luckes.

Matron Luckes: Good. [14]

Однако, каждый работник в госпитале, а особенно медицинские сестры, гордились своим положением, не смотря на то, что у них был огромный перечень обязанностей и полное отсутствие права на ошибку, от сестер требовалось беспрекословное подчинение старшей сестре и врачам. Это подтверждает следующий пример:

Пример 11

Probationer Bennet: It was a mistake, it could happen to anyone.

Sister Russel: I'm not anyone. I'm a sister! [14]

В нашем исследовании представляют интерес механизмы вербализации такой острой социальной темы, характеризующей Эдвардианскую эпоху, как права женщин. Данная тема репрезентирована в дискурсе персонала больницы, что проиллюстрировано нами в следующем примере:

Пример 12

Dr. Culpin: Come on!

Probationer Bennet: Me?

<...>

Dr. Culpin: Frightened?

Probationer Bennet: I'm not supposed to be here.

Dr. Culpin: You're supposed to be here, if I say you.

Probationer Bennet: No, I'm not. I'm a probationer, it doesn't in standing orders.

Dr. Culpin: Don't give a stuff about standing orders. Standing orders won't save life. You will. [14]

Нами было выявлено, что в рассматриваемом дискурсе врачей и медицинских сестер особенно часто встречается тема, затрагивающая, в те времена, понятие-оксюморон «женщина-врач». Долгое время и особенно в начале XX века женщина не могла быть врачом, только сестрой милосердия или медицинской сестрой. «В качестве препятствий допуска женщин к врачебной деятельности выдвигались следующие причины:

- биологические и психологические (эмоциональность и более низкая физическая сила женщин);
- юридические (из-за юридической зависимости женщины от ее отца или мужа права женщин при заключении трудового договора были ограничены);
- социокультурные (круглосуточные обязанности врача противоречат материнским и семейным обязанностям женщин)» [10].

Тем не менее, были исключения. «Первой женщиной-врачом стала в 1850 году англичанка Элизабет Блэквилл, свою стажировку она проходила в Лондонском госпитале» [авт. пер. с 13].

Нами было установлено, что желание женщины (в данном случае стажерки Беннет) стать врачом или даже хирургом сопровождалась острой негативной оценкой, подчеркивающей консервативность взглядов, а также невозможность и абсурдность подобных заявлений. В большинстве случаев такая оценка выражалась невербально (смех), что представлено в **Примерах 13-14**:

Пример 13

Probationer Goodley: We're nurses now, can you believe it?

Probationer Bennet: Yes, I can believe it. But not forever, not for me.

Probationer Veveers: What do you mean?

Probationer Bennet: I want to be a doctor. (All the girls are laughing.) All right then, if I can't be a doctor, then I'll be a surgeon, like mister Fenwick! [14]

Пример 14

Probationer Bennet: You promise not to laugh?

Dr. Culpin: Promise.

Probationer Bennet: I want to be a doctor. (Dr. Culpin is laughing.) You promised!

Dr. Culpin: I promised not to laugh at you and I'm not.

Probationer Bennet: So why are you laughing?

Dr. Culpin: Because you could. [14]

Таким образом, нами были рассмотрены дискурс телеформата в британском историческом телесериале 'Casualty 1900s', исследован медицинский дискурс и выявлены различные лексемы и словосочетания, в том числе, этнокогнитивные маркеры, представленные лингвокультуремами. Установлены особенности употребления языковых единиц в речи медицинского персонала больницы; приведены исторические справки в качестве компонентов экстрадискурсивного фона к дискурсу врачей, медицинских сестер и пациентов.

Нами было установлено, что в Лондонском госпитале, самой прогрессивной больнице начала XX века, в дискурсе персонала и пациентов больницы преобладали различные темы. Это темы, затрагивающие медицину, а именно: (1) чистота, и связанные с ней методы дезинфекции, (2) операционные палаты и особенности их интерьера в Эдвардианскую эпоху; темы, характеризующие Эдвардианскую эпоху в целом: (3) невозможность женщин стать врачом, и острой негативной оценкой намерения стажерки стать хирургом, а также (4) острые социальные различия.

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. «Живое» слово: проблемы функциональной лексикологии: монография / Н.Ф. Алефиренко. – М. Флинта: Наука, 2009. – 244 с.
2. Барсукова, М.И. Медицинский дискурс: стратегии и тактики речевого поведения врача. дисс. ...канд. фил. наук/ М.И. Барсукова. – Саратов, 2007
3. Бейлинсон, Л.С. Характеристики медико-педагогического дискурса (на материале логопедических рекомендаций): Автореф. дисс. ...канд. фил. наук/ Л. С. Бейлинсон. – Волгоград, 2001. – 19 с.
4. Воробьев, В.В. Лингвокультурология / В.В. Воробьев. – М.: Изд-во РУДН, 2006. – 331 с.
5. Николаева, Т.М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы / Т.М. Николаева // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. – Вып. 8 – 479 с.
6. Огнева, Е.А. Хронемы в архитектонике когнитивной темпоральной модели текста / Е.А. Огнева // Когнитивные исследования языка : сб. / Тамб. гос. ун-т и др. ; гл. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов, 2013. – Вып. XIV : Когнитивная лингвистика: итоги, перспективы : материалы всерос. науч. конф., Тамбов, 11-12 апр. 2013 г. / отв. ред. Л.А. Фурс. – С. 821-826
7. Фатева, И.М. Лингвистический анализ кинологической лексики: дисс. ...канд. фил. наук/ И.М. Фатева. – Москва, 2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/lingvokognitivnyy-analiz-kinologicheskoy-leksiki> (дата обращения: 11.10.14)
8. Лондонский госпиталь (мини-сериал) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kinopoisk.ru/film/392931/> (дата обращения: 18.09.14)
9. Малеева Л. Н. Развитие высшего женского медицинского образования в России; первые русские женщины-врачи (М.Бокова, Н.Сулова, В.Кашеярова-Руднева) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ahleague.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=351&Itemid=213&lang=en (дата обращения: 20.09.14)
10. Павельева Е. Некоторые аспекты истории асептики и антисептики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mmk.ulsu.ru/pavelyeva_asept.html (дата обращения: 20.09.14)
11. Operating theatre [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/Operating_theater (дата обращения: 20.09.14)
12. The history of modern medicine [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bartshealth.nhs.uk/about-us/museums,-history-and-archives/history-of-modern-medicine/> (дата обращения: 18.09.14)
13. Casualty 1900s: Complete Series (Casualty 1906 / Casualty 1907 / Casualty 1909) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.amazon.com/Casualty-1900s-Complete-Series-Regions/dp/B0039BWLH2> (дата обращения: 19.09.14)

УДК 811.133.1

**ПЕРИФРАЗЫ С НЕЙТРАЛЬНЫМ СТИЛИСТИЧЕСКИМ ОКРАСОМ В ЯЗЫКЕ
СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ
NEUTRAL PERIPHRASES IN MODERN FRENCH JOURNALISM**

**Г.В. Свищев, С.В. Слепцова
G.V. Svishev, S.V. Sleptsova**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
308015, РФ, г. Белгород, ул. Победы, 85*

Belgorod State Research University, 85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: svishchev@bsu.edu.ru, sleptsova@bsu.edu.ru

Ключевые слова: перифраза, перифрастические выражения, перифрастическая номинация, нейтральный стилистический окрас.

Keywords: periphrasis, periphrastic construction, periphrastic nomination, neutral style

Аннотация. В статье анализируются перифразы с нейтральным стилистическим окрасом, употребляющиеся в языке современной французской публицистики, выполняющие описательную роль по отношению к объекту и к субъекту номинации.

Abstract. The paper deals with stylistically neutral periphrases in modern French journalism. Their descriptive functions regarding the object and the subject of nomination is considered.

Введение

Перифраза является достаточно сложным феноменом лингвистики, который представлен целым рядом дублетных терминов одного этимологического гнезда: парафраз, парафраза, парафразис (устар.), перифраз, перифраза, перифразис (устар.), перифразис (устар.). Перифраза – это неоднословная вторичная номинация описательного, преимущественно эмоционально экспрессивного, оценочного характера, представляющая собой семантически неделимое выражение, косвенно указывающее на существенные, отличительные либо субъективно выделенные носителем языка признаки обозначаемого объекта или явления действительности [7, с. 90]. Перифраза выполняет описательную роль по отношению к объекту и к субъекту номинации [4, с. 13]. Будучи словосочетанием или предложением, она описывает, характеризует объект, подчеркивая ту или иную его сторону.

Общими компонентами, характеризующими перифразу являются: номинация объектов; вторичность именования объекта; описательность; семантическая неделимость номинативного выражения; экспрессивность. Вслед за лингвистическим энциклопедическим словарем мы рассматриваем большинство перифраз, главным образом, как именные сочетания, построенные на основе других тропов (метафоры, метонимии, синекдохи, мейозиса) [5].

Основная часть

В настоящее время существует несколько классификаций перифраз, основными видами которых являются образные, построенные на фразах-метафорах или на фразах-метонимиях; логические, т.е. перифрастические выражения, синонимичные по отношению к словам, которые они заменяют; эвфемизмы – эмоционально нейтральные слова или выражения, заменяющие неприличные, более грубые или нетактичные синонимичные слова или выражения [1, с. 259].

В связи с развитием и популяризацией сферы СМИ перифраза получила широкое распространение в публицистических текстах, а также в устной публичной и разговорной речи. Перифрастические выражения обладают значительной коммуникативной активностью и являются важным средством реализации социально-оценочного плана публицистического выступления [9, с. 166]. На страницах французских печатных изданий авторы статей используют перифрастические выражения с нейтральным стилистическим окрасом, с негативным или позитивным оттенком. Согласно специфике печатных СМИ, отдельные разновидности перифраз, особенно экспрессивно отмеченные и находящиеся в сильной позиции, привлекают внимание читателя к публикации [6, с. 154]. Перифраза может нести информацию не только об объекте, но и о субъекте номинации. Перифрастическая номинация зачастую передает информацию об интересах и пристрастиях автора. Признак, положенный в основу перифрастического наименования, не всегда является главным, дифференцирующим признаком объекта [2, с. 160].

В данной статье рассматриваются перифразы с нейтральным стилистическим окрасом. Прежде всего, такие перифразы встречаются в материалах газет с политическим содержанием, где авторы прибегают к их использованию при именовании должностей политических деятелей. Такие перифразы не содержат каких-либо оборотов речи, тропов, фразеологических единиц и т. д. Эмоциональная окраска практически всегда отсутствует. Их целью является передача фактов. Эти перифразы чаще всего не нуждаются в контексте. Так, например, журналисты используют прием перифразы, когда речь идет о президенте Франции Франсуа Олланде:

Le président de la République défendait l'idée, contre une partie de sa majorité, que chaque citoyen devait recevoir la même instruction jusqu'à la 3e (*Le Monde*, 19.05.2015).

В поздних статьях, посвященных бывшему президенту Франции Николя Саркози, встречаются более сложные конструкции перифразы. Основным отличием от перифразы, заменяющей имя Франсуа Олланда, является измененная структура оборота. Так, в текстах СМИ достаточно распространена замена имени президента на перифразы: *l'ancien président* – *бывший президент*, *l'ancien chef de l'État* – *бывший глава государства*, в которых появляется прилагательное *ancien* – *бывший*, стоящее перед существительным, указывающее на предыдущий период его правления, например:

L'ancien chef de l'État, qui martèle cet objectif dans ses meetings depuis les élections départementales, évoque ici les électeurs passés de l'UMP au FN, comme cette auditrice de RTL – la fameuse Madeleine – qui l'avait interpellé en direct, fin mars dernier (*Le Figaro*, 21.05.2015).

В языке французской прессы употребляются и другие перифразы, связанные с именем Николя Саркози. Авторы статей нередко ссылаются на должность, ныне занимаемую бывшим президентом Франции в политической партии: *le président de l'UMP* – *президент партии «Союз за народное движение»* (ныне партия «Республиканцы»), например:

Le président de l'UMP y a ajouté le collège des membres invités, ce qui lui a permis de recaser des personnalités comme Eric Ciotti ou les anciens présidents de l'Assemblée nationale Patrick Ollier et Bernard Accoyer (*Le Monde*, 19.05.2015).

При перефразировании должность может указываться не полностью. Так, перифраза *un ancien ministre* – *бывший министр* не в полной мере информирует адресата о его ранее выполняемых обязанностях. Читатель может заметить лишь то, что речь идет о бывшем государственном служащем:

«Personne n'ose bouger, de peur d'apparaître comme celui qui portera au parti le coup fatal», confie ***un ancien ministre*** (*Libération*, 22.05.2014).

Иногда в языке французской публицистики встречаются сложные перифрастические конструкции, состоящие из двух перифраз. Так, *le dauphin de l'ancien ministre* – *приемник бывшего министра* указывает на двух государственных деятелей: политика, занимавшего должность министра, и его приемника:

Le dauphin de l'ancien ministre a recueilli 47 % des suffrages et affrontera au second tour à Valenciennes un représentant du FN (*Le Figaro*, 23.06.2014).

В текстах французских СМИ используются и перифразы, представленные устойчивыми оборотами, например, *le président d'honneur* – *почетный председатель*:

Après avoir employé le mot «fournée» sur son blog, le président d'honneur avait été immédiatement accusé d'avoir tenu des propos antisémites (*Le Figaro*, 13.06.2014).

Помимо ссылок на должность политических деятелей, перифразы несут в себе информацию о топонимах, связанных с ними. Например, *le maire de Nancy* – *мэр города Нанси* и *le député de la Nièvre* – *депутат от департамента Ньевр*:

Le maire de Nancy a convoqué la presse ce mercredi pour réagir à la décision, mardi, du tribunal de grande instance de Paris de juger irrecevable la demande de sa rivale d'annuler l'élection à la présidence du parti de la place de Valois (*Le Figaro*, 20.05.2015);

Porteur de la motion B, défaite jeudi soir par celle de Jean-Christophe Cambadélis, le député de la Nièvre confirme toutefois être «candidat au poste de premier secrétaire du PS» (*Le Figaro*, 22.05.2015).

В статьях на политическую тематику нередко используются перифразы, отражающие политические взгляды партийных деятелей, а также их личностные характеристики и качества. Поэтому обязательной частью языковой практики любого цивилизованного общества сегодня является политическая корректность, выражающаяся в замене политически некорректных терминов нейтральными или положительными перифрастическими оборотами [3, с. 7; 8, с. 154]. Например, *un radical pur jus* – *стопроцентный радикал*:

Un radical pur jus. Laurent Hénart, tout juste élu président du Parti radical face à l'ex-secrétaire d'État Rama Yade, faisait figure d'héritier naturel dans la course à la succession ... (*Le Figaro*, 23.06.2014).

Перифрастический оборот *son adversaire socialiste* – его оппонент из социалистической партии употребляется с целью подчеркнуть статус данных людей на политической арене по отношению друг к другу, а прилагательное, подчеркивает политические взгляды деятеля:

Sept ans plus tard, son adversaire socialiste avait remporté la mairie avec quelques centaines de voix d'avance (Le Monde, 31.03.2014).

Одним из распространенных явлений в текстах СМИ является использование перифраз, включающих аббревиатуры. Чаще всего это названия политических партий. Например, *le président de l'UDI* – президент партии Союз демократов и независимых, *le candidat du PCF* – кандидат от Французской коммунистической партии, *les équipes de la présidente du FN* – команды президента партии Национальный фронт, *le chef de file des députés UMP* – глава депутатов партии Союза за народное движение и др.:

En revanche, la claqué est très sévère pour le représentant du Front de gauche: en 2012, le candidat du PCF était parvenu à se hisser au second tour avec 24,3 % des suffrages (Le Figaro, 23.06.2014);

Le président de l'UDI, ancien maire de Valenciennes, y avait été élu député à cinq reprises depuis 1993 (Le Figaro, 23.06.2014).

Проникновение элементов разговорной речи в язык публицистики приводит к появлению перифрастических оборотов, построенных на основе усеченных единиц. Например, *le sénateur écolo* – сенатор от экологов:

Dans ces 150 pages écrites avec Rodolphe Geisler, ancien journaliste au Figaro, le sénateur écolo défend sa vision de la politique: celle du pragmatisme et de l'action concrète (Le Figaro, 21.05.2015).

В следующем предложении автор прибегает к использованию перифразы «*dans son patelin*» (в их краях) для замены прямого наименования места откуда происходит партия Национальный фронт. Данная перифраза полностью зависит от контекста:

Dans «son patelin» le FN a récolté 28% des suffrages aux élections européennes (Libération, 23.12.2014, Gueule de bois électorale par anticipation chez les socialistes de Haute-Garonne).

В текстах статей, посвященных спортивным новостям, нередко можно встретить перифразы, основанные на национальной или региональной принадлежности, например, *l'Américaine* – американка, *le Serbe* – серб, *l'Avignonnais* – житель города Авиньон:

Sepandant, l'Américaine n'a pas agrandi sa collection en 2014 (Le Figaro, 22.06.2014).

Исследование показало, что не менее частотными являются перифразы, показывающие личные достижения спортсменов, например, *le numéro un mondial* – номер один в мире, *l'ancien 24e mondial* – бывший 24-й номер в мире:

Certes en l'absence du Serbe, numéro un mondial, mais en étrillant en finale un client d'un autre calibre que sa victime allemande en la personne de Nadal (Le Monde, 03.06.2015);

Eruptif et à fleur de peau, l'Avignonnais, ancien 24e mondial, montrera-t-il son talent ou ses colères cette année à Roland? (Libération, 25.05.2015).

В материалах на спортивные темы довольно регулярно фигурируют перифразы, отражающие возрастную категорию спортсменов. Например, *la jeune canadienne de 20 ans* – молодая двадцатилетняя канадка; *le numéro 7 mondial, 29 ans* – двадцатидевятилетний 7-й номер:

La jeune canadienne de 20 ans se souviendra longtemps de cette demi-finale de Wimbledon (Le Figaro, 22.06.2014);

Impuissant, le numéro 7 mondial, 29 ans, n'a rien pu faire pour empêcher sa 17e défaite en 19 matchs contre le Serbe (Le Monde, 14.11.2014).

Наряду с перифразами *l'Allemagne, l'Espagne, l'Argentine*, употребляющихся для обозначения футбольных команд, для команды Франции используется перифраза, созданная на основе государственного флага республики: *les Tricolores* – люди, выступающие под трехцветным флагом:

Les Tricolores étaient parvenus en finale sans difficulté en battant l'Allemagne (4-1), puis l'Espagne (5-0) et l'Argentine (5-0) (Le Monde, 20.11.2014).

Кроме названия сборной Франции *les Tricolores* в текстах французских СМИ встречается другая перифраза *les Bleus*, основанная на цвете формы футболистов, например:

Le défenseur central de l'équipe de France se souvient de ce match de légende. Et demande aux Bleus de Didier Deschamps de se méfier, vendredi (Le Figaro, 02.07.2014).

На страницах французских письменных СМИ нередко употребляется перифраза *la Vieille Dame* – Старая сеньора. Она заменяет название команды «Ювентус» и читателю, не знакомому с таким названием и без контекста, смысл данной перифразы будет непонятен, например:

La Vieille Dame n'a, en effet, plus connu de finale de Ligue des champions depuis douze ans (Le Monde, 13.05.2015).

Экономические и политические изменения в мире приводят к таким явлениям, как появление в языке заимствований или калек. Поскольку СМИ наиболее быстро отражают все события,

то и язык прессы претерпевает изменения, в частности, из-за проникновения в него заимствованной лексики. Как отмечает Jean Puvost, французский язык особенно подвержен влиянию английского языка. Некоторые англицизмы из-за частого употребления вошли во французский язык в XX веке и были зарегистрированы в словаре [10, с. 19].

Таким образом, исследование показало, что французские письменные СМИ употребляют перифразы, построенные на основе заимствованной лексики из английского языка *l'ancien coach du Sporting* – бывший спортивный тренер Спортинга:

A quelques mètres de la place du Casino, l'ancien coach du Sporting avance d'un pas lourd, le visage comme figé par la pression (Le Figaro, 03.07.2014).

К заимствованиям относится перифраза *le just married scottish* – только что женившийся шотландец. В свою очередь, она, во-первых, отражает национальность человека, а, во-вторых, в достаточно нехарактерной для спортивных статей СМИ форме посвящает читателя в некоторые подробности жизни спортсмена. Вне контекста такая перифраза теряет связь с конкретным человеком, и смысл, вложенный автором, будет утерян:

Le just married scottish a-t-il définitivement le pied terrien? (Libération, 25.05.2015).

Иногда в газетных и журнальных статьях встречаются перифразы, включающие в свой состав прозвища. Такие перифразы, как правило, односложные. Они могут быть, как и уже устоявшимися, закрепившимися в сознании публики, так и новыми, придуманными авторами статей. При этом, вторые, в свою очередь, могут либо закрепиться, став общеупотребительными, либо остаться без внимания и постепенно исчезнуть. Перифразы, содержащие названия прозвищ, могут быть как оценочными, так и безоценочными:

Devant la presse, «Camba» a tenu à relativiser: «C'est la première fois qu'il y a autant de sifflets et d'applaudissements, c'est sans doute parce que vous étiez là, les journalistes.» (Le Figaro, 22.05.2015).

В данном случае наблюдается пример безоценочной перифразы *Camba* – Камба, образованной путем сокращения фамилии политика Жана-Кристофа Камбаделиса. Исходя из происхождения перифразы, можно говорить о ее устоявшемся характере.

В статье, посвященной смерти Райли Би Кинга, автор использует перифразу с его прозвищем *Le «Blues Boy»* – человек, играющий блюз. Данное прозвище является официальным, общепризнанным. Перифраза не нуждается в контексте. Примечательно также то, что перифраза пришла из английского, и на французский язык не переводится:

Le «Blues Boy» à la main puissante et à la voix caressante, symbole de réussite artistique et sociale, est mort jeudi après une carrière de soixante-six ans (La Libération, 15.05.2015).

Наряду с более клишированными перифразами, основанными на профессиях, территориальной и временной отнесенности и т.д., в текстах французских СМИ нередко встречаются и контекстуальные перифразы. Перифрастический оборот *ses trois acolytes du «Big Four»* – три товарища из «Большой четверки» включает числительное, которое указывает на то, что заменяются имена нескольких людей, а также используется неофициальное название их объединения. Среди контекстуальных перифраз чаще всего употребляются перифрастические конструкции, включающие имена собственные, например, *l'effet Noah* – эффект Ноа, *un effet Mauresmo* – эффект Моресмо:

Depuis le début du tournoi, le numéro 3 mondial fait moins parler de lui que ses trois acolytes du «Big Four» (Le Monde, 03.06.2015).

Il n'a pas été victime de l'effet Noah (Libération, 25.05.2015).

Certains y voient un «effet Mauresmo» (Le Monde, 03.06.2015).

Необходимо отметить, что подобные обороты читателю будут понятны только в контексте.

Выводы

Таким образом, исследование показало, что язык французской письменной прессы широко использует перифразы с нейтральным стилистическим окрасом. Наибольший интерес для анализа представляют перифрастические обороты, встречающиеся в текстах с политическим содержанием, где журналисты зачастую прибегают к использованию перифраз, указывающих на должность, занимаемую политическими деятелями, отражающих их политические взгляды, подчеркивающих статус этих людей на политической арене. С целью привлечения внимания читателя к информации авторы статей используют перифразы, дополненные прилагательными, включающие аббревиатуры или элементы разговорной речи, как, например, усеченные единицы. По результатам анализа материалов на спортивные темы видно, что в языке современной французской публицистики употребляются как устоявшиеся в языке, клишированные перифразы, заменяющие названия футбольных команд, так и новые перифрастические обороты, употребляющиеся автором статьи для демонстрации личностных достижений спортсменов, национальной или региональной принадлежности и т.д. Нередко на страницах французских газет и журналов встречаются пери-

фразы, включающие в свой состав заимствования. Чаще всего эти заимствования происходят от английского языка. Кроме того, французская публицистика использует перифразы, основанные на прозвищах людей. Такие перифразы, как правило, являются либо известными широкой аудитории и не требующими дополнительной информации, либо новыми, придуманными авторами статей. Последние, в свою очередь, будут понятны читателю только в контексте.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Эвфемизм [Текст] / О. С. Ахманова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – С. 259.
2. Грехнева Л.В. Функции перифрастической номинации [Текст] / Л.В.Грехнева // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: Междунар. науч. конф. (Казань, 11-13 дек. 2001 г.): Труды и материалы: В 2 т. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – Т. 1. – С.160-162.
3. Гуманова Ю. Л. «Политическая корректность» как социокультурный процесс: На примере США : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / Гуманова Юлия Леонидовна. – М. : Изд-во МГУ, 1999. – 24 с.
4. Евдокимова Е.В. Прагматический и лингвокультурологический аспекты перифраз и сходных стилистических приемов в газетно-журнальном дискурсе (на материале прессы Великобритании и США) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Елена Владимировна Евдокимова. – Иркутск, 2008. – 172 с.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: «Советская энциклопедия», 1990. – 685 с.
6. Отт К.А. Функциональный спектр перифразы в современных немецких печатных СМИ [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Кристина Александровна Отт. – Барнаул, 2010. – 282 с.
7. Рапаева Ю. В. Структура перифразы и ее типы [Текст] / Ю. В. Рапаева // Современная филология: материалы II междунар. науч. конф. (г. Уфа, январь 2013 г.). – Уфа: Лето, 2013. – С. 90-91.
8. Снина А.И. Эвфемистическая перифраза в современной англоязычной публицистике [Текст] / А.И. Снина // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкозн., 2010. –№ 1. – С. 151-155.
9. Хамидова Л.В. Употребление перифрастических выражений в современной публицистической речи : На материале газет [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Людмила Васильевна Хамидова. – Тамбов, 1999. – 204 с.
10. Pruvost J. La langue française : une longue histoire riche d'emprunts [Texte] / J. Pruvost. – Université de Cergy-Pontoise, 2011. – 26 p. [Режим доступа] : http://www.canalacademie.com/IMG/pdf/Microsoft_Word_-_Jean_20Pruvost_20La_20langue_20francaise_20Une_20longue_20histoire_1_.pdf

УДК 81'42

**ВНУТРЕННЯЯ ДИАЛОГИЧНОСТЬ АНГЛОЯЗЫЧНОГО РОМАНА В КОНТЕКСТЕ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ**
**INNER DIALOGICS OF ENGLISH-LANGUAGE NOVEL IN THE CONTEXT
OF CONTEMPORARY PHILOLOGY**

Ж.Е. Фомичева
Z.Y. Fomicheva

300026 Россия, Тула, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

300026 Russia, Tula, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

E-mail: interdept@tspu.tula.ru, libra@newmail.ru

Ключевые слова: диалогичность, филология, стилистика романа, текст, дискурс, коммуникация, интертекстуальность.

Keywords: dialogics, philology, stylistics of novel, text, discourse, communication, intertextuality.

Аннотация. Концепция диалогичности, разработанная выдающимся русским филологом М.М. Бахтиным как оригинальная философия языка, вводит принцип диалога в анализ текста, языка, познания. Данное понятие рассматривается в настоящей статье в контексте гуманитарных идей XX века, получивших свое воплощение в трудах по коммуникативной филологии в первом десятилетии XXI века. Первостепенное значение для современной филологии имеет исследование характера диалогических отношений между представителями разных литературных поколений и их текстами; внимание исследователей текста и дискурса к изучению непереносимого возрастания информации в процессе сопряженной деятельности автора и адресата; толкование приращения смыслов в условиях порождения текста и его восприятия и интерпретации. Изучение диалогичности как одного из основных качеств текста современного англоязычного романа на основе комплексного, филологического анализа позволяет подтвердить потенциал данного свойства текста в приращении смыслов в условиях порождения и восприятия текста.

Abstract. The conception of dialogics (dialogism) was worked out by the outstanding Russian philologist M. Bakhtin as the original language philosophy. The idea of dialogue brings a new perspective to the analysis of language, text and cognition. The article argues the case for employing the concept of dialogue as an explicatory tool in the study of an English-language novel. The research of dialogic relations between representatives of different literary generations and their texts is primarily important for the contemporary philology. The interest of the scholars who conduct research in the text and discourse areas to the analysis of the increasing information in the process of the mutual activity of the author and addressee is also significant. Understanding of the new sense in the context of the text production, perception and interpretation is considered to be the essential part of the modern philology.

В многочисленных работах современных отечественных и зарубежных исследователей литературно-художественного текста [Лотман, 1981; Lodge, 1992; Смирнов, 1995; Арнольд, 1999; Поре, 2001; Stockwell, 2002; Simpson, 2003; Есо, 2005; Фатеева, 2006; Болотнова, 2009; Бурк, 2010; Чернявская, 2015 и др.] представлены аспекты решения фундаментальных вопросов межтекстового взаимодействия, восходящие к трудам М.М. Бахтина и ученых его круга, представителей отечественной формальной школы, лежащим в основе коммуникативного подхода к тексту. Так, по мнению стилиста Майкла Бурка [Burke, 2010], теория диалога М.М. Бахтина, обогащенная концепцией полифонического романа, сыграла значительную роль в современном понимании текстовой деятельности в структуре литературной коммуникации и представлении о литературно-художественном тексте как процессе постоянно совершающейся коммуникации: "It was the literary theorist Mikhail Bakhtin who first conceived of the dialogic nature of literary discourse. In his theory he spoke of "orchestrations of voices", and coined such productive phrases as "polyphony" and "heteroglossia" [Burke, 2010, p. 85].

Согласно М.М. Бахтину, основателю концепции диалогизации, подлинная сущность текста «всегда развивается на рубеже двух сознаний, двух субъектов» [Бахтин, 1997, с. 229]. В силу сказанного, связь высказывания и диалога является для выдающегося русского ученого обязательным условием существования текста. Таким образом, текст в данной концепции трактуется в равной мере как высказывание, существующее в пределах речевого общения, так и как законченное речевое сообщение, обладающее информативно-смысловой и прагматической сущностью. В контексте экспланаторности современной лингвистической парадигмы, существенно мнение немецкого филолога И.П. Смирнова об истоках возникновения смысла в самом тексте: «смысл художественного произведения полностью или частично формируется посредством ссылки на иной текст, который отыскивается в творчестве того же автора, в смежном искусстве, в смежном дискурсе или в предшествующей литературе» [Смирнов, 1995, с. 8].

В соответствии с системным пониманием текста с позиций коммуникативной стилистики текст понимается как продукт первичной коммуникативной деятельности автора, в котором потенциально запрограммирована вторичная коммуникативная деятельность адресата, и как объект вторичной коммуникативной деятельности. Текст всегда ориентирован «на другого», даже если этим «другим» является сам автор [Болотнова, 2009, с. 235]. В силу сказанного Н.С.Болотновой [Болотнова, 2009], глубоко диалогическая природа сознания человека, на которую обратил внимание в своих работах М.М. Бахтин, обуславливает потребность текста, как генератора смысла, мыслящего устройства, в данной направленности «на другого». Учет антропоцентрического характера современной научной парадигмы предполагает рассмотрение текста не только как формы коммуникации, но и как единицы культуры. Текст, погруженный в культурное пространство описываемой эпохи, направлен также на культурологический тезаурус адресата. Следовательно, текст, по утверждению известного отечественного филолога Ю.М. Лотмана, для того, чтобы быть приведенным в работу, непременно нуждается в собеседнике: «чтобы работать, сознание нуждается в сознании, текст – в тексте, культура – в культуре» [Лотман, 1981, с. 12].

Главное, что объединяет и связывает работы филологов прошлого века, сыгравшие «ключевую роль в осмыслении коммуникативной сущности языка и литературы» [Чувакин, 2015, с. 18], и современные труды по коммуникативной филологии, это не только исследовательский интерес к изучению направленности на понимание и интерпретацию уже сказанного другими. Первостепенное значение для современной филологии имеет исследование характера диалогических отношений между представителями разных литературных поколений и их текстами; внимание исследователей текста и дискурса к изучению непереносимого возрастания информации в процессе сопряженной деятельности автора и адресата, толкование приращения смыслов в условиях порождения текста и его восприятия [Есо, 2005].

Значимость концепции диалогичности М.М.Бахтина для развития филологической науки, в частности первостепенная роль ученого в введении принципа диалога в анализ текста, языка, познания, отчетливо отражена в следующем утверждении известного российского филолога англиста И.В. Арнольд: «Понимание есть не только осмысление, но и переосмысление воспринятого. Сказанное справедливо не только для художественной литературы, но и для науки. Понимание концепции диалогичности Бахтина тоже приводит нас к ее переосмыслению в соответствии с современными задачами и другими теориями, в свете которых мы понимаем теперь диалогизм» [Арнольд, 1999, с. 414]. Так, рассмотрение британским стилистом Полом Симпсоном [Simpson, 2003] концепции диалогичности М.М.Бахтина в контексте современной широкой модели вседиалогического текста, обращенной к дискурсу, убедительно демонстрирует филологические истоки современной текстовой модели и представление о тексте как о содержательном единстве, для которого характерна относительность границ, как начала, так и конца: “Bakhtin, whose ideas seem to be relevant to most discourse phenomena in some way or other, reserves a number of terms for various sorts of “multi-voiced’ discourse <...> The work of Mikhail Bakhtin <...> continues to occupy the foreground of much contemporary stylistic-related work and there is little sign of any downward trend in the level of application of his ideas [Simpson, 2003, p. 80].

Действительно, в современной российской и зарубежной лингвистике в целом, и теории текста в частности, диалогичность текста трактуется как одно из его основных качеств; важнейшая текстовая категория. Согласно М.Н. Кожиной [Кожина, 1986, с. 39], диалог представляет собой первичную форму речи, а диалогичность (т.е. наличие во всякой речи тех или иных признаков диалога, учет адресата в языковых особенностях высказывания), может рассматриваться как единственная форма существования языка. Аналогичные взгляды на бахтинские понятия диалога, двуголосости, диалогичности, а также на роль трудов выдающегося ученого в современном движении филологического исследовательского интереса от текста к дискурсу представлены в работе британского стилиста Роба Поупа [Pope, 2001]. Как утверждает автор: “Bakhtin concentrated on the novel; but, arguably, the principles can be extended to all forms of ‘intertextuality’ in poems and plays as well, in fact in any language use where existing usages are brought to bear on and in immediate situations. Ultimately this means that virtually all language use enacts a creative tension between ‘another’s words’ and ‘one’s own language’. The words we speak, write or otherwise record are never wholly our own. And yet, crucially, in the moment of use they are turned towards our own ends, whether these ends are overt or covert, conscious or unconscious” [Pope, 2001, p. 187].

Важно подчеркнуть, что разрабатывавшееся М.М. Бахтиным на протяжении всей научной деятельности ученого положение о внутренней диалогичности литературного произведения развивается им также в исследовании стилистики романа. Роман как целое, согласно ученому, – это “многостильное, разноречивое, разноголосое явление”. С точки зрения стилистики, по утверждению М.М. Бахтина, роман – это “художественно организованное социальное разноречие, иногда разноязычие, и индивидуальная разноголосица” [Бахтин, 1975, с. 76]. Специфика романной стилистики, согласно автору, состоит в движении темы по языкам и речам, в ее диалогизации и заражении разноречием и разноголосием предметно-смыслового мира романа. Подчеркнем далее, что

диалогизация темы не позволяет потерять ни один голос. Вместе с тем все голоса в подобном художественном произведении перекликаются, сходясь к высшей – авторской – позиции. Следовательно, в тексте романа многоголосие и разноречие сочетаются в стройную художественную систему, каждый элемент которой участвует в раскрытии смысла целого. М.М. Бахтин [Бахтин, 1975] называет такой роман с новыми принципами художественного сочетания элементов и построением целого полифоническим в отличие от других возможных форм монологического романа (биографического, исторического), для которых, безусловно, характерен единый мир авторского сознания. Справедливость сделанных российским филологом важных выводов о диалогизации темы в полифоническом романе подтверждается в исследовании текста как объекта филологической интерпретации, проведенном Р. Поупом [Poore, 2001]: “Apparently ‘single-voiced’ discourse always turns out to be many-tongued. And an apparent polyphony of voices always turns out to have a dominant harmony or melody” [Poore, 2001, p. 198].

Проблематика современных филологических работ, посвященных различным аспектам межтекстового взаимодействия, исследованию проблем диалога с текстом как ключевой проблемы теории текста, отражает произошедшее в конце XX века расширение лингвистического анализа, его выход за рамки отдельного текста, что связывается, согласно с мнением В.Е. Чернявской [Чернявская, 2015], с «дискурсивным сознанием» и «метатекстовым знанием» как характеристиками современной эпохи. Автор интересного обзора основных теоретических положений, свойственных современным лингвистическим исследованиям, отмечает, что отдельный текст и его внутритекстовая специфика предстает более детализированно и точно на фоне дискурсивного целого, коллективного знания, представленного во многих других текстах, соотносенных с данным [Чернявская, 2015, с. 15].

Исследование текста в коммуникации, постижение когнитивно-коммуникативных оснований современной парадигмы текста, осмысление текста в системе дискурса подтверждает актуальность понятий «диалог», «диалогизация», «диалогичность», «полифония», рассматриваемых в содержательных филологических работах М.М. Бахтина [Бахтин, 1975, 1979, 1986, 1997], и находящихся в основе современного коммуникативного подхода к тексту. Изучение понятия внутренней диалогичности литературно-художественного текста в контексте современного филологического знания, безусловно, связано с исследованием различных аспектов смыслового развертывания текста в условиях его создания и восприятия. Данные аспекты исследования текста ассоциируются с объектами современной филологии, для которой характерен синтез как внутрilingвистических, так и междисциплинарных тенденций в изучении функционирования языка и речи.

В целях выявления специфики стилистики текстов современных англоязычных романов, обратимся к филологическому анализу языковых и текстовых средств, репрезентирующих внутреннюю диалогичность произведений J. Joyce, A. Christie, S. Maugham, A. Huxley, E. O'Brien, P. McCabe, C. Tóibín, E. Waugh. Выбор текстов указанных авторов обусловлен особенностями стилистики современного англоязычного романа, определяется исследовательским интересом к осмыслению характерной для данного жанра игры с читателем и тонкой иронии, ассоциирующейся с английской и ирландской ментальностью, и, безусловно, связан со спецификой англоязычного литературного модернизма и постмодернизма, проявляющейся, в частности, в возрастании роли диалога внутри культуры.

Отметим, что исследование средств репрезентации внутренней диалогичности в произведениях, принадлежащих различным национальным литературам и культурам, в рамках современного филологического анализа перспективно не только для решения фундаментальных вопросов межтекстового взаимодействия. Подобное исследование, на наш взгляд, актуально для рассмотрения специфики интерпретации художественного текста, рассматриваемого как форма коммуникации, как феномен культуры, как фактор текстообразующей деятельности в ее широком понимании, с выходом на уровень целого текста и с ориентацией не только на его локальную, но и глобальную смысловую интерпретацию.

Глубокое понимание и тщательное прочтение художественного текста определяется наличием у его реципиента фоновых знаний, одним из составляющих пресуппозиций, роль которых в понимании текста активно исследуется в рамках современного когнитивного подхода к тексту. Теория пресуппозиций используется исследователями для объяснения того, каким образом фонд внеязыковых знаний применяется участниками коммуникации при формировании содержательной связности (когерентности) текста. Автор текста учитывает предполагаемую коммуникативную компетенцию и меру осведомленности реципиента текста (читателя) о предмете и обстоятельствах речи. Такие предположения относительно фонда языковых и текстуальных знаний называются пресуппозициями, составляющими фонд общих знаний автора и реципиента текста. Ю.М. Лотман [Лотман, 1981] выделяет такое текстовое построение, при котором один текст дается как непрерывное повествование, а другие вводятся в него в нарочито фрагментарном виде (цитаты, отсылки, эпиграфы). Введение фрагментов иных текстов предполагает, что «читатель развернет зерна других структурных конструкций в тексты» [Лотман, 1981, с. 11]. Развивая положение

М.М. Бахтина о различных формах включения текстов в тексты, Ю.М. Лотман [Лотман, 1981] отмечает, что введенные в текст фрагменты других текстов могут читаться и как однородные с окружающим текстом, и как разнородные с ним.

Согласно положениям современной филологии, литературно-художественный текст вступает в диалогическое взаимодействие с другими элементами культурной среды, включается в ассоциативные ряды, развивая и продолжая глобальный социальный диалог эпох, культур, цивилизаций. Текстовая категория интертекстуальности отражает один из общих и существенных признаков текста – его диалогическую соотнесенность с другими текстами. Благодаря интертекстуальным связям текст одновременно выступает как «конденсатор культурной памяти» и как «генератор новых смыслов», которые возникают в результате преобразования цитат, диалога с литературной традицией, новых комбинаций, уже известных в истории культуры элементов.

Анализ материала исследования подтверждает, что интертекстуальные включения в современный англоязычный роман могут весьма разнообразно переосмысливаться, трансформироваться в цитирующем тексте, сокращаться и приводиться фрагментарно. Как отмечалось выше, отправитель информации рассчитывает на то, что читатель обладает необходимыми фоновыми знаниями для того, чтобы правильно распознать цитату и источник информации (что и составляет объем пресуппозиции в данном случае). Так, например, название романа А. Christie "By the Pricking of My Thumbs" сокращенно цитирует слова ведьмы из четвертого акта трагедии W. Shakespaer «Макбет» [Macbeth]:

«By the pricking of my thumbs,
Something wicked this way comes».

В стратегии организации контекстов англоязычных романов важное место занимает форма включения чужого слова, «чужого голоса», обеспечивающая его заметность, возможность опознания источника, мысленного сопоставления исходного и принимающего контекста и понимание того нового смысла, который при этом возникает. В романе «Улисс» [Ulysses] Д. Джойса [Joyce], который, бесспорно, «может служить энциклопедией всех видов интертекстуальности» [Арнольд, 1999], происходит диалог между двумя далеко отстоящими одна от другой во времени и в пространстве культурами: древнегреческой и английской. Роман J. Joyce интерпретируется как аллегория, в символической форме передающая странствия людей в современном мире. «Ulysses» насыщен цитатами, включает другой голос уже в своем названии, поскольку каждый эпизод и герой в романе имеет свой аналог в «Одиссее» [Odyssey] Гомера [Homer]. Наряду с мелкими включениями (цитатами и аллюзиями), роман аллюзивен и как целое, поскольку повторяет композицию, характер и ситуации гомеровского эпоса. Каждый эпизод пародийно ассоциируется с эпизодами Одиссеи. Примерами использования данного явления в английской литературе могут служить интертекстуальные включения в заголовках многих современных англоязычных романов ("Decline and Fall" И. Во [E. Waugh]; "Cakes and Ale: or The Skeleton in the Cupboard" С. Моэма [S. Maugham]; «The Heather Blazing» К. Тоибина [C. Tóibín] и др.). Аллюзивное заглавие является текстообразующим средством и содержит пресуппозиционную информацию особого типа. Предварительное знание, заключенное в аллюзивном заглавии, позволяет читателю уже при знакомстве с произведением эксплицировать подтекст, частично воспринять идею произведения, мировоззренческую позицию автора и его целевую установку. Название романа ирландского автора С. Тóibín «The Heather Blazing» представляет собой один из способов выражения категории интертекстуальности – сопоставление контекстов, проиллюстрированное выше на примере романа J. Joyce «Ulysses». Включение в роман прецедентного текста, посвященного ирландскому восстанию 1797 года, – строчки стихов из знаменитой баллады П.Дж. МакКолла [P.J. McCall] «BooLavogue», посвященной ирландскому восстанию 1797 года, – повышает прагматический и импликационный потенциал текста.

Эпиграф представляет собой один из компонентов художественного текста, который связывает исходный текст и новое произведение, а также позволяет включить один текст в другой. Такое взаимодействие «своего» и «чужого» слова в тексте, отражающее один из наиболее существенных признаков художественного текста – его диалогическую соотнесенность с другими текстами, неразрывно связано с понятием интертекстуальности. В эпиграф к роману ирландской англоязычной писательницы Е. О'Brien "The Light of the Evening" вынесена цитата из книги У. Фолкнера «Requiem for a Nun»: "The past is never dead. It's not even past". Выполняя содержательно-подтекстовую функцию, данный эпиграф обнажает авторский замысел показать адресату, что прошлое определяет настоящее, все сделанное и сказанное не проходит бесследно, заставляя близких расплачиваться за чужие ошибки. В качестве эпиграфа к роману «August is a Wicked Month» Эдна О'Брайен [E. O'Brien] выносит строки из стихотворения J. Keats «The Human Seasons»: He has his winter too of pale misfeature, Or else he would forgo his mortal nature. Цитата из стихотворения J. Keats в романе Е. О'Brien "August is a Wicked Month" актуализирует смысловую доминанту текста и служит проводником в раскрытии образа главной героини, реализуя тему эмоциональной гибели и внутренней обреченности человека.

Интертекстуальные включения в тексте современного англоязычного романа могут быть представлены целыми текстами, принадлежащими другим субъектам речи. Примером может служить введенная А. Нухлеу в девятую главу романа "Crome Yellow" ("Желтый кром") проповедь местного священника Бодихэма на тему седьмого стиха 24-й главы Евангелия от Матфея. Интекстами разнообразных жанров насыщен текст романа ирландского автора С. Тóibín "Brooklyn", что делает его более эмоционально насыщенным, художественно многогранным и одновременно обогащает образы героев, раскрывает их взаимоотношения.

Язык англоязычного полифонического романа представляет собой своеобразную, художественную систему языков, «не лежащих в одной плоскости и сочетающихся в стилистическое единство». Роман J. Joyce «Ulysses» характеризуется авторским использованием многоязычия или кодовой интертекстуальности в виде включений слов и фраз на других языках. Леопольд Блум [Leopold Bloom] и другие персонажи романа постоянно включают в свою речь и свой внутренний монолог известные цитаты, крылатые слова на английском, латинском, итальянском, французском языках. Следует отметить, что подобные включения имеют характерологическую функцию. Цитаты в речи персонажей романа свидетельствуют об уровне их интеллекта, мировоззрении и образованности.

Одна из особенностей художественного текста состоит в том, что он связан с широким (глобальным) контекстом, сопровождающим языковую коммуникацию, и вступает во взаимодействие не только со словесными текстами, но и с текстами других знаковых систем, моделирующих реальный мир (синкретическая интертекстуальность). Текст в тексте может отражать разные сферы искусства, словесно передавать содержание и форму произведений живописи, музыки, архитектуры. Диалогическая соотнесенность текста современного англоязычного романа со всеми текстами, созданными культурой, отражается в использовании цитат и аллюзий, подключающих к передаче смысла другие семиотические системы. Примером синкретической интертекстуальности является цитирование отрывка из текста арии из оперы «The Bohemian Girl», написанной М. Балфом [Balfe], знаменитым ирландским композитором XIX века, в романе С. Тóibín "The Heather Blazing". Известно, что J. Joyce в коротком рассказе "Clay" из сборника "The Dubliners", современный ирландский автор P. McCabe в романе "The Butcher Boy" также использовали текст арии в своих произведениях, что подтверждает важность данного музыкального текста для ирландской культуры. Синкретическая интертекстуальность характерна для романа P. McCabe "The Butcher-Boy" («Мальчик-мясник»): наиболее многочисленными в романе помимо цитирования поэтических текстов являются интертекстуальные включения из англо-ирландского фольклора, ирландских песенных текстов. Таким образом, аспектами интертекстуальной актуализации в тексте могут быть не только произведения словесного творчества, но и тексты других семиотических систем (живопись, скульптура, музыка), апелляция к которым в литературно-художественном тексте осуществляется посредством «перевода» в словесную оболочку концептов, хранящихся в другой форме (графической, визуальной и др.)

Проведенный анализ средств выражения категории интертекстуальности в ряде современных англоязычных романов, принадлежащих перу J. Joyce, A. Christie, E. Waugh, S. Maugham, E. O'Brien, P. McCabe, С. Тóibín, подтвердил их внутреннюю диалогичность (наличие признаков диалога, учет адресата в языковых особенностях текстов; направленность текстов на культурологический тезаурус адресата). Для текстов характерны возрастание диалога внутри культуры, преемственность литературной традиции. Использование средств выражения текстовых категорий интертекстуальности и диалогичности позволяет авторам словесно-художественных произведений выявлять своеобразие картины мира описываемого англоязычного социума и отдельной личности, привлекать внимание читателей к социальным, культурным и политическим проблемам современного общества.

Специфика романной стилистики проанализированных англоязычных текстов предполагает включение в композицию романа "чужой речи", "чужого слова», представленного в текстах романов английских и ирландских авторов не только в виде целых цитированных текстов или их фрагментов, принадлежащих другим реальным субъектам речи, но и в виде языковых (стилевых) цитаций. Выявлено, что введенные в текст романов вторичные, сложные жанры обычно сохраняют свою композиционную самостоятельность, языковое и стилистическое своеобразие. Установлены различные формы включений «чужого слова», «чужого голоса» в стратегии организации контекстов (цитатные заглавия, использование интекстов в сильных позициях романов, трансформированность цитаты, сопоставление контекстов, жанровые различия, синкретическая интертекстуальность). Различные формы языковых и текстовых, внутренних и внешних интертекстуальных включений направлены на понимание адресатом того нового смысла, который возникает при их грамотной филологической интерпретации. Таким образом, филологический анализ позволил подтвердить вывод о том, что смысл художественного полифонического текста полностью или частично формируется посредством ссылки на иной текст, принадлежащий тому же автору, либо другому реальному или выдуманному автору; ссылки на текст в смежном искусстве, либо в смеж-

ном дискурсе. Художественное произведение приобретает необходимую смысловую полноту благодаря его соотнесенности и взаимодействию с другими текстами в общем межтекстовом (интертекстуальном) пространстве культуры.

Список литературы

1. Арнольд И.В. 1999. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 444.
2. Arnold I.V. 1999. Semantika. Stilistika. Intertekstualnost [Semantics. Stylistics. Intertextuality]. Saint-Petersburg, Saint-Petersburg University, 444. (in Russian)
3. Бахтин, М.М. 1975. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 502.
4. Bakhtin, M.M. 1975. Voprosy literatury i estetiki: Issledovaniya raznykh let [Questions of literature and aesthetics: Studies in different years]. М.: Khudozhestvennaya literatura, 502. (in Russian)
5. Бахтин, М.М. 1979. Проблемы поэтики Достоевского: 4-е издание. М.: Советская Россия. 318.
6. Bakhtin, M.M. 1979. Problemy poetiki Dostoevskogo: 4-e izdanie. [Problem of poetics of Dostoevskiy: 4th edition]. М.: Sovetskaya Rossia. 318. (in Russian)
7. Бахтин, М.М. 1986. Эстетика словесного творчества: 2-е издание. М.: Искусство. 445.
8. Bakhtin, M.M. 1986. Estetika slovesnogo tvorchestva: 2-e izdanie. [Aesthetics of the written word: 2nd edition]. Iskusstvo. 445. (in Russian)
9. Бахтин М.М. 1997. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках: Опыт философского анализа // Русская словесность: Антология. М.: 227-249.
10. Bakhtin, M.M. 1997. Problema teksta v lingvistike, filologii i drugikh gumanitarnykh naukakh: Opyt filosofskogo analiza [Problem of the text in the text] // Russkaya slovesnost': Antologiya. Moscow: 227-249. (in Russian)
11. Болотнова Н.С. 2009. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. М.: Наука, 384.
12. Bolotnova N.S. 2009. Kommunikativnaya stilistika teksta: slovar-tezaurus [Communicative stylistics of text: thesaurus.]. М.: Nauka, 384. (in Russian)
13. Кожина М.Н. 1986. О диалогичности письменной научной речи: Учебное пособие по спецкурсу. Пермь, 91.
14. Kozhina M.N. 1986. O dialogichnosti pismennoy nauchnoy rechi: Uchebnoe posobie po spetskursu [About dialogic character of written scientific speech: proc. allowance I]. Perm, 91. (in Russian)
15. Лотман Ю.М. 1981. Текст в тексте // Уч. зап. Тартусского ун-та. Вып. 567.
16. Lotman Yu.M. 1981. Tekst v tekste [The text in the text] // Uch.zap. Tartusskogo universiteta. Vyp. 567. (in Russian)
17. Смирнов И.П. 1995. Порождение интертекста: элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака. СПб., 190. (in Russian)
18. Smirnov I.P. 1995. Porozhdenie interteksta: elementy intertekstualnogo analiza s primerami iz tvorchestva B.L. Pasternaka [Production of intertext: elements of intertextual analysis with examples from the works of B.L. Pasternak]. Saint-Petersburg, 190. (in Russian)
19. Фатеева Н.А. 2006. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. М.: КомКнига, 280.
20. Fateeva N.A. 2006. Intertekst v mire tekstov: Kontrapunkt intertekstualnosti [Intertext in the world of texts: Counterpoint of intertextuality]. М.: KomKniga, 280. (in Russian)
21. Чернявская В.Е. 2015. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса: учебное пособие. М.: ФЛИНТА: наука, 208.
22. Chernyavskaya V.E. 2015. Lingvistika teksta. Lingvistika diskursa: uchebnoe posobie [Text Linguistics. Linguistics of discourse: proc. allowance.]. М.: FLINTA: nauka, 208. (in Russian)
23. Чувакин А.А. 2015. Филология и коммуникативные науки: учебное пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 496с.
24. Chuvakin A.A. 2015. Filologiya i kommunikativnye nauki: uchebnoe posobie [Philology and communicative studies: proc. allowance.]. М.: FLINTA: Nauka, 496. (in Russian)
25. Эко У. 2005. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. – СПб.: Symposium; М.6 Изд-во РГГУ
26. Eco U. 2005. Rol chitatelya. Issledovaniya po semiotike teksta [The role of the reader. Explorations in the semiotics of texts.]. – Saint-Petersburg: Symposium (in Russian)
27. Burke M. 2010. Distant Voices: The Vitality of Yeats' Dialogic Verse // Contemporary Stylistics / edited by M. Lambrou and P. Stockwell. London: Continuum: 85 – 102.
28. Lodge D. 1992. The Art of Fiction. – London: Penguin Books, 240.
29. Pope R. 2001. Textual Intervention: Critical and Creative Strategies for Literary Studies. London: Routledge, 214.
30. Simpson P. 2003. On the Discourse of Satire: Towards a stylistic model of satirical humour. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 242.
31. Stockwell P. 2002. Cognitive Poetics: an Introduction. London: Routledge, 187.

ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

Материалы международной научно-практической конференции «Медиаисследования: век XXI» (Белгород, 23-25 сентября 2015 г.)

УДК 811

ДУХОВНЫЙ СИНКРЕТИЗМ И КОНЦЕПЦИЯ ВСЕЕДИНСТВА В РУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ SPIRITUAL SYNCRETISM AND CONCEPT OF UNITY IN RUSSIAN PUBLICISM

И.И. Бандеров
I.I. Banderov

Казанский (Приволжский) Федеральный Университет, Казань

Kazan Federal University, Kazan, Russia

E-mail: iwanbanderov@mail.ru

Ключевые слова: духовный синкретизм, духовная публицистика, религиозно-философская публицистика, философия журналистики

Keywords: spiritual syncretism, spiritual journalism, philosophical journalism, philosophy of journalism

Аннотация. В тексте определяются характеристики феномена духовного синкретизма и устанавливается взаимосвязь этого способа публицистического мышления с концепциями всеединства в журналистике второй половины XIX века.

Abstract. The author defines the characteristics of spiritual syncretism phenomenon and establishes the relationship of this journalistic-thinking method with the concepts of unity in journalism of the second half of the 19th century.

В публицистике второй половины XIX века отражается особая реакция на происходящие события: философичность, религиозность и просвещенческие идеи стали творческим вектором для некоторых публицистов. Светский, научный и мистический способы понимания и познания мира сливаются в произведениях ряда авторов; складывается тенденция определенной поэтики – текст выстраивается путем слияния проблемного факта и метафизики.

Слияние, смешение и, как итог, единство идейных форм в публицистике этого времени становится определенной тенденцией. Сложным представляется выделять духовную публицистику как отдельный тип творчества в данный период: авторы, занимающиеся духовным искательством на страницах изданий, зачастую не нарушают границ светского дискурса. Такой феномен сочетания светского и духовного имеет свои очевидные предпосылки; например, «Философические письма» П.Я. Чаадаева, «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя, идеи славянофилов...

Также выделяются следующие очевидные факторы, повлиявшие на проявление такого феномена:

- Модерн, являющий собой «мировоззренческий проект»¹, стал отражением духовного кризиса в обществе. Традиционные публицистические подходы к теме духа и общественно-политическим проблемам пытаются взаимодополнять друг друга, образуя всевозможные гибридные сочетания, пытаются преодолеть кризис.
- Особенности развития русской мысли и философии: соединение ортодоксальных религиозных взглядов с западно-европейскими методами оставило свой отпечаток. Идеи един-

¹ Коломейцева Т. С., Русакова О. Ф. Человек и эпоха модерна: особенности интерпретации И.А. Ильиным философии Гегеля // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской Академии Наук. - 2012. - №12. - С. 20.

ства и различных духовных соединений стали основаниями ряда концепций, которые отразились в публицистике. Примерами такого развития могут послужить: «Философия общего дела» Федорова, «Философия духа» Бердяева, «Философия всеединства» Вл. Соловьева, «Почвенничество» Достоевского.

- Общественно-политический контекст. Формирование нигилистических и экзистенциальных настроений в обществе на фоне общественно-политических событий естественным образом вызвало реакцию осмысления и переживания в публицистике. Реакция оказалась именно духовным переживанием в светском дискурсе.

Так как похожие формы реакции мы видим и ранее в истории публицистики, нельзя говорить о принципиально новом явлении. Более того, можно говорить о его архаичности, так как отчетливо выделяется синкретическое начало в авторстве подобных концепций единства: публицистика этого времени полна духовных переживаний, выраженных в тексте, наряду с аналитическими материалами. Таким образом, не отделенные друг от друга аналитическое мышление и духовное переживание представляют собой определенную синкретичность.

Для исследования мы обозначили данный феномен следующим образом: духовный синкретизм² - способ публицистического мышления, который проявляется путем слияния светских, философских и религиозных идей.

Духовный синкретизм проявляется в многообразии форм слияния идей и концепций, однако возможно выделить преобладающий тип концепций и ряд закономерностей.

В качестве примеров мы исследовали публицистические произведения Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и Вл. Соловьева за период 1870 – 1880 гг. Данные три автора – наиболее удачные примеры для нашего исследования, так как являются выдающимися, взаимодополняющими представителями русской мысли того времени, утвердившими, как отмечает В. И. Красиков, «*метафизические основы миропонимания современного российского интеллектуала: его экзистенциальное мироощущение, идеализм этики и органическую метафизику*»³. Однако наш выбор не исключает множество других публицистов подходящих для исследования и обуславливается наиболее очевидными примерами. Данный период также выбран с учетом того, что мы имеем возможность проанализировать проявление духовного синкретизма у трех разных авторов на трех различных стадиях развития их публицистического мастерства: для Достоевского – это завершающий кульминационный период, для Толстого – переходный этап в творчестве и мироощущении, а для Соловьева – это вхождение в журналистику.

В ходе литературоведческого анализа мы обнаружили: на различных стадиях творческого пути у данных трех авторов обнаруживается характерное проявление феномена духовного синкретизма.

Наиболее частое проявление выявлено в таких темах, как церковь и государство, славянофильство, русская идея, славянский вопрос.

Идейное разнообразие материалов, обладающих признаками проявления духовного синкретизма, соотносится с направлениями реализации авторских смыслов: экзистенциализм Достоевского, религиозная мистика Соловьева и этика Толстого. Общая проблемная концепция, выражающая духовный синкретизм в текстах, выделенная у данных авторов – *духовно-социальное единство человечества*: «Всечеловеческое единение» Ф. Достоевского и Вл. Соловьева, «Единство всех людей» Л. Толстого.

Таким образом, концепции всеединства являются выразителем феномена духовного синкретизма, где неразделенность духовного и светского в способе мышления публициста определяет синкретичность. Однако это не делает такие концепции исключительными выразителями духовного синкретизма, так как в ходе анализа феномен обнаруживался и в текстах, не связанных напрямую с глобалистскими мыслями.

Основа духовного синкретизма в текстах выбранных авторов – психологическое *переживание* религиозно-философских и общественно-политических идей в проблемном материале. Такое переживание явилось причиной для создания синкретических, синтетических, эклектических, экуменистических и иных авторских концепций.

Единство духовного и светского как особая поэтика текстов русских публицистов сегодня представляет собой интерес по следующей причине: текущий процесс глобализации, воплощающий интеграцию духовных культур, требует глубинного понимания его исторических предпосылок.

² Бандеров И.И., Бик-Булатов А.Ш. Концепция духовного синкретизма // Ученые записки Казанского Университета. Гуманитарные науки. – 2014. – Т.156, кн. 6. – С 37.

³ Красиков В. И. Эпоха Основания: «Три источника, три составные части» [Электронный ресурс]. Доступно на: URL: <http://credonew.ru/content/view/1188/68/> (режим доступа – свободный)

УДК 811.161.1

**О ФАКТАХ И ФАКТОИДАХ В СОВРЕМЕННЫХ ЖУРНАЛИСТСКИХ ТЕКСТАХ
ABOUT FACTS AND FACTOIDS IN MEDIA TEXTS****А.В. Белоедова
A.V. Beloedova***Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, Белгород, 308015, ул. Победы, 85**Belgorod National Research University, 85, Pobeda Str., 308015, Belgorod, Russia**E-mail: beloedova@bsu.edu.ru**Ключевые слова:* журналистский текст, факт, фактоид, достоверность
Keywords: media text, fact, factoid, reliability*Аннотация.* В статье рассматриваются вопросы, связанные с достоверностью журналистского текста и способами представления фактологической информации в СМИ.*Abstract.* The article deals with the ways of media texts verification and ways to present the facts in the media.

Вопрос о сущности и природе фактов в журналистике, без которых невозможно выполнение важнейших требований объективности, достоверности и оперативности, всегда были в центре внимания как исследователей, так и журналистов-практиков. Общеизвестно, что социальный факт является фундаментальной категорией теории журналистики и ее основным материалом. Вместе с тем факт не такое уж простое явление, как порой кажется, – отмечает признанный теоретик в области журналистики Е.П. Прохоров, объясняя сложность термина «факт» его многозначностью и возможностью неоднозначного истолкования [11, с. 102].

Для теории журналистики важным является разграничение в факте (лат. *factum* «сделанное, свершившееся») онтологического и гносеологического планов. В онтологии факт – элементарное свершившееся событие, явление действительности, «единица реальности, доступная наблюдателю, но существующая независимо от сознания человека» [4, с. 62]. В гносеологическом же смысле фактом называют сообщение, информацию, «обоснованное знание» [9, с. 69], «фрагмент сознания, отражающий единицу реальности» [4, с. 63], единицу текста, высказывание, суждение.

Характеризуя факт в качестве результата «переработки информации о действительности» (т.е. в гносеологическом отношении), А.А. Леонтьев объясняет психолингвистический механизм «перевода» знаний о фрагменте действительности в суждение, или верифицированную истинную оценку этого фрагмента. Как описывает ученый, сначала журналист в реальности вычленяет определенный фрагмент, который рассматривает под определенным углом зрения, затем превращает свои знания в совокупность вербальных суждений или высказываний об этом фрагменте. Если суждение в процессе верификации оказывается истинным, оно превращается в *достоверный факт*; если суждение не соответствует действительности, то «это вообще не факт»; если же в силу объективных обстоятельств верифицировать высказывание невозможно, то «мы имеем дело с *оценочным суждением* или *оценочным высказыванием*» [6, с. 153-157]. Таким образом, факт есть «наследник и представитель не любой пропозиции, а только верифицированной и получившей оценку “истинно”» [1, с. 158].

Содержание факта в журналистском тексте определяют исчерпывающие ответы на четыре вопроса: *кто? что? где? когда?* Именно они выражают описательную информацию, полученную журналистом в результате точного установления границ интересующего его «атома действительности» [4, с. 88]. Если журналист стремится продемонстрировать достоверность представляемой информации, то он вводит в свой материал такие параметры факта, как его сущность, время и место, участников события, с обязательным указанием источника информации. По такому принципу строится большинство новостных материалов: «*Седьмого июля в Москве прошли обыски у активистов общественного фонда содействия развитию гражданского общества «ГОЛОС». В рамках уголовного дела о неуплате налогов межрегиональным отделением «ГОЛОС-Поволжье» самарские следователи обыскали квартиры Григория Мельконьянца, Романа Удада и Татьяны Тройновой*» («Новая газета», № 71, 08.07.2015); «*Россия не должна заниматься тотальным импортозамещением. Об этом заявил премьер-министр Дмитрий Медведев во время посещения выставки "Иннопром"*» («Российская газета», № 6719,

09.07.2015); *«Суд США приговорил врача-онколога Фариды Фата, который, чтобы обогатиться, диагностировал рак у здоровых людей, к 45 годам заключения. Не все пациенты доктора выжили после назначенного лечения»* («Аргументы и факты», 11.07.2015).

Наряду с этим в журналистских текстах представлена информация, которая далеко не всегда поддается полной и строгой проверке. Подобные элементы текста, которые Г.В. Лазутина называет *фактоидами*, передают описательную информацию о действительности, но «мера адекватности отображения отображаемого может быть весьма различной, причем амплитуда колебания нередко оказывается весьма ощутимой» [4, с. 89].

Отметим, что термин «фактоид» чаще используется в значении «недостоверное или ложное утверждение», «непроверенная, неверная или сфабрикованная информация». Сам термин впервые был введен американским писателем Норманом Мейлером в значении «факты, не существовавшие до того, как они появились в журнале или газете» (цит. по: [13, с. 129]). В «Словаре иностранных слов» Н.Г. Комлева фактоид определяется как «информация, публикация, недостойная доверия, или событие сомнительной ценности» [3: <http://>]. В этом понимании фактоид оказывается рядоположенным с такими информационными явлениями, как «газетная утка», сплетня, слухи, молва, толки и под.

Журналисты достаточно часто используют фактоиды в качестве информационного повода для своих публикации, не скрывая того, что предлагаемая информация не подтверждена надежными источниками. Например, в материале «Региональные власти потребовали сокращения в омском ТЮЗе», опубликованном РИА «Омскпресс» (05.08.2014), автор акцентирует внимание своей аудитории на том, что он транслирует скорее слухи, нежели факты: *«Стоит отметить, что по информации из непроверенных источников, сокращение коснется не только омского ТЮЗА, но и других театров. Нашему корреспонденту стало известно, что письмо от министерства пришло и в Музыкальный театр, отдел кадров которого отказался комментировать данный факт»*.

В материале «Чистосердечный «Форс-мажор» зампреда КГИОП», опубликованном в петербургской интернет-газете «Фонтанка», издание не сообщает, откуда были получены данные, предлагая своей аудитории поверить газете «на слово». Ср.: *«Как стало известно нашему изданию, при обыске квартиры в «Парадном квартале» изъяты, в том числе, автопортрет Брюллова, картина Клевера, полотно одного из представителей фламандской династии Франкен и работа кисти одного из членов не менее известной голландской семьи Брейгель, датируемая XVI веком. За последнюю, по информации «Фонтанки», было заплачено 300 тысяч долларов»* (21.03.2015).

Нацеленность журналистов на установление и демонстрацию достоверности предлагаемых аудитории фактов закреплена на законодательном уровне. «Уважение правды и право общества знать правду – первоочередный долг журналиста» – так звучит первый пункт «Декларации принципов поведения журналистов», принятой на Втором Всемирном Конгрессе Международной Федерации журналистов в Бордо в 1954 году [5, с. 219]. В «Законе о СМИ» (ст. 49) прописано, что журналист **обязан** «проверять достоверность сообщаемой им информации». Несмотря на вполне однозначные требования закона и профессионального сообщества к достоверности сообщаемой информации, современная практика массмедиа демонстрирует примеры опубликования информации от однозначно достоверной до абсолютно недостоверной. Область между этими оппозициями именуется в лингвистике *проблемной достоверностью* [8, с. 34].

С точки зрения журналистского сообщества и закона РФ, а также других стран, подмена факта фактоидом считается серьезным профессиональным проступком, за который журналист и редакция, в которой он работает, несут юридическую и этическую ответственность. В практике СМИ есть немало резонансных прецедентов, связанных с нарушением профессиональных канон. Так, бывший журналист одного из наиболее авторитетных американских изданий «The New Republic» Стивен Гласс в течение трех лет фальсифицировал факты: «Придумывая несуществующие компании, несуществующих людей и приписывая им несуществующие цитаты, Гласс делал все для того, чтобы при проверке эти люди и организации казались абсолютно реальными» [12: <http://>]. Результатом такой деятельности стало не только скандальное увольнение журналиста из редакции, но и репутационные потери издания с почти столетней историей.

Не менее громким был скандал, связанный с именем Джанет Кук, которая 13 апреля 1981 г. получила престижную награду американских журналистов – Пулитцеровскую премию за материал «Jimmy's World» («Мир Джимми»), опубликованный в газете «The Washington Post» 28 сентября 1980 г. [12: <http://>]. Темой статьи была история восьмилетнего мальчика-наркомана Джимми, которая никого не оставила равнодушной. Однако в следующее 48 часов после получения премии выяснилось, что эта история оказалась выдумкой, мальчика Джимми не существовало. Журналистка вернула премию и была уволена из газеты.

На страницах авторитетных российских изданий достаточно часто встречаются опровержения, которые опубликованы на основании решения суда. Например, газета «Коммер-

сантъ» была вынуждена извиняться: *«Решением Тверского районного суда г. Москвы признаны не соответствующими действительности опубликованные в газете «Коммерсантъ» N87 (5118) от 24.05.2013 года сведения в отношении Кольцова Владислава Викторовича о том, что «...Отсидевший срок в тюрьме за попытку завладеть зданием в центре Москвы...», «...Владислав Кольцов освобожден, отбыв наказание по обвинению в покушении на мошенничество с недвижимостью в центре Москвы...» («Коммерсантъ», № 121, 10.07.2015).* В «Независимой газете» нам также встретилось опубликованное опровержение, касающееся распространения недостоверной информации: *«28 апреля 2011 года в «Независимой газете» и в сети Интернет на сайте «Независимая газета» опубликована статья «Для премьера прорубили двери на сцену». В указанной статье содержатся следующие сведения, признанные решением Ворошиловского районного суда города Волгограда не соответствующими действительности...» («Независимая газета», 26.02.2014).*

Найти в современных изданиях так называемые «газетные утки» (фактоиды «в чистом виде») или частично непроверенную информацию не представляет труда.

Свежим примером «газетной утки» является сообщение телеканала LifeNews о падении вертолета Ми-8Т в центре столицы, которое перепечатали десятки уважаемых изданий. Приведем цитату с сайта телеканала: *«Вертолет Ми-8Т разбился в Москве, сообщил LifeNews источник в Росавиации. Информация уточняется. По данным собеседника LifeNews, ЧП произошло на проспекте Мира» (LifeNews, 02.06.2015).* Кроме того, *«сообщение о падении вертолета также передало агентство «Москва», ссылаясь на источники в экстренных службах города» (ИТАР-ТАСС, 02.06.2015).* На поверку оказалось, что никакого вертолета не было, что подтвердили в пресс-службе министерства и в Росавиации. Разоблачительная публикация последовала в ИТАР-ТАСС, где автор предположил, что *«источником сообщений об упавшем вертолете стала шутка одного из пользователей сервиса «Яндекс. Карты» [ИТАР-ТАСС, 02.06.2015].* На сайте телеканала LifeNews аудитория имеет возможность прокомментировать «новость», любопытно, что все комментарии, касающиеся «падения» вертолета, носят негативный характер. Подписчики крайне возмущены халатным отношением журналистов к своей работе, а также тем, что информация о падении вертолета до сих пор не удалена с сайта LifeNews: *«Лайф Ньюс пора бы убрать эту новость. Призываю всех отписываться от них» (комментарий пользователя Михаила Чикулаева); «Господи! услышу звон, да не знаю откуда он...лишь бы написать, быть впереди планеты всей» (комментарий пользователя Татьяны Татьяниной).* Такую реакцию можно объяснить тем, что сообщение о происшествии, которое предлагалось аудитории как свершившийся достоверный факт, таковым не являлось.

Не менее ярким примером «газетной утки» являются сообщения в трех кемеровских изданиях. Разоблачительный материал «СМИ опубликовали «утку» о возвращении Спесивцевых» последовал в «Газете Кемерова» (18.07.2014): *«...Новокузнецкие СМИ распространили недостоверную информацию о возвращении в город родственников канибала Александра Спесивцева. В подтверждение этих сведений издания опубликовали фотографии и видеозапись, сделанные в прошлом году».* Заведомо ложная информация, опубликованная в газетах «Кузпресс», «Ваш город» и «Новокузнецк», обладала маркерами достоверности информации: присутствовали отсылки к очевидцам событий (прямая речь соседей), было упоминание о том, что факт возвращения семьи подтвердили в УВД Новокузнецка, кроме того, СМИ опубликовали сделанные год назад фотографии и видеозапись от управления МВД России по Новокузнецку. «Газета Кемерова» сообщила, что «Кузпресс» *«удалил заметку, однако текст остался в кэше Google»*, а из публикации в газете «Новокузнецк» исчезла фраза *«эту информацию подтвердили и в УВД Новокузнецка».*

Казалось бы, в арсенале журналиста есть множество средств и возможностей использовать фактоид как опорную мысль своего материала, при этом не вводя в заблуждение своего читателя. Выдавая же фактоиды за факты, журналисты в своей профессиональной деятельности пренебрегают деонтологической установкой на честность.

Зачастую журналисты сознательно вводят непроверенную информацию в текстовое поле, пытаясь таким образом включить своего читателя в обсуждение острой и актуальной проблемы. Например, в материале «Китайское предупреждение» обсуждается серьезный и сложный вопрос финансового кризиса в экономике Китая, который грозит стать мировым. Такой вопрос не может иметь однозначных ответов и выводов, поэтому журналист пытается представить максимальный спектр существующих мнений, в том числе и тех, которые можно считать фактоидами или слухами: *«По китайской прессе и в национальном секторе интернета гуляют страшные конспирологические версии: рынок, мол, обвалили финансовые диверсанты со зловредного Запада. Одна из газет намекнула, что этим диверсантом, в частности, мог быть американский банковский холдинг Morgan Stanley. С другой стороны, ходят слухи, что кризис мог спровоцировать Народный банк КНР, который якобы вывел с*

рынка очень серьезные суммы и тем самым спровоцировал обвальное падение индексов» («Новая газета», № 72, 10.07.2015).

Использование журналистами слухов Е.В. Осетрова объясняет спецификой их медийной функций, которые базируются на таких их свойствах, как сенсационность, актуальность, непроверенность и анонимность [7, с. 30]. Каждый из этих параметров имеет понятийное ядро: *сенсационность* привлекает внимание аудитории; *актуальность* удовлетворяет ее информационные потребности; *непроверенность* дает оценку степени достоверности публикуемой информации; *анонимность* решает проблему ответственности редакции за распространяемую информацию. В итоге в центр публикации в качестве базисного элемента попадает слух или фактоид, который в дальнейшем (в случае его подтверждения или опровержения официальными лицами) может стать либо (1) фактом, либо оказаться (2) недостоверной информацией. В современной практике СМИ находят отражение оба случая. Например:

(1) «В 2016 году истекает срок полномочий Пан Ги Муна на посту генерального секретаря ООН. **В немецких СМИ циркулируют слухи**, что эту должность может занять канцлер Германии Ангела Меркель. При этом сама она эти сообщения **опровергает**» («Эксперт: Ангела Меркель может идти на поводу у США, чтобы получить пост генсека ООН». RT, 11.01.2015); «Анджелина Джоли и Брэд Питт поженились во Франции, сообщает Associated Press со ссылкой на **заявление официального представителя** звездной четы. **Слухи о тайном браке сочетания Питта и Джоли периодически появлялись и циркулировали в СМИ**» («АиФ», 28.08.2014).

(2) «В сети микроблогов Twitter начали **циркулировать слухи** о заметном ухудшении состояния здоровья бывшего кубинского лидера Фиделя Кастро, сообщил веб-сайт итальянской газеты Corriere della Sera. Вечером 1 сентября **российское посольство в Гаване не подтвердило информации** о смерти национального лидера Кубы» («Интерфакс», 01.09.2011); «**Российская экономическая школа (РЭШ) не подтверждает широко разошедшуюся информацию** об отставке ее ректора Сергея Гуриева» («ВВС. Русская служба», 29.05.2013); «**Amtel Vredestein подтвердила** циркулирующие на рынке **слухи** об уходе из компании ряда топ-менеджеров. <...> На поверку даже сами **слухи оказались выгодными компании** – после появления этой информации в СМИ акции Amtel Vredestein резко подорожали более чем на 10%» («Первая потеря Amtel», РБК от 30.05.2007 г.).

Далеко не всегда читатель может «докопаться» до истины, особенно если информация политизирована и идеологизирована, если не всегда разграничиваются факты и мнения, факты и оценки, замалчивается или не в полной мере открыта информация. Таким информационным «камнем преткновения» стала катастрофа пассажирского самолета в Донецкой области. Суть трагического события в следующем. Boeing 777 авиакомпании Malaysia Airlines, выполнявший плановый рейс из Амстердама в Куала-Лумпур, 17 июля 2014 г. потерпел крушение на востоке Донецкой области (Украина), в районе вооруженного противостояния. Находившиеся на его борту 283 пассажира и 15 членов экипажа все погибли.

Базовый факт погружен в непростые условия политической и информационной борьбы между Россией и США, Евросоюзом, протекающей на фоне локального военного конфликта на Украине. Если констатация факта в материалах различных СМИ в целом совпадает, то ответ на вопрос, по чьей вине произошла масштабная трагедия, открыт до сих пор.

Существуют две точки зрения. Одна из них, активно поддерживаемая американскими, проправительственными украинскими и частью европейских СМИ, заключается в следующем: пассажирский лайнер Боинг 777 был сбит ЗРК «Бук», находящейся в руках пророссийских повстанцев. Например: «**Вице-президент Соединенных Штатов Джозеф Байден подтвердил, что у американской стороны есть четкие доказательства, что ракетный выстрел по самолету рейса МН17 был осуществлен с территории, которая полностью контролируется поддерживаемыми Россией боевиками**» («Дж. Байден подтвердил, что США имеют доказательства запуска сепаратистами ракеты по Боингу». UNN, 19.07.2014); «**Western nations said there was growing evidence that the plane was hit by a Russian-supplied missile fired by rebels...US officials from the Office of the Director of National Intelligence said there was a "solid case" that a SA-11 missile - also known as Buk - was fired from eastern Ukraine under "conditions the Russians helped create"**» («МН17 Malaysia plane crash in Ukraine: What we know». BBC, 09.09.2014); «**American intelligence officials said that they did not have definitive proof of who fired the missile, but that an accumulation of evidence has led to the conclusion that Ukrainian separatists trained in Russia conducted the attack. The officials added that the current American assessment was that the separatists had mistaken the civilian plane for a Ukrainian military jet**» («What Happened to Malaysia Airlines Flight 17». «The New York Times», 23.07.2014); «У свою чергу радник Міністра внутрішніх справ Антон Геращенко у своєму Facebook написав: «Щойно над Торезом **терористами з люб'язно переданого Путіним зенітно-ракетного комплексу "Бук" був збитий цивільний**»

літак Куала - Лумпур - Амстердам. Сьогодні вранці місцевими патріотами було зафіксовано переміщення цього комплексу з боку Тореза в Сніжне» («В Донецькій області збили пасажирський літак. З установки «Бук»?». «Українська правда», 17.07.2014).

Другой версии придерживаются российские СМИ: Боинг 777 сбили украинские военные, которые хотят переложить свою вину на ополченцев. Ср.: *«По его мнению (прим. Александра Бородая, премьер-министра ДНР), возможно, что именно Киев затягивает отправку экспертов в район происшествия, для того чтобы сделать объективное расследование трагедии невозможным» («Комсомольская правда», 19.07.2014); «США и Великобритания не комментируют данные Минобороны РФ о том, что самолет украинских ВВС, возмозжно, находился рядом с самолетом "Малайзийский авиалиний" в момент его падения» («Расследование крушения Boeing 777 на Украине». ИТАР-ТАСС, 21.07.2014); «По мнению Владимира Карнозова, ополченцы использовать комплекс «Бук» не могли: даже если предположить, что он был захвачен как трофей, для того, чтобы навести его на цель, необходим обученный экипаж» («Версии экспертов: кто и как мог сбить малайзийский самолёт над Украиной?». «АиФ», 18.07.2014).*

Несмотря на длительное расследование Нидерландами, точного ответа о причинах крушения Боинга 777 пока не последовало. В предварительном докладе есть фраза: *«воздушное судно развалилось в полете из-за «структурных повреждений, вызванных внешним воздействием многочисленных высокоэнергетических объектов».* Источник этих объектов установить не удалось» (АиФ, 02.07.2015). В настоящее время в Совете Безопасности ООН рассматривается предложение малайзийской делегации создать международный трибунал, чтобы привлечь к ответственности виновных в этой трагедии.

В завершение отметим, что проблема фактов и фактоидов, фактов и мнений, фактов и образов, объективной и субъективной информации и т.д. требует дальнейшего серьезного исследования. «Значение имени факт в некотором роде служит точкой приложения сил рака, лебедя и щуки. Рак неустанно тащит этот концепт вспять – к прошлому, щука старается погрузить его в глубины действительности (конкретного), а лебедь силится поднять его на все большую высоту познающего человеческого духа» [1, с. 166]. С одной стороны, от журналиста требуется объективная, достоверная информация. СМИ в основном рассказывают о событиях, которые рядовой читатель или зритель не может наблюдать собственными глазами, непосредственным участником которых он не является, у него складывается картина происходящего в мире исключительно на основании журналистских текстов. Это, безусловно, накладывает особую ответственность за правдивость информации, которую публикуют и тиражируют СМИ. Аудитория воспринимает журналистский текст как документ, который изначально обладает признаком истинности и обоснованности, наделяясь «презумпцией действительности» [10, с. 36]. С другой стороны, гносеологический факт не может быть равен онтологическому факту: действительность отражается в журналистских текстах лишь с определенной степенью приближенности. Медиакартина, данная через вербальный или визуальный знак, всегда опосредована и поэтому условна. Использование фактоидов в журналистском тексте должно быть осознанным, а сам журналист обязан указывать степень достоверности сообщаемой информации, понимая всю силу воздействия публичного слова на свою аудиторию.

Список литературы

1. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
2. Закон РФ о средствах массовой информации (Закон о СМИ) от 27.12.1991 № 2124-1 [Электронный ресурс] / Действующая редакция от 24.11.2014. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/smi/>
3. Комлев, Н.Г. Словарь иностранных слов [Электронный ресурс] / Н.Г. Комлев. - М., 2006. - Режим доступа: <http://dic.academic.ru>
4. Лазутина, Г.В. Основы творческой деятельности журналиста : Учебник для студентов вузов [Текст] / Г.В. Лазутина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 240 с.
5. Лазутина, Г.В. Профессиональная этика журналиста [Текст] / Г.В. Лазутина // Учеб. пособие по журналистике. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 208 с.
6. Леонтьев, А.А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Текст] / А.А. Леонтьев // Язык средств массовой информации: Учебное пособие для вузов / Под ред. М.Н. Володиной. – М.: Академический Проект, Альма Матер, 2008. – С. 146-169.
7. Осетрова, Е.В. Неавторизованная информация в современной коммуникативной среде: речеведческий аспект [Текст] / Е.В. Осетрова // Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – 10.02.01 – русский язык. – Красноярск, 2010. – 42 с.
8. Панченко, Н.Н. Достоверность, точность, информативность как коммуникативные категории [Текст] / Н.Н. Панченко // Антропологическая лингвистика. – Выпуск 12: сборник научных трудов / Под ред. Н.А. Красавского. – Волгоград: «Колледж», 2009. – С. 31-37.

-
9. Пронин, Е.П. Выразительные средства журналистики [Текст] / Е.П. Пронин. - М.: МГУ, 1980. – 86 с.
 10. Пронин, Е.П. Текстовые факторы эффективности журналистского воздействия [Текст] / Е.П. Пронин. – М.: Изд-во МГУ, 1981. – С. 36.
 11. Прохоров, Е.П. Исследуя журналистику [Текст] / Е.П. Прохоров. – М.: РИП-Холдинг, 2005. – 202 с.
 12. Степанов, В. Копировать, вставить, Пулитцер. Откуда берется и к чему приводит плагиат в журналистике [Электронный ресурс] / В. Степанов // Lenta.Ru. – 2014. – 11 февраля. – Режим доступа: <http://lenta.ru/articles/2014/02/11/cutpaster Pulitzer/>
 13. Щелкунова, Е.С. Публицистический текст в системе массовой коммуникации: специфика и функционирования [Текст] / Е.С. Щелкунова // Учебное пособие. – Воронеж: Изд-во «Родная речь», 2004. – С. 124-137.

УДК 659.1

ЖАНРОВЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РЕКЛАМЕ⁴
GENRE BORROWING IN ADVERTISING**Г.В. Бобровская**
G.V. Bobrovskaya*Волгоградский государственный социально-педагогический университет**Volgograd State Social and Pedagogic University**E-mail: bobrovskaja.gv@rambler.ru*

Ключевые слова: жанр, реклама, прецедентность, интертекстуальность, жанровое заимствование, элокутивная константа.

Keywords: Genre, advertising, precedentality, intertextuality, genre borrowing, elocutionary constant.

Аннотация. Доклад касается жанровых аспектов интертекстуальности. В современной российской печатной рекламе представлены рекламные модификации собственно-публицистических жанров, модификации иностилевых жанров и модификации собственно рекламных жанров. Проанализированы коммуникативно-прагматические механизмы обыгрывания разговорных прецедентных жанров в рекламе. Определено лингвотетическое значение жанровых заимствований.

Abstract. The report deals with aspects of genre intertextuality. In modern Russian print advertising advertising presents modifications actually nonfiction genres, modification other-style genres and modify the actual advertising genres. Analyzed the communicative-pragmatic mechanisms harping conversational case-genres in advertising. Determined the value of linguistic teaching genre borrowing.

Используемые в рекламе приемы речевого, в том числе и манипулятивного, воздействия обусловлены типологическими и структурными особенностями рекламы как особого функционально-стилевого образования на базе СМИ. Одним из направлений дискурсивно-прагматической интерпретации рекламных текстов является определение специфики лингвокреативного продуцирования традиционных и гибридных жанровых разновидностей: актуальные тенденции жанровой дифференциации рекламных текстов демонстрируют взаимодействие различных композиционно-содержательных форм.

Динамический характер жанрообразования в масс-медиаальной сфере задает вектор стилистике рекламных жанров. Развитие идеи М.М. Бахтина о жанре как типе произведения в единстве его формы и содержания применительно к рекламным текстам выразилось в полиаспектном анализе целой «палитры жанров»⁵.

Влияние, обогащение современное жанроведение обнаруживает не только в плане взаимопроникновения жанровых форм, но и в плане объединения достижений других лингвистических направлений. Концептуальной основой предпринятого нами исследования является сближение теории жанров с теорией интертекстуальности и прецедентности.

Эмпирическую базу исследования составили тексты современной (датируемые последним десятилетием) российской печатной рекламы – как газетной и журнальной, так и наружной.

Методическим инструментарием, позволяющим провести анализ разножанровых рекламных текстов, в данной работе является прием интертекстуального сопоставления, заключающийся в выявлении общего и специфического, свойственного опорному тексту и тексту-источнику. Предметом исследования выступает жанровый аспект интертекстуальности, понимаемой как категория, связанная с межтекстовым взаимодействием и объективирующаяся с помощью «приема использования фрагментов прецедентных текстов».⁶

Для обозначения используемых жанровых образований представляется возможным использовать определение «жанровые заимствования», которые есть вариативный результат обращения к инвариантному, константному. Используя аналогию с общепринятым в настоящее время «прецедентным текстом», базовые типизированные формы можно квалифицировать как «прецедентные жанры», т.е. «композиционные структуры и совокупности языковых штампов, которые знакомы членам той или культурной группы, обладают для них ценностной значимостью и указы-

⁴ Доклад подготовлен при поддержке гранта РГНФ (проект № 13-04-00381 «Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов»).

⁵ Ученова В.В., Шомова С.А., Гринберг Т.Э., Конаныхин К.В. Реклама: палитра жанров. М., 2004.

⁶ Бобровская Г.В. Когнитивно-элокутивный потенциал газетного дискурса. Волгоград, 2011. С. 128.

вают на определенный тип текста»⁷. Наследование, обыгрывание, обработка жанров форм в данном отношении – яркий пример действующей в современных масс-медиа тенденции к актуализации интертекстуальных связей.

Генерация жанровых заимствований является при этом одновременно и процессом, и результатом подражания, которое можно определить как «творческую имитацию наиболее удачных сторон конкретного авторского стиля (идиостиля, идиолекта) или произведения»⁸. Немаловажным с идейно-эстетической точки зрения является то обстоятельство, что заимствуемый объект «является источником творческого вдохновения, исключая простое копирование»⁹.

Жанровые заимствования в рекламе связаны с творческим использованием композиционно-содержательной основы жанров, составляющих принадлежность информационной, убеждающей и призывающей речи¹⁰.

Проблемы жанровой систематизации, сопряженные с анализом гиперструктурных, макро- и микросемантических элементов рекламных текстов, можно свести к трем задачам:

- описание механизмов взаимодействия публицистических и рекламных жанров;
- описание собственно рекламных жанров;
- описание иностилевых жанровых заимствований в рекламе.

Основная часть жанровых форм заимствуется рекламой из сферы традиционной публицистики, что свидетельствует об активном взаимопроникновении публицистики и рекламы¹¹.

Анализ публицистических жанров, привлекаемых рекламой для решения своих коммерческих, имиджевых и иных задач, показывает: «В рекламных целях используются почти все публицистические жанры. Это может быть рекламная заметка, статья, интервью, корреспонденция, репортаж, отчет, рецензия, консультация, рассказ»¹². Приемы построения текста заимствуются как из ядра публицистической жанровой системы – информационных и аналитических жанров, так и с периферии – из жанров художественно-публицистических. При этом наиболее частотными в рекламе являются информационные жанры (например, заметка, анонс), далее по степени употребительности следуют аналитические жанры (развернутый комментарий, статья), и, наконец, наименее представлены художественно-публицистические жанры (очерк, эссе).

В рекламе нередко используются иностилевые жанровые формы. В числе наиболее активно используемых называют следующие жанровые формы рекламы: 1. жанры журналистики (интервью, репортаж, зарисовка, комментарий); 2. риторические жанры (агитационная речь, презентация (представление), инструкция, консультация, мнение, совет); 3. жанры художественной литературы (пьесы, сказки, загадки); 4. формы, не имеющие аналогов среди других видов словесности (рекламное объявление, реплика, уникальное торговое предложение, анонс)¹³.

Исходя из этого, представляется возможным выделение рекламных модификаций собственно публицистических жанров (например, заметки, интервью), модификаций иностилевых жанров (художественной, разговорной, деловой, научной речи), модификации собственно рекламных жанров (к примеру, объявления, плаката). Первые две группы отмеченных жанровых заимствований можно назвать «внешними», т.к. они вызваны прагматически обусловленным использованием в рекламе жанровых признаков различных функционально-стилевых объединений. С другой стороны, последнюю группу можно определить как «внутренние» жанровые заимствования в рекламе.

Остановимся подробнее на случаях иностилевых жанровых заимствований в рекламе – использовании элементов, характерных для разговорного стиля (писем, отзывов, записок бытового характера).

Категория разговорности в российской рекламе – характерное средство речевой (элокутивной) организации, не только отражающее свойственную современным масс-медиа диалогичность, но и в ряде случаев служащая объективации интертекстуальных связей. Так, в контексте ...*А мне папа поставил окна из профиля Ratex* (пунктуация оригинала здесь и далее в работе сохранена)

⁷ Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000. С. 41.

⁸ Москвин В. П. Интертекстуальность: понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили. М., 2011. С. 125-126.

⁹ Там же

¹⁰ Литвинова А.В., Литвинов С.В. Сколько «весит» слово? «Статьевая» реклама в прессе. М., 2000; Бровкина Ю.Ю. Газетное рекламное объявление как речевой жанр: риторический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2000; Курченкова Е.А. Культурно-языковые характеристики текстов газетных объявлений (на материале английской и русской прессы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000; Вартанова Н.Г. Структурно-семантические и функциональные особенности жанра рекламного интервью в русских и французских СМИ: автореф. дис. канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2006; Имшинецкая И.А. Речевой стиль коммерческой рекламы в его жанровых разновидностях: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2007.

¹¹ Евстафьев В.А. Журналистика и реклама: основы взаимодействия (опыт теоретического исследования). М., 2001.

¹² Кохтев Н.Н. Реклама: искусство слова. М., 1997. С. 67-68.

¹³ Анисимова Т.В., Урванцев К.Г. О внутрижанровых разновидностях рекламы // Риторика и культура речи в современном обществе. М., 2006. С. 27-29.

используется популярная в детской речи конструкция, пресуппозиционно выражающая сложный комплекс эмотивно-оценочных смыслов, часто – интенциональные установки гордости, даже хвастовства.

Интересны примеры стилистического решения печатной рекламы в виде записок разговорного характера. В результате оформления рекламного текста подобным образом достигается эффект доверительности, способствующий формированию положительных коннотаций: *Ушел в Сбербанк. Скоро приеду!* Отметим, что в приведенном примере важным слагаемым общего коммуникативного смысла рекламного сообщения является семантический компонент «быстрота, оперативность», релевантный для формулировки рекламного довода к удобству.

Форма подачи рекламной информации в жанре обиходно-бытовой записки представляется наглядной, лаконичной, и, кроме того, имитирует личностную ориентированность и выраженную эмоциональную тональность. В ряде случаев персонификация, нарочитая адресность и интимизация изложения имеет пародийный, шутливо-ироничный оттенок, ср. следующие иллюстрации (рис. 1, рис. 2):

Рис. 1

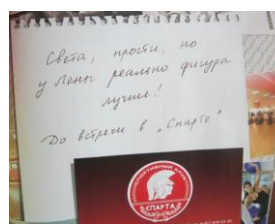

Рис. 2

Другой композиционно-содержательной формой, выступающим в современной печатной рекламе объектом утилитарно обусловленного переосмысления, является запись в ежедневнике. Стилизация рекламного объявления данным образом допускает как экспликацию информации о рекламодателе – как в рекламе автосервиса, так и размещение контактной информации за рамками «заимствуемой» жанровой основы – как в рекламе салона красоты (рис. 3, рис. 4):

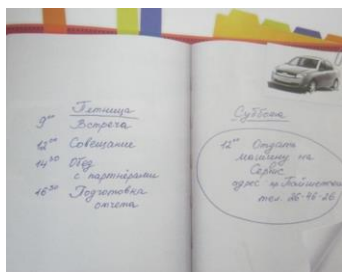

Рис. 3

Рис. 4

Характерной особенностью жанрового решения современной рекламы, в особенности газетной, является вовлечение в структуру текста элементов таких «диалогических» жанров образований, как частные письма и отзывы. Ср.: *Часто слышу, что болезни сердца очень «молодеют» А мне 40 лет – не хотелось бы так рано хвататься за сердце. Как позаботиться о его здоровье? Владимир, Уфа.* Усложнение структуры и содержания текста за счет элементов эпистолярных жанров имеет свое прагматическое обоснование. Использование жанровых форм письма и отзыва в одних случаях помогает усилить воздействующую силу рекламы за счет довода к общественному опыту и авторитету, в других – как в вышеприведенном примере – реализует коммуникативную тактику солидаризации (отождествление самого читателя с автором обращения).

«Диалогическую природу газетных жанров»¹⁴ иллюстрирует и следующий пример – рекламная статья под заголовком *Сердечная дружба*. Для того, чтобы в полной мере оценить прагматическую целесообразность и коммуникативную эффективность данной рекламы, считаем необходимым привести стилизованный разговорный диалог целиком:

Уже второй раз звонила в дверь Антонина Петровна (60 лет), а соседка – Любовь Сергеевна (63 года) – все не шла открывать. Наконец, дверь распахнулась...

¹⁴ Дускаева Л.Р. Диалогическая природа газетных жанров. Изд-е 2-е. СПб, 2012.

– Любушка, ты что так долго идешь? Я уже нервничать начала! Видела же, как ты из магазина возвращалась совсем недавно.

– Ой, Тонь, что-то пока сходила, пока продукты все разложила, такая усталость навалилась...А с дивана встала – еще и голова закружилась. Что делать с давлением – ума не приложу.

– А ты, милая моя, больше бы слушала, что тебе говорят, а то так и до инсульта недалеко. Я вот тоже от давления маялась да за сердце свое боялась, а сходил к врачу – и все решилось. Он сказал, что не только лечиться надо, но и профилактикой заниматься – препараты нынче современные в ходу.

– Ну давай уж, рассказывай.

– Мне доктор Кардиомагнил прописал. Я всю инструкцию изучила, там ацетилсалициловая кислота – она кровь разжижает, а еще гидроксид магния – это чтобы желудок твой защищать.

– Так, подожди, я запишу. Как называется? Кардиомагнил?

– Правильно. А к врачу я тебя завтра же утром отведу. Здоровье друзей – это, знаешь ли, дело первостепенной важности!

Намечая перспективы дальнейших исследований иностилевых – не разговорных – жанровых заимствований, скажем, что единичными примерами в авторской картотеке представлена стилизация, в частности, бухгалтерской документации. Необычный пример автомобильной рекламы, акцентирующей внимание на экономической выгоде («доводе к кошельку» как мощному рекламному аргументу) представляет собой стилизацию сметы расходов. В данном случае соединение двух знаковых систем, буквенной и цифровой, подчеркнуто цветовым решением текста. Семантическая доминанта объявления – «выгода, незатратность, окупаемость» – определяет воздействующий эффект стилизации под прецедентный жанр (рис. 5):

Рис. 5

В другом примере показательно обращение в качестве прецедентного к жанру научно-учебного подстиля в самом его начальном освоении. Используя ассоциативную параллель «финансовая грамотность», создатели рекламы удачно строят текст на аллюзийных отсылках к букварю: *Учись! Инвеструй! Зарабатывай! Ма-ма мыла РАО. Зи-на за-ра-бо-та-ла на Ав-то-ва-зе. А у нас в порт-фе-ле ГАЗ! А у вас? Финансовая группа приглашает Вас на бесплатные семинары, посвященные основам биржевой торговли. Узнайте больше о ценных бумагах, повысьте свою финансовую грамотность и получите возможность заработать на фондовом рынке!*

Таким образом, для современной российской рекламы характерны тексты различной жанровой принадлежности, стилизованные под тот или иной прецедентный жанр. Жанровые формы, заимствуемые рекламой с целью прагматического усиления, являются наглядным подтверждением своеобразия рекламы как разновидности медиадискурса, ориентированной в первую очередь на реализацию маркетинговых программ и достижение коммерческих целей. Глобальная, стратегическая регулятивная целеустановка выражается в подобных случаях посредством использования коммуникативной тактики иллюстрирования.

Показательно, что жанровые заимствования в рекламе демонстрируют не только креативный потенциал дискурса, но и тенденцию к стандартизации изложения материала. Широчайшие возможности творческого поиска в области копирайтинга не исключают наличия «элокутивных констант». Как было установлено нами ранее, к числу таковых относятся как типизированные со-

четания элокутивных средств, так и отдельные элокутивные средства, смысловая аранжировка которых варьируется в зависимости от денотативно-референтной основы текста¹⁵. Дополняя данное положение, отметим, что элокутивной константой может становиться и переосмысление, переделка, переработка прецедентного жанра (в частности, записки).

В заключение отметим необходимое, на наш взгляд, лингвометодическое направление в исследовании жанровых заимствований в рекламе. Создание базовой ориентировки в основных жанрово-композиционных формах, характерных для языка современной российской рекламы, является из целей преподаваемых дисциплин «Язык рекламы», «Язык масс-медиа» для бакалавров и магистрантов филологического факультета, а также курса стилистики и литературного редактирования для студентов направления «Реклама и связи с общественностью». Данная цель реализуется посредством решения следующих задач: формирования знаний о рекламе как коммуникативной системе, формирования умений применять эти знания в своей будущей профессиональной деятельности, выработки критериев стилистической оценки разножанровых рекламных текстов.

В процессе освоения дисциплин студентам предлагается ценить образцы рекламных материалов на предмет соответствия той или иной жанровой форме; определите, собственно рекламный ли это жанр, публицистический или иностилевой, назвать конкретную жанровую форму данных текстов. Немаловажным этапом обучения является определение воздействующего эффекта стилизации под тот или иной прецедентный жанр.

¹⁵ Бобровская Г.В. Элокутивные средства газетного дискурса в коммуникативно-прагматическом аспекте: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2011. С. 10.

УДК 81'373:070

К ВОПРОСУ ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ ПРАГМАТОНИМОВ В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ TO THE QUESTION ABOUT THE USE OF PRAGMATONYMS IN ADVERTISING TEXTS

Л.Р.Ермакова
L.R. Ermakova

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Belgorod National Research University, 85, Pobeda Str., 308015, Belgorod, Russia

E-mail: ermakova@bsu.edu.ru

Ключевые слова: прагмалингвистика, словесные товарные знаки, прагматонимы, привлечение внимания, манипулятивный потенциал.

Keywords: pragmalinguistics, verbal trademarks, pragmatonyms, attracting attention, manipulative potential.

Аннотация. Статья посвящена употреблению прагматонимов в речевой коммуникации, а именно в рекламных текстах. Речь человека является отражением его личностных качеств, потребностей, отношения к миру, социокультурной среды. Прагматонимы же как словесные товарные знаки реализуют эту функцию речи в рекламных слоганах. Являя своей целью привлечение внимания потребителя номинации различной продукции вызывают интерес, желание обладания, и, в конечном итоге, побуждают к покупке товара. Прагматонимы обладают разнообразными функциями, в связи с чем используются различные средства при создании данных товарных знаков, что свидетельствует о мощном манипулятивном потенциале прагматонимов.

Abstract. The article is devoted to the use of pragmatonyms in speech communication, namely in advertising texts. Human speech is a reflection of his personal qualities, needs, attitude toward the world, social-cultural environment. Pragmatonyms as verbal trademarks, implement this feature of speech in advertising slogans. Showing their aim to attract consumer attention category of different products attract interest, desire for possession, and, ultimately, led to buy goods. Pragmatonyms have a variety of functions, in connection with which various tools are used when creating these trademarks, that indicates a powerful manipulative potential of pragmatonyms.

Введение

В современном мире в лингвистике наблюдается увеличение интереса к проблемам речевой коммуникации. И именно прагмалингвистика, как одно из направлений лингвистики, занимается исследованием этой проблемы. Объектом исследования прагмалингвистики является речевое общение, как стратегический процесс, «базисом для него является выбор оптимальных языковых ресурсов» [3, с. 10] в конкретных социальных и межличностных условиях, с конкретными мотивами и целями [11, с. 5].

Личность человека раскрывается именно в процессе речевого общения. В его речи всегда есть «отпечаток» социокультурной среды, опыта, потребностей, отношения к миру, системы ценностей и т.д. Речь человека - яркая идентифицирующая характеристика, которая непосредственным образом связана с отражением личностных качеств.

По мнению Макаренко А.А., и мы полностью с ней согласны, идея рекламного послания реализуется, главным образом, с помощью рекламных имен. В исследовании И.В. Крюковой «Рекламное имя: от изобретения до прецедентности» выделяются различные группы рекламных имен: словесные товарные знаки (прагматонимы), названия деловых объединений людей (эргонимы), средства массовой информации (гемеронимы), торжественные мероприятия (геортонимы), транспортные средства (порейонимы) [4, с. 5].

Теории и методологии исследования

Объектом нашего интереса в данной работе являются прагматонимы – словесные товарные знаки, и их роль в реализации рекламного послания. Под прагматонимом (от греч. *πραγμα* – ‘предмет’, ‘вещь’ + *ωνομα* – ‘имя’, ‘название’) понимается любое словесное обозначение марки товара или вида предлагаемых услуг, охраняемое законом [7, с. 92].

Примерами прагматонимов на базе рекламных слоганов www.textart.ru могут служить:

1. Идентифицирующий: прозрачная внутренняя форма названий (цветочный магазин Ready Flowers, аренда автомобилей CartoGo, нейминг компания Brighter Naming);
2. Условно-символический: косвенное отражение реальных признаков объекта (энергетический напиток Impulse, мотель Lakeview, газета Scotland on Sunday);

3. Символический: смысловой связи с именуемыми объектами не наблюдается (швейная машинка Dragonfly, салон красоты Sunrise, автосервис Birds).

Современные исследователи (И.И. Исангузина, О.В. Кирпичева, Н.А. Лукьянова, Н.А. Стадульская, О.Е.Яковлева) утверждают, что прагматонимы (словесные товарные знаки) в современном мире становятся объектом многих ономастических исследований. И.И. Исангузина обосновывает тот факт, что номинации различной продукции - одна из приоритетных подсистем в повседневной, рекламной и маркетинговой коммуникациях, она становится характером экономических отношений, подвергающимся изменениям в последние годы и, соответственно этому, сменной аксиологических установок [2, с. 991].

О.В.Кирпичева связывает данный факт с тем, что «прагматонимы оказывают рекламное воздействие на адресата, реализуя свой денотативный (как маркеры свойств товара), семантический (как слово с внутренней формой), фонетический (как звуковой комплекс) и стилистический (как образное средство) потенциал» [5, с. 5].

Однако, при определении ономастического статуса прагматонимов многие исследователи сталкиваются с трудностями. Во-первых, трудности определения статуса прагматонимов обусловлены тем, что одни из них надолго задерживаются в словарном составе и известны далеко за пределами страны, в которой были созданы (например, существующие более ста лет прагматонимы - «Avon», «Coca-Cola», «Camel», «Levi's», «Nestle», «Opel», «Shell»); другие быстро забываются, так как выходят из активного употребления.

Еще одна трудность связана со структурно-семантическим разнообразием номинативных единиц, образующих рекламные имена. В разных языках используются практически одинаковые способы номинации. Это и апеллятивы (имена нарицательные) с положительным семным набором («Успех», «Удача», «Очарование», «Престиж» «IDEAL»), и коннотативные имена собственные разных разрядов («Тема», «Лукоморье», «Эльдорадо»), и словосочетания, близкие к нарицательному употреблению («Просто сок», «Обычный порошок»), и слова, искусственно созданные из национального языкового материала («Биолакт», «Спелёнок», «Фрутоняня»), и искусственные слова, немотивированные с точки зрения адресата («ЮКОС», «Менатеп»). По своей структуре прагматонимы могут состоять как из одного графического знака («Я»), так и из целых предложений («А ну-ка отними!»), могут включать в свой состав специальные графические знаки («Европа+»), а также числовые и буквенные индексы («7 UP», «J 7») [4].

Сейчас в современной лингвистике происходит мощное развитие прагматонимов, а также их активное употребление всеми слоями населения. Являясь неотъемлемой частью нашей жизни, эти многофункциональные языковые знаки ежедневно появляются как новые обозначения. Широчайший ассортимент товаров, а также многократно повторяющаяся реклама с информацией об этих товарах являются результатом сохранения в словарном запасе, а также активного употребления коммерческих названий современными носителями русского языка.

Американец Р.Льюис считает, что привлечение внимания потребителя стоит на первом месте, в соответствии с чем он вывел рекламную формулу AIDA: A – Attention, I – Interest, D – Desire, A – Action. Внимание вызывает интерес, который способствует желанию обладания, что, в конечном итоге, побуждает к покупке [6, с. 59].

Прагматонимы обладают многообразием функций. Выделим, на наш взгляд, наиболее заслуживающие внимания:

1. *Номинативно-выделительная.* В этой функции прагматонимы называют и выделяют объект из ряда объектов одного и того же класса. Например, класс продуктов – хлеб. Его виды – «Cottage Loaf» - 'Деревенский хлеб', «French Roll» - 'Французская булка', «Бородинский» и др.

2. *Информативная.* Здесь прагматонимы прямо или косвенно несут определенную информацию о продукте. Такие названия можно считать мотивированными. Например, название хлеба «Pumpkin Bread» - 'Тыквенный хлеб' говорит о том, что изделие изготовлено из тыквы, «Sage and Onion Bread» - 'Хлеб с шалфеем и луком' говорит о том, что в состав хлеба добавлены шалфей и лук, «Заварной» - применялась технология заваривания теста и т.д.

3. *Рекламная.* Прагматоним является средством косвенной рекламы, а его задача – привлечь внимание потребителя. Следовательно, большинство названий эмоционально-экспрессивные. Например, название «Energien» - 'Энерджен', диетические хлебобулочные изделия, обещает определенный эффект, возникающий после употребления этого продукта.

Специалисты в области лингвистики (Н.А. Стадульская, С.С. Доюнова, Т.П. Романова) определяют различные средства при создании прагматонимов, которые служат главной рекламной цели – привлечь внимание потребителя. Вот некоторые из них:

1. *Графические.*

В качестве графического способа привлечения внимания к товару используется написание прагматонима заглавными буквами. В зависимости от того, на что именно необходимо обратить внимание потребителя, выделяют целое слово или его часть. Например, в охранная система LOUD,

в названии которой подчеркивается интенсивность звука сигнализации, а прагматоним ABSolute Fitness (фитнес клуб) заставляет обратить внимание на часть ABS (в фитнесе – совокупность упражнений для мышц брюшного пресса).

2. *Фонетические.*

а) аллитерация (магазин Baby Bliss, корм для кошек Fancy Feast, ресторан Penguin Point);

б) рифма (мороженое Tip Top, продуктовый магазин Piggly Wiggly, салон красоты Awesome Blossom);

в) повторы слогов или слов (детский магазин Buy Buy Baby);

г) звукоподражание (автомойка Splash, фитнес студия Wow, детские витамины Yikes!).

3. *Морфологические.*

а) аффиксация (агентство переводов Polylang, турагентство Uniworld);

б) словосложение (витамины One-a-Day, маргарин Gold-n-Soft, турагентство Ship-to-Shore,);

в) сокращение (центральные вакуумные системы DrainVac, переводческие услуги EnRus);

г) аббревиация (ASTRA - American Specialty Toy Retailing Association, SDSU - San Diego State University, CHOCS - Coffee House on Cherry Street);

д) блендинг (агентство по техническим переводам Intercomservice = international + communication + ser-vice, детское питание PediaSure = pediatric + sure);

е) конверсия (сеть магазинов 7-eleven, салон ногтевого сервиса Urban, парикмахерская Groovy, книжный магазин Rediscovered, журнал Closer).

4. *Синтаксические.*

а) прагматонимы-словосочетания:

- предложные (йога центр In Yoga, агентство переводов In What Language, фаст фуд Jack in the Box),

- беспредложные (кейтеринговая компания Just Perfect, кофейня Happy Coffee, ресторан Yours Truly);

б) прагматонимы-предложения: (энергетический напиток Go Fast!, I Can't Believe It's Not Butter (название маргарина).

5. *Лексико-семантические.*

В отношении лексико-семантических средств мы согласны с мнением Е.С.Поповой, что роль привлечения внимания к рекламируемому товару или услуге выполняет эмоционально-оценочная лексика [8]. К примеру, хлеб Irish Pride, цветочный магазин Bloomin Magic, фитнес центр Good Life, гастроном Safeway, косметика Neutrogena, печенье Triscuit, подгузники Goodnites, системы Visonic).

6. *Стилистические.*

а) метафора (энергетический коктейль Wild Tiger, такси сервис Yellow Water, детский магазин Babynest);

б) метонимия (парикмахерская The Barber's Comb, бизнес журнал Fortune, кофейня Coffee Bean);

в) персонификация (сеть магазинов игрушек Toymaster, автомойка Mr Sparkle, косметика CoverGirl);

г) гипербола (детский магазин Baby Earth, газета Three Suns Press, газированная вода Pepsi Max);

д) аллюзия (автомойка Jumbo (Jumbo - всемирно известный цирковой слон), детский магазин 3 Little Monkeys (трансформация названия английской народной детской песни 5 Little Monkeys));

е) ирония (средства против домашних насекомых Revenge и Black Flag, кофейня Fuzzy Duck, мороженое Good Humour)

ж) игра слов (оптика Eye Q (перекликается с IQ), детская парикмахерская Locks of Fun (замена в словосочетании locks of hair, а также созвучие с lots of fun).

7. *Займствования* (клиника пластической хирургии Mariposa, булочная в Лондоне Karaway, бюро переводов via Language, прокат лимузинов Pronto) [1,9,10].

Заключение

Товарные знаки с лаконичными, выразительными обозначениями служат «маркой» самого предприятия и производимой им продукции. Они не просто называют предлагаемый товар или оказываемую услугу, а принимают непосредственное участие в манипулятивной коммуникации. Именно для этих целей используются займствования, метафора, прагматонимы-словосочетания, аббревиация, звукоподражание и т.п.

Следовательно, разнообразие средств языковой аттракции свидетельствует о мощном манипулятивном потенциале прагматонимов, которые являются основой рекламного текста.

Список литературы

1. Дююнова С.С. Номинация алкогольных напитков сквозь призму рекламы // Культурная жизнь Юга России. Краснодар: Краснодарский государственный университет культуры и искусств, 2012. № 3. С.105-107.
2. Исангузина И.И. Прагматонимы в ономастическом пространстве: семантический, лингвокультурологический и синтаксический аспекты (на примере названий кондитерских изделий) // Вестник Башкирского университета. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2008. №4. С. 990-993.
3. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: монография, 5-е изд., М: Изд-во ЛКИ, 2008. 288с.
4. Крюкова И. В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Волгоград: Волгоградский государственный педагогический университет, 2004. 40 с.
5. Кирпичева О.В. Ономастикон рекламного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Волгоград: Волгоградский государственный педагогический университет, 2007. 21 с.
6. Патрикеева А.А. Англицизмы в немецком языке (на материале языка рекламы): дис. ...канд. филол. наук: 10.02.20. Москва: МГОУ, 2009. 183 с.
7. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 200 с.
8. Попова Е.С. Рекламный текст и проблемы манипуляции: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург: Уральский государственный университет им. А.М. Горького, 2005. 256 с.
9. Романова Т. П. Система способов словообразования рекламных собственных имен // Вестник Самарского государственного университета. – Самара: Самарский государственный университет, 2007. № 5/2 (55). С. 209-210.
10. Стадульская Н.А. Функциональная направленность прагматонима в манипулятивной коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2007. - № 20. С.134-140.
11. Сусов И.П. Коммуникативно-прагматическая лингвистика и ее единицы // Прагматика и семантика синтаксических единиц. – Калинин, 1984. – с.3-12.

УДК 070

ЗНАЧИМОСТЬ КУЛЬТУРЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ ЖУРНАЛИСТА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

М.В. Коротицкая, Е.И. Радченко
M.V. Korotitskaya, E.I. Radchenko

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308015,
РФ, г. Белгород, ул. Победы, 85*

Belgorod State Research University, 85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: korotitskaya@bsu.edu.ru, radchenko@bsu.edu.ru

Ключевые слова: культура, профессиональная культура журналиста, культура социологического мышления
Keywords: culture, professional culture of journalist, culture of sociological thinking

Аннотация. Данная статья посвящена особенностям профессиональной культуры журналиста. Культура социологического мышления является неотъемлемой частью профессиональной культуры журналиста. Функции культуры социологического мышления, а также концептуальность, структурность, диалектизм, способность принимать во внимание особенности развития системы, прогностические возможности, способность к многостороннему анализу, объективность, обоснованность выводов мы приписываем элементам культуры социологического мышления.

Abstract. This article is about features professional culture of journalist. A culture of the sociological thinking is inalienable part of professional culture of journalist. Functions of culture of the sociological thinking, and also conceptualness, structuralness, dialecticism, ability to take into account the features of development of the system, prognostic capabilities, tolerance, capacity for a multilateral analysis, objectivity, validity of conclusions we attribute to the elements of culture of the sociological thinking.

Любые данные социологии с каждым днем все больше и больше проникают в современную жизнь человека. Наравне с традиционными формами подачи материала в средствах массовой информации все большее распространение получает использование данных социологических исследований.

Современный интерес СМИ к социологической информации можно только приветствовать, но погоня за «нестандартными» социологическими данными очень часто толкает средства массовой информации на путь непрофессионализма. Все это связано с тем, что трактовка данных происходит с помощью журналистов, которые редко прибегают к помощи социологических структур. Сама же «социологическая грамотность» позволяет избежать не только какого-либо рода оплошности, но и сделать журналистский текст интересным, актуальным и читабельным.

Структура журналистской деятельности анализировалась многими теоретиками журналистики. Так, например, С.М. Виноградов, подходил к исследованию данного аспекта с этического-нравственной позиции.

Профессиональная культура журналиста состоит из ряда базовых элементов. Одним из них является эτικο-правовая культура журналиста. Правовую культуру исследовали И. Микулина, В. Тулупов. Ряд исследований касается коммуникативной, политической (Т. Гусельникова), информационной (которая включает нравственные ценности, нормы), психологической культуры журналиста и др.

Одним из элементов, который дополняют этот перечень является культура социологического мышления журналиста. И.Д. Федотова в своем труде «Социология массовой коммуникации» писала о том, что «искусство социологического мышления ведет к увеличению объема и практической эффективности <...> свободы. Индивидом, освоившим и применяющим это искусство, уже нельзя манипулировать, он сопротивляется насилию и регулированию извне тем силам, с которыми бесполезно бороться» [6]. Мы считаем, что этот вывод относится и к журналисту, ведь его свобода также заключается в способности видеть и понимать этот мир в том виде, в каком он предстает перед нами. Все это делает журналиста не только независимым в своих высказываниях, но также и уверенным в себе.

Прежде всего обратимся к термину «культура» и поясним его. Американские исследователи А. Кребер и К. Клакхон собрали 257 определений культуры и еще более 100 попыток определить это понятие описательно. Уже это свидетельствует о том, сколь сложен данный феномен. Отталкиваясь от определения «культуры», данного в «Современном философском словаре» (деятельность людей по воспроизведению и обновлению социального опыта, а также включаемые в эту

деятельность ее продукты и результаты), заметим, что культура все же не является особой разновидностью человеческой деятельности. Это, скорее, метадеятельность, суть которой выражается в закреплении, воспроизводстве, передаче форм человеческой деятельности и ее результатов. Это способ закреплению и воспроизводства форм человеческой деятельности и ее результатов. Характерная особенность этого процесса – в генерализации (обобщении) единичных проявлений человеческой деятельности и ее результатов, в утверждении и сохранении их общезначимости, т.е. социальной значимости. Благодаря генерализирующей функции культура упорядочивает мировой хаос, формирует человекообразный порядок во внешнем и внутреннем мирах.

Таким образом, культуру можно определить как способ закреплению и воспроизводства человеческой деятельности посредством генерализации ее форм и результатов.

Культура социологического мышления журналиста, по нашему мнению, состоит в том, что личность, имея способность критически воспринимать действительность, формирует собственный строй мыслей. Этот строй мыслей закрепляется профессиональным и обыденным общением. Журналист ежедневно воспринимает мир по-новому, на виду у многомиллионной аудитории.

Социологическое мышление имеет цепочку немаловажных отличий от здравого смысла, который основан на потреблении человеческого опыта, традиций и обычаев. По мнению социолога З. Баумана, они состоят в следующем:

1. социологическое мышление является научным и социально ответственным, его результаты подлежат социальному контролю;
2. социологическое мышление основывается на данных, отражающих состояние человека и общества в целом;
3. социологическое мышление построено на использовании научных методов познания реальности: анализе, синтезе, абстрагировании, индукции, дедукции, обобщении и т.д.;
4. социологическое мышление отрицает абсолютную истину (агностицизм), но основывается на обоснованном скептицизме, предполагающем парадоксальность подхода к социальным фактам;
5. социологическое мышление строится на знаниях, а не на убеждениях [4].

Е. Прохоров считает, что «социологическое мышление может демонстрироваться как рациональное самоопределение по отношению к аудитории. Социологически мыслить – это мыслить масштабно, понимая всю сложность и многоструктурность социальной структуры, социальных взаимодействий и социальных процессов, рассматривать их в динамике» [1]. Мы полностью разделяем данную точку зрения, поскольку именно взгляд не только вглубь явления, но и выход за рамки одиночного эпизода, понимание самой сути происходящего позволяет стать журналисту непредвзятым исследователем жизни социума.

М. Смирнов считает, что культура социологического мышления строится на том, что «в области познания смотреть и видеть – совсем не одно и то же» [5]. Именно социологический подход к своей практике исключает одномерный взгляд на различные явления, формирует обширное видение событий.

Например, это может проявляться и в отношении к аудитории. Если для журналиста читатель/зритель – серая масса, то цель его деятельности – самовыражение и самосохранение любой ценой и, как результата, создания безответственной прессы. Или цель журналиста – это налаживание партнерских отношений с аудиторией. От того, что выберет журналист, зависят тематика и тональность материалов, формы и методы работы с информацией.

Культура социологического мышления также определяет, кому служить и с какой целью это делать. Обыкновенное сознание всегда ищет и находит ту грань, за которой можно скрыть свою совесть, оправдать любое поведение. Социологическое мышление, наоборот, призывает журналиста иметь четкую позицию. Хотя, зачастую, журналист просто ищет самооправдание.

Мы можем смело говорить о том, что социологическое мышление изменяет в корне весь внутренний мир журналиста. Оно как бы приучает сотрудника редакции постоянно познавать самого себя, контролировать свои чувства, эмоции, сознание, вырабатывать нужные в жизни и труде установки, ценностные ориентации и профессионально-нравственные критерии. Все то, что составляет основу профессиональной культуры специалиста.

Таким образом, профессиональная культура журналиста напрямую связана с его культурой социологического мышления.

Как считает М. Смирнов, культура социологического мышления состоит изначально в способности индивида к критическому восприятию действительности. Можно говорить, в том числе, и о собственном строе мыслей, которые ежедневно укореняются в профессиональной деятельности и в общении. Журналист в своей работе каждый день как бы тестирует сам себя на понимание новизны мира. Делает он это публично, на глазах у многомиллионной аудитории.

Переходя к рассмотрению структуры культуры социологического мышления журналиста,

отметим, что для анализа культуры социологического мышления, как и любого другого социокультурного феномена, могут быть выделены следующие ее переменные, выражающие:

- 1) факторы формирования развития культуры социологического мышления – *факторные переменные (являющиеся, по факторам первого порядка)*;
- 2) процесс формирования и развития культуры социологического мышления, т.е. ее *динамические переменные*;
- 3) типы культуры социологического мышления, т.е. *типологические переменные*;
- 4) структурно-содержательные аспекты культуры социологического мышления, т.е. *структурные переменные*;
- 5) функции культуры социологического мышления, т.е. *функциональные переменные (динамические, типологические, структурные и функциональные переменные являются факторами второго порядка)*.

Структуру культуры социологического мышления журналиста можно представить в следующей схеме (рис. 1).

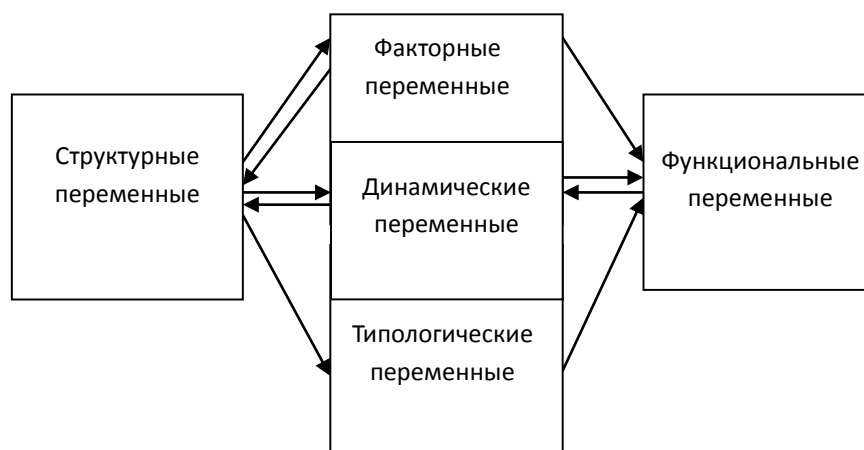

Рис. 1. Структура культуры социологического мышления журналиста

Важно отметить, что поскольку функции оказываются опосредованным предметом, то в большей степени нас интересуют такие переменные, как структурные, динамические, типологические и факторные.

Культуру социологического мышления можно рассматривать с различных позиций:

1. нормативной, предусматривающей выявление нормативной базы культуры и основанных на ней требований, правил;
2. аксиологической, предполагающей определение коммуникативных ценностей, их иерархии;
3. семиотической, которая заключается в исследовании знаков, символов, выражающих и передающих коммуникативные нормы, ценности;
4. антропологической, рассматривающей возможности и формы самореализации человека в коммуникативных процессах и т.д.¹⁶

Не оспаривая правомерности и эвристичности указанных подходов к исследованию культуры социологического мышления, мы предлагаем структурно-функциональный подход к ее исследованию. Суть этого подхода заключается в выявлении и рассмотрении структурных элементов культуры социологического мышления журналиста и выполняемых ею функций.

Обратим внимание на то, что «сущность социологического подхода к исследованию культуры заключается, во-первых, в раскрытии социальных связей и закономерностей функционирования и развития культуры и, во-вторых, - **собственно факты** (события), то есть изменения в реальной действительности или их отсутствие, чья реальность не вызывает сомнений, так как она, по мнению журналиста, убедительно доказана его личными впечатлениями, свидетельствами участников, очевидцев, документами, многократно проверена по независимым источникам и т.п.;

- **установление связей** между известными фактами. Например, новостью №1 является, избрание нового председателя акционерного общества. Новость № 2 - рост доходов компании. Новым фактом, который предстоит раздобыть корреспонденту, является установление причинно-следственной связи между ними. Действительно ли новый шеф сумел быстро добиться успехов -

¹⁶ Различные подходы к исследованию культуры подробно описаны в работах Ю.М. Резника

или тому причиной было изменение конъюнктуры на рынке, ошибки конкурентов и т.д. - все это имеет значение реального явления и об этом будет напечатано как о социально значимом факте;

- **оценки, мнения, сомнения** по поводу факта, имеющие общественное значение. В этом качестве факт выглядит примерно так: “Лидер нашей партии считает, что данное событие не повлияет на ход выборов...”

Как журналист может определить, насколько велика социальная значимость факта, с которым он столкнулся?

Ответ следует искать на основе:

- глубокого знания состояния, тенденций социального процесса вообще и в данном регионе в частности (на макроуровне): состояния экономики, социально-политической сферы и т.д.;

- точного знания данного фрагмента действительности, то есть сектора экономики, отдельного предприятия, политической партии, профсоюза и т.д.;

- превосходного знания своей аудитории - того, что в ней считается интересным, что полезным, что будет воспринято, а что не вызовет интереса.

- в выявлении ее социальных функций» [2].

Мы исходим при этом из того, что главная функция культуры социологического мышления – это содействие нормальной работе и развитию журналиста.

Одним из основных элементов структуры культуры социологического мышления является социальная позиция журналиста - важнейшая категория теоретической журналистики, отправная точка и двигатель всего журналистского труда. Она складывается на протяжении всей жизни человека и никогда не может быть сформулирована окончательно, ибо в следующий миг может наступить событие, прийти информация, которые заставят вновь и вновь уточнять, пересматривать свою социальную позицию. А вот реализуется она ежедневно, по всякому конкретному поводу

Следующие элементы описала Г.В. Осипова. К ним ученый относит: концептуальность, структурность, диалектизм, умение учитывать особенности развития системы, прогностические способности, толерантность, способность к многостороннему анализу, объективность, аргументированность выводов [3].

Рассмотрим их подробнее:

1. **концептуальность** – способность к системному анализу и моделированию изучаемого объекта или процесса.

2. **Структурность** – способность видеть и понимать сложную структуру общества, различать основные признаки социального деления.

3. **Диалектизм** – способность видеть социальные процессы в развитии, объяснять или пытаться объяснить основные направления развития общества, понимать, что любое явление проходит стадии зарождения, роста, расцвета и умирания, переходит в новое качество.

4. **Умение учитывать**, что в период переходных состояний неравновесные системы даже на слабые колебания отвечают сильными изменениями.

5. **Прогностические способности** – умение видеть цель, вычленить сверхцель движения, развития, процесса, определить характер этой цели, ее направленность, соответствие общечеловеческим ценностям.

6. **Способность учитывать** особенности национальных менталитетов, систему ценностей разных народов, умение соотносить их с российскими ценностями.

7. **Многосторонность** в изучении явлений и процессов, способность анализировать различные тенденции и разнородные идеи, разные точки зрения, понимать всю сложность и многообразие мира.

8. **Объективность** – способность за внешними проявлениями видеть сущность процессов, за словами обнаружить истинные мотивы и причины поступков, пытаться угадать или проанализировать настоящие цели политических лидеров, политических партий, общественных движений.

9. **Доказательность, аргументированность, аналитичность** исследования и предъявление его результатов с опорой на объективные данные, полученные не только в результате журналистского исследования проблемы, но и на основе социологических данных.

10. **Методы исследования** должны быть **научны и адекватны** природе объекта изучения – надежны, достоверны, представительны.

Далее представим ряд важнейших факторов, которые влияют на формирование культуры социологического мышления.

Для большей наглядности изобразим их связи на схеме (рис. 2).

Диаметральная противоположность закона и морали на приведенной схеме призвана подчеркнуть их неразрывное единство. Закон не должен быть аморален, мораль не должна противоречить закону, и оба они вместе должны участвовать в создании будущего произведения. Точнее, ось “закон - мораль” обязательно должна лечь в основу рассуждений его автора над социальной проблематикой, которую он исследует литературно-публицистическими методами.

Опираясь на закон и мораль, журналист приступает к изучению **объективной реальности**. Он исходит из того, что отраженный в зеркале прессы мир должен быть как можно более похож на оригинал. Основные социальные функции, принципы журналистики именно на этом этапе реализуются наиболее полно - при том условии, если автор хорошо с ними знаком и намерен им следовать.

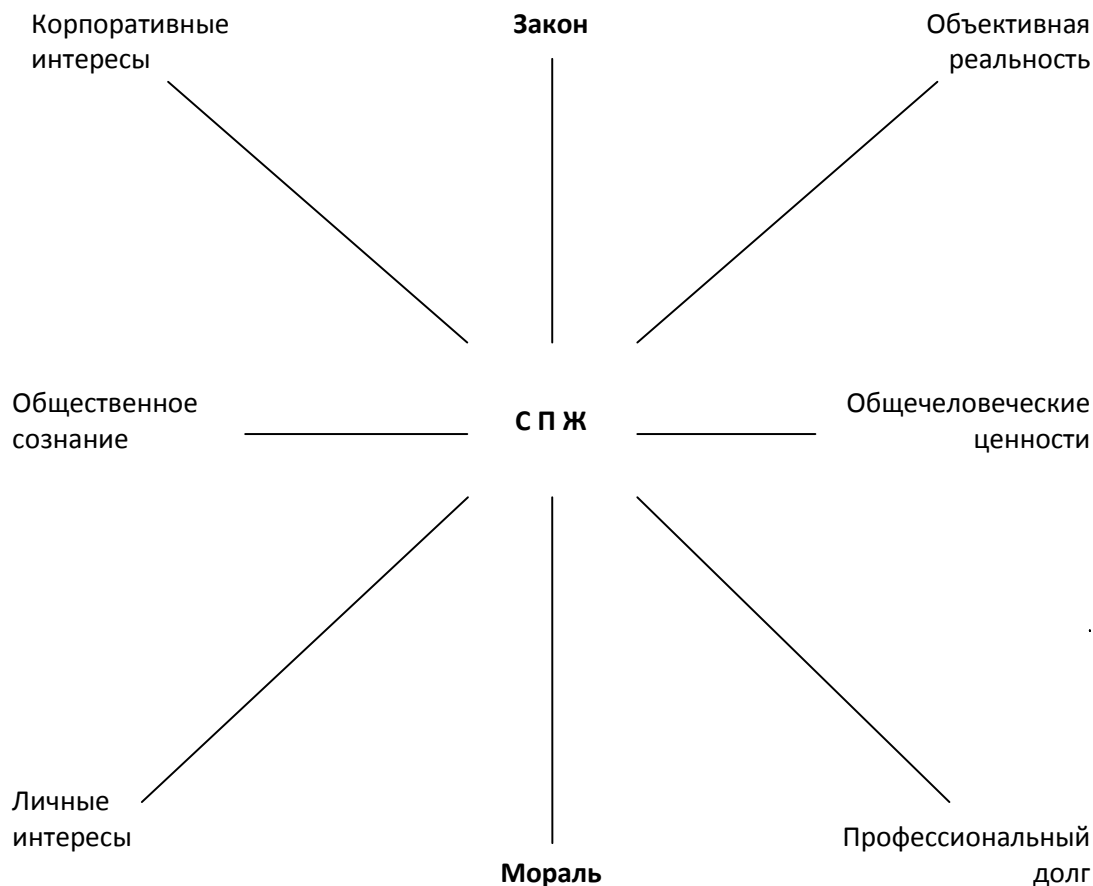

Рис. 2

На противоположном конце этой оси располагается чрезвычайно важное понятие журналистики: **личность** автора, его точка зрения на мир вокруг: его личность, его восприятие окружающей действительности, личный опыт, уровень образованности, профессиональной подготовки, журналистского опыта, его тип характера, реакция на внешние раздражители, наконец, его здоровье. Он может быть сдержан внешне, но темпераментен в манере письма, может воспринимать мир как торжество гармонии, воплощение Божьего замысла – или как полную драматизма борьбу человечества за выживание. Каждый журналист по-своему отвечает на основные вопросы философии о том, что первично – материя или сознание, и познаваем ли мир.

Литература

1. Прохоров Е.В. Введение в теорию журналистики. Учебник для студентов вузов. - 7-е изд., испр. и доп.. - Аспект Пресс, 2009. - 351 с.
2. Резник Ю.М. Культура как предмет изучения. – В кн.: Введение в социальную теорию. Социальная онтология. – Электрон. изд. – Режим доступа к изд.: <http://www/sociocult.rsu.ru/catalog/index.ptp?letter>.
3. Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. 45. Федотова И.Д. Социология массовой коммуникации. - СПб., 2003
4. Свитич Л.Г. Социология журналистики. - М., 2005
5. Смирнов М.Г. Социологические исследования. - М., 1998
6. Федотова И.Д. Социология массовой коммуникации. - СПб., 2003

УДК 811.111'42

**ПРОЦЕСС ИНФЕРЕНЦИИ И ИМПЛИЦИТНЫЕ СМЫСЛЫ В ПОНИМАНИИ
РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ
THE PROCESS OF INFERENCE AND IMPLICIT MEANINGS IN THE UNDERSTANDING
OF ADVERTISING TEXTS**

**Н.П. Трайковская
N.P. Traykovskaya**

Тулский государственный педагогический университет

Tula State Pedagogical University, 125, Lenin Ave., Tula, Russia

E-mail: traikovskaya.natalia@gmail.com

Ключевые слова: понимание, когнитивно-дискурсивная парадигма, реклама, рекламный текст, инференция, имплицитная информация.

Keywords: perception, cognitive-discourse paradigm, advertising text, advertising, language of advertising texts, inference, implicit information.

Аннотация. В статье рассматривается проблема понимания текста на примере англоязычных рекламных текстов в современных американских и британских печатных журналах. Понимание текста рекламы невозможно без процесса инферентных выводов и имплицитных смыслов. Понимание представляется как ключевая категория при интерпретации и выявлении процессов инференции (выводного знания) в рекламном тексте. В статье описывается понятие инференция и импликация и подчеркивается роль в комплексном исследовании особенностей построения рекламных текстов.

Abstract. The problem of understanding text on the example of English advertising texts in contemporary British and American print magazines is analyzed in the article. Understanding of advertising text is impossible without the process of inference and implications. Understanding is as a key category in the interpretation and identification of the processes of inference (inferential knowledge) in advertising texts. The paper describes the concept of inference and implicature, and highlights the role of a comprehensive study of features for constructing advertising texts.

Проблема понимания текста, в частности рекламного текста, приобрела огромный интерес и актуальность в современной лингвистике. В настоящее время рекламный текст подвергается разностороннему изучению. Для лингвистов рекламный текст, его восприятие и построение представляется сложным и комплексным явлением, включающим в себя взаимодействие разных областей знаний. В свою очередь, в поле зрения лингвистов когнитивной лингвистики находится мыслительная и речевая деятельность человека, а, точнее, что происходит в сознании человека в процессе ее восприятия.

Реклама носит коммуникационный характер, что и определяет уникальные характеристики текста рекламного сообщения. Специфика рекламного текста состоит в том, что процессы восприятия и понимания текста рекламы ограничены во времени. Одной из особенностей рекламного текста также является максимум информации при минимуме языковых средств. Понимание рекламного сообщения осуществляется в данном случае посредством импликации.

В раскрытии смысловых структур текста, в раскрытии скрытой информации используется термин импликация. А.Д. Швейцер определяет импликацию как тенденцию к подразумеванию семантических компонентов [Швейцер, 1988, с. 271]. Существуют различные типы импликации:

1. Пресуппозиции определяется как состояние, при котором предложение приобретает смысл. В рекламе сумок BRAHMIN «Redefining timeless style» [Vogue (USA), 2014(1), p. 29] подразумевается идея «transformation», где пресуппозиция основана на синонимии «redefining» – «transformation». Реципиентом рекламного сообщения делается вывод, о том, что продукт остается тем же (timeless style), но его качественные характеристики улучшаются.

2. Второй тип импликации обозначен как вывод. Рекламный текст шампуня Fekkai представляет собой утвердительное предложение «The most privileged hair in the world» [Marie Claire (USA), 2012 (7), p. 2], из которого реципиент рекламного текста понимает, что, если он будет пользоваться этим шампунем, то получит желаемый результат.

3. Третий тип – импликация. Термин импликация был впервые использован Грайсом для определения того, что говорящий может подразумевать, предлагать или иметь в виду, как отличное от того, что говорящий дословно воспроизводит [Grice, 1975, p. 44]. В рекламе часов Raymond Weil «Precision is my inspiration» подразумевается, что точность – это стиль и образ жизни человек [GQ (UK), 2014(8), p. 63].

Пресуппозицию и вывод можно отнести к логическим выводам, которые представляет собой заключение того, что именно является истиной в реальном мире. Импликатура - прагматический вид импликации, который зависит от ситуации, контекста и индивидуального опыта реципиента рекламного сообщения. Виды импликации являются средством процесса инференции, процесса понимания и декодирования текста и представляются сложным феноменом для разграничения их использования.

Проблема имплицитности является важным вопросом лингвистических исследований, как в отечественной, так и в зарубежной специальной литературе. А.А. Залевская говорит о понимании текста и дискурса, не разграничивая эти два понятия, а рассматривая их в неразрывной связи: «Понимание текста и дискурса является многоэтапным процессом, который включает перцептивно-когнитивно-аффективную обработку информации и требует взаимодействия разных видов знаний: языковых и энциклопедических, явно данных в тексте, и выводных, осознаваемых и учитываемых без вывода на «табло сознания» [Залевская, 2000, с. 262]. Следовательно, использование языковых средств, применяемых в текстах рекламы, обусловлено спецификой рекламной коммуникации, спецификой рекламных сообщений.

Понимание текста практически невозможно без извлечения адресатом невербализованных в языке имплицитных смыслов, которые опираются на широкий круг языковых и неязыковых знаний. Понимание текста невозможно без семантического вывода - процесса инференции. Изучение проблем выводного знания представляется важным для комплексного исследования и развития когнитивно-дискурсивного направления в когнитивной лингвистике.

По мнению Е.С. Кубряковой, инференция – это мыслительный процесс, в результате которого человек способен выйти за пределы буквального/дословного значения единиц, разглядеть за рассматриваемыми им языковыми формами больше содержания [Кубрякова, 2004, с. 411], определить, что из них следует, вытекает [Кубрякова, 1999, с. 30].

Исследование процессов инференции, основанных на импликатурах рекламных текстов, позволяет проникнуть в природу интерпретации адресатами текстов рекламы, описать обоснованность реализации процессов инференции данными импликатурами. В целях изучения процессов инференции представляется необходимым выделение вербальных единиц рекламного текста, которые указывают на наличие в тексте имплицитности. Импликаты актуализируют определенные мыслительные структуры, в рамках которых происходит «поиск» и восстановление имплицитных смыслов.

Рассмотрим несколько примеров рекламных текстов в современных англоязычных печатных журналах. Рекламный текст компании GUCCI, представленный в американской версии журнала Vogue «GUCCI. Forever now» [Vogue (USA), 2013(12), p. 131], где основная функция рекламного текста как воздействие на реципиента, достигается при помощи использования стилистического приема оксюморон, основанного на слиянии контрастных смыслов «forever» и «now». Результатом процесса инференции в данном примере является импликатура «always». В рекламном тексте крема CRÈME DE LA MER «Today, tomorrow, for a life time» имплицитный смысл «always» достигается с помощью лексической градации «Today, tomorrow, for a life time» [Vogue (UK), 2014, p. 88]. Процесс инференции в рекламном тексте электронной книге Kindle «Paperwhite. Perfect in Sunlight, Perfect in Moonlight» происходит за счет использования антонимов «sunlight» и «daylight», что приводит к извлечению имплицитности «always» [Esquire (USA), 2012(11), p. 54-55]. Данные примеры доказывают, что один и тот же имплицитный смысл может быть вербализован с помощью различных средств языка.

Как отмечает О.В. Александрова, особенно важен для понимания текстов историко-культурный и социальный фон того, что описывается в конкретном произведении речи [Александрова, 1996, с. 4]. Обратимся к рекламным текстам часов Montblanc и ROLEX. В рекламе часов Montblanc «190 years ago a man bet on horses and changed watchmaking forever. In 1821, Nicolas Rieussec changed watchmaking forever with the invention of the first chronograph. Today the Montblanc Time walker Chronograph Automatic is a tribute to 190 years of the chronograph's technical evolution. A STORY TO TELL» описывается история создания часов с ссылкой на конкретные даты (190 years ago, 1821) и социальные условия (bet on horses, watchmaking) [Esquire (USA), 2012(11), p. 53]. А в рекламе часов ROLEX «The watch of Distinction: The Rolex Datejust II. A watch needs to do more for a man than tell him the time. It was true in 1945, when Rolex made history with the Datejust, the first wrist – watch to display the date in the window on the dial, and it's true in 2012, with this new Datejust II setting its owner apart with a smooth polished – steel bezel and thick Roman numerals circling a sapphire – colored face. The more is what makes the Datejust II remarkable. The Datejust II offers the right amount of more, and it also happens to keep time beautifully» [Esquire (USA), 2012(11), p. 61]. социальный фон находит свое выражение в использовании таких лексических единиц как «distinction», «remarkable» и метафоры «keep time beautifully». Передача таких имплицитных установок как «past, respect, honor, superiority, nobility», которые интерпретируются реципиентом при помощи инференции

вывода, основанного в данных примерах на описании историко-культурного и социального фона, обеспечивает эффективность восприятия рекламного текста.

О.А. Ксензенко, в свою очередь, отмечает особенности восприятия рекламных текстов с учетом социолингвистических фактов и подчеркивает, что «использование цитат, аллюзий, искаженных идиом, а также иноязычных внесений в рекламе предполагает наличие общих фоновых знаний у создателя текста и его получателя» [Ксензенко, 2003, с. 334]. Интересным представляется пример текста рекламы Porsche «The golden age of sports car has begun» [The Economist (USA), 2012(4), p. 25]. Понимание данной рекламы будет искажено, если реципиент не обладает общими фоновыми знаниями о культурологическом термине «the golden age» – the most flourishing period in a history of a nation, literature and etc. [Random House Webster's Unabridged Dictionary, 1987, p. 819], время пика развития. В противном случае, адресат рекламного сообщения воспримет только цвет «golden» и рекламный текст в данном случае можно считать не эффективным.

Можно утверждать, что в текстах рекламы имплицитная информация выступает средством привлечения внимания адресата и последующего воздействия на его знания, мнения и установки. Так, в рекламе корма для кошек «Satisfaction» [New (USA), 2005, p. 34] используется слово «satisfaction», которое образовано путем слияния двух основ «cat» и «satisfaction». Воздействие на реципиента осуществляется за счет неологизма, для понимания которого требуется семантизация, то есть соотнесение написания неологизма с изображением рекламируемого товара (указание на товарную группу или «пользователя» рекламируемого товара) [Пирогова, 2002, с. 67].

Подводя итог вышесказанному, важно отметить, что актуальность дальнейшей работы заключается в использовании когнитивно-дискурсивного подхода при изучении особенностей процесса инференции в текстах современной англоязычной печатной рекламы, и в обращении к сложным проблемам инферентного вывода и имплицитных смыслов, изучение которых представляется важным для комплексного исследования особенности построения и понимания рекламного текста.

Литература

1. Александрова, О.В. Единство прагматики и лингвопоэтики в изучении текста художественной литературы. // Проблемы семантики и прагматики. Калининград: КГУ, 1996: 3–7.
2. Залевская, А.А. Введение в психолингвистику / А.А. Залевская. - М.: Изд-во Российск. гос. ун-та, 2000. - 382 с. - С. 262.
3. Ксензенко, О.А. Прагматические особенности рекламных текстов // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие. М.: Изд-во МГУ, 2003:334–354.
4. Кубрякова, Е.С. Когнитивные аспекты словообразования и связанные с ним правила инференции / Кубрякова Е.С. // Новые пути изучения словообразования славянских языков. 2-ое заседание Междунар. комиссии по славянскому словообразованию. Магдебург 9-11.10.97. Sonderdruck, 1999:23–36.
5. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. Е.С. Кубрякова. - М.: Языки славянской культуры, 2004. -560 с. - С. 411.
6. Пирогова Ю.К. Рекламный текст: семиотика и лингвистика/ Ю.К.Пирогова. М.: Изд. дом Гребенникова, 2000. - 121с. - С. 67.
7. Швейцер, А.Д. Текст и перевод. - М., 1988. p. – P. 271.
8. Grice, H.P. Logic and conversation, in P. Cole and J. Morgan (Eds.) Syntax and Semantics 3: Speech Acts (pp. 41-58), New York: Academic Press. (1975):44.
9. Esquire (US), 2012 (11). 172 p.:53, 54-55, 61.
10. GQ (UK), 2014(8). 218 p.:63.
11. Marie Claire (USA), 2012 (07). 259 p.:2.
12. New (USA), 2005 (11).178 p.:34.
13. Random House Webster's Unabridged Dictionary, 1987. 2230 p.:819.
14. The Economist (USA), 2012 (4). 90 p.:25.
15. Vogue (UK), 2014(1). 250 p.:88.
16. Vogue (USA), 2013(12). 314 p.:131.
17. Vogue (USA), 2014(1). 250 p.:29.

УДК 342.813:37.041:070.447

**МЕДИАОБРАЗОВАНИЕ, МЕДИАПРОСВЕЩЕНИЕ, МЕДИАКРИТИКА,
КИНОКРИТИКА КАК ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕДИАКОМПЕТЕНТНОСТИ
MEDIA EDUCATION, MEDIA ENLIGHTENMENT, MEDIA CRITICISM AND FILM
CRITICISM AS A FACTORS OF THE FORMATION OF MEDIA COMPETENCE**

**Я.И. Тяжлов
Y.I. Tyazhlov**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, Белгород, 308015, ул. Победы, 85

Belgorod National Research University, 85, Pobeda Str., 308015, Belgorod, Russia

E-mail: yandzho@yandex.ru

Ключевые слова: массмедиа, медиапросвещение, медиаобразование, медиакритика, кинокритика.
Keywords: mass media, media enlightenment, media education, media criticism, film criticism.

Аннотация. Расширение возможностей информационно-коммуникационных технологий повышает значение медиакомпетентности и факторов, ее обеспечивающих, в связи с чем уточняется объем понятий «медиаобразование», «медиакритика», «медиапросвещение», что позволяет более точно дифференцировать их содержание, присущие им задачи и области взаимодействия. Особое внимание уделяется понятию «медиапросвещение», описываются денотируемые им признаки соответствующей объектной области, а также устанавливаются границы его применения. Актуализируется понятие кинокритики как репрезентативной среды для изучения медиапросветительского потенциала современных средств массовой коммуникации.

Abstract. The extend of communication technologies increases Media competence value and the factors providing it. In this connection the volume of the concepts such as "media education", "media criticism", "media enlightenment" is clarified. That allows to differentiate their contents, typical for them tasks and areas of their interaction more precisely. The special attention is paid to concept of a media enlightenment (mediaprosvesheniye). We also describe the signs corresponding to media enlightenment matching to object area and also establish borders of its application. The concept of film critics as representative environment for studying of media enlightenment of potential of modern mass media is actualized.

Сегодня проявляются значительные качественные изменения в функционировании массмедиа, связанные прежде всего с инновациями в области информационных технологий и сервисов. Интернет и рынок информационных технологий в последние десятилетия изменили не только облик массмедиа, коммуникативные механизмы, но и окружающую человека действительность, основы межличностной коммуникации, социальной перцепции. Современный мир сложно представить без доступной информации, социальных сетей, видеохостингов, мессенджеров и т.д.

Человек не способен сопротивляться информационной лавине без выработки индивидуальных механизмов интерпретации информации, ее оценки и систематизации, поэтому все более актуальными становятся стратегии потребления и распространения информации, ее фильтрации, информационной диеты и информационной гигиены.

Эффективному взаимодействию со средствами массовой коммуникации в условиях постоянной эволюции медиасреды способствует развитая медиакомпетентность, которая определяется как совокупность мотивов, знаний, умений, способствующих отбору, использованию, критическому анализу, оценке, созданию и передаче медиатекстов в различных видах, формах и жанрах, анализу сложных процессов функционирования медиа в социуме [1]. «Медиакомпетентность личности многомерна и требует широкой перспективы, основанной на развитой структуре знания. Это не застывшая категория: теоретически увеличивать степень медиакомпетентности можно в течение всей человеческой жизни, воспринимая, интерпретируя и анализируя познавательную, эмоциональную, эстетическую и этическую медийную информацию, и аудитория, находящаяся на более высоком уровне медиаграмотности, обладает более высоким уровнем понимания, управления и оценки медийного мира» [1].

В условиях перманентной трансформации медиасреды актуализируется понятие медиапросвещения, как неинституционализированной, стихийной, естественной, непосредственной формы развития медиакомпетентности, которое требует сегодня более четкой дефиниции на фоне сформировавшихся и активно используемых в настоящий момент понятий «медиаобразование» и «медиакритика».

Дефиниция базовых терминов в значительной степени способствовала уточнению области взаимодействия медиаобразования, медиапросвещения и медиакритики, а также спектра присущих им задач.

Для более четкой дефиниции терминов «медиаобразование» и «медиапросвещение» в методологических целях мы обратились к более широким по объему родовым понятиям, лежащим в их основе: «образование» и «просвещение». Это позволило нам более точно раскрыть содержание термина «медиапросвещение» и описать денотируемые им признаки соответствующей объектной области, а также установить границы его применения.

Так, словарь «Профессиональное образование» определяет образование как «относительный результат процесса обучения, выражающийся в формируемой у обучающихся системы знаний, умений и навыков, а также процесс воспитания, самовоспитания, влияния» [2].

По международной стандартной классификации образования ЮНЕСКО термин «образование» «включает в себя все виды целенаправленной и систематической деятельности, осуществляемой в целях удовлетворения образовательных потребностей. Подразумевается, что под образованием понимается организационный и устойчивый процесс коммуникации, порождающий обучение» [2].

Международная стандартная классификация образования ЮНЕСКО 2011 г. рассматривает и четко разграничивает 2 типа образования — формальное и неформальное.

1. Формальное образование — институционализированное, целенаправленное (характеризуется продолжительностью и непрерывностью) (1), спланированное при участии государственных организаций и признанных государством частных организаций образование, что в целом составляет систему формального образования страны. «Институционализированным образованием считается такое образование, при котором организация предоставляет комплексные условия для образования, такие как отношения «ученик-учитель» и/или взаимодействие, специально предназначенное для целей образования и обучения» (1, с. 11). Квалификации формального образования признаются по определению и поэтому рассматриваются в международной стандартной классификации образования.

2. Неформальное образование — образование, которое институционализировано, целенаправленно и спланировано лицом или организацией, обеспечивающей предоставление образовательных услуг. Неформальное образование «является дополнением и/или альтернативой формальному образованию в обучении в течение всей жизни индивидуума». Обучение в рамках программ неформального образования часто ведется в целях реализации всеобщего права доступа к образованию. Неформальное образование доступно людям всех возрастов, но оно не обязательно имеет непрерывную направленную структуру; может быть коротким по продолжительности и/или низким по интенсивности; организуется в форме краткосрочных курсов, мастер-классов, семинаров, кружков. Неформальное образование чаще всего ведет к получению квалификаций, которые не признаются квалификациями формального образования или их эквивалентами, соответствующими национальными или субнациональными органами образования, либо квалификации совсем не присваиваются.

«Формальное и неформальное образование охватывает различные образовательные программы, разработанные в рамках национального контекста, такие как предварительное образование, обычное образование, программы «второго шанса», программы по ликвидации неграмотности, образование для взрослых, непрерывное образование, открытое и заочное образование, стажировка, техническое и профессиональное образование, образование для учащихся с особыми потребностями» (1, с. 11).

Международная стандартная классификация образования ЮНЕСКО 2011 г. МСКО не охватывает программы информального, случайного или несистемного обучения, возможности применения которых значительно расширились на фоне развития информационно-коммуникационных технологий.

1. Информальное обучение — формы обучения, которые являются целенаправленными или тщательно спланированными, но не институционализированными. Информальное обучение менее организовано и менее структурировано, чем формальное или неформальное образование.

2. Случайное и несистемное обучение — различные формы обучения, которые не являются организованными и предполагают коммуникацию, не предназначенную для обучения. Случайное или несистемное обучение может стать побочным продуктом повседневной деятельности, мероприятий или коммуникации, не предназначенных для целенаправленного образования или учебной деятельности: общение при встрече или радио- и телепередачи, не являющиеся образовательными программами.

В соответствии с Модельным законом «О просветительской деятельности», принятом на двадцатом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ (постановление N 20-15 от 7 декабря 2002 года), просветительская деятельность квалифицируется как «разновидность неформального образования, совокупность информационно-образовательных мероприятий по пропаганде и целенаправленному распространению научных знаний и иных социально значимых сведений, формирующих общую культуру человека, основы его мировоззрения и

комплекс интеллектуальных способностей к компетентному действию (к практической деятельности «со знанием дела»» (2).

Действующий Модельный закон «О просветительской деятельности» определяет просвещение как «целенаправленный процесс информирования населения об имеющемся социально-культурном опыте, рассчитанный на большую, обычно не расчлененную на устойчивые группы аудиторию, и не предполагающий каких-либо формализованных процедур контроля за успешностью освоения сообщаемых сведений» (2).

В соответствии с тем же модельным законом «О просветительской деятельности» эффективность просвещения определяется как «оценочная категория, характеризующая результаты просветительской деятельности по критерию их соответствия поставленным социальным целям» (2).

Словарь «Профессиональное образование» определяет термин «просвещение» шире:

Просвещение — разновидность образовательной деятельности. Основная задача — широкое распространение знаний и иных достижений культуры, отвечающих запросам времени и способствующих правильному пониманию жизни в целом или ее отдельных сторон, а также пропаганда тех или иных идей, их внедрение в сознание людей в целях привлечения к участию в их воплощении; осуществляется посредством лекций, проповедей, бесед, диспутов, разного рода популярных изданий, выступлений в средствах массовой информации [2].

Медиаобразование сегодня рассматривается как «процесс развития личности с помощью и на материале средств массовой коммуникации (медиа) с целью формирования культуры общения с медиа, творческих, коммуникативных способностей, критического мышления, умений полноценного восприятия, интерпретации, анализа и оценки медиатекстов, обучения различным формам самовыражения при помощи медиатехники» [3, с. 11].

Медиаобразовательные программы имеют институционализированный, целенаправленный, спланированный характер. Медиаобразование может являться как частью формального образования (подготовка квалифицированных специалистов в сфере медиа), так и частью неформальных образовательных практик (организуется в форме краткосрочных курсов, мастер-классов или семинаров).

Данные выше определения позволяют нам рассматривать медиапросвещение как широкое, многоуровневое распространение, продвижение актуальных знаний в области медиакультуры, развитие медиаграмотности, интеллектуальной независимости, в том числе при целенаправленном или стихийном участии средств массовой коммуникации и на их материале, не предполагающее каких-либо формальных процедур контроля. В отличие от медиаобразования, медиапросвещение может являться как частью неформального образования, так и носить характер информального, случайного или несистемного обучения, выступая в одной из своих ипостасей:

а) как составная часть неформального образования медиапросвещение характеризует наличие институционализированных, целенаправленных, комплексных, спланированных медиапросветительских программ. В этом значении термины «медиаобразование» и «медиапросвещение» могут употребляться как синонимы.

б) как составная часть информального обучения медиапросвещение носит целенаправленный, спланированный, но не институционализированный характер.

в) как составляющая часть случайного или несистемного обучения медиапросвещение осуществляется в процессе коммуникации, не предназначенной для обучения: межличностного взаимодействия (в том числе технически опосредованного), взаимодействия с медиасредой.

Медиакритика является одной из ключевых областей, смежных с медиапросвещением и медиаобразованием. Ее предметом является актуальное многоаспектное социальное функционирование средств массовой коммуникации.

А.П. Короченский разделяет журналистскую медиакритику на три взаимосвязанных вида: академическую, профессиональную («внутрицеховую», внутрикорпоративную), массовую.

Академическая медиакритика представлена «критико-журналистскими работами ученых и исследователей» [4], адресована как научным кругам, так и профессиональному сообществу, исследует наиболее сложные проблемы и процессы функционирования средств массовой коммуникации, требующие объективного, системного теоретико-аналитического подхода. Академическая медиакритика в силу своих содержательных характеристик и субъектно-объектной принадлежности тяготеет к медиаобразовательному дискурсу.

Профессиональная (внутрикорпоративная) медиакритика функционирует в рамках профессионального сообщества. В роли критиков выступают представители медийного сообщества, а также авторы, чьи профессиональные компетенции связаны с массмедиа. «Профессиональная медиакритика способствует самопознанию медиасообществ и внутрикорпоративной самокритике, совершенствованию мастерства творческих работников СМИ и постоянному пересмотру и развитию норм и критериев их профессионализма в соответствии с общественными потребностями. Произведения «внутрицеховой» медиакритики публикуются чаще всего на страницах профессиональных изданий по журналистике и отраслевых изданий» [4].

Массовая медиакритика обращена как к широкой, массовой аудитории, так и к акторам средств массовой коммуникации. Массовая медиакритика стимулирует общественный интерес к актуальным проблемам, тенденциям социального функционирования средств массовой коммуникации, представляет интерактивную площадку для диалога между аудиторией и медиа, способствует выработке общественного консенсуса в отношении спорных аспектов деятельности массмедиа, просвещает потребителей медийной информации в вопросах функционирования СМК.

Профессиональная и массовая медиакритика в силу своих содержательных характеристик и субъектно-объектной принадлежности тяготеют к медиапросветительскому дискурсу.

Стоит подчеркнуть, что ведущие в этой области исследователи (А.В. Федоров, А.П. Короченский и др.) рассматривают синтез медиаобразования и медиакритики как наиболее эффективный способ формирования медиакомпетентности личности.

Сходны и ключевые задачи медиаобразования и медиакритики.

«Empowerment and protection» [5, с. 129] — расширение возможностей и защита — так можно охарактеризовать основные задачи современного медиаобразования. В соответствии с опросом, проведенным А.В. Федоровым [3, с. 30-31] в 2003 году, эксперты считают важными следующие задачи медиаобразования:

- развитие способностей аудитории к критическому мышлению/критической автономии личности (84,27%);
- развитие способностей аудитории к восприятию, оценке, пониманию, анализу медиатекстов (68,88%);
- подготовка аудитории к жизни в демократическом обществе (61,89%);
- обучение аудитории пониманию социальных, культурных, политических и экономических смыслов и подтекстов медиатекстов (61,54%);
- обучение аудитории декодированию медиатекстов/сообщений (59,44%);
- развитие коммуникативных способностей личности (57,34%);
- развитие способностей аудитории к эстетическому восприятию, оценке, пониманию медиатекстов, к оценке эстетических качеств медиатекстов (54,90%);
- обучение аудитории творчески самовыражаться с помощью медиа (53,85%);
- обучение аудитории идентифицировать, интерпретировать медиатексты, экспериментировать с различными способами технического использования медиа, создавать медиапродукты/тексты (50,00%);
- обучение аудитории теории медиа и медиакультуры (47,90%);
- обучение аудитории истории медиа и медиакультуры (37,76%).

Ключевые задачи медиакритики А.П. Короченский [6, с. 32] видит в следующем:

- познание значимых аспектов информационного производства;
- медиатексты
- изучение и изменение общественного восприятия медийного содержания и представлений о внешнем мире, складывающихся в сознании аудитории под воздействием СМК;
- влияние на отношение аудитории к отдельным СМК и медийному комплексу в целом, формирование общественной культуры изучения и оценки деятельности массмедиа, развитие духовного мира аудитории;
- содействие развитию и совершенствованию профессионально-творческой культуры создателей медиатекстов;
- содействие совершенствованию социальной среды функционирования средств массовой коммуникации и общественному прогрессу.

Медиапросвещение, являясь частью неформального образования и неформального, случайного и несистемного обучения, объединяет в себе как общепросветительские задачи, так и задачи медиаобразования и медиакритики.

Так, модельный закон «О просветительской деятельности» делегирует просвещению следующие задачи, «интегрирующие деятельность различных компонентов системы просвещения»(2):

- использование научного и культурного потенциала страны в интересах личностного развития ее граждан;
- своевременное информирование граждан о планируемых политических решениях органов власти и управления и разъяснение сути этих решений;
- содействие адекватному пониманию гражданами своих интересов, а также условий и обстоятельств их жизнедеятельности;
- содействие активному и компетентному участию граждан в различных видах практической деятельности, в том числе участию в общественных объединениях и движениях;
- содействие профессиональной, социальной, политической, культурной ориентации граждан;
- формирование общественного мнения по тому или иному актуальному вопросу.

Проанализировав ключевые задачи современного медиаобразования, медиакритики и просвещения в целом, а также опираясь на выявленную специфику феномена медиапросвещения, мы выделили ряд присущих ему задач:

- *содействие совершенствованию социальной среды функционирования средств массовой коммуникации и общественному прогрессу; продвижение гуманистических ценностей;*
- *обеспечение всеобщего права доступа к образованию; распространение знаний, информирование аудитории об имеющемся социокультурном опыте, развитие общей эрудиции аудитории, расширение медийного кругозора;*
- *формирование общественного мнения по актуальным вопросам современности, обеспечение общественной дискуссии, плюрализма мнений;*
- *декодирование культурных, политических и экономических смыслов и подтекстов медиатекстов; экспертная коррекция общественного восприятия медийного содержания и представлений о действительности, формирующихся в сознании аудитории под воздействием СМК;*
- *развитие способностей аудитории к критическому мышлению: пониманию, интерпретации эстетическому восприятию, оценке медиатекстов;*
- *содействие выработке индивидуальных механизмов оценки, фильтрации и систематизации информации, оптимизации коммуникации;*
- *содействие развитию и совершенствованию профессионально-творческой культуры создателей медиатекстов, выработка этических внутрикорпоративных нормативов;*
- *обучение аудитории теории и истории медиа и медиакультуры, развитие компетенций аудитории в области медиапроизводства;*
- *содействие профессиональной, социальной, политической, культурной ориентации аудитории; способствование активному и компетентному участию аудитории в различных видах практической деятельности.*
- *содействие социализации, эффективной самоидентификации реципиента посредством медиа; развитие коммуникативных способностей личности, способностей аудитории к медийному творчеству, умений самостоятельно создавать медиаконтент.*

Большинство этих задач сегодня наиболее наглядно реализуется в такой дискурсивной области как кинокритика. Кинокритика, способствующая эффективной интеракции между зрителем и киноиндустрией, рассматривается нами как репрезентативная среда для изучения медиапросветительского потенциала современных средств массовой коммуникации.

В связи с этим мы рассматриваем кино не только как искусство, но и как средство массовой коммуникации, высококонкурентную область массмедиа. Массмедиа — «(средства массовой коммуникации), технологии и институты, через которые централизованно распространяется информация и другие формы символической коммуникации крупным, гетерогенным и географически рассеянными аудиториями; одна из существенных форм распространения и бытия массовой культуры» [7, с. 289].

Кинопроцесс — сложная, многоаспектная дискурсивная область. Современная кинокритика не ограничивается исключительно интерпретацией эстетического кода, исследует не только художественные достоинства того или иного фильма, но и обращается к рассмотрению экономических, технологических, производственно-творческих, социокультурных аспектов кинодискурса, включает в сферу своего влияния другие каналы распространения аудиовизуальной информации (телевидение, интернет, рынок цифровых копий, носителей, средств воспроизведения, трансляции и т.д.).

В настоящее время мы отмечаем тенденцию к расширению понятия кинокритики. Кинокритика сегодня берет на себя функции медиакритики в области аудиовизуального контента. В «Словаре терминов по медиаобразованию, медиапедагогике, медиаграмотности, медиакомпетентности» А.В. Федоров отмечает близость современных понятий медиакритики и кинокритики: «Медикритика (media criticism) — область журналистики, творческо-познавательная деятельность, в ходе которой осуществляется критическое познание и оценка социально значимых, актуальных творческих, профессионально-этических аспектов информационного производства в средствах массовой информации с акцентом на творческую сторону медийного содержания; это общение с аудиторией, в процессе которого на основе анализа, интерпретации и оценки медиатекстов, жанрово-стилевых форм их воплощения оказывается влияние на восприятие медийного содержания, на представления о материальном и духовном мире, формирующиеся в сознании аудитории (А.П. Короченский, 2003). Близкое понятие — кинокритика (film criticism)» [8, с. 26].

Кинокритика (film criticism) определяется А.В. Федоровым как «область журналистики, оперативного киноведения, творческо-познавательная деятельность, касающаяся как анализа, оценки различного рода аспектов функционирования кинематографа в социуме, так и конкретных кинематографических медиатекстов — фильмов. Близкие понятия: киноведение (film studies), медиакритика (media criticism)» [8, с. 19].

Близость медиакритики и кинокритики «вплоть до взаимопроникновения» отмечает и А.П. Короченский: «В содержании периодических изданий, в передачах радио и телевидения велика доля форм и жанров, свойственных искусству либо пограничным с ним областям творчества, а также гибридных, смешанных документально-художественных форм. Включаемые в содержание СМИ, они приобретают новые коммуникационные характеристики в качестве медиатекстов. Это объясняет их нахождение в поле зрения отечественных и зарубежных критиков СМИ, которые анализируют и оценивают как журналистский компонент медийного содержания, так и другие его компоненты. По этой причине медиакритике свойственна близость к другим областям критико-журналистского творчества — кинокритике, литературной, театральной, музыкальной критике — вплоть до взаимопроникновения. Одним из примеров такого взаимопроникновения является критико-журналистское творчество некоторых авторов публикаций в разделе «Media» журнала «Искусство кино», которое охватывает проблематику телевидения и Интернета, не имеющую отношения к кинематографу или к кинопоказу по ТВ» [4].

Очевидный медиапросветительский потенциал кинокритики, реализующийся как составная часть случайного, несистемного обучения, требует, тем не менее, систематизации выявленных ресурсов в плане развития медиакомпетентности аудитории.

Список источников

1. Международная стандартная классификация образования МСКО 2011. — Институт Статистики ЮНЕСКО, 2013. — 86с.
2. Модельный закон «О просветительской деятельности» — . — <http://docs.cntd.ru/document/901865093>

Список литературы

1. Федоров, А.В. Синтез медиаграмотности и медиакритики: мнения экспертов / Кино-Театр.ru / История кино, 05.07.2015 — . — <http://www.kino-teatr.ru/kino/art/kino/4043/>
2. Вишнякова, С.М. Профессиональное образование. Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика. — М.: НМЦ СПО. 1999.
3. Федоров, А.В. Медиаобразование и медиаграмотность. — Таганрог.: Изд-во Кучма, 2004. — 340с.
4. Короченский, А.П. Медиакритика в теории и практике журналистики. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. — Санкт-Петербург, 2003.
5. Carlsson, U. Young People in the European Digital Media Landscape. Challenges and Opportunities / Media literacy in Europe Controversies, Challenges and perspectives. — Bruxelles, 2009. — 192с.
6. Короченский, А.П. «Пятая власть»? Феномен медиакритики в контексте информационного рынка. — Ростов-на-Дону.: Международный институт журналистики и филологии, 2002. — 272с.
7. Шапинская, Е. Массмедиа / Лексикон неклассики. Художественно-эстетическая культура XX века. / Под ред. В.В.Бычкова.— М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. — 607 с.
8. Федоров, А.В. Словарь терминов по медиаобразованию, медиапедагогике, медиаграмотности, медиакомпетентности. Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 2010. — 64с.

УДК 654.197(091)

**РЕДАКЦИЯ ПРОПАГАНДЫ КАЗАНСКОЙ СТУДИИ ТЕЛЕВИДЕНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ
СОВЕТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ**
**EDITORIAL PROMOTION OF KAZAN TV-STUDIO AS AN ELEMENT
OF SOVIET IDEOLOGY**

М.Х. Фатыхова
M.K. Fatykhova

Казанский (Приволжский) федеральный университет, 420000, ул. Кремлевская, 18, Казань, Россия

Kazan Federal University, Kazan, Russia

E-mail: hanafi@yandex.ru

Ключевые слова: Казанская студия телевидения, пропаганда, партийность, телевизионные передачи, цикл
Keywords: Kazan TV studio, promotion, party, television programs, the cycle

Аннотация. В данной статье автор рассматривает становление и развитие редакции пропаганды Казанской студии телевидения. Изучение истории развития пропагандистской составляющей регионального телевидения в советский период позволяет установить специфические черты национальной информационно-вещательной политики в условиях однопартийной идеологической системы.

Abstract. In this article, author examined the emergence and development of propaganda's version of the Kazan TV studio. The studying of the history of advocacy component of regional television in the Soviet period allows you to set the specific features of national information and broadcasting policy in a one-party ideological system

Телевидение Татарии, будучи составной частью советского телевидения, строило всю свою деятельность на основе решений и указаний руководящей партии. «Партийность советского телевидения определяла направленность и содержание его программ; развитие таких форм и жанров, которые наиболее эффективно позволяли донести идеи партии. Телевизионные передачи были направлены на развитие политической активности и трудовой инициативы трудящихся»¹⁷.

Открытие большого телецентра и открытие телестудии «Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров ТАССР»¹⁸ произошло в январе 1959 года. В те годы шло формирование телевидения, подбор кадров и техническое обслуживание новой техники. В декабре 1960 года выходит «Постановление Совета Министров ТАССР о положении на Казанской студии телевидения и возложении на нее следующих задач:

1. Подготовка и проведение общественно-политических и научно-популярных программ.
2. Подготовка и показ телевизионных спектаклей из помещений студии и театров.
3. Организация программы «Последних известий» на Казанском радио и телевидении.
4. Развитие музыкального творчества на Казанском телевидении, а также передач о культуре, искусстве и спорте»¹⁹.

Годом раньше на «заседании Государственного Комитета по радиовещанию при Совете Министров ТАССР от 2 июня 1958 года был утвержден художественный совет при Комитете»²⁰. Этот художественный совет должен был участвовать в составлении программ и подготавливать их выпуск, а также следить за соблюдением всех формальностей.

Редакция пропаганды являлась одним из основных подразделений главной редакции общественно-политического вещания Казанской студии телевидения.

Особенно большим успехом среди зрителей пользовались выпуски «Последних известий», которые выходили ежедневно на русском и татарском языках. В ней оперативно освещались события в стране и в республике. По форме они были еще довольно простыми, стояли из устных сообщений, иногда использовались фотографии.

В этот период остро ощущалась нехватка опытных специалистов, и в связи с этим обращалось большое внимание кадровому вопросу. Начали заниматься профессиональной учебой кадров. Многие прошли переподготовку в Москве на базе Центрального телевидения. Не имеющие высшего образования поступали заочно в ГИТИС, ГИК и другие вузы. Все это постепенно сказывалось на качестве передач. В «Справке о работе Казанской студии телевидения за 1961 год» перечисля-

¹⁷ Архив новейших исследований и документации: ф-15, оп. 8, Д.429, л. 1-6

¹⁸ ЦГА РТ: ф-4493, оп. I, Д. 345, лл. 4 и обл.

¹⁹ ЦГА РТ: ф-4493, оп. I, Д. 388, л.6

²⁰ ЦГА РТ: ф-4493, оп. I, Д. 307, лл.1-7

ются телевизионные журналы, выходящие в это время: «Они на переднем крае пятилетки», «Здоровье», «Для Вас, женщины», «В нашем городе», «У нас в гостях» и «Последние известия»²¹. Уже в 1961 году в Татарии насчитывалось 25500 телевизоров.

Помимо студийных передач с появлением в 1961 году ПТС (Передвижной телевизионной станции), появилась возможность выезжать на заводы, фабрики, концертные залы, театры, стадионы, то есть вести прямые репортажи с места событий. Все эти новшества вносили некоторое разнообразие в программы телевидения и повышало их рейтинг.

В середине 60-х годов появилась самая популярная программа Казанской студии телевидения советского периода - «Вечерняя Казань». Инициатором создания еженедельника был И.И. Ихсанов.

Для молодежной и детской аудитории на татарском языке стали выходить передачи «Яшьлек» («Молодость») и «Пионерстан». Особо популярной среди студенчества стала передача «Студенты Казанского университета». В ней рассказывалось о выдающихся преподавателях и студентах данного вуза. Некоторые передачи из этого цикла шли на Москву. Таковыми стали передачи об учебе В.И. Ленина на юридическом факультете университета, о профессоре Загоскине, преподававшем юриспруденцию еще во времена учебы молодого Ульянова, о многих других выдающихся личностях.

Зрительскую любовь, почти сразу после первого выхода в эфир, завоевала программа «У нас в гостях». На эту передачу приглашались заслуженные деятели искусств, ветераны войны и труда, музыканты, партийные работники. Так на одной из передач присутствовал Герой Советского Союза, летчик-испытатель Георгий Мосолов. Он рассказывал об испытаниях военных самолетов, о катастрофе, которая приключилась с ним и его товарищем в суровые годы войны. Также в передачах из этого цикла приняли участие партийные работники и редакторы различных изданий. Активное участие в этой передаче принимали также сотрудники различных газет и журналов. Также проходили интересные передачи о сатирических журналах «Крокодил» и «Чаян». В них рассказывалось, о чем пишут эти журналы и давались анонсы о содержании будущих номеров.

Много передач и телевизионных фильмов в 60-е и 70-е годы было создано о Ленине (его жизни, учебе в университете, революционной деятельности). Ряд передач был посвящен местным революционерам. Например, в феврале 1964 года вышла большая передача, посвященная 70-летию со дня рождения видного татарского революционера и общественного деятеля Саида-Галиева. Однако передача подверглась цензуре и многие интересные детали были сокращены, в результате передача вышла в эфир в урезанном виде. «Журналистами шестидесятых годов партийность понималась как преданность марксистско-ленинским идеалам всеобщего процветания. В семидесятые годы стало ясно, что руководство телевидения и страны понимает это как жесткое следование указаниям и директивам. Из передач вычеркивались и вырезались все признаки какой-либо оригинальности мысли»²².

В 1965 году была создана новая программа «Теле-клуб пропагандистов». В передачах много рассказывалось об основах коммунистической морали, о руководящей роли партии, о задачах комсомола и т.д. Эта передача была очень политизирована и каждая тема была направлена сугубо на коммунистическую пропаганду. Подобные передачи создавались также с целью опорочить идеологию западных стран, доказать пагубность капиталистического строя.

В 1965 году по линии редакции пропаганды прошли передачи, посвященные 20-летию победы над фашистской Германией, также прошел цикл передач, посвященный 95-летию со дня рождения Ленина.

На телевидении в это время существовала интересная передача «У нас в гостях Ленфильм». В ней принимали участие ведущие актеры «Ленфильма» и рассказывали о новых кинофильмах.

«К 70-м г.г. в Татарии в системе партийного, комсомольского и экономического образования работало около 435 тысяч пропагандистов, из которых 86 процентов имели высшее и незаконченное высшее образование. Партия решила с помощью телевидения увеличить эту и без того внушительную армию, поднять уровень ее образованности. На это были направлены и цикловые передачи «Экран партийной жизни», «Основные Законы страны Советов», «Твоя пятилетка, комсомол»²³.

В 70 годы передачи Казанской студии телевидения смогли смотреть не только жители Казани и близлежащих районов, но даже в самых отдаленных уголках республики. Большую роль в этом плане проводили связисты строя и пуская в работу ретрансляционные установки для

²¹ ЦГА РТ: ф-4493, оп. I, Д. 486, лл.1-30

²² Иванова Е.П. Формирование и развитие публицистики на государственном телевидении Татарстана / URL: доступный режим nauka-shop.com>mod/shop/productID/43043/(Дата обращения: 25.05.15)

²³ Даутова Р.В. Телевидение Татарстана: от прошлого к настоящему. Изд. 2-е доп. Казань: ЗАО Новое знание, 2010. С.134

приема как республиканской, так и первой программы Центрального телевидения. Вот несколько выписок хронологии в Татарии за подписью заместителя начальника ПТУС ТАССР Трутнева С.Д.:

«1. 1970 год - с 1 марта введена вторая РТС в городе Лениногорске. Население нефтяных районов, таким образом, получило возможность приема двух програм одновременно;

2. 1971 год - пущен второй ретранслятор типа ТРСА-9 канал в г.Чистополе для ретрансляции республиканской программы телевидения;

3. 1976 год - пущен второй ретранслятор на 25,5 кВт дециметрового диапазона «Ладога» в городе Набережные Челны;

4.1977 год - введена в работу телевизионная станция типа «Ладога» 32-го канала в городе Казани для ретрансляции 4-ой программы Центрального телевидения»²⁴.

Совершенствовалась и студия. Студийные передачи казанского телевидения занимали большое место в сетке вещания и носили разноплановый характер. Так, в телепрограмме на 20 января 1963 года - 6 передач, 4 из которых Казанской студии телевидения: «Шесть вопросов – пять загадок», «Тайна реки злых духов», «Их именами названы улицы нашего города», «А как поступишь ты?».

В октябре 1971 года появился новый цикл передач «Человек и закон». Их создателем стала редактор Казанской студии телевидения Л.Р. Мосягина. В основном это были передачи о советском правосудии, о буднях работников ГАИ и МВД. В ней рассматривались различные директивы XXIV и XXV съездов по поводу проблем государственной дисциплины, усиления борьбы с тунеядством, с бракоделами. Ежегодно 10 ноября в эфир выходила передача, посвященная Дню милиции, рассказывающая об отличившихся сотрудниках внутренних дел. Они делились опытом и своими успехами в борьбе с преступностью.

В 1972 году в эфир вышли две крупные передачи из пропагандистского цикла. Одна из них посвящена 90-летию со дня рождения известного революционера Х. Ямашева и рассказывает о его судьбе, деятельности в революционных событиях начала XX века, безвременной кончине в 1912 году. Вторая передача была посвящена началу строительства в Набережных Челнах Камского автомобильного завода. Внимание всей страны, в том числе и Казанской студии телевидения, было приковано к строительству завода большегрузов. В течение четырех лет выходили передачи «Мы строим КАМаЗ», в которых освещался каждый этап создания автогиганта²⁵.

Циклы передач «Село: проблемы дня» и «Основы изобилия» были посвящены пропаганде организации труда во время сложных сельскохозяйственных кампаний. Много передач было посвящено 60-летию Октябрьской революции и 60-летию образования СССР.

Исследуемый этап в истории телевидения Татарии стал важным периодом становления, активного развития и совершенствования. В сетке вещания появились такие циклы как «У нас на Каме» - летопись автограда Набережные Челны и «Твой город-твой дом», который рассказывал о проблемах города Казани.

На телевидении широко освещались пути развития экономики ТАССР и внедрение новых методов производства на разных предприятиях. Был разработан специальный план работы навстречу партийным съездам. Открывались новые циклы, такие как «От съезда к съезду». С декабря 1982 года начала выходить в эфир цикл передач «Актуальная камера». В передаче на основе писем телезрителей поднимались самые злободневные проблемы повседневной жизни республики: вопросы организации производства, производственной дисциплины, экономии материальных, трудовых ресурсов.

В новом цикле «За и против» также обсуждались актуальные вопросы. «Само название предусматривало столкновение на экране различных мнений»²⁶ - писал об этой передаче С.Муратов. А самое главное, в этой передаче могли дискутировать и телезрители, позвонив в прямой эфир. Вела ее опытный журналист М.Г. Шувалова. «Эфирный журналист», а именно так называли М. Шувалову в редакции - была автором и ведущим еще одного нашумевшего цикла «Ваша позиция».

Давно известно: пропаганда не может быть лучше той политики, которую она обслуживает. Профессор В.В.Егоров в книге «Телевидение. Страницы истории» подчеркивает, что «публицистика на телевидении рождалась из пропаганды»²⁷.

В 80-е годы Казанская студия подготовила много программ для центрального телевидения. Большой проверкой технических и творческих возможностей явилось проведение «Олимпиады-80» в 1980-м году. Много сотрудников Казанской Студии телевидения, в том числе режиссеров, операторов и техников поехали работать на Олимпиаду и показали высокое мастерство труда.

²⁴ Из архива Производственно-технического управления связи ТАССР, Д.428, лл.1-20

²⁵ ЦГА РТ: ф-4493, оп. II, Д. 2010, лл.1-20

²⁶ Муратов С. Выносятся на обсуждение. М.Знание,1985. С.12

²⁷ Егоров В.В. Телевидение. Страницы истории. М.: Аспект-пресс.2004. С. 17

С января 1981 года в Татарии вводится II Общесоюзная программа Центрального телевидения. Следует отметить, что в 1982 году произошла смена руководства Государственного комитета по телевидению и радиовещанию. В 1982 году на этот пост был назначен И.К. Хайруллин, который сменил Ф.Г. Надырова. Новоиспеченный председатель обращается с письмом в Гостелерадио СССР вывести из состава Главной редакции общественно-политических передач редакцию информационных программ. «Вот что написал в ответе заместитель председателя Госкомитета СССР Г.Сорокин: «...создание Главной редакции информации и корреспондентской сети только в Татарском Госкомитете поставит его в исключительно неравное положение по сравнению с другими комитетами, имеющими аналогичный и даже больший объем вещания и ведущими передачи на национальных языках»²⁸.

Обращение И.К. Хайруллина все же не осталось безрезультативной, местный обком партии решил, что Татарии необходима новая информационная программа. С января 1984 года начинает работу ежедневный информационный выпуск «Татарстан». Эта программа по сравнению с предыдущей аналогичной передачей «Новости» больше отдавал приоритет местным событиям.

Телевидение для правящей партии становится главным рупором для расширения информированности населения о своей деятельности, о мерах по реализации принятых ею решений.

Развитие телевидения происходило в тесной связи с общественной жизнью: закономерности, последовательность решаемых в стране социальных, культурных и иных задач во многом определяли тематику, характер, стилистику телевизионных передач в целом. Как и вся идеологическая деятельность в то время работа телевидения подчинялась партийным указаниям и директивам. Перед ним ставились те же задачи, определялись те же функции, что и для всей советской пропаганды.

Особенностью развития отечественного телевидения и телевизионной публицистики можно считать их рождение из партийной пропаганды. Поскольку телепублицистика и информация не только восприняли традиции, жанры, формы и методы работы партийной печати, но и опыт, особенности устных форм пропаганды и партийного просвещения. «Спустя годы, - пишет Егоров В.В., - некоторые молодые руководители телекомпаний стали утверждать, что телепублицистика появилась в стране только во времена перестройки, а до этого была лишь пропаганда. Это примитивное заключение базируется на незнании подлинной истории отечественной публицистики. Творческий характер, эстетические принципы, гуманизм, воспитательные и просветительские задачи — все свои лучшие качества телепублицистика черпала и черпает из недр непосредственного общения с аудиторией проповедника, учителя, лектора, из того арсенала, которым была тогда для нас партийная пропаганда»²⁹.

Однако серьезнейшие проблемы социального характера не могли подниматься в этот период. Отдел пропаганды и агитации Татарского обкома КПСС регулярно проводил проверки работы телевидения. Казанская студия телевидения самостоятельно не решала вопрос о привлечении людей для участия в телевизионной передаче.

Подводя итоги, следует отметить, что главная редакция общественно-политического вещания Казанской студии телевидения 60-80-х годов прошлого века служила главным рупором пропаганды советской Татарии.

Литература

1. Даутова Р.В. Телевидение Татарстана: от прошлого к настоящему. Изд. 2-е доп. Казань: ЗАО Новое знание, 2010. 280 с.
2. Личный архив Э.А. Ключарева (режиссер Казанской студии телевидения с 1960-1990-е годы).
3. Орлова А.Ф. Время и связь: очерки по истории связи в ТАССР. Казань: Таткнигоиздат, 1988. 144 с.

²⁸ Даутова Р.В. Телевидение Татарстана: от прошлого к настоящему. Изд. 2-е доп. Казань: ЗАО Новое знание, 2010. С.142-143

²⁹ Егоров В.В. Телевидение. Страницы истории. М.: Аспект-пресс. 2004. С.25

УДК 070

**О РАЗВИТИИ НАУЧНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ НА БЕЛГОРОДЧИНЕ:
ПРИНЦИПЫ, ПРОЕКЦИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ
SCIENCE JOURNALISM DEVELOPMENT IN BELGOROD REGION: PRINCIPLES,
DIRECTIONS, PROSPECTS**

**В.К. Харченко
V.K. Kharchenko**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308015,
РФ, г. Белгород, ул. Победы, 85*

Belgorod State Research University, 85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: wera_kharchenko@mail.ru

Ключевые слова: научная журналистика, научно-популярный дискурс, биографизм, очерк, интервью, обзор.

Key words: science journalism, popular-science discourse, biographism, essay, interview, review.

Аннотация На материале жизнедеятельности белгородских учёных рассматриваются двадцать принципов подготовки медиатекста научным журналистом по десяти проекциям: науковедческой, жанровой, суггестивно-биографической, внедренческой, лингвистической и др. Подчёркивается актуальность широкого освещения деятельности учёных, представляющих самые различные области знания.

Abstract. Based on the analyzed Belgorod scientists' experience 20 principles of media text preparation by a science journalist are focused with regard to 10 directions: sociology of science, genre, suggestive and biographical study, promotional strategies, Linguistics, etc. Due attention should be given to implementation science information about scientists and their activities in various fields of knowledge

Развитие отечественной науки невозможно без полноценного и полнокровного развития в современном медиапространстве такого сектора, который обозначается термином «научная журналистика». Это направление интенсивно изучается за рубежом. См., в частности, опубликованное интервью с профессором научной журналистики, преподавателем Дортмундского технического университета (Германия) Хольгером Вормером [Вормер 2015: 53-59]. Процитируем один весьма значимый фрагмент: «Во-первых, он должен быть журналистом. ... Прошли те времена, когда о людях этой профессии судили с некоторой снисходительностью: ничего, что он не умеет нормально писать, что на середине его статьи заснёшь – главное, он знает тему. Во-вторых, в наши дни научный журналист должен критично относиться к любым новостным сообщениям, надо понимать, где занимаются пиаром, где имеет место конфликт интересов. Ему нужно также знать, почему те или иные исследования так хорошо финансируются! [Вормер 2015: 54]. Научный журналист, обращающийся к гуманитарным дисциплинам, неизбежно столкнётся с парадоксом понимания, о чём пишет в своей книге «Социологическое воображение» Чарльз Райт Миллс: «В некоторых научных кругах любого, кто старается писать доступно для широкой аудитории, зачастую клеймят «просто литератором» или «журналистом». Наверно, вы уже поняли, что, как правило, за этими фразами стоит ложный постулат: понятный значит поверхностный. <...> Жажда статуса – вот причина, по которой учёные столь легко сбиваются на невразумительность. И это, в свою очередь, может быть причиной того, что у них нет статуса, которого они желают» [Миллс 2001: 247, 248].

В последнее десятилетие достижения и просчёты научной журналистики стали предметом анализа отечественных учёных, прежде всего Карла Ефимовича Левитина, описывающего аналоговые ситуации, в том числе, в российских медиа [Левитин 2009]. Исследователи подчёркивают, во-первых, необходимость отличия текста по научной журналистике от пиар-текстов и текстов рекламного характера. Во-вторых, отмечают необходимость подготовки специалистов именно из журналистской среды, то есть из числа лиц, профессионально владеющих словом и стилем, знающим механизмы занимательности, обладающих тоже профессионально выработанным талантом коммуникации. Наконец, в-третьих, авторы текстов должны быть лично заинтересованы в развитии такого направления при расколе жанров и форм современного медиа-продукта.

Наш опыт 90-х-нулевых годов написания очерков об учёных университета [Харченко 1999, 2000, 2001] позволяет заострить вопрос о необходимости более широкого и более качественного (научная журналистика относится, безусловно, к качественной журналистике) освещения событий

научного мира и в НИУ «БелГУ», и в других вузах города, а также в исследовательских центрах организаций. Выделим принципы такой деятельности.

1. О первом принципе по существу мы уже упомянули. Это УЧЁТ зарубежных и отечественных теоретических наработок по проблематике научного журнализма, учёт того факта, что эта область медиа-изысканий уже обладает собственным науковедением, в том числе анализом трудностей и подводных камней, например, по преодолению коммерчески значимых рекламных раскруток.

2. Особое внимание можно уделять ИСТОРИЧЕСКОМУ АСПЕКТУ научной журналистики, как это сделано в недавно опубликованной статье Г.И. Старковой, подробно повествующей про довоенные детские журналы и газеты, нацеливавшие юных читателей как раз на инженерные специальности, опять ставшие дефицитными сейчас, во втором десятилетии XXI века [Старкова 2015: 113-119].

3. Скорость, «сиюминутность» журналистского, медийного промысливания происходящего коварно наталкивает автора на результат, описание самого изобретения, тогда как для читателя, тем более молодого (но не только!) ВАЖНЕЕ САМ ПРОЦЕСС получения нового знания, сам МЕХАНИЗМ ОТКРЫТИЯ. Григорий Перельман – личность широко известная при том что учёный сторонится популярности и не даёт интервью. Почему этому математику удалось решить, казалось бы, не решаемое, буквально в одном абзаце талантливо раскрывает автор одной из статей. Оказывается, Г. Перельман соединил два едва ли не противоположных подхода к решению задачи, на что ушло добрых четыре года. О дефиците процессуальных знаний пишет и Хольгер Вормер: «Но вот глубинного понимания того, что происходит в науке, на мой взгляд, не прибавилось – в том числе и потому, что журналисты, пишущие о науке, стремятся сообщать о результатах, достижениях и не уделяют особого внимания их подоплёке – собственно процессу научной деятельности. Так что некоторые люди как не понимали, так и не понимают, что такое наука» [Вормер 2015: 55].

4. Идеальным жанром научной журналистики можно признать ОЧЕРК, поскольку, с одной стороны, в очерке правит бал правда жизни, в какой-то степени очерк документален, а с другой – очерк характеризуется композиционной свободой, разрешая и замедления, и ускорения повествовательного хронотопа.

5. Очерки об учёных – жанр благодарный, но не менее ценным является и ИНТЕРВЬЮИРОВАНИЕ УЧЁНОГО. В своё время мы брали интервью у известных лингвистов: проф. Н.Ф. Алефиренко (г. Белгород) и проф. В.В. Щеулина (г. Липецк). В последнем случае вопросы отправлялись по электронной почте [Харченко 2008: 99-118]. Перечитывая признания этих учёных, мы обнаруживаем в них то, что прошло мимо обычного нашего общения, но что важно для самосознания, осмысления собственного научного пути и что может представлять интерес для коллег-лингвистов за пределами региона. Несколько лет назад в газете «Будни» было опубликовано интервью с доктором физико-математических наук, профессором Анварбеком Мукатовичем Мейермановым, в котором великолепно излагались именно процедурные моменты получения нового математического знания.

6. Если очерк и интервью посвящаются отдельному учёному, то не менее важно развивать на Белгородчине жанр ОБЗОРОВ, как это регулярно делают по страницам зарубежной печати сотрудники журнала «Знание – сила» Александр Волков и Ольга Балла. Подобные обзоры полезны именно в аспекте белгородоведения. Например, чем ознаменовался, скажем, 2015-й год не в аспекте полученных грантов под ещё не сделанное, а в аспекте добытого за этот период исследовательского знания. Такие обзоры требуют развития навыка самостоятельного научного журналиста, независимого выбора героев статьи, то есть развития профессиональной интуиции.

7. Жанр ХРОНИКИ также открывает возможности неспешного изложения сути проведённых исследований как белгородскими учёными, так и учёными, приехавшими на конференцию из других регионов и стран. В силу финансовых обстоятельств многие исследователи предпочитают сейчас заочное участие, а по тезисам подчас непросто отследить реально сделанное автором, поэтому предпочтения здесь должны быть у «реальных» гостей, тем более что можно взять рабочее интервью и тем более что конференции укрепляют контакты учёных, что немаловажно для продолжения научного поиска. От научного журналиста требуется не только запас знаний, чему весьма способствует журналистика в целом, но и интуиция, поскольку в последнее десятилетие и в науке, и в литературоведении наблюдается кризис такого жанра, как рецензии. «У нас считается презренным главный служебный жанр критики – рецензия. Между тем это единственный способ организации культурного процесса, превращения его из хаотической массы фактов в структуру, доступную наблюдению. Но мы все пишем эссе», – признаётся Пётр Вайль [Вайль 2015: 225].

8. Каждый год, слушая годовой отчёт вуза по НИР и НИРС, мы фиксируем количество полученных ПАТЕНТОВ, документов на изобретения. Журналист, занимающийся научным профилем, может раскрыть завесу тайны, прокомментировав наиболее значимые патенты, получившие

свидетельства госрегистрации. Предварительная встреча-беседа с автором изобретения может обогатить будущий очерк или научно-популярную статью актуальной информацией.

9. Перечисляя идеальные и актуальные жанры, способствующие развитию научной журналистики на Белгородчине, мы приближаемся к роковой черте «вербализма», отрыва от МАТЕРИАЛЬНОГО контекста, тех вещей, приборов, деталей, во имя которых и совершается открытие или проводится очередное исследование. Журналисту, сориентированному на науку, целесообразно «прикоснуться», хотя бы взглядом, к тому, о чём пишет. заглянуть в микроскоп, телескоп, увидеть дорогостоящее оборудование, подопытных животных в виварии, побывать в экспериментальной школе или на заводе, где апробируется новый материал. Естественно, журналиста сопровождает сам исследователь, и в ходе такой предваряющей публикацию экскурсии открываются новые подробности научно-исследовательского процесса, в том числе элементы нарратива, что обогащает содержательную палитру очерка или интервью, а также рассказ о неудачах. Научному журналисту полагается писать об идеях, но не менее актуально сейчас воспитывать внимание к материальному миру, овеществляющему эти идеи, и вот почему. «Проблема в том, что растёт «вербальное поколение» людей, которые смогут работать только языком, а не руками. А так как руки, как известно, связаны с головой, то и головы у них будут не вполне полноценными. Так мы можем потерять все преимущества нашей технической культуры, накопленные предыдущими поколениями» [Красносельский 2014: 101].

10. Жанр требует специфического наполнения, и здесь целесообразно отдавать должное НАРРАТИВУ, фрагментам занимательного повествования. Учёный долго бьётся над идеальным решением для объёмных металлических конструкций, потом «вдруг» взгляд падает на перевернутую ивовую корзину – и... Так возникли кружевные и весьма и весьма прочные конструкции, изобретённые нашим земляком В.Г. Шуховым, которого по объёму изобретений можно поставить в один ряд с Леонардо да Винчи. Свидетельством этому является «Азбука Шухова»: А – авиационные ангары; Б – Базы нефтеналивные, бопорты (огромные гидротехнические затворы); В – воздушно-канатные дороги, всякие металлические перекрытия цехов и вокзалов; водонапорные башни; водопроводы в Москве, Тамбове, Киеве, Харькове, Воронеже; Г – газгольдеры (газохранилища) – и так до Э – элеваторы, в том числе «миллионники» [Лескова 2013: 96-109]. Азбука помогает запомнить, сбересть в памяти список всего созданного выдающимся инженером.

11. Ближе к нарративу то, что обычно оказывается за бортом отчётов и публикаций, а именно предшествующие открытию или изобретению «тупики». Научная журналистика больше внимания, нежели традиционные научные публикации, может уделить ОТРИЦАТЕЛЬНЫМ РЕЗУЛЬТАТАМ, неподтверждённым гипотезам, ошибкам и неудачам. Как это ни парадоксально, но пример чужих проколов и неудач может обернуться вдохновляющим стимулом для молодых исследователей.

12. В XIX веке в России существовала премия купца и мецената Христофора Семёновича Леденцова (1842-1907), выдававшаяся отечественным учёным только при условии внедрения изобретения в производство. Внедренческий аспект одно из наиболее уязвимых мест отечественной науки, поскольку требовать от учёного ещё и заботы о внедрении, ещё и «коммерциализацию» изобретенного продукта достаточно проблематично. И тем не менее что-то внедряется на Белгородчине, и это «что-то» может стать темой статьи, написанной в формате научного журнализма.

13. Упомянув выше В.Г. Шухова, мы плавно переходим к такому принципу научной журналистики, как БИОГРАФИЗМ. В НИУ «БелГУ» биографический метод, сориентированный, кстати, далеко не только на известных людей, разрабатывается профессором П.А. Ольховым. Биография – это путь, и знание биографических вариаций судеб учёных способно и обогатить стратегически («делать жизнь с кого»), и, что ещё важнее, вдохновить в минуту жизни трудную, когда «крокодил не ловится, не растёт кокос». На пленарном заседании студенческой научной конференции в 2014 г. один из выступавших перед своим докладом признался, как потрясла его биография М.В. Ломоносова. В зале засмеялись, а напрасно. Этот студент психологически застрахован примером великой жизни.

14. Принципом работы научного журналиста может стать осознание своей МИССИИ, о чём писал в 1957 г. В.Н. Столетов. Нам сейчас не важно, что этот человек входил в когорту приближённых печально известного Т. Лысенко и что министром образования он был не самым перспективным. Но один из его призывов стоит того, чтобы его запомнить и им руководствоваться. «Филологический факультет должен готовить молодых специалистов так, чтобы они... строили переправы и мосты между специалистами разных специальностей. Это необходимо для того, чтобы специалисты высшей квалификации могли объясняться с народом, могли доводить достижения науки и техники до народа» [Цит. по: Гольдфаин 2014: 72].

15. Для журналиста любой специализации важно заботиться об обогащении ЛЕКСИКОНА, тем более важно это для научного журналиста. И не только потому, что термины той или иной науки требуют к себе особого уважения, хотя не всё попадёт в текст статьи. Но ещё и потому, что писать приходится о весьма тонких и сложных материях, а для оптимальной интерпретации, ко-

нечно же, необходим убедительный запас слов, образов, цитат и реминисценций, синонимов и проксонимов. Известно, что содержание работает на сознание, тогда как язык и стиль апеллируют к подсознанию – тому самому космосу, который и определяет наши планы и действия. Не исключено, что книга о Ломоносове, о которой выше шла речь, была прекрасно написана. Для нас носителями прекрасного стиля, отвечающего требованиям научной журналистики, давно стали Кирилл Ефремов и Константин Фрумкин, Ревека Фрумкина и Михаил Эпштейн, Александр Волков и Ольга Балла. Уточним: напоминая о лексиконе, мы имеем в виду не столько запас слов, тех же терминов, сколько запас контекстов, образов, не самых известных афоризмов, цитат, то есть готовых блоков, оснащающих и обогащающих повествование, что важно в силу такого свойства национального менталитета, как словоцентричность. Русская культура – это культура Книги, логоса, и то, как написано, для нашего соотечественника не менее важно, чем что написано. Запас слов нужен и для обеспечения этического контроля над текстом.

16. Отдельно хотелось бы сказать об элементах КОМИЧЕСКОГО, запасе «смешного». В телеэфире комическое подчас зашкаливает, но и самый серьёзный рассказ о науке не должен гнущаться разрядкой. В романе И. Грековой (псевдоним доктора физико-математических наук Е.С. Вентцель) «Кафедра» обращает на себя внимание попутное замечание: «Смех, благороднейшая Фома человеческого самопроявления, к тому же и гениальный воспитатель, творец душ. Посмеявшись, человек становится лучше, счастливее, умнее и добрее. / Вывод из моей долгой практики: читая лекции, не надо жалеть времени на смешное. Любую научную информацию можно найти в книгах, научного смеха, как правило, там нет». Сказанное относится и к научно-популярным книгам, также голодающим по смешному, курьёзному.

17. Когда выше мы вели речь о процессе научного поиска, то имели в виду именно научную линию, стезю, а ещё есть БЫТОВАЯ, ОРГАНИЗАЦИОННАЯ информация: как успевал человек столько совершить, сделать, как был организован его день, как отдыхал, чем ещё увлекался.

18. Проблематика научной журналистики выводит нас на недооценку и дефицит НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Если по естественным наукам язык научно-популярных изданий весьма выразителен, что прослежено в диссертации Н.В. Поздняковой [Позднякова 1995], то научно-популярная литература по лингвистике с позиций языкового разнообразия, как показало исследование В.Ф. Крюковой, оставляет желать лучшего [Крюкова 2001]. Более того, складывается пренебрежительное отношение к созданию фонда научно-популярных изданий по тем или иным дисциплинам. Книги Феликса Зигеля способны приохотить к астрономии любого – таким захватывающим языком они написаны, но подобных современных изданий по другим дисциплинам практически нет. Мы ведём речь о системном сбое, об отсутствии фонда научно-популярных изданий, асимметрии предметов освещения. Так, по этимологии слов, по культуре речи, по пословицам и фразеологизмам написаны горы литературы для школьников, тогда как посвятить целую книгу, например, сложноподчинённым предложениям, написать о них так, чтобы юный читатель захотел посвятить жизнь изучению синтаксиса, – это пока ещё в дефиците и перспективе. Журналист в частной беседе может порекомендовать написать научно-популярную брошюру того учёного, с которым общается и которым очарован как личностью.

19. Современная журналистика во многих своих ипостасях сенсационна, «трагична», преисполнена алармистскими прогнозами, что отчасти характеризует и современную науку. Чтобы получить деньги на исследование, общество надо... напугать. Это в первую очередь относится к экологам и климатологам. ОРИЕНТАЦИЯ НА ПОЗИТИВ – такой установки целесообразно придерживаться, развивая на Белгородчине феномен научного журнализма. Причём опорой здесь может стать личность учёного, то самое удовольствие, которое получает человек от самой процедуры научного наблюдения. «Я люблю асбест!» – как-то признался нам доктор химических наук А.И. Везенцев. Доктор биологических наук А.В. Присный отвёл на даче небольшой «неприкосновенный» участок, где месяцами наблюдал за знакомой жужелицей. «Как я их люблю!» – доцент Т.С. Соколова отозвалась так о десяти существительных на –МЯ (*имя, время, темя...*). В науке многое держится на удовольствии, симпатии, даже любви к тому, что изучаешь.

20. Особой темой освещения научным журналистом может стать влияние семьи, рода на становление учёного, что для читателя бесценно. Доктор филологических наук Жером Багана вырос в Конго в семье из 17 детей, четверо стали учёными, а другие заняли весьма весомые посты во Франции, США, у себя на родине в Конго. Интервью открыло нам «секрет» успеха: постоянное внимание к учёбе детей, требовательность отца, экономиста по образованию, побуждающего старших следить за успехами младших. Здесь можно выйти на интересную тему профессиональных, в частности научных династий, примеры которых есть среди преподавателей и учёных НИУ «БелГУ».

Мы назвали уже предостаточно принципов-ориентиров научного журнализма, которые образуют проекции:

– науковедческую (история и теория вопроса),

- дискурсивную (развитие научно-популярного дискурса),
- жанровую (очерки, интервью, обзоры),
- суггестивно-биографическую,
- нарративную,
- «процессуальную» (технологии открытия, «тупики», индивидуально-организационный опыт),
- лингвистическую (запас лексики, запас «смешного»),
- связующую (миссия филологов),
- внедренческую,
- коннотативную (ориентация на позитив).

Даже укрупнение до десяти позиций демонстрирует всю сложность и всё многообразие реализации проекта научной журналистики на Белгородчине, открывая перспективы такой весьма актуальной деятельности.

Литература

1. Вайль П. Библиографический обзор // Знамя. 2015. № 4. С. 225.
2. Вормер Х. Для чего нужна научная журналистика // Знание – сила. 2015. № 2. С. 53-59.
3. Гольдфаин И. Об отдалённых последствиях лысенковщины // Знание – сила. 2014. № 7. С. 69-74.
4. Красносельский С. Инженеры для наукоградов // Знание – сила. 2014. № 9. С. 96-103.
5. Крюкова В.Ф. Лингвостилистические особенности языка научно-популярной литературы по лингвистике: Дис. ...канд. филол. наук. – Белгород, 2001.
6. Левитин К.Е. Изреченная мысль // Знание – сила. 2009, №№ 1. С. 118-125; № 2. С. 114-123; № 3. С. 117-124; № 4. С. 117-124; № 5. С. 115-123; № 6. С. 117-125; № 7. С. 118-125.
7. Лескова Н. Человек-фабрика // Наука и жизнь. 2013. № 12.э С. 96-109.
8. Миллс Ч.Р. Социология воображения. Пер. с англ. М.: NOTA BENE, 2001. – 262 с.
9. Позднякова Н.В. Метафора в научно-популярном стиле: Дис. ...канд. филол. наук. – Белгород, 1995.
10. Старкова Г.И. Популяризация научно-технических знаний и достижений в довоенной молодёжной прессе Удмурдии // Научные ведомости БелГУ. Гуманитарные науки. № 12 (209). Вып. 26, июнь 2015. С. 113-119.
11. Харченко В.К. Феномен Л.Ф. Голдовской. Белгородская правда. 1999. 31 дек.; Харченко В.К. Любовь и наука. Школа буниноведения в Белгороде. Белгородская правда. 28 янв. 2000; Харченко В.К. Сколько рук у таланта. Белгородская правда 29 июля 2000; Харченко В.К. «Счастье в этом мире большом...» Белгородская правда. 29 дек. 2000; Харченко В.К. «И что положено кому, пусть каждый совершит...». Белгородская правда. 8 мая 2001.
12. Харченко В.К. Интервью с лингвистами // Малоизвестные приёмы и методики исследования языкового материала. М.: Изд-во Литературного института им. А.М. Горького, 2008. 128 с.

ПЕДАГОГИКА

УДК 378.147

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СКАЗКИ В КАЧЕСТВЕ МЕТОДИЧЕСКОГО СРЕДСТВА НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ШЕСТЫХ КЛАССАХ USING A FAIRY TALE AS A METHODOICAL TOOL AT ENGLISH LESSONS IN SIXTH CLASS

В.Л. Ермаков
V.L. Ermakov

*Государственное бюджетное образовательное учреждение «Средняя общеобразовательная школа №3»,
299000, РФ, Республика Крым, г. Севастополь, ул. Советская, 57*

*State Educational Institution «Secondary school №3», 57, Sovetskaya Str.,
299000, Sevastopol, Crimea Republic, Russia*

E-mail: v1e189@inbox.ru

Ключевые слова: сказка, лексико-грамматическая компетенция, урок английского языка, учебный текст, творческие способности школьника.

Keywords: fairy tale, lexical-grammar competence. English lesson, training text, creative abilities of school pupils.

Аннотация. Формирование способности общаться на изучаемом языке в устной и письменной формах является основной целью изучения английского языка. Практика показывает, что развитие лексико-грамматической компетенции школьников нередко идет в отрыве от развития коммуникативных навыков и умений. В статье рассмотрена роль сказки как методического средства в процессе развития способности школьников к общению на английском языке.

Abstract. Speech communication in oral and in writing forms in studying language ability formation is the main purpose of English studying. Practice shows that lexical-grammar competence development often leads out from the communicative skills and abilities development. In the given article the role of a fairy tale as a methodical tool within the ability development process to communicate English for school pupils has been studied.

Введение

Формирование речевой, лексико-грамматической и коммуникативной компетенции являются конечными целями обучения английскому языку. Под словом «обучение» следует понимать учебный процесс на всех уровнях образования, но свое знакомство с иностранными языками, в том числе и с английским, ребенок начинает, как правило, в школе. И здесь задачей учителя становится сформировать речевые навыки и умения, представления о грамматической и синтаксической природе английского языка, лексический запас с тем, чтобы обеспечить возможность их дальнейшего развития.

Обучение английскому языку начинается с младших классов вплоть до окончания средней школы, и учебная программа в каждом классе предполагает не только овладение новым учебным материалом, формирование познаний о тех или иных грамматических явлениях в английском языке, но и закрепление способности к пониманию англоязычной речи, чтению и построению собственных речевых высказываний. Однако подобный учебный процесс имеет выраженную герменевтическую природу, т.е. тесно связан с работой с текстом и над текстом. В преломлении к лингводидактическим целям и задачам речь идет именно об учебном тексте, который должен служить средством формирования навыков и умений устной и письменной речи, а также образцом при построении учащимися собственных речевых высказываний. С другой стороны, любой урок как методическое целое имеет не только образовательную, но и развивающую, и воспитательную цели. Следовательно, урок английского языка не должен ограничиваться лишь обогащением словарного запаса либо способности читать тексты и переводить их, а также понимать чужую речь: в процессе урока школьник должен научиться критическому восприятию и анализу получаемой информации; кроме того, учитель должен способствовать развитию способности к логическому мышлению. Отметим, что эти способности также ценны с позиций формирования лексико-грамматической и речевой компетенции учащихся: развитие языковых навыков и умений происходит в русле фило-

софского триединства «язык – мышление – речь», и их образование подчинено лингвистическим, психологическим и психолингвистическим закономерностям.

В последние годы современная школа стала все больше обращаться к интерактивным формам организации учебного процесса и рассматривает эти формы как основу интеллектуального и, следовательно, речевого развития школьников. Этой проблеме посвящены работы таких ученых, как Г.А. Цукерман [1], А.М. Матюшкин [2] и др. При этом интерактивное обучение всегда предполагает использование учебного диалога в качестве методического средства. Именно восприятие понятия «интерактивность» как сотрудничества и диалога и приобретает в настоящее время актуальное звучание. Интерактивное обучение сохраняет конечную цель учебного процесса, но меняет его формы на диалоговые, т.е. построенные на взаимодействии участников учебного процесса. О роли и месте диалога на уроках в школе в своих исследованиях писали М.М. Бахтин [3], И.А. Зимняя [4], Д.Б. Эльконин [5] и др. Тем не менее, приходится констатировать, что многие ученики, изучая английский язык и даже имея хорошие и отличные оценки по этому предмету, зачастую оказываются не в состоянии правильно сформулировать собственное речевое высказывание, выбрать необходимую в данной ситуации речевую конструкцию и адекватно среагировать на высказывание собеседника. Особые затруднения у учеников, по нашим наблюдениям, вызывает устная диалогическая и монологическая речь. Считаем, что это связано с тем, что у учащихся неплохо сформированы представления о грамматических явлениях в английском языке, в процессе обучения они проявляют высокий уровень прилежания, но накопленный ими лексический запас носит пассивный характер, т.к. аутентичная языковая среда отсутствует, что, как в свое время справедливо отметила Е.Н. Соловова, «способствует трансформации лексического запаса из активного в пассивный» [6]. С другой стороны, существует и психологическая причина этого: детям сложно ориентироваться в незнакомой и новой для них речевой ситуации и быстро среагировать на речевую сентенцию адресанта, ответив ему по смыслу в ходе диалога. Кроме того, наш опыт показывает, что лучшие результаты ученики обнаруживают при выполнении заданий теоретического характера (выучить грамматическое правило, прочитать и перевести текст с использованием словаря, выучить стихотворение или заранее подготовленный текст наизусть). Однако все эти задания направлены скорее на развитие способности к запоминанию и даны в русле репродуктивного метода, что не предполагает развития коммуникативной компетенции, т.е. способности строить самостоятельные материалы и применять изученные (и, следовательно, известные им) грамматические явления на практике. Очевидно, что в этом случае нельзя говорить о полном достижении конечной цели изучения любого иностранного языка, и английского, в частности, и эта проблема требует адекватных и действенных методических решений, которые лежали бы в методической, лингвистической и психолингвистической плоскостях.

Так, в современной практике преподавания английского языка в школе особое место уделяется формированию способности к построению собственных речевых высказываний на изучаемом языке путем введения творческого элемента в структуру учебного процесса. Данное явление было описано такими учеными-психологами, лингвистами и методистами, как Л.С. Выготский [7], Ж. Пиаже [8] и др., которые полагали, что тезис о роли творческого элемента на уроке справедлив не только по отношению к овладению иностранным, но и в качестве средства овладения родным языком.

Одним из методических средств и приемов, предполагающих использование такого творческого элемента, является введение в структуру урока английского языка сказки. Именно этот жанр соответствует как критериям методического принципа интереса для учащихся, так и принципа познавательности. При этом, по нашему мнению, сказку можно использовать не только в качестве учебного текста, но и как способ развития способности детей к творчеству, к построению письменных высказываний в логической последовательности на доступном для них уровне.

О роли сказки в учебном процессе по овладению английским языком в контексте стимулирования творческой активности и концепции формирования логического мышления школьников писали Л.С. Выготский, П.Я. Гальперин [9], С.Л. Рубинштейн [10] и др. Эти авторы отмечали, что по своим жанрово-стилистическим особенностям сказка имеет не только развивающее, но и высокое воспитательное значение для учебного процесса. Данный тезис был нами взят на основу выдвинутого предположения о том, что работа школьников пятых классов со сказкой как жанром литературного творчества в процессе урока английского языка и предоставление им возможности самостоятельно написать сказку поможет достичь следующие учебные цели.

1. Формирование навыков и умений письменной речи.
2. Обогащение лексического запаса школьников.
3. Активизация изученной ранее лексики.
4. Повышение уровня развития лексико-грамматической компетенции.
5. Развитие способности к творческой деятельности.
6. Развитие способности логического мышления.

Проведение экспериментальной работы в процессе урока

В целях верификации данного положения нами был проведен методический эксперимент, участниками которого стали 90 учеников шестых классов. Все они обучались по программам шестого класса средней школы с углубленным изучением английского языка. Отметим, что подобная программа предполагает более качественное и многогранное формирование лексико-грамматической, коммуникативной и лингвострановедческой компетенции в сравнении с базовой программой. В этой связи применение подобной формы работы и постановка данного эксперимента представляются актуальными и целесообразными.

Участники эксперимента обучались по общей программе в одинаковый период времени, и на проведение эксперимента нами было отведено два академических часа. Им было предложено выполнить задания в двух частях:

- 1) самостоятельно придумать вымышленного сказочного персонажа и нарисовать его либо украсить стены учебного кабинета;
- 2) мысленно придумать сюжет сказки;
- 3) с помощью подстановочных таблиц, в которых были даны варианты возможных слов, выражений и грамматических конструкций, самостоятельно составить короткую сказку, которую необходимо записать, прочитать вслух в ходе урока и сдать на проверку учителю.

По окончании эксперимента нами были проверены работы учеников, а также проанализирована их дальнейшая успеваемость в течение двух месяцев, на основании чего было сделано заключение об уровне сформированности лексико-грамматической и коммуникативной компетенции, с одной стороны, и об эффективности использования в ходе урока данного материала, с другой.

Так, в качестве образца сказки, учащимся было предложено ознакомиться со сказкой размером около 2 тыс. печатных знаков "The Paper Big Princess", которая была использована в качестве учебного текста.

При этом было объявлено, что дети могут составить свою собственную сказку на основе представленных раздаточных материалов в прозаической форме, но если кто-либо из учеников изъявит желание написать текст сказки в стихах, то это будет расценено как проявление литературного таланта и отмечено поощрительным призом.

На уроке каждому из участников эксперимента был выдан лист с подстановочными таблицами, которые ниже приведены в тексте статьи, а перед уроком в качестве домашнего задания ученикам было предложено сделать следующее.

- Придумать и нарисовать собственный сказочный персонаж,
- Сделать его цветную ксерокопию,
- Повторить грамматический материал, изученный накануне (изучалась глагольная форма Past Simple Tense – прошедшее простое время).

Непосредственно на уроке детям было предложено зять розданные листы с подстановочными таблицами и предложениями с пропущенными словами, на основе которых необходимо было начать написание сказки, внимательно ознакомиться с ними и вспомнить грамматические правила использования тех или иных частей речи и грамматических конструкций (например, личных местоимений, артиклей, форм глагола в зависимости от смысла высказывания).

Затем было объявлено, что все написанные сказки будут собраны в одну брошюру, и каждому из учеников будет дана возможность сохранить на память и поделиться с друзьями. Следует отметить, что подобное предложение вызвало широкий отклик в классе: помимо возможности продемонстрировать свои успехи, ученики восприняли это и как способ заявить о себе, о своих творческих способностях, поделиться своим внутренним миром.

В качестве иллюстрации приведем предложенное начало сказки, а затем – вспомогательный материал, который был предложен детям в процессе эксперимента. При этом ученикам была предоставлена возможность самостоятельного выбора продолжения сказки, а нами были даны лишь ключевые предложения, с которых начиналась новая мысль. Таким образом, мы не ограничивали размер сказки, которую предлагалось написать. Вспомогательный материал представлен в таблицах № 1-5.

Fairy tale with holes In it

(The numbers refer to the lists of alternative words.)

Once upon a time there was a/an _____ (1) _____ (2) who lived in a/an _____ (3) _____ (4).

He/she was very unhappy, because _____ (5).

Then one day he/she met a/an _____ (6) _____ (7)

who said to him/her: 'Can I help you?' 'Yes, please,' said the _____ (2) The _____ (7) gave him/her _____ (8) and said: _____ (9).

The (2) did what the (7) _____ said, and the next morning _____ (10).

Now the _____ (2) _____ (11) was very happy/sad and _____ (12) lived happily ever after.

Таблица 1

Вспомогательный словарный материал для выполнения задания

1 young old clever ugly rich poor little stupid beautiful	2 prince princess king queen witch giant boy girl dragon	3 big small dark black white blue red	4 house castle forest cave cabin caravan tent
--	---	--	--

Таблица 2

Вспомогательный словарный материал для выполнения задания

5 he/she had no money he/she had no friends 5	6 big friendly 6
he/she had to go to school he/she was very fat he/she had a long nose his/her bike had been stolen it was always raining . he/she could not find his/her glasses	happy green dirty tall thin strong

Таблица 3

Вспомогательный словарный материал для выполнения задания

7 monster cat girl boy frog teacher Truck driver shop assistant	8 a red apple a big ice-cream a green sweater a spaceship a pencil case a pink rose a walkman an elephant	g 'Put it in your pocket.' 'Take it to school with you.' 'Eat it for dinner.' ~ 'Give it to your mother.' 'Throw it in the swimming pool.' 'Send it to a school in Denmark.' 'Fly over the ocean\with it.'
---	---	---

Таблица 4

Вспомогательный словарный материал для выполнения задания

(10) the sun was shining he/she had turned into a dragon he/she found a box full of gold he/she had a stomach-ache he/she did not know where he/she was he/she had become very thin he/she found a car at his/her bedside he/she had a lot of new friends

Таблица 5

Вспомогательный словарный материал для выполнения задания

11 went to live in Denmark went to bed drowned himself/herself in the swimming pool drank a whole bottle of whisky married the (7) never went to school again invited all his friends to a party	12 he she the (2) the (7) they both they all nobody
---	--

По окончании приветственного слова учителя, объяснения о правилах работы с раздаточным материалом нами был приведен пример, взятый из учебного пособия по английскому языку (авторство принадлежит издательству Oxford University Press). На выполнение задания было отведено 20 минут. По окончании детям было предложено зачитать свои работы вслух. На данном этапе мы заслушали выполненные работы участников эксперимента и обратили внимание на то, что техника чтения у большинства из них достаточно хорошо сформирована, но это было лишь чтением готового заранее составленного текста. Заслушав тексты работ, мы задавали ученикам вопросы по их смыслу, однако их ответы содержали немало грамматических и стилистических ошибок и отличались лексической бедностью. Кроме того, обращает на себя внимание замедленная речевая реакция на интенцию адресанта. Это лишний раз свидетельствует о том, что навыки и умения устной речи у учащихся не сформированы в полной мере.

По окончании проверки результатов работ, мы пришли к выводу, что работа по активизации речевой инициативы на изучаемом языке через использование творчества на уроке должна быть продолжена. Подобное задание нашло позитивный отклик у учеников, и многие из них по окончании урока даже изъявили желание продолжить эту работу или организовать конкурс чтецов (такой опыт дети уже имели на уроках литературы). Это можно считать предпосылкой к продолжению применения подобных заданий в дальнейшем.

Однако обращает на себя внимание сравнительно небольшое количество грамматических ошибок, с одной стороны, но обилие стилистических погрешностей и семантическая бедность, а также незавершенность высказываний, с другой.

С учетом количества ошибок, раскрытия идеи, лексического богатства, подготовки к выполнению задания и техники чтения мы поставили всем ученикам, принявшим участие в исследовании, соответствующие оценки. Так, оценку «отлично» получило 35 учеников, оценку «хорошо» - 47 учеников, оценку «удовлетворительно» - 8 учеников. Ниже приведены тексты выполненных работ отдельных участников эксперимента. Мы представили тексты трех работ, первая из которых выполнена на оценку «отлично», вторая – на оценку «хорошо» и третья – на оценку «удовлетворительно». Поясним, что при постановке оценок нами учитывались критерии как уровня сформированности навыков и умений лексико-грамматической компетенции, так и содержание представленной работы (мы брали за основу степень выраженности творческой активности, логической последовательности текста и уровень сформированности активного лексического запаса). Таким образом, мы ставили две оценки по пятибалльной системе, затем выводили среднее арифметическое по формуле, где a – оценка лексико-грамматической компетенции, и b – оценка его содержания и творческой активности:

$$\Sigma = (a+b) \div 2.$$

При этом среднее арифметическое округлялось до целого (в числах от 2 до 5) в большую сторону.

Прежде всего, хотелось бы обратить внимание на работу Кати Ю., 6 «Б» класс, которая была составлена в поэтической форме и даже была отмечена поощрительным призом международного конкурса поэтического мастерства в США.

Little Red Riding Hood

Once little Red Riding Hood
Set off into the wood.
She went off to her Granny's house,
And on the way she passed by a mouse.
While she was singing and dancing,
The Wolf came up asking,
"Hello, Red Riding Hood,
Why are you alone in the wood?"
"I'm in the wood because
I'm going to my Granny's house."
So she sat off again,
Going up the lane.
When she saw Granny in bed,
She came up to her and said,
"Why are your ears so big?"

"To hear you better,"
Said Granny eating a fig.
"Why are your eyes huge?"
"To see you better,"
Said Granny picking a blanket of rouge.
"Why are your teeth so big?"
"To eat you up!"
Said the Wolf dropping the fig.
Suddenly, the woodcutters came in
And the Wolf zoomed away,
Dropping the bin.
And Granny opened the door,
And crawled out of the cupboard with her feet sore.
"Thank you! Thank you!" she said.
And got back into her bed.

Работы других участников эксперимента также характеризуются присутствием творческого отношения к заданию и желанием реализовать имеющиеся способности. Ниже представлены работы других учеников, принявших участие в исследовании. Хотя они и не лишены недочетов, все они были отмечены не только оценками, но и поощрительными призами и включены в альма-

нах литературного творчества на английском языке для учеников шестых классов, что способствует реализации методического принципа мотивации к учебной деятельности.

Текст работы, выполненный на оценку «отлично» ученицей Катей Н., 6 «Б» класс.

The Princess and the Dragon

Once upon a time there was a dragon. He was very cowardly. He lived in a big black cave with a big black door. He was a modern dragon. He had a TV, a radio, a vacuum cleaner, a washing machine and many other modern things. But he was very silly.

One day he was watching TV. He was very happy when the cartoons began. Cartoons were really interesting. Suddenly, a dragon appeared on the screen. This dragon loved to eat grass. His parents tried to teach him to eat meat, but he always began to cry.

One day when he saw a show on carnivorous dragons, he was very much frightened. He turned off his TV set and went for a walk in the forest. Suddenly, he saw a princess who was crying. When she saw the dragon she tried to run away from him, but the dragon caught her and asked her, "Can I help you?" She began to cry so loudly that the dragon cried too. When they stopped crying, they looked at each other. Then the dragon asked the princess one more time, "What's your name and can I help you?" The princess said, "My name is Rose. I live in a big yellow castle. One day a very handsome prince came to my castle. He wanted to marry me. But I didn't want to marry him. And then he said that I was silly and ugly. That's why I ran away into the forest." The dragon was very angry because he liked the princess very much.

Then he and the princess went to the prince's castle and the dragon did what he had never done before. He ate the prince. The princess was very glad. But suddenly the guard of the prince came. He wanted to kill the dragon, but the dragon burnt the guard with his fiery breath. Rose and the dragon became friends and lived happily ever after.

Текст работы, выполненный на оценку «хорошо» ученицей Валентиной В., 6 «А» класс

The Dragon and the Sheep

Once upon a time there was a terrible dragon who lived in the Blue Forest. All his neighbours were afraid of him. The dragon was very angry and so ugly that when he looked into the water he was afraid of himself. The smell from his mouth was horrible. The dragon had pain in his stomach because he ate many people and animals with their bones and even with their clothes.

There lived a little sheep, very pretty and merry. Her name was Dolly. One day Dolly was walking in the field not far from the Blue Forest. The sheep was eating grass and flowers. Suddenly, the terrible dragon appeared. They saw each other. Dolly smiled and asked, "How are you?" The dragon was surprised. He stood thinking, "What a lovely sheep!" He fell in love. The dragon said, "Hey, baby! What are you doing?" "I am eating flowers," answered the sheep, "Taste them. They are so sweet!" He didn't want to eat them but he wanted the sheep to like him. So he close his eyes and tried to swallow one blossom. It was tasty.

The dragon liked it and since that time he has only eaten flowers. His stomach pain disappeared, his skin became clean and he was not terrible any more. He was friends with Dolly. And all the inhabitants of his country were happy too because the dragon was kind.

Текст работы, выполненный на оценку «удовлетворительно» учеником Юрием В., 6 «В» класс

The Dragon and the Car

Once upon a time there was a little dragon. He was the richest dragon in his town and the richest dragon in the whole world. He was the king of Gnologemium. He had very many friends. They were: the sheriff of Gnologemium, Robin Hood, George Bush, Arnold Shwartznegger, Jim Button and many others. They all lived in Gnologemium, the capital of the country. Once the king of England came there in a strange thing. The dragon didn't know what it was. The king who came in that strange thing didn't know what it was. He only knew how to drive it. Soon a tourist saw that thing. They asked him what it was and he said, "This is a car. You can drive it." He taught the people to produce cars and this is how the people of this country learnt to produce cars.

Заключение

Проведенный нами анализ работ, представленных в ходе экспериментального обучения, позволил прийти к выводу, что у учащихся достаточно глубоко сформирована лексико-грамматическая компетенция в пределах текущей программы обучения. Об этом свидетельствует сравнительно небольшое количество грамматических и стилистических ошибок (хотя нельзя отрицать недостаточное владение умением дифференцировать формы глагола, орфографические недочеты и умение правильно использовать указательные местоимения в контексте высказывания). Кроме того, ученики шестого класса обладают развитым словарным запасом, который систематически ими пополняется. Это подтверждает отсутствие неудовлетворительных оценок: все без

исключения участники эксперимента справились с предложенным заданием и проявили высокую творческую активность. Однако семантическая бедность, некоторая незавершенность речевых высказываний, а также использование в них примитивных грамматических конструкций заставляет признать, что проблема формирования коммуникативной компетенции решена не в полной мере: дети не в состоянии выразить на английском языке в письменной форме все, что они желали бы в данной речевой ситуации изложить на родном языке.

Считаем, что использование сказок как литературного жанра в процессе изучения английского языка на уроках шестых классов позволяет достичь целей реализации творческой активности и самореализацию школьников через творчество, улучшить уровень развития логического мышления, что, в свою очередь, заставит их обратиться к изученным ранее грамматическим конструкциям, глубже освоить текущий грамматический материал, обогатить словарный запас, а также способствует качественному формированию навыков и умений устной и письменной речевой коммуникации на изучаемом языке.

Список литературы

1. Цукерман, Г.А. Что развивает и чего не развивает учебная деятельность младших школьников Система Д.Б. Эльконина В.В. Давыдова. [Текст] / Г.А. Цукерман // Вопросы психологии, 1998. - №5. - С.69-81.
2. Матюшкин, А. М. Развитие творческой активности школьников Текст. / А.М. Матюшкин, И.С. Аверина, Г.Д. Чистякова. Издательство: Педагогика, 1991. - 155 е.- ISBN 5-7155-0420-1.
3. Бахтин, М.М. Проблема речевых жанров Текст. / М.М. Бахтин // Собрание сочинений: В 7 т. Т.5. Работы 1940-х - начала 1960-х годов. М: Русские словари, 1997. - С. 159-206.
4. Зимняя, И. А. Формирование навыков письменной монологической речи при обучении иностранному языку / И. А. Зимняя. – М., Высшая школа, 1979. – 116 с.
5. Эльконин, Д.Б. Избр. психологические труды Текст. / Д.Б. Эльконин. -М.: Педагогика, 1989. 560 с.
6. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс лекций. - М.: АСТ Астрель, 2008. - 238 с.
7. Выготский, Л. С. Психологические факторы, влияющие на процесс запоминания речевого материала / Л. С. Выготский. – М., Просвещение, 1956. – С. 63.
8. Пиаже, Ж. Речь и мышление ребёнка Текст. / Ж. Пиаже / [Пер. с фр. и англ.] М.: Педагогика - Пресс, 1994. - 526 с.
9. Гальперин, П.Я. Методы обучения и умственное развитие ребенка Текст. /П.Я. Гальперин. М.: Изд-во МГУ, 1985. - 45 с.
10. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии Текст. / С.Л. Рубинштейн // В 2 т. Т.1. М.: Педагогика, 1989. - 488 с.

УДК 378.1

**СУЩНОСТЬ И СПЕЦИФИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НРАВСТВЕННОСТИ
КУРСАНТОВ ВУЗОВ МВД РОССИИ
SUMMARY AND SPECIFIC OF CADETS' PROFESSIONAL MORALS OF HIGH
SCHOOLS OF MIA RUSSIA**

**Н.В. Ерошенков, Е.И. Ерошенкова
N.V. Eroshenkov, E.I. Eroshenkova**

*Белгородский юридический институт МВД России, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

*Белгородский юридический институт МВД России, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

E-mail: nic_bui@mail.ru, eroshenkova@bsu.edu.ru

Ключевые слова: нравственность, профессиональная нравственность, нравственное воспитание, профессиональная подготовка, профессионально-нравственная подготовка, курсант, вуз МВД России

Keywords: morality, professional ethics, moral education, vocational training, vocational and moral training, student, high school Russian Interior Ministry

Аннотация. В статье обосновывается актуальность формирования у курсантов вузов МВД России профессиональной нравственности, раскрываются ее сущность, взаимосвязь с другими нравственными категориями. Авторы приводят классификацию профессионально-нравственных норм правоохранительной деятельности, определяют содержательные характеристики профессиональной нравственности через совокупность профессионально-нравственного сознания, профессионально-нравственных отношений и чувств, профессионально-нравственного поведения. В статье приведена типология профессиональной нравственности курсантов вузов МВД России.

Abstract. The article explains the urgency of formation at cadets of high schools the Russian Interior Ministry of professional ethics, reveals its essence, the relationship with other moral categories. The authors present a classification of professional and ethical standards of law enforcement, determine the substantive characteristics of professional ethics through a set of professional and ethical awareness, professional and moral attitudes and feelings, professional and ethical behavior. The article presents a typology of professional morality of cadets of high schools the Russian Interior Ministry.

Введение

Профессиональная подготовка курсантов в современных вузах МВД России нацелена на формирование нового кадрового корпуса полиции, отвечающего высоким личностным, профессиональным и нравственным требованиям, предъявляемым к нему обществом. Поставленная перед ведомственной системой образования задача актуализирует проблему профессионально-нравственной подготовки курсантов, подчеркивает необходимость формирования у них профессиональной нравственности.

Ключевые положения методики нравственного воспитания в социальной, военной, юридической педагогике и психологии представлены в трудах Л.М. Архангельского, А.Г. Базанова, А.В. Барабанщикова, А.А. Гусейнова, Н.И. Кирышова, А.Ф. Кони, В.С. Олейникова, В.П. Сальникова, Н.Ф. Феденко, В.И. Хальзова, Я.Я. Юрченко и др. Исследованию вопросов профессионально-нравственного воспитания и формирования личности курсантов в процессе профессиональной подготовки посвятили свои работы: С.П. Безносков, В.И. Вдовюк, Г.А. Витольник, О.Д. Вьюшин, О.Г. Дробницкий, А.Д. Кузнецова, Н.Н. Силкин, С.Н. Тихомиров, В.И. Шадрин, Ю.А. Шаранов, А.В. Щеглов и др. Исследования Г.Н. Андреева, С.И. Булаха, Ю.А. Морозова, В.Н. Рыбакова, Е.В. Семеновой, Л.Ф. Тороповой, А.С. Щербакова посвящены изучению различных профессионально-нравственных аспектов подготовки курсантов и сотрудников ОВД.

Соотношение понятий «нравственность», «мораль», «духовность» и др.

В настоящее время вопросы нравственности исследуют педагогика, психология, философия, социология, деонтология и инновационная наука о законах, принципах и методах целенаправленного нравственного воспитания в семье и в образовательных учреждениях – нравология. Вопросы о сущности и происхождении нравственности, о нравственном сознании и поведении людей изучает *этика*. Применительно к профессиональной деятельности нормы и ценности поведения людей в их специфическом выполнении, а также особые нормы в определенной профессии рассматривает *профессиональная этика*.

Одним из главных вопросов этики является вопрос о возникновении морали и нравственности. Отвечая на данный вопрос, определим, что существует множество определений нравствен-

ности (Л.М. Архангельский, В.С. Библер, Б.М. Бим-Бад, О.С. Богданова, Б.С. Братусь, А.М. Герасимов, А.А. Гусейнов, О.Г. Дробницкий, Г.М. Коджаспирова, А.С. Макаренко, В.С. Олейников, Л.П. Крившенко, В.А. Сухомлинский, К.Д. Ушинский). Их анализ предопределил наше понимание нравственности, как совокупности внутренних установок и способов регуляции действий человека в обществе с помощью моральных норм и гуманистических ценностей.

Понятие «нравственность», зачастую, употребляется как синоним термину «мораль», реже – «этика». Это объясняется тем, что ряду европейских языков присущи свои обозначения изучаемой категории. Так, в греческом языке существует понятие «этика», в латинском – «мораль», в русском – «нравственность», восходящее этимологически к слову «нрав» (характер) и лексически закрепленное в Словаре Академии Российской (1793).

В педагогике и социологии *нравы* определяются как своего рода полезные обычаи, установившиеся в данном сообществе формы поведения [1, с. 172], уклад общественной жизни, имеющие моральное значение; правило, точное предписание, установленная мера; узаконенное установление, признанный обязательным порядок чего-либо [14]. Зачастую, словом «нравы» обозначается реально существующая (в отличие от декларируемой) нравственность. Под нравами (*sitten*) понимают «действительность нравственной идеи» или «привычку к нравственному», которая образуется в результате соединения нравственного с действительностью индивидов, но также и шире, как объективированную в обязанностях и ставшую привычкой и образом мысли свободную волю индивида [1, с. 172].

При определении сущности морали мы в нашем исследовании опираемся на позиции культурологического подхода, согласно которому мораль понимают как общую ценностную основу культуры, направляющую человеческую активность на утверждение самооценности личности, равенства людей в их стремлении к достойной жизни. По отношению к человеку мораль представляет собой цель, требование, перспективу самосовершенствования. Содержание морали выражается в нормах и оценках, имеющих всеобщий, обязательный для всех людей характер, претендующих на абсолютность (направляющих сознание и регулирующих поведение человека в различных сферах жизни). В соответствии с моральными принципами поддерживаются (или изменяются) определённые устои, строй жизни.

В истории развития философии права проводилось концептуальное различие между понятиями морали и нравственности. Нравственность представлялась завершающим этапом развития объективного духа в отличие от абстрактного права и морали. В советской этической литературе и современной педагогике в трудах Н.И. Бейгуловой, Г.А. Брандта, А.М. Лобок, Л.А. Степанюк и др., понятия «мораль» и «нравственность» также не отождествляются. Это объясняется тем, что: а) с помощью морали фиксируется душевное взаимодействие человека с обществом, мораль представлена элементом нормативности, в то время как б) нравственность является личностным образованием, присущим конкретному индивиду, на основе которого он добровольно, не оглядываясь на предписания, осуществляет поведенческую функцию. Нравственность переходит в статус личностного образования только тогда, когда у индивида отмечается сформированность системы моральных ценностей, когда мораль для него становится актуально значимой, имеющей смысл, представляющей идеал, и характеризующей сознание и поведение самого индивида.

Говоря о морали и нравственности, нельзя не сказать о том, что религиозные концепции объясняют мораль существованием сверхчувственной духовной силы, которая обладает фундаментальным свойством праведности и выступает как норма, образец для поведения [11, с. 107]. *Духовность*, понимаемая как совокупность всех явлений духа, включает в себя не только сферу психического, но и все то, что выходит за рамки психики как свойства высокоорганизованной материи [13, с. 222]. По мнению Л.А. Полищук, «духовность представлена состоянием человека, характеризующимся полной гармонией его тела, души и духа» [12]. Под духовностью личности в светском ее аспекте понимается способность человека к осмыслению своей истории в единстве с историей своего народа, пониманию своего жизненного назначения, несении ответственности за судьбы близких людей, выполнении своего нравственного и гражданского долга [13, с. 222].

Обращение к различным подходам в осмыслении феноменов «духовность» и «нравственность» предоставило нам возможность заключить, что духовность человека в основном определяется в своей отражательной, подчеркнута субъективной парадигме (Б.С. Братусь, В.И. Гараджа, В.Д. Шадриков), а нравственность выступает этической категорией и представлена как внутренний субъективный план отражения общественной деятельности (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн), а также регулятор поведения личности в социуме (Л.И. Божович, А.А. Гусейнов, В.С. Олейников, В.И. Хальзов). Духовность имеет «вертикальный» вектор и характеризуется стремлением к совершенству, к идеалу, к Богу. Нравственность же имеет «горизонтальный» вектор, отражая мерилу принятия человеком моральных норм и ценностей, характеризую социальную сущность человека в общении с другими людьми [15].

Исходя из сущностного анализа определений морали и нравственности и связанных с ними категорий, определим, что в нашем исследовании мы придерживаемся мнения о том, что понятия морали и нравственности являются, хотя и несинонимичными, но взаимодополняющими друг друга явлениями. По нашему мнению, нравственность является практической воплощенностью морали, ее идеалов, целей и установок в различных формах социальной жизнедеятельности, в культуре поведения людей и отношениях между ними. Поэтому в нашем исследовании мы рассматриваем понятия морали и нравственности в их целостности.

На основе данного заявления, выделим важнейшие, на наш взгляд, *особенности* нравственности и морали: 1) финальность нравственных ценностей; 2) императивность (безусловная обязательность) нравственных регулятивов; 3) моральные нормы и правила выражаются в абстрактных формулах («делай добро», «будь милосерден к слабым», «уважай старших»); 4) нравственное поведение основано на моральном выборе; 5) нравственность и мораль включают этические и духовные чувства – веру в значимость моральных ценностей и норм.

Таким образом, проблема сущности и специфики морали и нравственности – одна из центральных в этической науке. Осмысление особенностей морали и нравственности органически входит в процесс определения основ *нравственной подготовки* будущего специалиста.

Определение основ нравственного образования и нравственного воспитания

Нравственная подготовка личности осуществляется в процессе его *нравственного образования*. Этот феномен является достаточно молодым и определяется как обучение личности нравственным правилам общения, разъяснение базовых и «ходовых» нравственных понятий, а затем уже изучение важнейших проблем морали в жизни общества, знакомство с его структурой, моральными нормами и требованиями, элементарными теоретическими знаниями о морали в целях развития нравственного кругозора учащихся, видами нравственной деятельности и нравственных отношений людей» [3]. Нравственное образование понимается как процесс усвоения системы знаний, умений и навыков в области этики и этикета и связанное с ним формирование профессионально-нравственных качеств, развитие нравственного сознания [9].

Нравственное образование тесно взаимодействует с *нравственным воспитанием*. Изучением вопросов нравственного воспитания в разные годы занимались как классики отечественной и зарубежной педагогики Я.А. Коменский, К.Д. Ушинский, Д. Локк, И.Т. Песталоцци, А.С. Макаренко, И.А. Ильин, В.А. Сухомлинский и др., так и современные исследователи, в том числе в области общей, профессиональной, военной и юридической педагогики: С.П. Безносков, А.Т. Иваницкий, А.Д. Кузнецова, И.Н. Мирошниченко, А.В. Найбауэр, В.С. Олейников, В.П. Сальников, Н.Н. Силкин, В.Я. Слепов, А.М. Столяренко, В.И. Хальзов, А.В. Щеглов и др.

Анализируя их подходы к определению данной категории, мы в большей степени склоняемся к определению нравственного воспитания как целенаправленного процесса развития нравственного сознания, нравственных чувств и выработки навыков нравственного поведения, основанных на выборе волевых действий в пользу моральных норм, в процессе самоопределения и самоуправления в соответствии с ними, на преодоление и разрешение жизненных противоречий, проблем, конфликтов и столкновений [9].

Применительно к нашему исследованию, вызывает несомненный интерес теория нравственно-правового воспитания В.С. Олейникова, согласно которой, система нравственно-правового воспитания сотрудника ОВД строится, исходя из этических основ государства и общества, тесного взаимодействия нравов, добродетели и законов; выступает как результат взаимодействия людей, совокупности воздействий макросреды, микросреды и самовоспитания [10, с. 12].

Таким образом, изучение нравственного образования и воспитания с позиций профессиональной подготовки курсантов в вузах МВД России позволяют приобщить их к обязательному следованию профессионально-нравственным нормам.

Профессионально-нравственные нормы правоохранительной деятельности

В правоохранительной деятельности имеют особо ценное, специальное значение нормы справедливости, беспристрастности, долга, ответственности, нетерпимости к злу и борьбы с ним и др. Есть нормы и узкопрофессиональные, представленные: а) нормами служебного этикета при обращении к гражданам, обращении граждан к сотруднику, приеме населения, общении с гражданами, общении с коллегами, с начальником, телефонных переговорах и др.; б) профессионально-деонтологическими нормами, регламентирующими действия и поступки сотрудников ОВД. Перечисленные нормы отражены в служебных документах – уставах, положениях, наставлениях, директивах, инструкциях и т.п.

Существует также и специфическая для будущей профессиональной деятельности курсантов дифференциация нравственных норм на нормы-запреты, нормы-рамки и нормы-образцы. При этом *нормы-запреты* ограничивают некоторые нравственные проявления и не позволяют курсанту унижать достоинство гражданина, относиться к нему только как к преступнику или потерпевшему. Однако иногда курсанты в служебной обстановке не осознают моральных запретов, становятся неудержимыми в своих действиях и способными на безнравственные поступки. По этому поводу, приведем слова А.С. Макаренко, который отмечал, что человек без «тормоза» - испорченная машина, подверженная воздействию различных пороков [7]. Такие люди недобросовестно выполняют свой профессиональный долг, нарушают дисциплину, занимают пассивную позицию в общественной жизни и т.д.; *нормы-рамки* определяют пределы допустимости свободного действия курсантов и активизируют их деятельность. Так, если нормы-запреты выполняют принудительную функцию, то нормы-рамки, - побудительную функцию долга. Нормы-рамки (будь честен, справедлив, почитай достоинство граждан, не делай зла и т.д.) преимущественно воплощены в нравственных заповедях, кодексах, уставах и т.п.; *нормы-образцы* не выполняют принудительной функции, а их возбуждающая сила опирается на авторитет общественного мнения и самосознание, моральный положительный выбор субъекта нравственных отношений. Они являются своеобразной моделью будущего поведения, являясь сначала в форме идеалов, а затем приобретая практический характер. Воплощение нормы-образца в практическую норму поведения становится конечной целью профессионально-нравственной подготовки курсантов [2].

Сущность и содержательные характеристики профессиональной нравственности курсантов

В целом, профессионально-нравственная подготовка курсантов направлена на формирование у них *профессиональной нравственности*, которая позволяет конкретизировать все вышеперечисленные общечеловеческие, узкопрофессиональные принципы морали, профессионально-нравственные нормы применительно к условиям будущей правоохранительной деятельности.

В настоящее время «профессиональную нравственность» как научный термин рассматривают в педагогике, этике, деонтологии и других науках. В профессиональной педагогике категорию «профессиональной нравственности» соотносят с компонентами образованности, определяя ее как компонент профессиональной квалификации и выделяя в ней такие приоритеты, как: гуманизм, знания в области профессиональной этики, умения применять нормы морали в профессиональной деятельности и др. [6]. В юридической педагогике зачастую понятие «профессиональной нравственности» отождествляют с понятием «профессиональная этика», представляя ее совокупностью моральных норм, ценностей, отношением к профессиональному долгу, к людям, с которыми он связан в силу характера профессии, к обществу в целом [8, с. 46]. В нашем исследовании мы придерживаемся мнения, высказанного Л.Д. Кокоревым, Д.П. Котовым, о различии понятий «профессиональной нравственности», как личностного образования, и «профессиональной этики», как раздела этической науки [4, с. 8].

С позиций культурологического подхода, профессиональная нравственность будущего специалиста соотносится с понятием профессионально-нравственной культуры (Г.В. Непорожняя, А.В. Щеглов, Ф.Н. Щербак и др.), понимаемой как качественной характеристики нравственной зрелости будущего профессионала, проявляющейся в: 1) культуре профессионально-нравственного сознания; 2) культуре профессионально-нравственных отношений и чувств; 3) культуре профессионально-нравственного поведения.

В соответствии с вышесказанным и на основе учета специфики будущей профессиональной деятельности курсантов вузов МВД России, мы выделяем *содержательные характеристики профессиональной нравственности* курсантов: профессионально-нравственное сознание; профессионально-нравственные отношения и чувства; профессионально-нравственное поведение.

Под *профессионально-нравственным сознанием* мы понимаем интегральное личностное образование, отражающее с позиций добра и зла мир моральных ценностей, общепринятых и интериоризованных им моральных норм с помощью долга и совести, обладающее свойствами целеполагания, направленности, рефлексивности, активности. Профессионально-нравственное сознание личности характеризуется знанием моральных принципов, норм, а также постоянным осознанием и осмыслением своего нравственного положения в обществе, морального состояния, ощущения. Однако, только знание, формальное знакомство с моральными нормами, правилами, императивами не обеспечивает их соблюдение, интериализацию, переход в разряд убеждений.

Для того, чтобы знание нормы не расходилось в дальнейшем с реализацией ее в поведении, необходимо организовать для курсантов опыт профессионально-нравственных отношений и чувств, в котором эта норма будет рационально принята воспитуемым как справедливая, необходимая и полезная.

Профессионально-нравственные отношения и чувства мы понимаем как особый вид общественных отношений, которые практически не существуют в чистом виде, но являются составной частью любых человеческих отношений, поддающихся нравственной оценке. Для курсантов вузов МВД России содержание профессионально-нравственных отношений и чувств определяет их отношение к обществу, государству, личности, служебному долгу. Как и во всех формах нравственных отношений, в вузе МВД России существуют, как минимум две стороны. С одной стороны, коллектив вуза определяет обязанности отдельного курсанта и оценивает его поведение и поступки, относится к нему как субъект к объекту. А с другой стороны, профессионально-нравственные требования становятся личным долгом и ответственностью курсантов, осознаются ими и активно реализуются в профессионально-ориентированной деятельности.

Чем выше уровень нравственного сознания, разнообразнее опыт нравственных отношений и чувств курсантов, тем более он способен осуществлять контроль своей деятельности, тем в большей мере он становится самостоятельным при реализации профессионально-нравственного поведения.

Профессионально-нравственное поведение - есть осмысление каждым человеком реалий окружающего мира, которое выливается в систему поступков. Поведение является реализацией нравственных ценностей, принятых в обществе: добра, свободы, справедливости, взаимопомощи и других. Основой нравственного поведения является поступок. Поступок несет в себе действие, которое может иметь положительную или отрицательную оценку общества. Поступком можно считать и воздержание от действия, когда человек не стремится занять какую-либо позицию в возникшей жизненной или профессиональной ситуации. Профессионально-нравственное поведение предусматривает, с одной стороны, свободу выбора, а с другой - ограничено рамками принятых в обществе правил и норм.

Профессионально-нравственное сознание, отношения, чувства и поведение курсантов формируются в единстве и представляют собой профессиональную нравственность курсантов, как интегральное личностное образование. Этому придавал большое значение А.С. Макаренко, считая, что воспитанников следует вооружить теорией морали, но воспитание привычки нравственного поведения гораздо более трудное дело, чем воспитание сознания [7].

Типология профессиональной нравственности курсантов вузов МВД России

Указанные положения привели нас к пониманию того, что сформированность профессиональной нравственности курсанта может соответствовать различным ее типам.

Поиску типов профессиональной нравственности курсантов в образовательной среде вуза МВД России способствовал также анализ когнитивных концепций морально-нравственного развития личности, сложившихся в западной педагогике и психологии. Проведенный анализ позволил выделить пять типов сформированности профессиональной нравственности курсантов: 1) *отстраненный*; 2) *эмоциональный*; 3) *рациональный*; 4) *потенциальный*; 5) *оптимальный*.

Выделение таких типов стало возможным при наилучшем формировании одной из содержательных характеристик профессиональной нравственности: профессионально-нравственного сознания, профессионально-нравственных отношений и чувств или профессионально-нравственного поведения курсантов.

Охарактеризуем выявленные нами типы профессиональной нравственности курсанта.

1 тип – *отстраненный* - курсант проявляет безразличие к нравственному аспекту его будущей профессиональной деятельности, не стремится осваивать профессионально-нравственные категории и совершенствоваться в нравственном плане. Профессионально-нравственное сознание, отношения, чувства и поведение не сформированы.

2 тип – *эмоциональный* - курсант на эмоционально-чувственном уровне осознает значимость профессионально-нравственной подготовки курсантов, прибегает к нравственным оценкам отдельных поступков других людей, коллег, но не использует их в собственной практико-ориентированной деятельности. У курсанта происходит оптимальное формирование профессионально-нравственных отношений и чувств. Ж. Пиаже рассматривал две стадии становления «морального чувства»: 1) «нравственного реализма» - отражает уверенность личности в том, что правила и нормы поведения – это реальные и нерушимые условия существования; 2) «нравственного релятивизма» - формирует понимание, что нормы и правила – это соглашения между людьми, и они могут изменяться, если возникнет такая необходимость. Правила не являются священными и абсолютными – это лишь средства, которые люди используют для совместной деятельности [5, с. 532].

3 тип – *рациональный* - курсант знает основные нравственные категории, нормы профессиональной морали. Нравственные убеждения и идеалы сформированы еще недостаточно, что не позволяет пользоваться имеющимися знаниями в профессионально ориентированной деятельности. У курсанта происходит оптимальное формирование профессионально-нравственного сознания, связанного,

в основном, с формированием нравственного знания. В этом случае речь может идти о профессионально-нравственной просвещенности, и мы можем даже иметь дело с личностью так называемой «двойной морали», которая теоретически может прекрасно ориентироваться в вопросах морали, в том числе и профессиональной нравственности, но не считать для себя обязательным следовать ее требованиям. Есть и другой вариант выражения профессионально-нравственного сознания, рассматривающий проблемы рациональности в морали, или моральной рациональности. Здесь рационализация морали строится и через осмысление дихотомии добра и зла. При таком подходе к морали теоретика интересует не то, каким образом мораль действует, какие механизмы гарантируют его реализацию, каким должен быть человек как субъект нравственности, а то, что совершает человек, к каким результатам приводят его поступки.

4 тип – *потенциальный* - курсант в практико-ориентированной деятельности руководствуется нормами морали и нравственности, редко прибегает к анализу собственной практико-ориентированной деятельности и деятельности других. У курсанта происходит скорейшее формирование профессионально-нравственного поведения, размышляя над которым, В.Н. Рыбаков [13, с. 223], выделяет стадии нравственной зрелости и нравственной мудрости. По его мнению, личность, достигшая нравственной зрелости, испытывает чувство ответственности не только за свое поведение, но и за поведение окружающих его людей. От зрелости нравственного сознания личности зависит успех страны в различных ее областях. Высшую стадию развития личности, в целом, и профессионально-нравственного поведения, в частности, характеризуют как «нравственную мудрость», способность реализовывать социально-значимую и общественно-полезную деятельность в соответствии с нормами морали и нравственности, готовность к нравственным поступкам в любых профессиональных и бытовых ситуациях.

5 тип – *оптимальный* - курсант не только знает основные нравственные категории, осознает значимость профессионально-нравственной подготовки в вузе МВД России, рефлексировать, но и постоянно руководствуется нормами морали и нравственности в служебной и внеслужебной деятельности.

Характер соответствия и становления у курсантов определенного типа профессиональной нравственности может быть различным в зависимости от индивидуальных особенностей курсантов, наличного уровня их общей нравственности, характера профессиональной мотивации и др. У некоторых курсантов процесс формирования профессиональной нравственности проходит гармонично, постепенно, а у некоторых – скачкообразно.

Заключение

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что определение сущности, содержательных характеристик и специфики профессиональной нравственности курсантов вузов МВД России позволяет обеспечить приобщение курсантов к обязательному их следованию профессионально-нравственным принципам и нормам. Конкретизировать общечеловеческие, узкопрофессиональные принципы морали, профессионально-нравственные нормы применительно к условиям будущей правоохранительной деятельности позволяет профессиональная нравственность курсантов, понимаемая нами как интегральное личностное образование, проявляющееся в их профессионально-нравственном сознании, отношениях, чувствах и поведении.

Сформированность профессиональной нравственности курсанта может соответствовать различным ее типам, к которым относятся – отстраненный, эмоциональный, рациональный, потенциальный и оптимальный.

Культурологическая направленность содержания профессиональной нравственности курсантов предполагает реализацию в вузе МВД России базисных ценностей личности (самореализации, жизнестворчества, культурной идентификации и др.) и формирование профессионально-нравственных качеств личности (долга, чести, достоинства, нравственной чистоплотности, неподкупности, тактичности, самообладания, толерантности и др.). Поэтому становится важным, чтобы в современной системе профессионально-нравственной подготовки особое внимание уделялось процессам порождения и развития профессионально-нравственного поведения, сознания, отношений, чувств, ценностей, что возможно обеспечить при соответствующей организации данной подготовки в условиях образовательной среды вуза МВД России.

Список литературы

1. Бим-Бад, Б.М. Педагогический энциклопедический словарь / Б.М. Бим-Бад. - М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – С. 172.
2. Булах, С.И. Формирование нравственного сознания личности курсанта вуза МВД России средствами массовой информации: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / С.И. Булах. - Барнаул, 2002. - 198 с.
3. Козлов, Э.П. Нравственное образование в средней школе / Э.П. Козлов // Педагогика. - 2008. - № 9. - С. 104-108.

4. Кокорев, Л.Д. Этика уголовного процесса: учебное пособие / Л.Д. Кокорев, Д.П. Котов. – Воронеж, 1993. – С. 8.
5. Крайг, Г. Психология развития / Г. Крайг. - СПб.: Питер, 2002. – 988 с.
6. Кутейникова, И.Х. Педагогическое содействие становлению профессиональной нравственности будущих педагогов: дис. ... кан. пед. наук: 13.00.01, 13.00.08 / И.Х. Кутейникова. – Челябинск, 2006. – 198 с.
7. Макаренко, А.С. Методика воспитательной работы / А.С. Макаренко // Избр. педагог. произв.: В 2 т. – Т.2. – М., 1998. – 366 с.
8. Мальцева, Л.В. Профессионализм как нравственная черта личности (мораль и право) / Л.В. Мальцева // Общество: политика, экономика, право. – 2010. - №2. – С.46.
9. Найбауэр, А.В. Содержание нравственного образования в системе профессиональной подготовки студентов педагогического колледжа: автореф. дис. ...канд. пед. наук / А.В. Найбауэр. - М., 2004. – 24 с.
10. Олейников, В.С. Общая педагогика, история педагогики и образования: учеб. пособие для адъюнктов / В.С. Олейников, Я.Н. Мусин, Л.В. Заварзина / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – Спб.: «Фонд Университет», 2005. – С. 12.
11. Педагогика: учеб / Л.П. Крившенко и др.. – М.: Проспект, 2004. – С. 107.
12. Полищук, Л.А. Нравственные потребности: специфика, современное состояние и тенденции развития: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.05 / Л.А. Полищук. – М., 1991. – 24 с.
13. Рыбаков, В.Н. Социально-педагогические условия формирования социально-нравственной направленности личности курсанта вуза МВД России / В.Н. Рыбаков // Мир науки, культуры, образования.- 2010.- №1 (20) - С. 222.
14. Словарь терминов по общей и социальной педагогике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.smolsoc.ru/index.php/home/>
15. Татаркина, Н.И. Формирование духовно-нравственной культуры личности курсантов вузов МВД России: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.08 / Н.И. Татаркина. – Елец. – 2006. - 547 с.

УДК 371.01

**ФОРМИРОВАНИЕ УЧЕБНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ УЧАЩИХСЯ
НА ЭТАПЕ ПРЕДПРОФИЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ****THE FORMATION OF EDUCATIONAL RESEARCH CULTURE OF STUDENTS
ON PREPROFILE TRAINING IN EDUCATIONAL ORGANIZATIONS****И.Ф. Исаев, О.В. Алиева
I.F. Isaev, O.V. Alieva***Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, Белгород, 308015, ул. Победы, 85**Belgorod National Research University, 85, Pobeda Str., 308015, Belgorod, Russia**E-mail: isaev@bsu.edu.ru*

Ключевые слова: предпрофильная подготовка, профильное обучение, учебно-исследовательская культура, ценностное отношение к исследовательской деятельности.

Keywords: pre training, specialized training, research culture, value attitude to research activity

Аннотация. В статье актуализируется организация предпрофильной подготовки учащихся как предпосылка осознанного выбора углубленного изучения учебных предметов на этапе профильного обучения. Авторы раскрывают возможности предпрофильной подготовки для формирования учебно-исследовательской культуры учащихся, обосновывают основные психологические и педагогические условия формирования учебно-исследовательской культуры школьников на этапе предпрофильной подготовки.

Abstract. The article actualizes the organization of preprofile preparation of students as a prerequisite for informed choice in-depth study of academic subjects at the stage of specialist training. The authors reveal the possibility of preprofile preparation for the formation of educational and research culture students prove basic psychological and pedagogical conditions of formation of educational research culture of schoolchildren on preprofile training.

Введение

Период предпрофильной подготовки является наиболее благоприятным для формирования учебно-исследовательской культуры учащихся, так как отвечает интересам, потребностям, мотивам, целям учащихся основной школы; связанные с дальнейшим направлением продолжения образования.

Для учащихся предпрофильной подготовки характерны развитие самосознания; осознание себя и своего места в мире, расширение диапазона выполняемых ролей; самоидентификация; идентичность; открытие «Я», период «вращения в культуру»; возникновение системы ценностных ориентации, мировоззренческой позиции; чувство взрослости и моральных ценностей; новый уровень притязаний; усиление функции интеллекта; развитие способности к абстрактному мышлению; склонность к теоретизированию, формально-операционному мышлению; возникновение рефлексии; субъектность; «попытка найти свое значение»; способность к самосовершенствованию; стремление к социальному развитию, социальному признанию; расширение жизненного мира личности.

Формирование учебно-исследовательской культуры на этапе предпрофильной подготовки позволяет сделать выбор профиля обучения более осознанным. Приобретаемые в ходе учебно-исследовательской деятельности умения видеть проблему, формулировать её, намечать пути её разрешения, прогнозировать результаты, использовать соответствующие методы разрешения, поиск признания найденного решения окружающими позволяют создать основу для решения проблем жизненного плана.

**Обоснование психологических и педагогических условий
формирования учебно-исследовательской культуры учащихся
на этапе предпрофильной подготовки**

Приступая к решению проблемы формирования учебно-исследовательской культуры учащихся на этапе предпрофильной подготовки мы исходили из понимания необходимости *создания в образовательном учреждении инновационно-исследовательской среды*, которая стимулирует ученика к творческому поиску, а участие в исследовательской деятельности, знакомство с исследовательскими работами других школьников способствует формированию широкого круга интересов, инициирует желание попробовать свои силы в различных областях знаний, расширяет альтернативность образовательного пространства сельской школы, формирует положительное

общественное мнение о его достижениях. Проблемы, решаемые в ходе учебно-исследовательской деятельности, затрагивают важные жизненные смыслы и обеспечивают творческую самореализацию ученика.

Создание инновационно-исследовательской среды предполагало изменения в урочной деятельности. Так мы выделяли тему или подтему, состоящую из 5-6 уроков согласно типологии учебных занятий: восприятие, осмысление, запоминание, применение, обобщение; выделяли ведущие, стержневые понятия; осуществляли группировку учебного материала на основе соотношения главной информации и второстепенной; в структуре учебных предметов выделяли интегрированное знание; отбирали образовательные технологии, методы, направленные на достижение планируемых результатов обучения; выделяли блок проблемных задач по каждой теме. Наряду с этим был введен учебный курс «Основы учебно-исследовательской деятельности», в ходе изучения которого большое внимание мы уделили формированию у школьников умений работать с информацией и овладению методами научного познания, как показателей технологического компонента учебно-исследовательской культуры, которые позволяют учащимся делать исходное знание понятным себе, удобным для использования, полезным для жизни и работы. На уроке, а также в ходе выполнения учебно-исследовательской работы школьники работали с информацией: книгой, статьёй, лекцией, просто учебным текстом. Учителю было необходимо научить школьников выделять в прочитанном идею, составлять план, тезисы, конспект изученного материала, аннотацию. Это приобретает особую актуальность, так как в сегодняшнем информационном обществе ценность тех знаний, которые современные пользователи могут легко получить благодаря электронной сети и почте, объективно снижается. Зато возрастает ценность умения понимать, какие именно знания нужно получить, как их обработать и использовать в решении актуальных задач. Мы старались, не увеличивая количества фактов, правил, констант, необходимых ребёнку для запоминания, развить у ребёнка навыки анализа имеющихся данных, умения синтезировать общую картину, используя имеющуюся информацию, полученную из различных источников, способности прогнозировать развитие ситуации, исходя из имеющихся в настоящее время фактов, т.е. подготовить его к жизни таким образом, чтобы выбор места работы или смена профессии происходили успешно, максимально безболезненно, в короткие сроки.

При этом мы сопровождали движение ученика от воспроизведения к творчеству, используя систему учебно-исследовательских задач: задачи репродуктивно-воспроизводящего типа, предполагающие задания на воспроизведение знаний; задачи репродуктивно-когнитивного типа, предполагающие простые мыслительные операции: анализ, синтез, сравнение, упорядочивание, определение отношений, абстракция, конкретизация; задачи когнитивно-познавательного типа задачи, предполагающие сложные мыслительные операции: трансформация, интерпретация, индукция, дедукция, аргументация, на оценку; задачи когнитивно-креативного типа, предполагающие обобщение знаний: сочинение обзора, доклада, отчета, самостоятельные письменные работы, проекты и пр.; задачи креативного типа – задачи, предполагающие продуктивное мышление: применение на практике, решение проблемных ситуаций, целеполагание и постановку вопросов, эвристический поиск на базе наблюдения и конкретных эмпирических данных, эвристический поиск на базе логического мышления и др.

Организуя учебно-исследовательскую деятельность учащихся, мы понимали актуальность сочетания *основного и дополнительного образования*. Интеграция основного и дополнительного образования включала в себя разработку и проведение интеллектуальных конкурсов, воспитательных мероприятий, посвященных жизни и деятельности великих людей; организацию и проведение встреч с интересными людьми; создание и организацию работы школьного научного общества учащихся по направлениям: естественнонаучное, гуманитарное, художественно-эстетическое; пропагандирование достижений отечественной и зарубежной науки в рамках проведения Всероссийской акции «Vivat, наука», общешкольной недели науки; представление результатов учебно-исследовательской деятельности на школьной научно-практической конференции; инициацию участия школьников в конкурсах творческих, проектных и исследовательских работ. Отличие дополнительного образования от основного: основное образование видит своей задачей целенаправленное развитие личности, дополнительное образование, согласно концепции свободного времени, мнению Ляшко Л.Ю., можно отнести к «более возвышенной деятельности» [3], считать средством свободного развития личности. Формирование мотивации учения в первом случае происходит на уроке, который ограничен во времени, подчинен целям и задачам урока, программе, в сфере дополнительного образования в ситуациях, способных вызвать у учащихся яркие впечатления. В то же время система дополнительного образования базируется на основном, так как у учащихся уже сформирована система определенных знаний и умений, опыт решения учебных, проблемных, исследовательских задач и т.д. Общим же для них является движение обучающихся от репродуктивной, подражательной деятельности к творческой, исследовательской. Здесь очень важным является поддержка мотивации учащихся на высоком уровне, чтобы личностным.

Учащиеся с высоким уровнем сформированности учебно-исследовательской культуры, демонстрируя результаты учебно-исследовательской деятельности, создавали положительное общественное мнение о себе и о своем опыте. В свою очередь, сформированное общественное сознание оказывало доминирующее влияние на развитие потребности в самореализации на основе учебно-исследовательской деятельности у учащихся со средним и низким уровнем её сформированности.

Одним из важных условий в формировании учебно-исследовательской культуры обучающихся являлась *научно-методическая готовность учителя* осуществлять руководство учебно-исследовательской деятельностью учащихся. Современный учитель, наряду с функцией обучения, выполняет функцию учителя-исследователя, ведет поиск новых форм и методов обучения и воспитания, так как ранее применяемые приёмы, средства, формы и методы не приводят к таким же результатам, как раньше. В связи с этим очень многое зависит от учителя, умеющего видеть проблемы, ставить цели, проектировать действия, анализировать условия и т.д.

Выявив низкий уровень научно-методической готовности педагогов к формированию учебно-исследовательской культуры учащихся основной школы, мы разработали программу подготовки педагога к руководству учебно-исследовательской деятельностью учащихся, которая включала в себя современные образовательные технологии, таксономию исследовательских задач, обучение школьников специальным исследовательским умениям: работе с информацией, методам научного познания, технологии выполнения основных видов исследовательских работ, как на уроке, так и вне его: доклад, реферат, проект, учебно-исследовательская работа. Таким образом, нами были созданы организационно-педагогические условия формирования учебно-исследовательской культуры учащихся, которые представляли собой внешнюю образовательную среду, которая способствовала развитию у учащихся технологической готовности к учебно-исследовательской деятельности.

В отличие от организационно-педагогических психолого-педагогические условия формирования учебно-исследовательской культуры учащихся предпрофильной подготовки составляют внутреннюю сторону данного процесса и актуализировали деятельность учителей по созданию ситуации выбора, формированию у учащихся ценностного отношения к исследованию, организацию субъект-субъектных взаимоотношений.

В системе предпрофильной подготовки учащимися совершается ответственный выбор – предварительное самоопределение в отношении профилирующего направления собственной деятельности. На этапе предпрофильной подготовки ситуация выбора носит не завершённый, а мотивирующий характер; занятия профильной ориентации стимулируют учащихся к пробе выбора дальнейшего направления продолжения образования, ценностей, личностных качеств; информационная работа способствует выбору профиля обучения, жизненных планов и путей их реализации; элективная дифференциация – выбору предпочтительного вида деятельности, целостного мировоззрения. Создание ситуации выбора в ходе учебно-исследовательской деятельности на уроке, вне его, а также в системе предпрофильной подготовки создает почву для успешного протекания процессов самоопределения, самообразования, самореализации учащихся, способствует построению индивидуальной образовательной программы. Свободный выбор позволял школьникам раскрыть свои потенциальные возможности, проявить самостоятельность в принятии решений, применить на практике творческие навыки, т. е. осознать себя субъектом выбора.

Большую роль, на наш взгляд, в вопросе формирования учебно-исследовательской культуры учащихся играет *создание субъект-субъектных взаимоотношений*, в которые неизбежно вступают участники процесса формирования учебно-исследовательской культуры. Под субъект-субъектными взаимоотношениями мы понимали «особый тип отношений между субъектами воспитания, характеризующийся принятием ими друг друга как ценностей, эмоциональным комфортом в общении, стремлением к совместной творческой деятельности» [2]. В процессе формирования учебно-исследовательской культуры субъект-субъектные взаимоотношения возникали в результате совместной учебно-исследовательской деятельности, при этом учитель, занимающий активную позицию в учебно-исследовательской деятельности, должен был перевести ученика – другого субъекта в такую же активную позицию, создав условия для формирования у него положительного отношения к совместной деятельности, как на конативном уровне – в форме мотивов, интересов, убеждений, стремлений, влечений, ценностных ориентации, так и на эмотивном – в форме различных эмоций и чувств. Другими словами, ученик в процессе формирования учебно-исследовательской культуры на этапе предпрофильной подготовки становился субъектом взаимоотношений.

Важным условием формирования учебно-исследовательской культуры мы рассматриваем *ценностное отношение школьников к исследованию*. Н.В. Голованова, рассматривая результат воспитания в связи с ценностным отношением, выделяет в нем три компонента: когнитивный компонент – понятия и представление о той или иной стороне жизни; эмоционально-оценочный –

переживание данного события, явления, его оценка; поведенческий компонент – опыт действий, умения, навыки, поведенческая готовность к определённым социальным действиям [1].

Мы включаем в ценностное отношение к учебно-исследовательской деятельности понятия и представление об учебно-исследовательской деятельности; переживание процесса учебно-исследовательской деятельности, его оценка; наличие опыта осуществления, практические знания, умения, навыки, готовность к осуществлению учебно-исследовательской деятельности. Ценностное отношение к учебно-исследовательской деятельности возникает у учащихся в силу её способности соответствовать потребностям и интересам ученика, осознавать себя и окружающий мир; её социальной и личностной значимости; эмоционального отношения, которое выражается в переживании исследуемого; отражения отношения между учеником и учебно-исследовательской деятельностью как «человек – мир». В целом ценностное отношение к учебно-исследовательской деятельности мы можем охарактеризовать как субъект-объектное отношение.

Заключение

Идея формирования учебно-исследовательской культуры учащихся на этапе предпрофильной подготовки как личностного образования, характеризующегося ценностным отношением к учебно-исследовательской деятельности, сформированностью первоначальных умений и навыков учебного исследования, творческого самоосуществления личности, нашла подтверждение на практике. Становление учащегося как субъекта учебно-исследовательской культуры представляет собой процесс развертывания субъектности личности в движении от первичного освоения и репродуктивного усвоения знаний, умений, навыков, способов осуществления учебно-исследовательской деятельности к внутреннему принятию ее ценностей на уровне личностных смыслов, а затем трансляции в творческой самореализации.

Список литературы

1. Голованова, Н.В. Подходы к воспитанию в современной отечественной педагогике // Педагогика. 2007. - № 10, - С. 38 – 47
2. Исаев, И.Ф., Кролевецкая Е.Н. Куратор и студенческая группа: развитие субъект-субъектных отношений. Москва - Белгород. - 2009. - 193 с.
3. Ляшко, Л.Ф. Исследовательский подход в образовании: от теории к практике. Т.2. Практика и методы организации. М.: Общероссийское общественное движение творческих педагогов «Исследователь», 2009. - 589 с.

УДК 378.147

**РОЛЬ И МЕСТО УЧЕБНОГО ТЕКСТА В ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОМ РАЗВИТИИ
ЛИЧНОСТИ ШКОЛЬНИКА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ НА ДОМУ
THE ACTIVIZATION OF THE LEXICAL SUPPLY WITHIN THE PRACTICAL ENGLISH
CLASSES AT A NON-LINGUISTIC HIGHER EDUCATION INSTITUTION**

**В.О. Перминов
V.O. Perminov**

Санкт-Петербургский государственный университет аэродинамического приборостроения

The Saint Peterburg State University of Aerospace Instrumentation, 67, Bolshaya Morskaya Str., Saint Peterburg, 190000, Russia

E-mail: vperminov@mail.ru

Ключевые слова: обучение студентов, английский язык, лексический запас, учебный текст, обогащение лексического запаса, чтение, пересказ, устная и письменная речь.

Keywords: teaching of students, English, lexical supply, training text, lexical supply enrichment, reading, retelling, oral and writing speech.

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы формирования коммуникативной компетенции студентов вузов неязыковых специальностей. Подробно рассмотрена взаимосвязь данного процесса с работой над учебным текстом и по активизацию лексического запаса данной категории студентов, поскольку конечной целью обучения любому иностранному языку всегда является формирование способности к общению на нем. Проведенное исследование, описанное в данной работе, позволяет прийти к выводу, что обогащение словарного запаса и активное его использование должны стать одним из ключевых элементов учебного процесса по обучению студентов английскому языку.

Abstract. In the given article the actual issues of the students' communicative competence of non-linguistic specialization are studying. The mutual connection between the given process on a training text and on the lexical supply. Activization of this category of students has been researched, as the possibility to communicate in a learning language has been always the final purpose of any foreign language teaching. The research, which has been described in the given article, has allowed us to get a conclusion that lexical supply enrichment and its active using must become one of the key elements of the learning process of English teaching for the students.

Введение

Получение высшего профессионального образования предполагает подлинное становление и развитие личности молодого специалиста, готового не только к профессиональной самореализации, но и к постоянному совершенствованию имеющихся у них профессиональных навыков и умений. Это касается обучения студентов любых вузов, вне зависимости от того, об овладении какой именно специальностью идет речь. Однако развитие личности молодого специалиста в процессе его обучения в вузе предполагает не только формирование профессиональной компетенции, но и высокий уровень личного кругозора в целом, что, среди прочего, означает и качественное владение иностранным языком. В последние два десятилетия Россия стала полноправным игроком на мировой арене, и международные контакты стали значительно расширены. В особой степени это касается представительств производственной сферы, финансового сектора, высоких технологий, экономики и иных областей, где одним из критериев качественной подготовки специалиста является готовность вести переговоры, деловую переписку, обмен опытом и работу с программным обеспечением на иностранном языке. Очевидно, что к таким языкам относится, прежде всего, английский язык, который уже давно трансформировался в общепризнанное средство международной речевой коммуникации. Это нашло свое полноценное отражение в учебных программах и планах отечественных вузов, где изучению английского языка уделяется большое внимание. Причем это касается не только студентов, обучающимся лингвистическим специальностям, но и неязыковых вузов: примерно десять-пятнадцать лет назад в этих вузах английский язык изучался лишь на первом и втором курсах в рамках общеобразовательной программы, однако в последние годы эта тенденция изменилась: обучение английскому языку стало практиковаться и на последующих курсах обучения: как в виде обязательной дисциплины, так и в формате курсов по выбору. В особой степени это касается вузов, где студенты обучаются специальностям, так или иначе связанным с международными отношениями (например, мировая экономика и финансы, международное право).

Однако наши наблюдения и исследования ученых-методистов в течение последних десяти лет показывают, что, к сожалению, проблема полноценного формирования коммуникативной

компетенции в рамках курса практического английского языка не решена в полной мере. Следовательно, конечную цель обучения английскому языку – формирование вторичной языковой личности – нельзя считать достигнутой. Об этом в разное время писали Е.И. Пассов, С.М. Прохорова, О.Е. Филимонова и др. Так, Е.И. Пассов писал: «Несмотря на наличие формальных высоких показателей успеваемости, лексический запас студентов неязыковых специальностей по окончании ими вуза остается во многом пассивным и, несмотря на высокий уровень сформированности представлений о грамматической природе иностранного языка, им часто сложно сформулировать речевое высказывание или понять обращенную к ним речь собеседника» [2]. Другой автор, С.М. Прохорова, считала, что «в течение первых пяти лет после окончания вуза у выпускников выявляется недостаточный уровень лексико-грамматической компетенции, ими забываются фонетические особенности английского языка, изученные в процессе обучения, и это препятствует им в осуществлении полноценной речевой коммуникации на английском языке» [6]. По нашим наблюдениям, даже до окончания вуза студенты забывают тот материал, который был изучен в курсе английского языка, и у них возникают сложности, например, при контактах с иностранными гражданами за рубежом, при использовании иностранного программного обеспечения, нередко они не в состоянии понять смысл услышанной речи в СМИ (по телевидению или радио), несмотря на неплохую способность к чтению и понимание синтаксической структуры предложения и основных грамматических явлений в современном английском языке. На наш взгляд, это объясняется тем, что большая часть лексического запаса, который накапливался в процессе обучения в школе и в вузе, становится пассивной из-за отсутствия практических речевых ситуаций, где необходимо использование этой лексики. Следовательно, именно бедность словарного запаса и является источником подобных проблем. При этом нами было отмечено, что наибольшую сложность у студентов и выпускников представляет устная речь. Хотя, как справедливо считает Л.А. Константинова, «письменная речь вторична по отношению к устной» [3], применительно к проблеме формирования вторичной языковой личности это не всегда так, поскольку человек, общаясь на родном языке, обладает своеобразным «речевым автоматизмом» [4], а пытаясь выразить мысль на иностранном языке, обдумывает его синтаксическую структуру, подбирает необходимые лексические единицы и формулирует предложение согласно грамматическим правилам, присущим в данном случае. Это всегда сопряжено с психолингвистическими аспектами речепорождения и вызывает наибольшую сложность у человека, изучающего язык: как отмечала И.А. Зимняя, «речь человека формируется в русле триединства «язык – мышление – речь», и эти понятия не следует рассматривать в отдельности» [1].

Пути решения проблемы обогащения словарного запаса и его активизации в процессе практического изучения английского языка было написано немало работ (О.С. Ахманова, Г.В. Колшанский и др.). Эти и другие авторы отмечали, что данную проблему помогает преодолеть активизация лексического запаса студентов, который был ими накоплен в процессе обучения в вузе и в школе, а именно – перевод пассивной его части в активную путем правильного выбора и использования средств и методов обучения [5]. Подобные средства и методы были нами сформулированы в таблице.

Таблица 1

Средства и методы активизации лексического запаса
студентов неязыковых специальностей

Средства обучения	Методы обучения
Чтение текста с увеличением процента незнакомых слов	Коммуникативный метод
Аудирование англоязычного текста	Частично-поисковый метод
Работа парами в форме беседы	Метод игры
Словарный диктант	Метод проектирования
Составление текста с использованием новой лексики объемом 500-800 печатных знаков	Эвристический метод

Нельзя отрицать, что в практике преподавателя вузов данные средства и методы находят свое применение (и являются ведущими в структуре практического занятия), однако то или иное средство или метод могут быть эффективными только тогда, когда будут учтены содержание учебного материала, с одной стороны, и психологические особенности обучаемых, с другой. На данном этапе развития методики преподавания английского языка отечественные специалисты все чаще стали обращаться к опыту своих зарубежных коллег, но при этом нередко не учитывается тот факт,

что изучение любого иностранного языка имеет сугубо герменевтическую природу, т.е. тесно связано с работой с текстом и над текстом. При этом в преломлении к методике преподавания речь может идти только об учебном тексте, который вслед за А.В. Черных мы определяем как образец речевого продукта, который служит источником формирования языковых навыков и умений [7]. Вместе с тем, следует отметить, что не всякий текст, написанный на изучаемом языке, может быть учебным, и не всякий учебный текст может быть полезным с методической точки зрения в той или иной ситуации. Поэтому преподавателю важно обратить внимание на критерии отбора учебных текстов, к которым относятся:

- Насыщенность изучаемыми лексическими единицами,
- Коммуникативная направленность учебных текстов,
- Развитие аналоговых и ассоциативных способностей,
- Активизация коммуникативной инициативы студентов.

Таким образом, нами выдвинуто предположение, что степень формирования навыков и умений устной и письменной речи на английском языке у студентов неязыковых специальностей вузов может быть значительно повышена при условии обогащения их лексического запаса и его активизации в процессе практических занятий по английскому языку.

Применение форм и приемов работы на практических занятиях

С целью верификации данного предположения нами был проведен методический эксперимент, участниками которого стали 70 студентов первого курса одного из технических вузов г. Санкт-Петербурга, обучавшихся по специальности «Автоматизированные системы обработки информации и управления в радиоэлектронной промышленности», целью которого было выявить взаимосвязь методических средств и приемов по активизации лексического запаса и формирование речевых навыков и умений студентов. Суть исследования состояла в следующем. Мы поделили участников эксперимента на контрольную и экспериментальную группы, в каждую из которых входило по 35 студентов. При этом с участниками контрольной группы (КГ) занятия проводились по базовой программе, и характер работы с ними изменен не был, а участникам экспериментальной группы (ЭГ) был предложен ряд специальных упражнений и заданий, направленных как на обогащение словарного запаса путем работы с учебным текстом, так и на его активизацию, а также на активизацию в речи тех лексических единиц, которые студентами были изучены ранее, но забыты. Продолжительность эксперимента составила четыре месяца (один семестр), по окончании которого каждому из них было предложено выполнить одинаковые по сложности и содержанию контрольные задания, и на основе их результатов были сделаны соответствующие выводы. Ответим, что практически все участники эксперимента имели хорошую успеваемость по дисциплине «Английский язык», у них была выработана техника чтения, сформированы качественные представления о синтаксисе и основных грамматических явлениях современного английского языка, но все они испытывали сложность в понимании услышанного текста или общении на английском языке с другими коммуникантами. В частности, одна из них, Людмила К., 19 лет, испытывала сложности в общении в ходе визита за рубеж к родственникам, а другой студент, Роман М., 18 лет, имевший отличные оценки в школе по английскому языку и успешно сдавший ЕГЭ, по его признанию, испытывал сложности в работе с англоязычными программными продуктами, которыми он пользовался: ему не удавалось полностью понять их описание и принцип работы именно из-за наличия большого количества непонятных слов. Очевидно, что ключевая причина подобной проблемы – в недостаточной сформированности лексического запаса, малом количестве словарных единиц и в том, что большинство из них составляли пассивную лексику.

Так, в процессе работы участникам экспериментальной группы были предложены следующие задания.

- Аудирование англоязычного текста общего характера (“Visiting Manchester”), записанного на электронный носитель, продолжительностью 3 минуты 20 секунд.
- Вопросы по тексту, которые были заданы в ходе фронтального опроса.
- Пересказ услышанного текста в виде монологического сообщения (в течение 3 минут).
- Обсуждение услышанного текста в ходе работы парами и интерактивного взаимодействия.
- Просьба устно перевести слово или словосочетание на русский язык.
- Фиксация новых лексических единиц в словаре студента.
- Письменный отзыв об услышанном тексте (в качестве домашнего задания, в размере 400-500 печатных знаков).
- Словарный диктант (в течение 10 минут).
- Чтение текста на английском языке, содержащего 25% незнакомых слов и выражений.
- Устные и письменные вопросы по прочитанному тексту.
- Устный пересказ прочитанного в виде монологического сообщения).

- Письменное сообщение на тему “What Do I Know about Scotland?” (в размере 400-500 печатных знаков в ходе занятия).
- Фиксация новых лексических единиц в словаре студента.
- Словарный диктант (в течение 10 минут).

Нами был предложен следующий текст к прочтению.

Scotland is one of four parts of the GB. Scotland's area is more than half as big as England's. The main cities of the country are its capital Edinburgh and the main industrial center Glasgow.

Scottish towns look very different from English towns. Some words about Edinburgh. Edinburgh, capital of Scotland, is one of Britain's most attractive cities. It's a city for people who like to walk.

You are never far from green parks, gardens and hills - even in the main shopping streets. It's a busy modern city, but its history is everywhere. At the top of the highest hill is located Edinburgh Castle. It was the home of Scotland's royal family until 1603 when King James the 6th of Scotland became the king of England and moved to London. The road which begins at the castle and goes eastwards is called Royal Mile. At the other end of the Royal Mile is the Palace of Holy Roodhouse.

It was built by the Scottish king before Scotland and England were united to make Great Britain. Now it is a second home for the Queen or her children, who usually visit Edinburgh in the summer. When the royal family is not there you can visit the palace and see a lot of interesting things. There are nine hills in Edinburgh. They are long-dead volcanoes. From the tops of them you can see two bridges: the modern road bridges and the old rail bridges which have carried trains to the Highlands for more than a hundred years. The highlands of Scotland are mountainous and wild.

In the winter it's white with snow but in the summer it becomes purple. Highlands are famous for the Scottish Olympics or the Highland games (it's real name). These games are not only sporting competitions: music and different traditional games are very important too. While athletes throw the hammer at the one end of the arena, you can watch a dancing competition at the other end.

Студентам было предложено прочитать текст самостоятельно. Затем участникам ЭГ было предложено ответить на следующие вопросы.

- What is Scotland?
- How can you describe Edinburgh?
- What is the main place of interest of the Scottish capital?
- How does Scottish nature look like?
- When does the British Queen and her family visit Edinburgh?
- How many hills are in Edinburgh? Tell me what do you know else about them.
- What is the name of the road which begins at the castle in Edinburgh?

Данные вопросы предполагали развернутый ответ в виде краткого сообщения (а не в виде одного предложения). Если же ответ студента был кратким, мы задавали ему дополнительные вопросы.

Подобные задания предлагались участникам ЭГ как в ходе практических занятий (при их частотности четыре академических часа два раза в неделю), так и в качестве домашнего задания. При этом нами изучались в течение семестра все устные ответы студентов, письменные сообщения, результаты словарных диктантов, а по окончании эксперимента в качестве одного из заданий при сдаче семестровой отчетности в форме дифференцированного зачета всем его участникам (в том числе и студентам КГ) было предложено прослушать текст, описанный выше, и ответить на аналогичные вопросы, а также выполнить задания на соответствие / несоответствие предложения смыслу текста и самостоятельно подготовить письменное сообщение по теме “Sports in Scotland”. Отметим, что данная тема студентам была знакома, поскольку изучалась на занятиях ранее. Кроме того, при сдаче зачета с каждым из участников эксперимента было проведено собеседование с использованием изученных слов и словоформ. Собеседование продолжалось в течение пяти минут по тематике, предложенной нами (например, “Finland Is Our Northern Neighbor”, или “My Future Professional Specialization”). По окончании собеседования студентам также было предложено указать лексическое значение слов, изученных ранее.

По окончании эксперимента нами были проанализированы его результаты, которые мы привели в таблице, выразив их в количественном соотношении полученных на практических занятиях оценок по контрольной и экспериментальной группам и приведя результаты сдачи ими дифференцированного зачета.

Данные, представленные в таблицах, свидетельствуют о наличии положительной динамики в успеваемости участников экспериментальной группы, причем в части формирования навыков умений как устной, так и письменной речи. Несмотря на то, что все студенты, принявшие участие в эксперименте, успешно сдали дифференцированный зачет, обращает на себя внимание наличие текущих неудовлетворительных оценок у участников контрольной группы при выполнении заданий, направленных на аудирование, развитие устной диалогической и монологической речи и выявление владения словарным материалом, в то время, как у участников ЭГ они отсутствовали. Это,

по нашему мнению, связано с недостаточно сформированными уровнем лексического запаса, способностью его использовать в процессе восприятия чужой речи и при построении собственных речевых высказываний.

Таблица 2

Уровень овладения навыками устной речи, выявленный в ходе проведения устного опроса

Оценка	Контрольная группа	Экспериментальная группа
«отлично»	11	25
«хорошо»	20	8
«удовлетворительно»	3	2
«неудовлетворительно»	1	0

Таблица 3

Уровень овладения новыми лексическими единицами, выявленные по результатам словарного диктанта

Оценка	Контрольная группа	Экспериментальная группа
«отлично»	3	14
«хорошо»	15	18
«удовлетворительно»	12	3
«неудовлетворительно»	5	0

Таблица 4

Уровень сформированности навыков и умений аудирования на основе анализа услышанного текста

Оценка	Контрольная группа	Экспериментальная группа
«отлично»	1	9
«хорошо»	6	17
«удовлетворительно»	24	9
«неудовлетворительно»	4	0

Таблица 5

Результаты дифференцированного зачета по дисциплине «Английский язык», проведенного с использованием материалов эксперимента

Оценка	Контрольная группа	Экспериментальная группа
«отлично»	6	15
«хорошо»	12	19
«удовлетворительно»	17	1
«неудовлетворительно»	0	0

Заключение

Проведенное исследование позволило нам прийти к следующим выводам.

Активизация лексического запаса и формирование способности его использовать в речевом общении на изучаемом языке у студентов неязыковых специальностей должны занимать центральное место в процессе их обучения английскому языку.

Развитие речевых навыков и умений зависят не только и не столько от знания грамматики и синтаксиса английского языка, сколько от объема их словарного запаса, который, в свою очередь, должен не только пополняться, но и использоваться, тем самым, становясь активным лексическим запасом.

Обогащение лексического запаса студентов, как и другие цели и задачи обучения английскому языку, тесно связано с работой с учебным текстом. Поэтому задача преподавателя – грамотно подходить к отбору учебных текстов, основываясь на существующих методических принципах. Тексты, предлагаемые для изучения, должны содержать не менее 30% незнакомых слов с целью формирования сенсорных ассоциаций в процессе их запоминания и, следовательно, обогащения лексического запаса.

Список литературы

1. Зимняя, И. А. Формирование навыков письменной монологической речи при обучении иностранному языку / И. А. Зимняя. – М., Высшая школа, 1979. – 116 с.
2. Пассов, Е.И. Обучение коммуникативной методике обучения иноязычному общению / Е.И. Пассов. – М., Русский язык, 1989. – 276 с.
3. Константинова, Л. А. Лингводидактическая модель обучения студентов-нефилологов письменной научной речи : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.02 / Л. А. Константинова. – Тула, 2004. – 371 с. : ил.
4. Ахманова, О. С. Речь как средство выражения мыслей / О. С. Ахманова. – М., Высшая школа, 1966. – 77 с.
5. Огурцова, А. П. Диалог и его лингвистические особенности / А. П. Огурцова. – М., 1996. – с.75.
6. Прохорова, С. М. Культурный фон ключевых слов / С. М. Прохорова // Язык и культура: вторая междунар. конф. : докл. / Укр. ин-т междунар. отношений при Киев.ун-те им. Т. Шевченко ; сост. С. Б. Бураго. – Киев, 1993. – 192 с.
7. Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка./ Г.В. Колшанский. – М ,1984. – 112с.
8. Черных А.В. Освоение учащимися особенностей эпистолярного жанра в условиях домашнего обучения: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / А.В. Черных; РГПУ им. А.И. Герцена. – Спб., 2009. – 231с.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 316.6

ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ И РЕЛИГИОЗНОСТЬ КАК РЕСУРСЫ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА В ТРУДНЫХ ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЯХ HARDINESS AND RELIGIOUSNESS AS RESOURCES OF MODERN MAN IN DIFFICULT SITUATIONS

Н.М. Волобуева, Т.А. Серезжко
N.M. Volobueva, T.A. Serezhko

Белгородский университет кооперации экономики и права

Belgorod University of Cooperation, Economics and law, 116A, Sadovaya Pobeda Str., 308023, Belgorod, Russia

E-mail: nataliavolobueva@yandex.ru, serezhko@mail.ru

Ключевые слова: жизнестойкость, религиозность, личностный ресурс, сложные жизненные ситуации.
Keywords: hardiness, religiosity, personal resource, a difficult situation.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению ресурсов человека в отношении сложных жизненных ситуаций. В качестве ключевых ресурсов в преодолении и совладании с такого рода ситуациями авторы рассматривают жизнестойкость и религиозность. Установки, сопутствующие данным качествам позволяют человеку воспринимать ситуации как менее стрессогенные и быть более эффективным в своей жизнедеятельности.

Abstract. The Article is devoted to human resources in relation to difficult situations. As a key resource in overcoming and coping with such situations, the authors examine the hardiness and religiosity. Installation associated with these qualities enable a person to perceive situations as less stressful and be more effective in their life.

Введение

С жизненными трудностями люди встречаются на протяжении всей жизни. В настоящее время – в период кризиса экономической и социальной сферы – количество сложных жизненных ситуаций значительно возросло. В нашей работе мы будем рассматривать термины «трудная» и «сложная» жизненные ситуации как синонимичные. Данные термины наиболее часто встречаются в социологической, педагогической, психологической литературе. В целом трудную жизненную ситуацию можно определить как ситуацию, объективно или субъективно нарушающую жизнедеятельность человека, которую он не может преодолеть самостоятельно. К подобного рода ситуациям можно отнести: ситуации угрозы финансовой стабильности, ситуации эмоциональных нагрузок, перегрузок, потерь. Сложные жизненные ситуации приводят к различного рода изменениям жизни и деятельности человека. Они нарушают привычный режим деятельности и сложившихся отношений с другими людьми. В связи с этим они порождают отрицательные эмоции и переживания, вызывают дискомфорт. Однако кроме негативных последствий для развития личности человека сложные жизненные ситуации могут оказывать и положительный эффект. Именно они позволяют человеку развиваться, но только в том случае, если он готов их прожить и пережить. Только сталкиваясь с трудностями и преодолевая их, человек способен возрасти над самим собой и приобрести новые полезные черты личности.

Способы совладания со сложными жизненными ситуациями рассматривали многие авторы (Л.И. Анциферова, Х. Шредер, В.А. Тышков, Р.М. Грановская и др.). Они определяли такие ситуации через термин «копинг-стратегии». Данные стратегии имеют индивидуальный характер и могут обладать разной конструктивностью. Сущность конструктивных способов поведения состоит в том, что они позволяют овладеть трудной жизненной ситуацией, действиями активными, сознательными, целенаправленными и адекватными в отношении объективных условий и собственных возможностей. При этом в зависимости от обстоятельств усилия могут быть направлены либо на изменение условий ситуации, либо на активизацию и развитие позитивных способностей и воз-

возможностей. Неконструктивные способы поведения позволяют в лучшем случае отодвинуть на время решение проблемы, не устраняя порождающих ее причин, или же ведут к дезорганизации деятельности.

Следовательно, не все люди готовы и способны справляться с трудностями. Причиной этого может быть отсутствие опыта совладания с жизненными трудностями или отсутствие личностных ресурсов. По нашему мнению ключевым образованием, которое позволяет человеку пережить сложные жизненные ситуации, является личностный ресурс.

Как пишет С.Л. Соловьева «наличие определенных ресурсов, потенциалов, возможностей расширяет поле деятельности личности, делая более достижимыми значимые цели в жизни» [Соловьева, 2010]. Ресурсы позволяют человеку быть более сильным, значительным и продуктивным. Они в определенном смысле являются значимым «капиталом» каждой личности. В качестве таких ресурсов в нашей статье рассматриваются жизнестойкость и религиозность.

Жизнестойкость как необходимый ресурс современного человека

В современной психологии предпринято множество попыток поиска личностных характеристик, способствующих успешной адаптации к изменениям и преодолению жизненных трудностей: устойчивость личности (В.Э. Чудновский, В.Л. Марищук, К.К. Платонов, Б.А. Вяткин и др.), личностно-адаптационный потенциал (А. Г. Маклаков), личностный потенциал (Д.А. Леонтьев), жизнестокость (С. Кобейса, С. Мадди, С. Ках, Д. Хошаба-Мадди, Д. Кутель, Книжникова С.В., Березкина О.А., Наливайко Т.В. и др.)

В данной статье мы высказали предположение о том, что жизнестойкость и религиозность можно рассматривать как ресурсы, опосредующие влияние на личность жизненных проблем и стрессовых ситуаций.

По мнению Е.И. Рассказовой, поиск психологических ресурсов для преодоления сложных жизненных ситуаций, является ключевым моментом при выходе из неблагоприятных обстоятельств. Когда человек убежден в своих силах, может контролировать происходящее с ним, а также готов к активному преодолению трудностей, то это помогает ему справиться с возникшей ситуацией. Содержание данных убеждений созвучно с понятием жизнестойкость [Рассказова, 2005].

Данное понятие было введено С. Кобейса и С. Мадди. В отечественной психологии существовало понятие «жизнеспособность», принадлежавшее Б.Г. Ананьеву. Он ввел это понятие для обозначения энергетического потенциала человека. Б.Г. Ананьев выделял жизнеспособность в качестве компонента общей трудоспособности человека. Он считал, что данное качество влияет на его работоспособность, активность интеллекта, волевое усилие, эмоциональную выносливость, формирование и устойчивость установки на реализацию поставленных во времени целей.

Исследование жизнестойкости получило большое распространение на Западе (С. Кобейса, С. Мадди, С. Ках, Д. Хошаба-Мадди, Д. Кутель, Д. Вейби, Х. Ли и др.). В отечественной психологии исследования имеют следующую направленность: жизнестойкость как условие профилактики суицидального поведения (С.В. Книжникова), исследование жизнестойких качеств личности (О.А. Березкина, Т.В. Наливайко), теоретические аспекты жизнестойкости (Л.А. Александрова). Также исследуется связь жизнестойкости с такими показателями как: креативность (Л.В. Дробинина), удовлетворенность жизнью (Л.В. Дробинина), выбор будущего (Е.И. Рассказова). Жизнестойкость рассматривается и как определенная степень «живучести» Л.А. Александрова), как «отвага быть» (П. Тиллих), «действовать вопреки», «укорененность в бытии» (М. Хайдеггер), «способность преодоления самого себя» (Д.А. Леонтьев), «способность превращать проблемные ситуации в новые возможности» (С.А. Богомаз), «ключевой ресурс» (С. Мадди, М.В. Богданова), способность выходить за пределы самого себя (по С. Л. Рубинштейну).

Понятие жизнестойкости было введено как эквивалент понятия экзистенциальная отвага. С. Мадди понимает жизнестойкость как системообразующий фактор, который смягчает эффекты стрессогенных обстоятельств и помогает сохранить здоровье [Мадди, 2002].

В своих работах С. Кобейса обосновывает гипотезу о том, что интегральное качество «харди» (жизнестойкость) позволяет человеку успешно преодолевать стрессовые ситуации и сохранять при этом здоровье. В работах Д. Гринберга данное качество обозначается понятием «решительность» как способность противостоять стрессорам. М. Перре и У. Бауманн называют это свойство термином «выносливость» как протективный личностный признак, включающий комплексную систему убеждений по поводу самого себя и окружающего мира, которые поддерживают человека в его взаимодействиях со стрессовыми событиями [Сотниченко, 2009].

Жизнестойкость – система убеждений, позволяющая человеку воспринимать события как менее стрессогенные и успешно противостоять им. Жизнестойкие убеждения влияют на оценку ситуации, благодаря готовности активно действовать, а также уверенности в возможности влиять на ситуацию, она воспринимается как менее травматичная. Кроме того, жизнестойкость способствует активному преодолению трудностей, через заботу о собственном здоровье и благополучии,

за счет чего напряжение и стресс, испытываемые человеком, не перерастают в хронические и не приводят к психосоматическим заболеваниям [Леонтьев, Рассказова, 2006]. Жизнестойкость подчеркивает аттитюды, мотивирующие человека преобразовывать стрессогенные жизненные события. Отношение человека к изменениям, как и его возможности воспользоваться имеющимися внутренними ресурсами, которые помогают эффективно управлять ими, определяют, насколько личность способна совладать с трудностями и изменениями, с которыми она сталкивается каждый день [Волобуева, 2012].

С. Мадди выделил три компонента жизнестойкости: вовлеченность, контроль и принятие риска (вызов). Человек с развитым компонентом вовлеченности умеет находить интересное и ценное для себя. Это происходит за счет включенности в процесс и активной позиции по отношению ко всему тому, что с ним происходит.

Как отмечает Л.А. Александрова, вовлеченность является важной особенностью представлений в отношении себя, окружающего мира и характера взаимодействий между ними, которая мотивирует человека к самореализации, лидерству, здоровому образу жизни и поведению. Данный компонент позволяет чувствовать себя значимым и ценным и включаться в решение жизненных задач даже при наличии стрессогенных факторов и изменений [Александрова, 2004]

Люди с развитым компонентом контроля убеждены в том, что борьба может повлиять на результативность ситуации, и они сами могут контролировать ее ход. Д.А. Циринг считает, чем более выражен этот компонент, тем больше человек уверен в эффективности собственной активной позиции. Чем меньше - тем меньше человек верит в то, что в его действиях есть смысл, он «предчувствует» бесплодность собственных попыток повлиять на ход событий. Данная убежденность в отсутствии контроля над происходящим порождает состояние выученной беспомощности. Компонент контроля связан с самооценкой, личностной адаптацией к трудным жизненным ситуациям, а также депрессией, тревожностью, состоянием здоровья.

При высоком воспринимаемом контроле, а именно - убежденности человека в том, что он может повлиять на важные для него результаты, он концентрируется на выполнении задачи. При этом ситуация может находиться не просто в рамках его возможностей, но и на грани их. В этом случае человек инициирует поведение, прикладывает усилия, ставит перед собой трудные цели, не боится новых, сложных и незнакомых ситуаций. При низком уровне компонента «контроль» человек избегает сложности, предпочитает ставить легко достижимые цели. Он остаётся пассивным, не веря в эффективность собственных действий.

Люди имеющие развитый компонент принятия риска (вызов), воспринимают все происходящее с ними (и позитивное, и негативное) как опыт, на основе которого можно научиться чему-либо. Благодаря данному компоненту, любое событие переживается как в качестве стимула для развития собственных возможностей. Как, считают М. Перре и У. Бауманн, это способность принять вызов. Д. Гринберг обозначает этот компонент термином «выносливость». Он придает уверенность в том, что изменения всегда ведут к развитию. Опасность воспринимается как сложная задача, знаменующая собой очередной поворот изменчивой жизни, побуждающий человека к непрерывному росту.

При высоком уровне вовлеченности, в сложных жизненных ситуациях возрастает потребность в контакте с другими людьми. Если высок уровень контроля, то увеличиваются старания повлиять на события. Если наиболее сильно развит компонент вызова, то повышается стремление обучаться на своем положительном и негативном опыте.

Таким образом, если обобщить функции компонентов жизнестойкости, то можно говорить о том, что вовлеченность поддерживает активность человека, контроль и принятие риска связаны с готовностью человека к деятельности вопреки трудностям. Следовательно, у жизнестойкого человека наблюдается готовность извлекать опыт из сложившихся ситуаций, действовать в ситуации неопределенности. Иными словами, жизнестойкость – ресурс, направленный в большей мере на поддержание витальности и деятельности, в меньшей – на поддержание активности сознания.

Компоненты жизнестойкости проявляются в убеждениях и диспозициях активно включаться в ситуацию, твердо верить в свои возможности, готовность рисковать для достижения положительного результата. Благодаря таким убеждениям, человек принимает и трудность, и сложность того мира, в котором он живет и действует. Таким образом, чем выше жизнестойкость, тем вероятнее, что человек будет адекватно воспринимать трудности вместо их избегания и отрицания. Поэтому жизнестойкость можно представить как совокупность установок и навыков, позволяющих превратить изменения в возможности [Мадди, 2002].

Развитая жизнестойкость позволяет предупреждать болезнь и снижать уровень артериального давления, кроме того она влияет и на психологические показатели. Это качество снижает разрушительную силу психологического дистресса, а также усиливает ощущение счастья и удовлетворенности в различных делах, повышает адаптивность. Все три компонента изменяют воздей-

ствие стрессоров, прежде всего, влияя на их когнитивную оценку, способствуя повышению самооценки, активируют ресурсы совладания.

С. Мадди считает необходимым развитие всех компонентов жизнестойкости. Это позволит сохранить здоровье и оптимальный уровень работоспособности и активности в стрессогенных условиях.

Религиозность как духовный ресурс личности

Перейдем к рассмотрению второго ресурса - религиозности. Материализм и террористические акции XIX века, революция начала XX века и следующие за ней десятилетия культивируемого в России атеизма и научного мировоззрения, казалось бы, должны были полностью уничтожить из сознания подавляющей части населения религиозность. Однако это не только не случилось, но, как показывают исследования последних лет, религиозное сознание пропитывает все поры жизни. Можно предположить, что одна из причин подобной ситуации состоит в значимости традиционных религиозных воззрений, аккумулировавших в себе экзистенциальный опыт поколений по оказанию помощи людям в преодолении жизненных трудностей и обретению смысла жизни.

С позиций экзистенциальной психологии и философии, жизненный путь каждого человека можно рассматривать как продукт принятия им тех или иных решений - значимых или незначительных, осознанных или неосознанных. За каждым решением стоит проблема выбора: выбора будущего, которое таит в себе неизвестность, или выбора прошлого - того, что известно и понятно. Человека, выбирающего будущее, охватывает онтологическая тревога. Чем большее количество изменений предстоит внедрить в свои представления и чем сильнее необходимо корректировать собственное поведение, останавливая выбор на будущем, тем будет выше онтологическая тревога. В этой ситуации очевидна попытка человека избежать неопределенности и действовать по привычной схеме, т.е. останавливать выбор на прошлом. Однако, выбор прошлого не может принести результата и удовлетворить потребности, а, напротив, увеличивает ощущение бессмысленности бытия. Выбирая будущее, несмотря на тревогу, человек получает возможность увидеть новые перспективы и получить бесценный опыт.

Как считал экзистенциальный богослов С. Кьеркегор, онтологическую тревогу можно пережить с помощью религиозной веры. Она представляется как императив чувственности, устремленной к своему собственному пределу, преодоление отчуждения, ключ к которому - истинность как атрибут переживания: "я чувствую, что это - настоящее", "только сейчас я на самом деле живу", "это - реальность, а не иллюзия". Проблематику, затронутую Кьеркегором, развили в своих трудах М. Хайдеггер, и собственно, философы-экзистенциалисты: Ж.-П. Сартр, А. Камю, К. Ясперс, М. Бубер, П. Тиллих.

Поскольку целью нашего исследования является изучение жизнестойкости и религиозности как ресурсов современного человека в трудных жизненных ситуациях, правомерно поставить вопрос о том, что может включать в себя понятие религиозность. Анализ религиозности включает в себя несколько направлений. В своих работах Е. Пруцкова [Пруцкова, 2010] выделяет три базовые проблемы, которым на современном этапе уделено наибольшее внимание: религиозность, вероисповедание и взаимоотношения религии с другими социальными институтами. Социологические исследования, преимущественно международные, особое внимание уделяют поиску универсальных, внеконфессиональных шкал. Данный подход основывается на представлениях Э. Дюркгейма об оппозиции профанного и сакрального. В работе В. Еротича «Христианство и психологические проблемы человека» отмечается, что «человек по своей духовной сущности есть homo religious» [Еротич, 2009]. С точки зрения Э. Фромма, важнейшим условием бытия человека является его потребность в религии.

В классической работе В. Джеймса религия определяется как «совокупность чувств, действий и опыта отдельной личности, поскольку их содержанием устанавливается отношение ее к тому, что она почитает Божеством». Следование данной идее предполагает количественное измерение различных компонентов религиозности респондентов и выявление на этой основе ее степени. Безусловно, что составление подобных шкал свидетельствует о многомерности религиозности и несводимости ее к какому-то одному критерию. Подобные исследования проводятся в междисциплинарном ключе на стыке социологии и психологии [Пруцкова, 2010].

Другое направление исследования религиозности опирается на описание, характеристику религиозной группы, поскольку религиозность можно рассматривать как социально-групповой, так и личный феномен. Анализ религиозности в данном контексте предполагает выявление на номинальном уровне самоидентификации респондентов с тем или иным вероисповеданием (социальной религиозной группой). Оценка религиозности, выраженной в поведении или веровании, специфических для отдельной традиции или конфессии предполагает наличие и более специфических вопросов. Кроме вопроса о конфессиональной принадлежности как правило задаются уточняющие вопросы для более надежной идентификации принад-

лежности человека к определенному вероисповеданию и выявления степени «привязанности» к некоторой религиозной группе.

Дж. Шумагер считает, что религиозность коррелирует с высоким уровнем психического здоровья, а религиозные убеждения способствуют оптимальному разрешению вне- и внутриличностных конфликтов. Кроме того, он эмпирически доказал, что вера придавая смысл существованию, уменьшает экзистенциальную тревогу и невротическую вину. Положительное влияние религия оказывает на личностное благополучие. В исследовании К. Элисон, было показано, что люди с сильной религиозной верой имеют высокую степень жизненной удовлетворенности, личного счастья [Невлева, 2015].

Согласно христианским идеям, трудности в жизни людей являются результатом греховности, последствия которой проявляются в виде страдания. Состояние разорванной связи с Богом является, по мнению православных богословов, наиболее тяжелым положением человека. Восстановление связи с Богом – есть важнейшее условие достижения гармонии и преодоления невзгод.

Трудности, связанные с повторным обретением Бога и пребыванием в соединении с ним, требует большого доверия к Богу и смиренного подчинения Святому Духу. Если поставить Бога в жизни на первом месте и направить мысли к богоугодным делам, у человека сформируется соответствующая оценка поступков и отношение к ним. Религиозный человек от общения с Богом и доверия к нему получает внутренний покой, который, возможно, позволяют легче справляться с эмоциями, сохранять здравомыслие, анализировать проблему и прилагать усилия, чтобы найти решение.

Таким образом, православный человек, в религиозном плане ориентируется на собственные, внутренние ресурсы развития и самосовершенствования, в социальном плане – осознанно идентифицирует себя с общиной. Западная культура с ее установками на индивидуализацию и укорененность в социуме антагонистична, сопряжена с ощущением экзистенциальной боли (Э. Фромм, А. Маслоу и др.). В структуре личности православного данные установки находятся в непротиворечивой целостности, гармонии, единстве.

В свете рассматриваемой проблематики мы обратились к работам С. Мадди, в которых исследована взаимосвязь жизнестойкости с религиозностью [Maddi, 2006]. С точки зрения С. Мадди, религиозность рассматривается как сходная с жизнестойкостью переменная, в которой на сверхъестественное перекладывается ответственность за бытие. Исследуя вопрос о том, что наилучшим образом может прогнозировать при стрессе возможное состояние депрессии и гнева – религиозность или жизнестойкость – С. Мадди устанавливает корреляцию между религиозностью и шкалами вовлеченности и контроля, отмечает отсутствие связи со шкалой принятия риска. Жизнестойкость и религиозность в его представлении отрицательно связаны с депрессией.

Мадди установлена отрицательная связь жизнестойкости со всеми параметрами гнева (гнев внутри, направленный вовне, гнев как черта личности, как состояние, общие показатели гнева). Отличительная черта религиозности состоит в том, что имеется значимая отрицательная связь только с гневом внутри. Не смотря на то, что религиозность и жизнестойкость являются препятствиями на пути возникновения депрессии и гнева, жизнестойкость наиболее точно по сравнению с религиозностью способна прогнозировать появление негативных психических состояний в ситуации дистресса.

Продолжая рассматривать жизнестойкость и религиозность, С. Мадди пришел к парадоксальным, по его мнению, результатам: при низком уровне жизнестойкости индивиды с более высоким уровнем религиозности менее подвержены состоянию гнева и депрессии. Данные результаты С. Мадди рассматривает как возможное противоречие между жизнестойкостью и религиозностью: если жизнестойкость на первое место выдвигает индивидуальную борьбу, то религиозность подчеркивает пассивность и принятие обстоятельств жизни [Maddi, 2006].

Идеи С. Мадди заставляют размышлять о том, что веру в сверхъестественное можно считать универсальным средством, позволяющим найти смысл жизни и направление движения, в то время как жизнестойкость (экзистенциальное мужество) является более пригодной в процессах сохранения и роста производительности, развития личности и здоровья человека.

Как отмечал С. Мадди, религиозность и жизнестойкость, хотя и основаны на духовной природе и дают личности чувство опоры, имеют существенные различия. В первом случае источником духовности является вера в сакральное и перекладывание на него полноты ответственности за жизнь, во втором случае – источником являются усилия личности, ее активные действия. Таким образом, согласно С. Мадди источник духовности – в одном случае – пассивная ответственность человека перед «сверхъестественным», а в другом – активные «личные усилия» [Maddi, 2006].

Ведущей мировоззренческой аксиомой православного учения является с одной стороны – ответственность личности, с другой – безусловность свободы воли. Эти компоненты во многом определяют поведение человека при столкновении с трудностями на жизненном пути. Выводы, полученные С. Мадди, и переносящие ответственность за деяния человека в сферу сверхъесте-

ственного, вероятно, следуют из того, что большая часть его респондентов являлись представителями католицизма и протестантизма.

Анализируя проблему жизнестойкости и духовные установки православия, можно предположить, что религиозность (по крайней мере, православная вера) формирует собственную систему установок и ценностей, что не может не влиять на характер отношения к жизненным трудностям. Мы предполагаем, что влияние религиозности на поведение личности в ситуации дистресса может быть различным и зависит от конфессиональной принадлежности респондентов. Данное предположение, безусловно, требует отдельного эмпирического исследования.

Безусловно, и в жизнестойкость, и в религиозность органически включена система убеждений и ценностей, относимых к мировоззрению личности. Мировоззрение как совокупность устойчивых идей, принципов, оценок и убеждений определяет отношение к бытию и характеризует мировидение человека, его место в мире, придает жизнедеятельности осмысленность, упорядоченность и направленность.

При таком подходе можно допустить, что жизнестойкость и религиозность (понимаемая как принадлежность к какой-либо конфессии или же просто некая вера в сверхъестественное) представляют собой элементы различных типов мировоззрения и не перекрывают друг друга полностью. Преодоление проблем в православной традиции не вписывается в рамки тех идей, которые высказал С. Мадди. Православный человек должен «не только переносить невзгоды, но и видеть в них руку Властителя судеб» [Еротич, 2009]. Православное мировоззрение опирается на иную систему ценностей и установок, влияющих и на характер отношения человека к жизненным трудностям.

Эмпирическое исследование жизнестойкости и религиозности как ресурсов совладания со сложными жизненными ситуациями

С целью подтверждения нашей гипотезы о том, что и жизнестойкость и религиозность являются ресурсами человека, которые позволяют ему конструктивно справиться со сложной жизненной ситуацией, мы провели исследование. В нем приняло участие 125 студентов АНО ВПО «Белгородский университет кооперации, экономики и права» различных направлений подготовки. В качестве инструментария нами были выбраны следующие методики:

- тест жизнестойкости (Д.А. Леонтьев, Е. И. Рассказова);
- опросник «Исследование социальных и религиозных взглядов» (Г. Олпорт);
- методика «Определение копинг-поведения» (Д. Амирхан).

На первом этапе нашего исследования мы разделили испытуемых на группы по уровню жизнестойкости и религиозной ориентации.

По уровню жизнестойкости испытуемые разделились на 4 группы, условно названные: «студенты с низкой жизнестойкостью» (10%), «студенты с тенденцией к низкой жизнестойкости» (20%), «студенты со средней жизнестойкостью» (55%), студенты с тенденцией к высокой жизнестойкости» (15%). Представители первой группы испытуемых имеют низкий уровень вовлеченности ($M_e=16$), низкий уровень контроля ($M_e=11$) и принятия риска ($M_e=9$). Это говорит о том, что они часто остаются безучастными по отношению к той деятельности, которой занимаются. Они не хотят бороться с препятствиями, считая, что все предопределено и не зависит от них. Чаще всего отрицают негативные события собственной жизни и хотят их забыть, а позитивные воспринимают как что-то приятное. Но не из тех не из других событий не извлекают ничего полезного для собственного опыта. Студенты имеющие тенденцию к низкому уровню жизнестойкости, значения вовлеченности ($M_e=24$) имеют уровень ниже среднего, контроля ($M_e=19$) – ниже среднего, принятия риска ($M_e=11$) – средний. Это свидетельствует о том, что они редко включаются в процесс происходящего, но если их что-то сильно заинтересует, то они выполняют деятельность с удовольствием. Чаще, склонны перекладывать ответственность, нежели брать ее на себя. Они извлекают опыт чаще из позитивных событий собственной жизни, ориентируясь только на достижения. Но те события, которые приносят неприятные эмоции, стараются забыть, считая, что ничего хорошего взять из них нельзя. Студенты со средним уровнем жизнестойкости имеют среднюю вовлеченность ($M_e=35$), средний уровень значений по показателю «контроль» ($M_e=28$) и средний - по показателю «принятие риска» ($M_e=17$). Они могут активно включаться в деятельность и находить интересное и ценное для себя, но не всегда осуществляют это. Им не всегда кажется, что они могут управлять собственной жизнью и тем, что в ней происходит. Поэтому, иногда склонны перекладывать ответственность за происходящее на обстоятельства или других людей. Они понимают, что риск есть всегда и можно даже из «проигрыша» извлечь выгоду, но пользуются этим не во всех случаях. Отличительными чертами потенциально жизнестойких студентов являются выраженные показатели по компонентам «контроль» ($M_e=38$) и «принятие риска» ($M_e=23$). Это говорит о том, что они берут ответственность за собственные действия и стараются из всего, что с ними происходит извлекать опыт и использовать его в дальнейшем. Как мы видим, процент студентов со слабы-

раженной жизнестойкостью достаточно высок (30%) это говорит об актуальности развития данного качества у современной молодежи.

По критерию «религиозность» студенты были разделены на 3 группы: студенты с внешней религиозной ориентацией (30%) и студенты с внутренней религиозной ориентацией (28%), студенты без религиозной ориентации (42%). Первая группа студентов характеризуется утилитарным восприятием религии, прежде всего как средства достижения других (нерелигиозных) целей. Религия и вера воспринимаются ими как способ достижения комфорта и счастливой жизни, но при этом они не находят связи религиозности со своим поведением в повседневной жизни. Студенты с внутренней религиозной ориентацией воспринимают религию как ценность. Религиозные убеждения влияют на их жизнь повсеместно. Студенты без религиозной ориентации не обнаружили ярко выраженных стремлений к религии. В своей жизни они руководствуются другими принципами.

На следующем этапе нашего исследования мы выявили различия в стратегиях совладания, которые применяют студенты с разным уровнем развития жизнестойкости и разной религиозной ориентацией. «Жизнестойкие» студенты чаще чем «нежизнестойкие» применяют конструктивные стратегии совладания с трудностями: «разрешение проблем» ($t=2,35$, при $p \leq 0,05$), «поиск социальной поддержки» ($t= 2,11$, при $p \leq 0,05$). То есть эти студенты в сложных жизненных ситуациях склонны активно искать внутренние ресурсы для решения возникших затруднений, а также способны получать помощь от других людей для этого. То есть они активно используют внешние и внутренние ресурсы, в отличие от «нежизнестойких» студентов, которым чаще свойственно применять копинг-стратегию «избегание». Стратегия избегания вытесняет необходимость решения проблем, и тем самым их усугубляет. Студенты религиозно ориентированные имеют схожие тенденции в применении копинг-стратегий с «жизнестойкими» студентами. Внешне религиозно ориентированные — склонны чаще, по сравнению с другими группами, применять копинг «решение проблем» ($t= 2, 14$, при $p \leq 0,05$) и ($t= 2, 06$, при $p \leq 0,05$). Студенты, имеющие внутреннюю религиозную ориентацию, чаще других применяют копинг «поиск социальной поддержки» ($t= 2,18$, при $p \leq 0,05$) и ($t= 2,28$, при $p \leq 0,05$). Студенты не имеющие религиозной ориентации применяют различные стратегии совладающего поведения. На основе полученных данных можно сделать вывод, что религиозность и жизнестойкость способствуют конструктивному выходу из сложных жизненных ситуаций. Это происходит прежде всего за счет когнитивного компонента основанного на жизнестойких и религиозных установках.

Заключение

Анализ проблемы совладания человека с трудными жизненными ситуациями показал, что жизнестойкость и религиозность являются внутриличностными ресурсами. Жизнестойкость выступает как качество личности, развиваемое с детства и способствующее активному преодолению стрессовых ситуаций. Это происходит за счет установок «вовлеченность», «контроль», «принятие риска», которые проявляются на всех уровнях (когнитивный, эмоциональный, поведенческий) взаимодействия человека с миром.

Интериоризация религиозных ценностей той или иной конфессии (например, Православия) также может быть рассмотрена как важнейший механизм, способствующий сохранению здоровья личности, как личностный ресурс, помогающий в преодолении жизненных трудностей. Религиозный человек получает внутренний покой, который, возможно, позволяет легче справляться с эмоциями, сохранять здравомыслие, анализировать проблему и прилагать усилия, чтобы найти решение.

Эмпирическое исследование показало, что жизнестойкие люди склонны использовать конструктивные стратегии («разрешение проблем» и «поиск социальной поддержки») в сложных жизненных ситуациях, которые позволяют им активно задействовать как внешние, так и внутренние ресурсы для решения ситуации в свою пользу. Религиозно ориентированные люди также используют конструктивные стратегии преодоления стрессовых ситуаций и практически не применяют стратегию «избегание». Полученные данные свидетельствуют о том, что религиозность наряду с жизнестойкостью позволяет быть человеку более эффективным в своей жизнедеятельности, несмотря на сложные жизненные ситуации.

Литература

1. Александрова Л.А. 2004. К концепции жизнестойкости в психологии. Сибирская психология сегодня: Сб. научных трудов. Вып. 2. Кемерово: 82–90.
2. Волобуева Н.М. 2012. Психологическая культура как условие развития жизнестойкости студентов. Автореф. дис. ...к. психол. наук. Белгород, 22 с.
3. Еротич В. 2009. Христианство и психологические проблемы человека. М., Аспект Пресс, 450.
4. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. 2006. Тест жизнестойкости. М., Смысл, 63.

5. Мадди С.Р. 2002. Теории личности: сравнительный анализ. Пер. с англ. СПб., 567.
6. Пруцкова Е. 2010. Религиозность: способы операционализации и количественной оценки: материалы семинара «Социология религии» Электронный ресурс. URL: <http://socrel.pstgu.ru/wp20105#more-337> (01 февраля 2015).
7. Невлева И.М. 2015. Психология религии. Белгород, Издательство БУКЭП, 224.
8. Рассказова Е.И. 2005. Психологические ресурсы саморегуляции и реабилитации личности в экстремальных условиях. Личность в экстремальных условиях. Материалы международной научно-практической конференции. Часть 1. Петропавловск-Камчатский, Изд-во КамГУ, 100-103.
9. Соловьева С.Л. 2010. Ресурсы личности. Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2010. N 2. Электронный ресурс. URL: <http://medpsy.ru> (01.02.2015).
10. Сотниченко Д.М. 2009. Жизнестойкость как психологический феномен. Его значение в современных условиях службы в армии. Вестник ТГПУ. № 8: 104-107.
11. Maddi S. R., Brow M., Khoshaba D.M., Vaitkus M. 2006. The relationship of hardiness and religiosity in depression and anger. Consulting Psychology Journal. Vol. 58: 148–161.

УДК 159.91

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССОВ САМОРЕГУЛЯЦИИ У
ПОДРОСТКОВ С ЗАВИСИМЫМ ПОВЕДЕНИЕМ
PSYCHOLOGICAL FEATURES OF SELF-REGULATION PROCESSES IN ADOLESCENTS
WITH DEPENDENT BEHAVIOR**

**С.А. Корнеева, А.В. Локтева
S.A. Korneyeva, A.V. Lokteva**

*308015 г. Белгород, ул. Победы 85 ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»*

*85, Pobedy St., Belgorod, 308015, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher P
rofessional Education "Belgorod State National Research University"*

E-mail: Korneyeva@bsu.edu.ru / Afanasjeva@bsu.edu.ru

Ключевые слова: подросток, саморегуляция, адаптация, зависимое поведение, факторы алкогольной зависимости, личностные особенности

Keywords: adolescent, self-regulation, adaptation, addictive behavior, factors of alcohol dependence, personality characteristics (peculiarities).

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей саморегуляции у подростков с зависимым поведением. Анализируются характерные черты подросткового возраста. Дается краткий обзор подходов к исследованию факторов алкогольной зависимости. Показана роль саморегуляции в формировании алкогольной зависимости. Установлено, что употребление алкоголя подростками можно рассматривать в качестве неадекватного способа совладания со стрессом, обусловленным внутриличностными конфликтами. Представлены описания психотравмирующих ситуаций и их последствий. Обоснована необходимость изучения проблемы формирования алкогольной зависимости в подростковом возрасте. Полученные данные могут быть использованы в профилактических мероприятиях, при реализации принципов дифференцированного обучения, а также при проведении занятий по совершенствованию системы саморегуляции..

Abstract. The present article is devoted to the study of the peculiarities of self-regulation in adolescents with dependent behavior. The author analyzes the peculiarities of adolescence. A brief overview of the approaches to the study of alcohol dependence factors is given. The paper shows the role of self-regulation in formation of alcohol dependence. Alcohol intake in adolescence can be regarded as an inadequate way of coping with stress, caused by intrapersonal conflict. The descriptions of psychotraumatic situations and their consequences are presented. The necessity of study of the problems of alcohol dependence formation in adolescence is theoretically substantiated. The data received may be used in preventive measures, in implementation of differentiated education principals as well as in the conduction of the classes aimed on the improvement of self-regulation.

Введение

Психологические аспекты индивидуальных различий процессов саморегуляции изучаются в самых разных контекстах, что нередко порождает противоречивость представлений, касающихся структуры саморегуляции и самих индивидуальных различий. Анализ работ, посвященных исследованию индивидуальных различий в процессах саморегуляции, показывает, что раскрываются все новые и новые грани индивидуальных различий в саморегулировании. Исследуя особенности осознанной саморегуляции, мы вынуждены учитывать и закономерности саморегуляции, осуществляемой на уровнях, не всегда контролируемых сознанием (закономерности авторегуляции, свойственные функциональным системам, обеспечивающим жизнеспособность и поведение человека), и закономерности саморегулирования, ранее протекавшие под контролем сознания, а в настоящий момент не требующие пошагового сознательного контроля, и закономерности саморегулирования, «закрепившиеся» в личностных характеристиках человека.

Вместе с тем многое из проблематики саморегуляции еще нуждается в изучении, в частности, аспект индивидуальных различий и особенностей саморегуляции у подростков с зависимым поведением. Психологические исследования, данные медицинской статистики свидетельствуют о том, что в последние годы проблемы, связанные с употреблением психоактивных веществ подростками, приобретают угрожающий характер. Вопрос алкогольной зависимости в настоящее время является наиболее острым в силу широкой распространенности этого явления в обществе, а также в связи с масштабностью последствий для личности, для ее формирования и развития. Значительное внимание привлекают факторы риска, влияющие на склонность к формированию зависимого поведения. Причинами аномального, деструктивного развития, как правило, являются не-

способность ребенка к продуктивному выходу из ситуации затрудненности удовлетворения жизненно важных потребностей; несформированность и неэффективность способов психологической защиты подростка, позволяющих ему справляться с эмоциональным напряжением; наличие психотравмирующей ситуации, из которой подросток не находит конструктивного решения. Биопсихосоциальные процессы в подростковом возрасте обуславливают специфику психического развития этого периода. Именно на этот период приходится формирование системы мотивов, ценностных ориентаций, мировоззрения, определяющих представления человека о себе, о других людях, о мире. Как всякий критический этап онтогенеза, подростковый возраст отмечен особой чувствительностью к воздействию экзогенных и эндогенных факторов.

Нарушение эмоциональной саморегуляции в межличностных отношениях предопределяет состояние психоэмоционального напряжения, которое, не находя конструктивной поддержки, может находить выражение в саморазрушающем поведении. Состояние эмоционального напряжения снижает адаптационный потенциал личности и не предполагает поиска конструктивных форм реагирования в стрессовых ситуациях, то есть ослабляются навыки самоконтроля.

По нашему мнению, феноменология саморегуляции активности представляет интерес с точки зрения ее связи с путями психологической профилактики и коррекции зависимого поведения. Показано, что недостаточная сформированность саморегуляции активности является основной причиной трудностей социально-психологической адаптации. В нашем исследовании изучаются наиболее общие характеристики саморегуляции активности (поведения) у подростков с саморазрушающим поведением.

Саморегуляция психической активности понимается как системно организованный психический процесс по инициации, построению, поддержанию и управлению всеми видами и формами внешней и внутренней активности, которые направлены на достижение принимаемых субъектом целей [Осницкий, 2010]. Как гибкий, целостный и индивидуализированный механизм, саморегуляция обеспечивает процессуальную регуляцию деятельности, т.е. купирует ее внутренние трудности, расгласования психических составляющих, мобилизует психологические и личностные резервы. Представители интегрального (лично-деятельностного) подхода к этой проблеме рассматривают элементы процесса саморегуляции в одном ряду с личностными характеристиками, детерминирующими саморегуляцию как психологическое качество, т.е. при рассмотрении саморегуляции деятельности учитывают еще и личностные качества субъекта, способные сыграть определенную роль в результатах деятельности [Конопкин, Моросанова, 1989; Моросанова, 2006]. Уточняя терминологию, дифференцируют собственно личностную и деятельностную саморегуляцию [Абульханова-Славская, 1989; Моросанова, 2006].

Обращаясь к анализу системы саморегуляции, нетрудно заметить, что различные исходные позиции ученых приводят и к различиям в исследуемых ими особенностях системы саморегуляции деятельности человека. Более целостная, с нашей точки зрения, реализация принципов системности и принципов развития системы саморегуляции представлена преимущественно в работах О.А. Конопкиной [1989].

Психическая саморегуляция человека является высшим уровнем регулирования поведенческой активности биологических систем, отражающим качественную специфику реализующих ее средств отражения и моделирования субъектом внешней действительности, а также самого себя и своей деятельности [Осницкий, Корнеева, 2014; Корнеева, 2011; Корнеева, 2014].

Благодаря уникальным возможностям своей психики, человек может реализовываться как действительный субъект своей активности, которая характеризуется целенаправленностью, осознанностью, произвольностью, способностью меняться, приспосабливаться к условиям и преодолевать неблагоприятные условия, преобразовывать их.

Для подросткового возраста важным является процесс адаптации к новым условиям. А.А. Налчаджян критерием адаптации считает наличие у личности адекватных для социальной среды потребностей и мотивов. Он исследовал проблему адаптации на уровне личностных механизмов, обеспечивающих адаптацию личности к социальным проблемным ситуациям. Адаптация, как процесс, при благоприятном течении приводит личность к состоянию адаптированности. А.А. Налчаджян выдвинул предположение: в сложных проблемных ситуациях адаптивные процессы протекают с участием не отдельных изолированных механизмов, а их комплексов. По его мнению, адаптивные комплексы, актуализируясь и используясь в сходных социальных ситуациях, закрепляются в структуре личности и становятся подструктурами характера. Автор выделяет три разновидности адаптивных комплексов: незащитные адаптивные комплексы, используемые в проблемных ситуациях; защитные адаптивные комплексы, являющиеся устойчивыми сочетаниями защитных механизмов; смешанные комплексы, состоящие из защитных и незащитных адаптивных механизмов. По мнению А.А. Налчаджяна, состояние дезадаптации рассматривается как нарушение процесса адаптации, когда личность не в состоянии удовлетворительно идти навстречу тем требованиям и ожиданиям, которые предъявляет к ней социальная среда и социальная роль. Одним из признаков социально-психической дезадаптированности личности является переживание

ею длительных внутренних и внешних конфликтов без нахождения психических механизмов и форм поведения, необходимых для их разрешения [Налчаджян, 2010].

А.Н. Алёхин отмечает, что система смыслов и значений, формирующаяся в процессе жизненного опыта, детерминирующая поведение и переживания человека в конкретных ситуациях, и является средой существования человека, его действительностью. Именно в контексте этой системы разворачивается психическая адаптация, которая представляется процессом формирования, коррекции, трансформации опыта в процессе переживания. Из-за инертности и разной степени реактивности субъекта процесс адаптации связан с напряжениями (предельный случай которых достаточно полно описывается в физиологии концепцией стресса, а в психологии - понятиями фрустрации, кризиса, конфликта и т.п.). Это напряжение свидетельствует о деформациях индивидуального опыта под давлением складывающихся обстоятельств жизни (психотравмирующих ситуаций). Достоверным критерием психической адаптированности в психологическом аспекте является качество переживаний человека. Достаточно точной мерой здесь может служить степень удовлетворенности (самим собой, миром и людьми), которая отражает меру соответствия индивидуального опыта человека складывающимся ситуациям жизни. Процесс психической адаптации возможен лишь тогда, когда человеком отрефлексирован (осознан) опыт, детерминирующий его переживания - только при этом условии возможно формирование нового опыта. Невозможность адаптации к условиям жизни - или в силу особой их травматичности для человека, или из-за индивидуально-психологических особенностей человека - ведет к нарушениям функций организма на разных уровнях (психическом или соматическом), в таком случае можно говорить о дезадаптации и болезни [Алёхин, 2010].

А.А. Налчаджян определяет в качестве ведущих факторов, оказывающих влияние на адаптированность личности, «Я-концепцию» и ее подструктуры, в том числе ситуативные «Я-образы», которые являются комплексными мотивами и регуляторами поведения. Автор выдвигает предположение, что интегрированная и устойчивая «Я-концепция» является психологической основой, условием толерантности к фрустрации и свидетельствует о хорошей социальной адаптированности личности вне зависимости от того, какое социальное положение она занимает в данный момент [Налчаджян, 2010].

Важно отметить, что в подростковом возрасте еще не приобретены зрелые механизмы совладания со стрессовыми ситуациями и велик риск того, что наиболее простым способом совладания станет употребление алкоголя. Образ «Я» у подростков с аддиктивным поведением характеризуется противоречивостью. По сравнению со здоровыми социально адаптированными подростками у них отсутствуют или ослаблены мотивы к учебе и трудовой деятельности, ярко выражены установки на материальную зависимость от взрослых, недостаточна саморегуляция в профессиональном плане [Алёхин, Дубинина, Локтева, 2014].

В качестве предпосылок употребления алкоголя выступают сочетание факторов: семейное воспитание, взаимоотношения со сверстниками, индивидуально-личностные характеристики, условия социальной среды, физиологические изменения, сопровождающие подростковый возраст. Употребление алкоголя в подростковом возрасте, так или иначе, связано с трудностями адаптации. Нарушения психической адаптации в подростковом возрасте, предрасполагающие к систематическому употреблению алкоголя, связаны с формирующимися личностными особенностями подростков. Перспективным направлением дальнейших исследований для обеспечения эффективной психопрофилактики алкоголизма является анализ социальных факторов психогенеза алкоголизации у подростков [Локтева, 2013].

Сталкиваясь с психотравмой, подросток не обладает достаточным опытом анализа психотравмирующих ситуаций, в результате алкоголь используется для совладания со стрессом.

Цель исследования - определить психологические особенности процессов саморегуляции у подростков, склонных к зависимому поведению.

Объекты и методы исследования. В исследовании приняли участие 180 человек в возрасте от 14 до 17 лет. В 1 группу (контрольную) были включены подростки, которые не имели опыта употребления алкогольных напитков (90 человек). Подростки, имеющие опыт употребления спиртных напитков, употребляющие их не регулярно, ситуационно составили вторую группу (90 подростков). Важным критерием включения в эту группу было отсутствие признаков зависимости. Но в отношении данной формы употребления алкоголя существует риск перерасти в нозогенную форму - алкогольную зависимость. Основными методами исследования были: клинико-психологический (беседа, структурированное клинико-психологическое интервью), психодиагностический метод. Использовались следующие психодиагностические методики: методика оценки интеллекта - «Прогрессивные матрицы Равена»; методика для изучения реакций на фрустрацию С.Розенцвейга (стандартный вариант); методика диагностики умений и свойств саморегуляции деятельности «Саморегуляция» А.К. Осницкого; методика измерения уровня самоактуализации личности (САТ) Л.Я. Гозмана и М.В. Кроза.

Результаты и их обсуждение. На процесс употребления алкоголя подростками влияют как внешние условия, так и личностные особенности. С целью определения показателя интеллекта подростков, склонных к употреблению алкоголя, сформированности интеллектуальных функций проанализируем результаты по методике «Прогрессивные матрицы Равена». Уровень интеллектуального развития является важной детерминантой эффективной адаптации. Этот показатель ниже у алкоголизирующихся подростков ($p \leq 0.05$), что может свидетельствовать о сниженном адаптивном потенциале формирующейся личности, т.е. предопределять трудности освоения адекватных форм реагирования и поведения.

Специфические особенности поведенческих проявлений подростков отчетливо отражаются в личностных реакциях на фрустрирующие ситуации. Подростки, употребляющие алкоголь (2 группа), склонны высказывать негативные эмоции по поводу возникшей фрустрирующей ситуации, происходящих событий и причин, послуживших их возникновению. Во 2 группе преобладает экстрапунитивная реакция с фиксацией на самозащите (46.6%). Окружающие люди часто ими критикуются, поучаются, побуждаются к действиям. Для них характерно перекладывание собственной вины на другого человека, проявление агрессии в адрес окружающих. Таким подросткам свойствен поиск в другом человеке причин своих неудач, неприятностей. В какой форме будет проявляться обвинительная позиция, будет зависеть от общей воспитанности подростка. Это могут быть либо прямые проявления агрессии, либо осуждения другого человека. Подтверждение находим в результатах эмпирического исследования.

В 1 группе преобладает импунитивная реакция с фиксацией на препятствие (45.5%).

Подростки 1 и 2 групп не склонны выбирать такой тип реагирования, как интропунитивная реакция с фиксацией на препятствии. Следовательно, подросткам не свойственна пассивная позиция в ситуации стресса, поиск выгоды в тех неприятностях, неудачах, которые с ним произошли.

У подростков на донологических этапах алкоголизации (2 группа) в ситуации фрустрации потребностей характерна внешнеобвиняющая реакция с фиксацией на самозащите при повышенном уровне агрессивности. Они определяют данный тип как один из возможных в ситуации фрустрации, склонны перекладывать ответственность за разрешение конфликта на окружающих. Подтверждение находим в литературных источниках. Для подростков с аддиктивным поведением, наряду с остальными проявлениями, характерны такие личностные качества, как незрелость, «аффективная логика», лабильность, легкость фрустрации, снижение самооценки, тревожность, страх оценки, эгоцентризм, неуверенность, обвинение других, избегание проблем.

Для выявления у подростков (девушек и юношей) индивидуальных особенностей при самооценивании наличия или отсутствия регуляторных умений и характеристик саморегуляции в качестве базовой методики использовался опросник «Саморегуляция» А.К. Осницкого. Анализ представлений самого подростка о своей подготовленности к саморегуляции деятельности полезен для определения степени адаптационного потенциала личности подростка. Именно субъективные представления об особенностях саморегуляции, о своих возможностях служат опорой человеку в организации повседневного поведения (А.К. Осницкий).

По результатам проведенного обследования выявлено, что у испытуемых в группе подростков с саморазрушающим поведением и в группе нормы выявлен ряд значимых различий в самооценивании умений саморегуляции.

По показателю сформированности структурно-компонентных умений саморегуляции (СКУ) выявлены значимые различия ($p \leq 0.05$) между респондентами. Так, испытуемые контрольной группы значительно реже (14.4%) отмечали отсутствие у себя умений в сфере саморегуляции по сравнению с подростками 2 группы (25.5%) ($p \leq 0.05$). Можно предположить, что у подростков контрольной группы в большей степени развиты процессы целеполагания и удержания цели, анализа и моделирования условий, выбора средств и способов действий, а также оценка результатов и их коррекция (в случае необходимости).

Обнаружены значимые различия в результатах самооценивания функциональных особенностей саморегуляции (ФО). По данной шкале прослеживается та же динамика, то есть испытуемые в группе нормы демонстрируют более высокие показатели наличия функциональных особенностей саморегуляции 68.8%, по сравнению с подростками, склонными к алкоголизации (63.3%) ($p < 0.05$), а также демонстрируют значительно более низкие показатели при оценке отсутствия данных особенностей – 10% в 1 группе, 30 % во 2 группе ($p < 0.05$).

Тем самым подростки 1 группы, не употребляющие алкоголь, демонстрируют более высокие показатели обеспеченности регуляции в целом, упорядоченности, детализации, практической реализуемости намерений и оптимальности регуляции действий. Но наряду с этими данными подростки в группе нормы демонстрируют и более высокие показатели по шкале «Ошибки самооценивания», что говорит о неустойчивости при оценивании функциональных особенностей саморегуляции.

В показателях характеристик саморегуляции, определяющих динамику предпринимаемых действий (шкала ДО), обнаружены статистически значимые различия. Испытуемые в группе нор-

мы чаще (51.1%) отмечают у себя наличие осторожности, уверенности, пластичности, практичности и устойчивости в регуляции деятельности, чем алкоголизирующиеся подростки (42.2%).

Личностно-стилевые особенности саморегуляции (ЛСО) испытуемыми с разными показателями моторной пробы также оцениваются по-разному. Девиантные подростки чаще (63.3%) оценивали наличие личностно-стилевых особенностей, чем испытуемые в группе нормы (51.1%), отмечая при этом отсутствие таких стилиевых особенностей, как инициативность, осознанность, ответственность, автономность, податливость воспитанию. Следует отметить, что наименьшее число противоречивых оценок наблюдается у подростков 2 группы при оценке динамических особенностей саморегуляции.

Самоактуализационный тест (САТ) измеряет самоактуализацию как многомерную величину, регистрируя разные ее параметры. Для нас представляет интерес сопоставление значимых различий в показателях, полученных по следующим шкалам: гибкости поведения, сензитивности к себе, спонтанности, самоуважения, самопринятия, представления о природе человека, синергии, принятия агрессии, контактности, познавательных потребностей, креативности, ценностных ориентаций, компетентности во времени – с показателями функциональной асимметрии.

Анализ сопоставления перечисленных показателей испытуемых, склонных к саморазрушаемому поведению, и подростков группы нормы позволил выявить ряд особенностей. По дополнительным шкалам САТ различия получены по шкале спонтанности (способности спонтанно выражать свои чувства) ($p < 0.05$). Высокие баллы по этой шкале свидетельствуют о возможности другого, не рассчитанного заранее способа поведения. В группе подростков с алкогольным поведением показатель спонтанности заметно снижен по сравнению с контрольной группой. Подростки контрольной группы демонстрируют более высокие баллы по шкале креативности, характеризующей творческую направленность личности ($p < 0.05$). По шкале «Гибкость поведения», которая измеряет степень гибкости человека в реализации своих ценностей и его способность быстро реагировать на изменяющиеся аспекты ситуации, также получены статистически значимые различия ($p < 0.05$): в группе испытуемых-девиантов показатели по данной шкале ниже. Таким образом, можно предположить, что испытуемые, не склонные к девиантному саморазрушающему поведению, отличаются более высокой способностью быстро и одновременно правильно реагировать на изменяющиеся аспекты ситуации. Значимые различия получены и по показателю сензитивности ($p < 0.05$). Испытуемые в группе нормы в большей степени отдают себе отчет в своих потребностях и чувствах. По шкале самоуважения, измеряющей способность субъекта ценить свои достоинства, также были обнаружены статистически значимые различия ($p < 0.05$).

Таким образом, мы видим, что склонность к девиантации у подростков связана с формированием менее критичного отношения к себе и более высокой самооценки. Это подтверждается данными по шкале самопринятия. Так, у подростков 2 группы по этой шкале имеются достоверно значимые различия по сравнению с испытуемыми 1 группы ($p < 0.05$). Следовательно, степень принятия себя вне зависимости от оценки своих достоинств и недостатков у алкоголизирующихся подростков выше. В этих же группах обнаруживаются статистически значимые различия по показателям принятия агрессии ($p < 0.05$). Конечно, речь не идет об оправдании своего антисоциального поведения, но испытуемые с высокими баллами по этой шкале в большей степени способны принимать свое раздражение, гнев и агрессивность как естественное проявление человеческой природы и тем самым реже сдерживать свои проявления агрессии. При этом интересным представляется тот факт, что в выборке подростков, не склонных к саморазрушающему поведению, были зарегистрированы более высокие показатели по шкале контактности ($p < 0.05$), что говорит о способности субъекта с высокими показателями по данной шкале к быстрому установлению контактов с людьми, при этом глубина и продолжительность этих контактов может быть разнообразной.

Заключение. По результатам исследования можно обозначить следующие клинико-психологические детерминанты алкоголизации в подростковом возрасте: снижение показателя интеллекта, который выступает неспецифическим фактором адаптации, низкая устойчивость к эмоциональным нагрузкам, импульсивность поведения, внешнеобвиняющая реакция в ситуации фрустрации с фиксацией на самозащите при повышенном уровне агрессивности, доминирование негативных эмоций в психическом статусе подростков. Недостаточная интегрированность в социуме, трудности социально-психологической адаптации, низкая устойчивость к эмоциональным нагрузкам, повышенная тревожность, импульсивность способствуют развитию алкоголизации.

Необходимым условием успешности профилактических мероприятий является способность к самостоятельной организации деятельности и управлению ею. Современная модель профилактики алкогольной зависимости должна строиться на понимании того факта, что подрастающее поколение не приспособлено к современным условиям постоянно меняющейся стрессогенной социальной действительности; взрослые, не имея определенных знаний и навыков, не в состоянии обучить детей тем поведенческим моделям, которые понадобятся в жизни. Феноменология

саморегуляции активности представляет интерес с точки зрения ее связи с путями психологической профилактики и коррекции саморазрушающего поведения. На современном этапе развития социальных институтов важнейшей задачей в процессе психопрофилактики саморазрушающего поведения является развитие социального партнерства. Формирование семьей, школой, культурно-общественными объединениями социально-поддерживающей системы обеспечит эффективность формирования культуры психологического здоровья подростков.

В настоящее время профилактика зависимости от ПАВ уже не ограничивается лишь малоэффективными попытками информирования о психоактивных веществах и их последствиях, а имеет четко сформулированные цели, задачи и стратегии действий и является системой научных знаний. Важнейшей задачей психопрофилактики является не трансляция знаний об опасности и вреде употребления алкоголя, а воспитание субъектности, способности брать на себя ответственность, делать осознанный выбор, что подготовит подростков к самостоятельной и активной жизни в социуме. Современная превентивная работа должна проводиться одновременно во всех видах коллективов, среди которых важнейшими являются: семья, школа, культурно-общественные объединения. Только формирование социально-поддерживающей системы при условии сопровождения процессов адаптации подростка к новым физиологическим, социальным, личностным и когнитивным преобразованиям обеспечит эффективность профилактической деятельности. Профилактика зависимого поведения должна осуществляться комплексно, важную роль занимают такие социальные институты, как: семья, система образования, культурно-общественные объединения. Социальное партнерство в сфере профилактики деструктивного поведения должно решать следующие задачи: формирование нравственности, психологической культуры личности; развитие навыков самостоятельного решения проблем, поиска и восприятия социальной поддержки, устойчивости к давлению сверстников; умение контролировать свое поведение; формирование сбалансированного с точки зрения когнитивного, поведенческого и эмоционального компонентов копинг-поведения; смещение акцента на мотивацию достижения успеха в процессе преодоления стресса и психосоциальных проблем; формирование готовности к активному совладанию, а при необходимости и противостоянию среде. Профилактические мероприятия должны носить превентивный характер. Важным шагом в этом направлении, который доступен уже и школьному психологу, социальному педагогу является формирование группы динамического наблюдения, в которую должны включаться подростки с признаками затяжных нарушений настроения дисфорической модальности. Такие нарушения настроения, как правило, свидетельствуют о внутриличностных конфликтах, порождаемых множеством травмирующих ситуаций, которые переживает подросток на этапе формирования «Я» концепции и систематизации нового опыта, обусловленного свойственными для этого периода физиологическими, психологическими, социальными изменениями.

Литература

1. Абульханова-Славская К.А. 1989. Активность и сознание личности как субъекта деятельности. В кн.: Психология личности в социальном обществе: активность и развитие личности. М., Наука: 110–134.
2. Алёхин А.Н. 2010. Адаптация как концепт в медико-психологическом исследовании. В сб.: Юбилейный сборник научных трудов (к 10-летию кафедры клинической психологии РГПУ им. А.И. Герцена). СПб.: Стратегия будущего: 27–32.
3. Алёхин А.Н., Дубинина Е.А., Локтева А.В. 2014. Образ родителей у подростков, склонных к алкоголизации. Тюменский медицинский журнал, 1: 28–30.
4. Конопкин О.А., Моросанова В.И. 1989. Стилиевые особенности саморегуляции деятельности. Вопросы психологии, 5: 18–26.
5. Корнеева С.А. 2011. Особенности саморегуляции у студентов с разными профилями латеральной организации.: автореф. дис. ... канд. психол. наук Дис. совет Д 212.198.10 при Российском государственном гуманитарном университете. М., 24.
6. Корнеева С.А. 2014. Индивидуальные различия процессов саморегуляции у студентов вуза. Аспирант, 2: 39–42.
7. Локтева А.В. 2013. Алкоголизация при нарушениях психической адаптации в подростковом возрасте. Известия Российского государственного Педагогического университета им. А. И. Герцена, 161: 285–290.
8. Локтева А.В. 2013. Клинико-психологические детерминанты алкоголизации в подростковом возрасте.: автореф. дис. ... канд. психол. наук Дис. Совет Д 212.199.25 при Российском государственном педагогическом университете имени А. И. Герцена., С-Пб., 24.
9. Моросанова В.И. 2006. Личностные и когнитивные аспекты саморегуляции деятельности человека. М., Психологический институт РАО, 320 с.
10. Налчаджян А.А. 2010. Психологическая адаптация. Механизмы и стратегии. М., Эксмо, 368 с.
11. Осницкий А.К. 2010. Психологические механизмы самостоятельности. Обнинск, СОЦИН, 232 с.
12. Осницкий А.К., Корнеева С.А. 2014. Новые аспекты исследования осознанной саморегуляции и функциональной асимметрии мозга. Психология обучения, 9: 34–41.

УДК 159.922.6

**ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТОЛЕРАНТНОЙ ЛИЧНОСТИ В СФЕРЕ
МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ: АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ РАЗВИТИЯ
ЦЕННОСТНОЙ СФЕРЫ И СОЦИАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА
EMPIRICAL RESEARCH OF TOLERANT PERSONALITY IN THE SPHERE OF
INTERNATIONAL RELATIONS: AN ANALYSIS OF AXIOLOGICAL AND SOCIAL
INTELLIGENCE DEVELOPMENT PECULIARITIES**

**Л.Д. Король
L.D. Korol**

*Кафедра международной языковой коммуникации, Национальный университет «Острожская академия»
Ул. Семинарская, 2, г. Острог, Ровенская обл., Украина, 35800*

*Department of Intercultural Communication, National University of Ostroh Academy,
2 Seminarska Street, Ostroh, Rivne Region, 35800, Ukraine*

Email: lilia.korol@oa.edu.ua

Ключевые слова: ценностная сфера, ценности, социальный интеллект, профиль толерантной/интолерантной личности, межнациональная толерантность.

Key words: axiological sphere, values, social intelligence, tolerant/intolerant personality profile, international tolerance.

Аннотация. Статья посвящена эмпирическому исследованию психологического профиля толерантной личности в сфере межнациональных отношений. В работе представлены результаты анализа развития ценностной сферы и социального интеллекта у разных возрастных групп студенческой молодежи с высоким и низким уровнем межнациональной толерантности. В результате исследования были выявлены статистически значимые различия между диагностированными индексами личностного профиля толерантных и интолерантных студентов в сфере межнациональных отношений. Зафиксировано также возрастную динамику в особенностях развития ценностной сферы и интеллекта у респондентов с высоким и низким уровнями межнациональной толерантности.

Abstract. The article is devoted to empirical analysis of psychological profile of a tolerant personality in the sphere of international relations. The article presents the analysis results of axiological sphere and social intelligence among various age groups of student youth with a high and low levels of international tolerance. The results of the research demonstrated statistically significant differences between diagnosed indices of a personal profile of tolerant and intolerant students in the sphere of international relations. The study also showed age dynamics related to axiological sphere and social intelligence development peculiarities among the respondents with a high and low levels of international tolerance.

Введение

Современные глобализационные и интеграционные процессы стали неотъемлемыми реалиями нашего времени и, тем самым, влияют на все сферы жизнедеятельности каждой из наций. Следствием отмеченных тенденций является превращение стран в мультикультурные и мультилингвальные общества, гармоническое развитие которых, прежде всего, возможно в условиях равноправия и равноценности культур, понимания и уважения индивидуальных проявлений самобытности человека как представителя определенной национальности. Психология толерантности, основываясь на идеях принятия и признания неповторимости каждой личности, должна стать краеугольным камнем трансформации современного мирового сообщества, что послужит предпосылкой успешного взаимодействия и коммуникации между членами разнообразных национально-культурных сообществ.

Актуальность исследования предопределена обострением внимания общественности к вопросам сохранения глобального мира, борьбы с проявлением интолерантности, ксенофобии и дискриминации в межнациональной сфере, а также разработки новых технологий гармонизации отношений между поликультурными общностями как интегральными составляющими глобального социума.

Психологические основы изучения толерантности, в частности ее виды, функции, механизмы и особенности формирования, предложены в трудах А. Г. Асмолова, Г. Л. Бардиер, Н. Ч. Бедаловой, Н. В. Бондаренко, С. К. Бондыревой, С. Л. Братченка, В. А. Васютинского, И. Б. Гриншпуна, Л. М. Дробилевой, Ю. П. Зинченка, Н. Г. Капустиной, Л. М. Карамушки, В. Г. Крысько, Ю. В. Кузнецовой, Н. М. Лебедевой, Ф. М. Малхозовой, Н. В. Мольденгауер, Г. Олпорта, В. А. Паниной, В. Ф. Петренка, Г. У. Солдатовой, Л. А. Шайгеровой, Е. И. Шлягиной и др.

Невзирая на значительное количество трудов в контексте предложенной проблематики стоит заметить, что недостаточным является эмпирическое исследование вопроса межнациональной толерантности, особенно в контексте изучения ценностной сферы и социального интеллекта современной студенческой молодежи, что, по нашему мнению, даст возможность уточнить психологическое содержание структурных составляющих этого понятия и предложить психолого-педагогические технологии его формирования в учащихся.

В контексте предложенного исследования мы будем понимать *межнациональную толерантность* как динамическое интегративное личностное образование, которое проявляется в уважительном отношении к представителям других национальностей; признании ценностного равенства других национальных сообществ; позитивном восприятии, уважении и принятии другого образа жизни, инокультурных обычаев, традиций, мыслей, идей, верований, убеждений и т. д.; готовности к взаимодействию и сотрудничеству на основе взаимопонимания и конструктивного диалога, национально-культурного взаимообогащения.

Важным нам также представляется учет концептуальных положений экзистенциально-гуманистического подхода, который предусматривает выделение личностного компонента в структуре межнациональной толерантности. С точки зрения С.Л. Братченка, основное содержание личностного измерения толерантности включает, прежде всего, соответствующую ценностно-смысловую систему, центральным элементом которой являются ценности уважения человека как такого, ценности прав и свобод человека и равноправия людей относительно ключевых вопросов, выбора миропонимания и жизненной позиции, ценность ответственности за собственную жизнь и признание такой за каждым человеком и другие ценности демократического гражданского общества [Братченко, 2003].

Одним из факторов успешного взаимодействия человека с «другим» в контексте межличностных и межнациональных отношений является социальный интеллект (Н. А. Аминов, Г. П. Геранюшкина, Ю. Н. Емельянов, Н. А. Кудрявцева, В. Н. Куницына, М. А. Лукичова, Е. С. Михайлова и др.). По мнению Д. В. Ушакова, социальный интеллект может функционировать как личностная черта, определяющая характер эффективного социального взаимодействия [Ушаков, 2004].

Социальный интеллект понимается как интегральное интеллектуальное свойство, определяющее успешность общения и социальной адаптации, которая объединяет и регулирует познавательные процессы, связанные с отражением социальных объектов (человека как партнера по общению или группы людей). Процессами, влияющими на формирование социального интеллекта, является социальная чувственность, социальная перцепция, социальная память и социальное мышление. Социальный интеллект обеспечивает понимание действий и поступков, речи, а также невербального поведения людей. Он выполняет функцию когнитивной составляющей коммуникативных способностей личности.

Мы предположили, что существуют различия в особенностях развития ценностной сферы и социального интеллекта между профилем толерантной и интолерантной личности в сфере межнациональных отношений. Иными словами, можно ожидать, что показатели ценностей и социального интеллекта у студентов с разным уровнем межнациональной толерантности будут отличаться статистически достоверно.

Методика и процедура исследования. Контингент исследуемых составила студенческая молодежь 1-го, 3-го и 5-го курсов Национального университета «Острожская академия» (г. Острог, Украина), Восточноевропейского национального университета им. Леси Украинки (г. Луцк, Украина) и Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина (г. Харьков, Украина). Общий объем выборки – 180 респондентов (80 мужчин, 100 женщин) в возрасте от 17 до 24 лет (средний возраст – 21, 5 года). Репрезентативность выборки обеспечивалась методом квот. Исследование проводилось в 2011-2012 гг.

С целью анализа межнациональной толерантности у представителей украинской молодежи была применена шкала социальной дистанции Э. Богардуса (интерпретация Л. Г. Почебут), которая позволяет диагностировать дистанции, связанные с национальной принадлежностью [Почебут, 2007]. Шкала социальной дистанции является порядковой шкалой с семью градациями социальной установки. В нашем исследовании респондентам предлагалось такое задание: Для каждой национальности из предложенного списка укажите единственное верное для Вас утверждение, которое может быть ответом на следующий вопрос: *В какой мере Вам приемлемы представители этой национальности?* В качестве градаций шкалы социальной дистанции в нашем случае выступили такие утверждения: 1) допустил бы как членов семьи; 2) допустил бы как близких друзей; 3) допустил бы как соседей; 4) допустил бы как одноклассников; 5) допустил бы как жителей Украины; 6) допустил бы как посетителей Украины; 7) не допустил бы в Украину. Таким образом, при диапазоне шкалы от 1 до 7 баллов: 1 балл означает максимальную толерантность (наименьшая дистанция), а 7 баллов – крайнюю интолерантность (большая социальная дистанция).

На основе интерпретации, предложенной Л. Г. Почебут, были выделены три группы респондентов: с высоким (если социальная приемлемость (СПр) позитивная и больше 50 процентов), средним (если СПр позитивная, однако меньше 50 процентов) и низким (если СПр негативная и меньше 50 процентов) уровнем межнациональной толерантности [Почебут, 2007].

С целью изучения ценностей молодежи была использована методика Шварца [Карандашев, 2004], которая дает возможность исследовать уровень нормативных идеалов («идеальные» ценности) и уровень индивидуальных приоритетов (ценности, которые проявляются в повседневном реальном поведении). В первой части опросника студентам предлагались два списка ценностей, которые стоило оценить, используя шкалу от -1 до 7 (чем выше является номер, тем важнее является избранная ценность). Во второй части – респонденты ранжировали предложенные характеристики людей за следующими параметрами: очень похожий на меня (4 балла), похожий на меня (3 балла), похожий в определенной мере (2 балла), немного похожий на меня (1 балл), не похожий на меня (0 баллов), вовсе не похожий на меня (-1 балл).

С целью диагностики социального интеллекта у представителей студенческой молодежи была использована методика исследования социального интеллекта Дж. Гилфорда [Михайлова, 1996], которая состоит из четырех субтестов: субтест № 1 – «Истории с завершением», субтест № 2 – «Группы экспрессии», субтест № 3 – «Вербальная экспрессия», субтест № 4 – «Истории с дополнением». Три субтеста основаны на невербальном стимульном материале и один – на вербальном. Субтесты позволяют диагностировать четыре способности в структуре социального интеллекта: познание классов, систем, преобразований и результатов поведения. Два субтеста в своей факторной структуре имеют также второстепенные нагрузки, касающиеся способностей понимать элементы и отношения поведения. Стимульный материал состоит из набора из четырех тестовых тетрадей, каждый субтест содержит от 12 до 15 заданий. Время выполнения предложенных заданий ограничено.

Обработка результатов исследования позволила получить баллы по каждому из предложенных субтестов, а также общий балл сформированного уровня социального интеллекта личности. Интерпретация полученных стандартных баллов следующая: 1 балл – низкие способности познания поведения, 2 балла – способности познания поведения ниже среднего, 3 балла – средние способности познания поведения, 4 балла – способности познания поведения выше среднего, 5 баллов – высокие способности познания поведения.

Значимые психологические отличия были выявлены между группами с низким и высоким уровнем межнациональной толерантности, поэтому для проведения дальнейшего исследования был отобран такой контингент исследуемых: 22 респондента 1-го курса, среди которых 10 студентов имело высокий и 12 студентов низкий уровень межнациональной толерантности; 20 респондентов 3-го курса, среди которых 10 с высоким и 10 с низким уровнем межнациональной толерантности; 17 респондентов 5-го курса, среди которых 8 респондентов имело высокий и 12 низкий уровни межнациональной толерантности. Полученные данные обрабатывались с помощью методов математической статистики с использованием компьютерной программы SPSS Statistics 20.

Результаты и их обсуждение

Анализ ценностей толерантных и интолерантных студентов в сфере межнациональных отношений разных курсов обучения дал возможность выявить некоторые возрастные особенности.

У первокурсников с высоким уровнем межнациональной толерантности на уровне нормативных идеалов приоритетными являются ценности (прим. автора: в скобках представлены среднегрупповые значения полученных результатов) универсализма (33,4), доброты (26,1), самостоятельности (23,3) и безопасности (23,2). Менее важными студенты определили конформность (19,4), традиции (19,3) и достижения (19). И на последнем месте разместились ценности власти (15,3), гедонизма (12,5) и стимуляции (11,5). На уровне индивидуальных приоритетов респонденты выбрали такие значимые ценности: универсализм (13,7), безопасность (12,3), достижения (10,9) и доброту (10,6). На втором месте среди индивидуальных приоритетов студенты отметили ценности самостоятельности (9,1), стимуляции (8,1) и конформизма (8). Наименее приоритетными оказались ценности традиций (7,4), гедонизма (5,2) и власти (4,3).

Группа с низким уровнем межнациональной толерантности на уровне нормативных идеалов важнейшими ценностями назвала универсализм (34,3), безопасность (20,3) и самостоятельность (20,2). На втором месте студенты с низкой толерантностью разместили ценности доброты (19,3), конформизма (18,4), достижений (17,3) и традиций (16,2). И наименее значимыми были названы следующие ценности: власть (12,6), гедонизм (11,1) и стимуляция (9,4). На уровне индивидуальных приоритетов было выявлено, что наиболее приоритетными ценностями в группе с низким уровнем межнациональной толерантности являются безопасность (11,2), универсализм (10,8) и достижения (8,3). Менее важными были названы ценности конформизма (7,6), доброты

(7,5) и самостоятельности (7,3), и на последнем месте разместились такие ценности, как стимуляция (6), традиции (5,8), власть (4,5) и гедонизм (4,3).

Анализ ценностей респондентов третьего курса продемонстрировал следующую картину результатов. В группе с высоким уровнем межнациональной толерантности на уровне нормативных идеалов приоритетными оказались ценности универсализма (34,9), самостоятельности (26,3), доброты (25,1) и безопасности (23,9). Менее важными студентами третьего года обучения назвали традиции (18), достижения (18) и конформность (17,4). И наименьшего значения исследуемые придают власти (13,4), стимуляции (13,4) и гедонизму (12,6). На уровне индивидуальных приоритетов констатируется, что студенты третьего курса наиболее приоритетными считают ценности универсализма (13,4), самостоятельности (10,1) и безопасности (10,6). На втором месте респонденты разместили ценности доброты (9,8), достижения (9,5) и стимуляции (8,3), и на последнем – традиций (6,6), конформности (6,1), гедонизма (6), и власти (2,9).

На уровне нормативных идеалов группа с низким уровнем межнациональной толерантности определила приоритетными ценности универсализма (26,1), самостоятельности (22,4), безопасности (21,2) и доброты (20,8). Менее важными респонденты назвали достижения (19,2), конформность (18,1), власть (15,9), а наименее значимыми оказались в этой группе ценности традиций (14), гедонизма (10,9) и стимуляции (9,4). На уровне индивидуальных приоритетов студенты с низкой межнациональной толерантностью приоритетными считают такие ценности: достижение (11,9), безопасность (10,8) и универсализм (9,9). Вторыми по значимости были избраны ценности доброты (9,4), конформности (9,1) и самостоятельности (8,6). Наименее важными третьекурсники с низкой межнациональной толерантностью назвали традиции (7,3), стимуляцию (6,2) и гедонизм (5,3).

Рассмотрение ценностей студентов старшего курса позволило прийти к следующим выводам:

1. В группе с высокими индексами межнациональной толерантности приоритетными на уровне нормативных идеалов студенты считают ценности универсализма (32,1), самостоятельности (23,8), безопасности (22,6) и доброты (21,5); менее важными – конформности (18,1), традиций (15,8) и достижений (15,1), и наименьшего значения они придают ценностям гедонизма (13,3), стимуляции (10,6) и власти (10,4). На уровне индивидуальных приоритетов значимыми респонденты определили универсализм (15), доброту (12) и самостоятельность (9,9), меньше значимыми они считают конформность (9,3), безопасность (9,3), достижения (7,3) и стимуляцию (7), и наименее приоритетными ценностями были названы гедонизм (6,9), традиции (5,6), власть (4,1).

2. В группе с низкими индексами межнациональной толерантности на уровне нормативных идеалов студенты отметили такие приоритетные ценности: универсализм (23,3), самостоятельность (21,8) и безопасность (21,3), на втором месте они разместили ценности достижений (18,6), доброты (18,1), конформности (14) и традиций (13,8), наименее важными были названы гедонизм (12,2), власть (11,6) и стимуляция (9,4). На уровне индивидуальных приоритетов большую значимость получили ценности безопасности (15,8), универсализма (14,9), доброты (13,8) и достижений (13,7). Менее важными респонденты назвали самостоятельность (13,4), конформность (12,4) и традиции (10,8), и наименее важными – гедонизм (9,3), стимуляцию (9,1) и власть (5,3).

Сравнительный анализ респондентов с высоким уровнем межнациональной толерантности на первом, третьем и пятом курсах (см. рис. 1) показал, что на уровне нормативных идеалов приоритетными являются ценности понимания, терпимости, защиты благополучия других, доброжелательности, позитивного взаимодействия, процветания группы, автономности и независимости, своей безопасности и других людей, гармонии, стабильности общества, социального порядка, национальной безопасности, взаимопомощи, чувства принадлежности и здоровья.

На уровне индивидуальных приоритетов респонденты разных возрастных групп продемонстрировали несколько отличные тенденции, в частности первокурсники с высоким уровнем межнациональной толерантности выбрали такие значимые ценности: универсализм, безопасность, достижения и доброту; третьекурсники – универсализм, безопасность и самостоятельность; студенты пятого курса – универсализм, доброту и самостоятельность. Таким образом, исследуемые третьего и пятого годов обучения с высоким уровнем межнациональной толерантности, в отличие от первокурсников, придают большее значение ценности «самостоятельность», предусматривающей автономность мышления и выбора способов действий. Этот факт можно объяснить тем, что студенты первого курса еще не считают себя взрослыми независимыми личностями, испытывают определенную зависимость от родителей, находятся на этапе взросления, поэтому автономность не всегда является приоритетной в их поведении. В то же время ценность достижений рассматривается как один из важнейших приоритетов только среди первокурсников.

Стоит также заметить, что ценность безопасности, связанная с социальным порядком, национальной безопасностью, безопасностью семьи, чувством принадлежности, здоровьем, не является важнейшим индивидуальным приоритетом респондентов пятого года обучения, что, в свою очередь, может быть объяснено общими низкими показателями межнациональной толерантности

у респондентов этого курса по сравнению с младшими курсами. В то же время, студенты третьего года обучения не считают ценность доброты, которая связана с положительным взаимодействием, аффилиацией и сохранением благополучия группы, индивидуальным приоритетом высокой значимости. Это может быть аргументировано тем фактом, что третий курс является своеобразным переломным этапом обучения и становления личности молодого человека, который, как правило, пытается сосредоточиться на индивидуальных, а не социальных потребностях и приоритетах.

Рис 1. Сравнительный анализ ценностей респондентов с высоким уровнем межнациональной толерантности 1-го, 3-го и 5 курсов

С целью исследования статистически значимых различий между показателями ценностей в группах с высоким и низким уровнем межнациональной толерантности был использован t-критерий Стьюдента, вычисления которого позволило выявить различия между диагностированными ценностями среди студентов разных лет обучения. Так, на первом курсе на уровне нормативных идеалов значимы являются различия между ценностями доброты ($t = 2,7, p \leq 0,05$), традиций ($t = 2,5, p \leq 0,05$), на уровне индивидуальных приоритетов – доброты ($t = 2,5, p \leq 0,05$) и достижений ($t = 2,3, p \leq 0,05$). У студентов третьего года обучения зафиксировано различия на уровне нормативных идеалов среди таких ценностей: традиции ($t = 2,3, p \leq 0,05$), доброта ($t = 3,2, p \leq 0,01$), универсализм ($t = 3,1, p \leq 0,01$). На пятом году обучения были выявлены значимые статистические различия на уровне нормативных идеалов между показателями ценностей конформности ($t = 3,9, p \leq 0,01$), универсализма ($t = 4,2, p \leq 0,01$) и достижений ($t = 3,1, p \leq 0,01$).

Интерпретация ценности доброты позволяет утверждать, что студенты первого и третьего курсов с высоким уровнем межнациональной толерантности, в отличие от интолерантных, испытывают большую потребность в положительном взаимодействии, аффилиации и обеспечении процветания группы, сохранении благополучия людей, с которыми они непосредственно взаимодействуют и контактируют. Содержательное наполнение ценности традиций означает, что респонденты младших лет обучения, которые характеризуются высокой межнациональной толерантностью, придают большее значение уважению традиций, принятию идей и обычаев, существующих в их культуре. Относительно категории «достижения» следует заметить, что, в отличие от группы с низкой межнациональной толерантностью, толерантные респонденты первого курса больше ценят личный успех через проявление социальной компетентности в условиях доминирующих культурных стандартов. В то же время указанная тенденция имеет реверсивную природу на пятом курсе, поскольку именно группе интолерантных студентов присущи описанные характеристики, которые, по нашему мнению, объясняется переменной приоритетов старших курсов – от личного успеха к общественному благосостоянию. Именно этот факт подтверждает высшую приоритетность ценности универсализма толерантных пятикурсников, которая предполагает понимание, терпимость, защиту благополучия других и природы, а также ценности конформности – сдерживание и предупреждение действий, которые могут нанести вред другим, имеют негативные социальные последствия.

В контексте изучения личностного компонента межнациональной толерантности интересно также, по нашему мнению, исследование взаимосвязи социального интеллекта студенческой молодежи с толерантными установками в сфере межнациональных отношений (см. табл. 1).

Таблица 1

Показатели социального интеллекта у студентов 1-го, 3-го и 5-го курсов обучения с разным уровнем межнациональной толерантности

	I курс			III курс			V курс		
	Тол.	Интол.	t-кр.	Тол.	Интол.	t-кр.	Тол.	Интол.	t-кр.
C1	2,9	2,4	2	3,2	2,9	2,5*	3,5	3,1	2,3*
C2	4,6	3,3	3,7**	4,8	4,6	1,1	4,9	4,7	2,6*
C3	2,9	2,4	1,8	3,3	2,8	2,9**	3,6	3,1	2,3*
C4	2	1,7	1,4	2	1,6	1,9	2,6	2,1	2,7**
ΣC	1,4	1,2	2	2	1,6	3,5**	2,6	1,9	4,2**

Примечание: 1. ** - корреляция значима на уровне 0,01; 2. * - корреляция значима на уровне 0,05.

Как видно из таблицы 1, средние значения субтестов, а также общий композиционный балл социального интеллекта у студентов с высоким уровнем межнациональной толерантности выше, чем у респондентов с низким уровнем. Указанная тенденция характерна для студенческой молодежи всех лет обучения. Стоит также отметить, что показатели социального интеллекта растут от первого до пятого лет обучения в группах толерантных и интолерантных студентов.

Для выяснения значимых статистических различий между диагностированными показателями использовался параметрический t-критерий Стьюдента, который позволил проанализировать различия между толерантными и интолерантными студентами в сфере межнациональных отношений разных лет обучения. Так, на первом курсе значимыми являются различия между респондентами с высоким и низким уровнем межнациональной толерантности по субтесту № 2. Полученные данные указывают на то, что толерантные студенты, в отличие от интолерантных, способны правильнее оценивать состояния, чувства и намерения людей по их невербальным проявлениям, мимике и жестам. Они придают большее значение невербальным реакциям участников коммуникации, что усиливает способность понимать других.

На третьем году обучения были зафиксированы статистически значимые различия в показателях субтестов № 1 и № 3, а также композиционном показателе социального интеллекта. Интерпретация полученных баллов по субтесту № 1 свидетельствует о том, что студенты третьего года обучения с высоким уровнем межнациональной толерантности, в отличие от интолерантных однокурсников, характеризуются умением лучше предвидеть последствия поведения личности путем анализа реальных ситуаций общения, понимания чувств и мыслей, а также намерений участников коммуникации. Им свойственно более развитое умение выстраивать собственную стратегию поведения для достижения поставленных целей, а также лучшее умение ориентироваться в невербальных реакциях участников взаимодействия и знание ролевых моделей и правил, регулирующих поведение людей. Значение субтеста № 3 указывают на то, что группа толерантных респондентов обладает более высокой чувствительностью характера и оттенков человеческих взаимоотношений, что помогает правильно понимать речевую экспрессию в определенной ситуации конкретных взаимоотношений. Кроме того, они способны выбрать соответствующий тон общения с различными собеседниками в разных ситуациях и обладают большим репертуаром ролевого поведения.

Относительно показателя суммарного балла социального интеллекта, стоит заметить, что представители молодежи с высоким уровнем межнациональной толерантности, в отличие от интолерантных коллег, способны получить больше информации относительно поведения личности, лучше понимают язык невербального общения, выражают более правильные суждения о людях, успешнее прогнозируют их реакции в определенных обстоятельствах. У них более выражены такие характеристики как контактность, открытость, тактичность, доброжелательность, сердечность, тенденция, а также психологическая близость в общении.

Между группами респондентов с высоким и низким уровнем межнациональной толерантности последнего года обучения было зафиксировано значимые статистические различия по всем показателям субтестов и композиционного балла социального интеллекта (см. рис. 2). Кроме характеристик, присущих толерантным студентам младших курсов, которые были описаны выше, студенты пятого курса с высоким уровнем межнациональной толерантности способны также лучше распознавать структуру межличностных ситуаций в динамике, глубже анализировать сложные ситуации взаимодействия, лучше понимать логику их развития и предсказывать поведение людей.

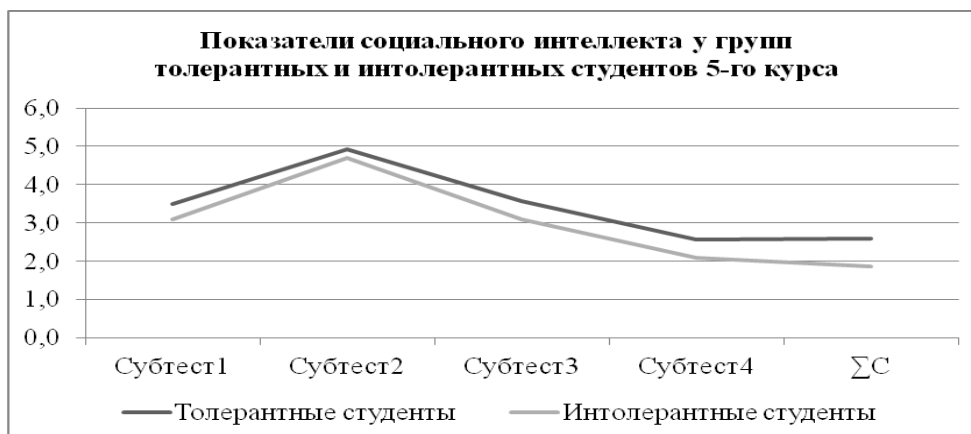

Рис. 2. Расхождение в показателях социального интеллекта между группами 5-го курса с высоким и низким уровнем межнациональной толерантности

Как видно на рис. 2, у студентов пятого курса в обеих группах доминантными в профиле социального интеллекта являются показатели субтеста № 2 и № 3, однако их значения в группе с высоким уровнем межнациональной толерантности несколько выше, что указывает на тот факт, что толерантным студентам в большей степени свойственна контактность, стремление проявлять теплоту и дружелюбие в общении, развитая эмпатия и социально-перцептивные свойства.

Заключение

Анализ ценностной сферы и социального интеллекта в контексте психологического профиля толерантной личности в сфере межнациональных отношений показал, что существуют статистически значимые различия между показателями ценностей на уровне нормативных идеалов и индивидуальных приоритетов, а также индексам социального интеллекта у респондентов с высоким и низким уровнями исследуемого феномена. В то же время, проведенное эмпирическое исследование позволило выявить возрастную динамику в особенностях развития ценностной сферы и социального интеллекта у толерантной и интолерантными молодежи в сфере межнациональных отношений.

Изучение ценностной сфере молодежи с высоким уровнем межнациональной толерантности показало, что на уровне нормативных идеалов приоритетными являются ценности понимания, терпимости, защиты благополучия других, доброжелательности, позитивного взаимодействия, процветания группы, автономность и независимость, безопасность себя и других людей, гармония, стабильность общества, социальный порядок, национальная безопасность, взаимопомощь, чувство принадлежности, здоровья и т.д. На уровне индивидуальных приоритетов респонденты разных возрастных групп продемонстрировали следующие тенденции: первокурсники с высоким уровнем межнациональной толерантности приоритетным считают ценности универсализма, безопасности, достижений и доброты; третьекурсники – универсализма, безопасности и самостоятельности; студенты пятого курса – универсализма, доброты и самостоятельности.

Изучение возрастных различий в развитии социального интеллекта в группах с разным уровнем межнациональной толерантности показал, что толерантные студенты первого курса, в отличие от интолерантных, способны правильнее оценивать состояния, чувства и намерения людей по их невербальными проявлениями, мимике и жестам, придают большее значение невербальным реакциям участников коммуникации, что усиливает способность понимать других. Толерантные респонденты третьего курса характеризуются умением лучше предвидеть последствия поведения личности путем анализа реальных ситуаций общения, понимание чувств и мыслей, а также намерений участников коммуникации. Им присуще более развитое умение ориентироваться в невербальных реакциях участников взаимодействия и лучшее знание ролевых моделей и правил, регулирующих поведение людей. Более того, они обладают более высокой чувственностью характера и оттенков человеческих взаимоотношений, что помогает правильно понимать речевую экспрессию в плоскости определенной ситуации конкретных взаимоотношений. Кроме характеристик, присущих толерантным студентам младших курсов, студенты пятого курса с высоким уровнем межнациональной толерантности также способны лучше распознавать структуру межличностных ситуаций в динамике, анализировать сложные ситуации взаимодействия, понимать логику их развития и предсказывать поведение людей.

Стоит отметить, что представленное эмпирическое исследование не претендует на исчерпаемость в раскрытии представленной проблемы, а скорее является одним из аспектов изучения комплексного феномена межнациональной толерантности.

Литература

1. Братченко С.Л. Психологические основания исследования толерантности в образовании // Педагогика развития: ключевые компетентности и их становление: мат. 9-й науч-практ. конференции Красноярск : Краснояр. гос. ун-т, 2003. – С. 104–117.
2. Карандашев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности : концепция и методическое руководство. – СПб.: Речь, 2004. – 70 с.
3. Михайлова (Алешина) Е.С. Методика исследования социального интеллекта : Адаптация теста Дж. Гилфорда и М. Салливена. Руководство по использованию. – СПб.: ИМАТОН, 1996. – 56 с.
4. Почебут Л.Г. Взаимопонимание культур: Методология и методы этнической и кросс-культурной психологии. Психология межэтнической толерантности: Учебное пособие. 2-е изд. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. – 281 с.
5. Ушаков Д.В. Социальный интеллект как вид интеллекта // Социальный интеллект: Теория, изменение, исследования / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. – М.: Институт психологии РАН, 2004. – С. 11–28.

УДК 159.923.2

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕЖИВАНИЯ ПРОЦЕССА
СТАРЕНИЯ
STEREOTYPES AND PROROTYPES IN ETHNOCULTURAL SPACE OF LANGUAGE**

**Л.Б. Кузнецова
L.V. Kuznetsova**

Белгородский государственный университет

Belgorod State University

E-mail: lkuznetsova@bsu.edu.ru

Ключевые слова: переживание процесса старения, тип гендерной идентичности, пожилой возраст, старческий возраст, самочувствие, активность, настроение, удовлетворённость качеством жизни, копинг стратегии.

Key words: emotional experience of the aging process, type of gender identity, older age, old age, coenesthesia, activity, mood, satisfaction with the quality of life, coping strategies.

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей переживания личностью процесса старения. Исследуются такие аспекты переживания процесса старения, как самочувствие, активность, настроение, удовлетворённость качеством жизни, копинг-стратегии, а также цветоассоциативные характеристики периода старости. Основные выводы исследования подтверждают выдвинутую гипотезу о существовании специфических особенностей переживания процесса старения в зависимости от таких факторов, как: 1) тип гендерной идентичности личности и 2) этап геронтогенеза.

Abstract. This article analyzes the features of the individual emotional experience of the aging process. It examines such aspects of the aging process experience as coenesthesia, activity, mood, satisfaction with quality of life, coping strategies, color associations of the period of old age. The main conclusions of this research corroborate the suggested hypothesis that there are specific features of experience of the aging process that depend on such factors as the gender identity of the individual and the stage of the aging process.

Введение

В настоящее время в высокоразвитых странах возросла продолжительность жизни людей, вследствие чего удлинился период старости. Данный возрастной этап занимает в среднем около трех десятилетий жизни современного человека. В то же время в психологической науке период геронтогенеза изучен значительно меньше, чем первая треть жизни человека. И все же за последние два десятилетия психологи создали ряд концепций старости, собрали значительный материал, выявляющий характеристики психологического облика людей в возрасте от 60 до 90 лет и более.

В силу относительно короткого периода научной разработки проблемы геронтогенеза, её сложности и многоаспектности, недостаточно разработанными, а так же дискуссионными до сих пор остаются не только содержательные аспекты психологии старения, но и сама понятная база описывающая феноменологию периода старости. В частности нет единого, общепринятого определения данного этапа развития личности. Для обозначения данного возрастного этапа используются термины поздняя зрелость [7], старение, старость [4], геронтогенез, посттрудовой период, преклонный (пожилой) возраст, старческий возраст, и др. В последнее время в зарубежной психологии для обозначения данного периода онтогенеза активно используются понятия «третий возраст» и «четвертый возраст» [6]. Термин «третий возраст» обозначает период активной независимой жизни, начинающийся с выходом на пенсию и, а «четвертый возраст» — (заклучительный) период, характеризующийся снижением уровня активности, возрастанием зависимости от окружающих. Данные понятия быстро приобрели популярность среди западных психологов, поскольку «они не имеют того уничижительного оттенка, который можно обнаружить в таких словах, как «старый» или «престарелый»» [6, С. 26].

В современной психологической науке существуют различные подходы к выделению стадий периода геронтогенеза. Согласно классификацией Европейского регионального бюро ВОЗ данный возрастной этап начинается с 61 года у мужчин и с 55 лет — у женщин и имеет три градации: пожилой (с 61 до 74 лет у мужчин, с 55 до 74 лет у женщин), старческий (75-89 лет) и долгожители (90 лет и выше) [4, С. 13].

Физиологические изменения, происходящие в период геронтогенеза связаны со снижением интенсивности процессов и функций организма. В социальном плане переход к данному этапу развития зачастую связан с частичной или полной утратой востребованности в профессиональной сфере деятельности. Вся совокупность изменений происходящих в данный период предьявляет

повышенные требования к уровню психологической зрелости личности, её способности адаптироваться к новым условиям жизни, позитивно воспринимать и оценивать происходящее. Проблема исследования психологических предпосылок конструктивного эмоционального проживания периода геронтогенеза приобретает первостепенное значение при анализе факторов сохранения психологического здоровья человека преклонного и старческого возраста.

Организация и методы экспериментального исследования

Целью проведённого нами экспериментального исследования было выявление особенностей переживания процесса старения, обусловленных двумя факторами: 1) типом гендерной идентичности, 2) этапом геронтогенеза.

Мы предположили, что характер переживания процесса старения будет отличаться по ряду параметров в зависимости от выделенных факторов.

Исследование проводилось на базе Университета третьего возраста центра социальной защиты населения г. Белгорода. В исследовании приняли участие слушатели социально-психологического курса. Общее число испытуемых составило 56 человек. Возрастной состав испытуемых – 55 - 79 лет. Все слушатели – представители женского пола. С целью оценки особенностей динамики переживания процесса старения нами были определены две группы испытуемых: пожилой возраст (60 – 75) и старческий возраст (75 - 90).

Мы использовали следующие психодиагностические методики:

1. «Опросник по изучению маскулинности – феминности» (мужественность – женственность) (С. Бэм), который использовался нами для определения типа гендерной идентичности испытуемых [2].

2. Опросник САН (самочувствие, активность, настроение) для оценки преобладающих характеристик самочувствия, активности, настроения [5].

3. Опросник «Удовлетворенность качеством жизни» использующийся нами для оценки субъективного состояния удовлетворенности различными аспектами собственной жизни (работа, личные достижения, здоровье и т.д.) [5].

4. Опросник «Способы копинга» (R.Lazarus, S.Folkman, адаптированный К.Л. Гусевой) для оценки поведенческих стратегий преодоления проблемных ситуаций [1].

5. «Цветовой тест отношений» (М. Эткинда) для оценки особенностей переживания процесса старения на бессознательном уровне [3].

Для оценки статистической значимости полученных результатов мы использовали t – критерий Стьюдента.

Анализ результатов исследования

Перейдём к анализу полученных результатов.

Первоначально мы оценили распределение испытуемых в зависимости от типа гендерной идентичности (рис. 1).

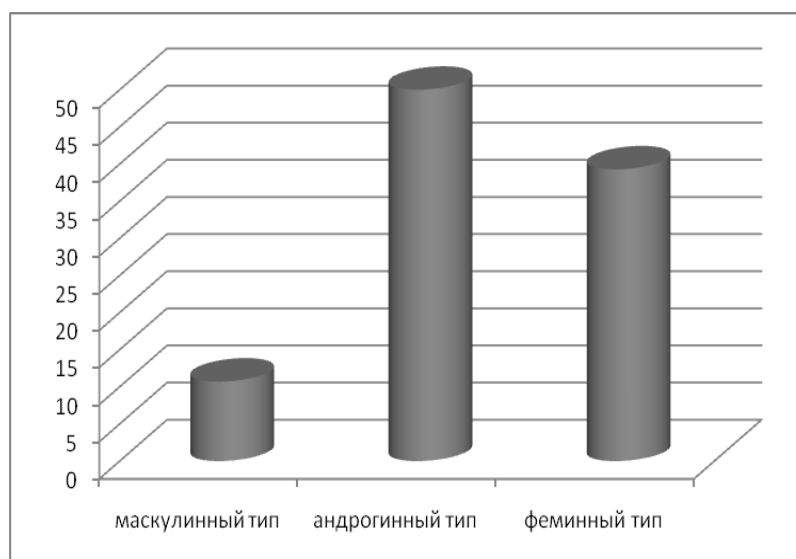

Рис. 1. Распределение пенсионеров в зависимости от типа гендерной идентичности (в %).

Анализируя полученные результаты можно заметить следующие основные тенденции:

1) в наибольшей мере в выборке испытуемых представлен андрогинный тип гендерной идентичности (28 чел.), т.е. большинство испытуемых характеризуется равномерным сочетанием феминных и маскулинных черт;

2) в наименьшей мере представлен маскулинный тип гендерной идентичности (6 чел.), что не вызывает удивления, поскольку все испытуемые женщины;

3) в достаточной мере представлен так же феминный тип гендерной идентичности (22 чел.), характеризующийся преобладанием традиционных женственных черт.

Таким образом, подавляющее большинство женщин пожилого и старческого возраста – представители андрогинного и феминного типов гендерной идентичности. Исходя из полученных данных в качестве объекта сравнения по типам гендерной идентичности нами были определены две группы испытуемых: андрогинного и феминного типов. Данные группы сопоставлялись нами в дальнейшем по различным параметрам переживания процесса старения. Группу маскулинного типа мы не брали в расчёт в связи с её малочисленностью.

Перейдем к сравнительному анализу полученных в нашем исследовании результатов испытуемых по группам в зависимости от следующих факторов: 1) тип гендерной идентичности (андрогинный, феминный); 2. возраст (пожилой, старческий возраст).

На рисунке 2 представлено соотношение показателей самочувствия, активности и настроения у пенсионеров андрогинного и феминного типов гендерной идентичности.

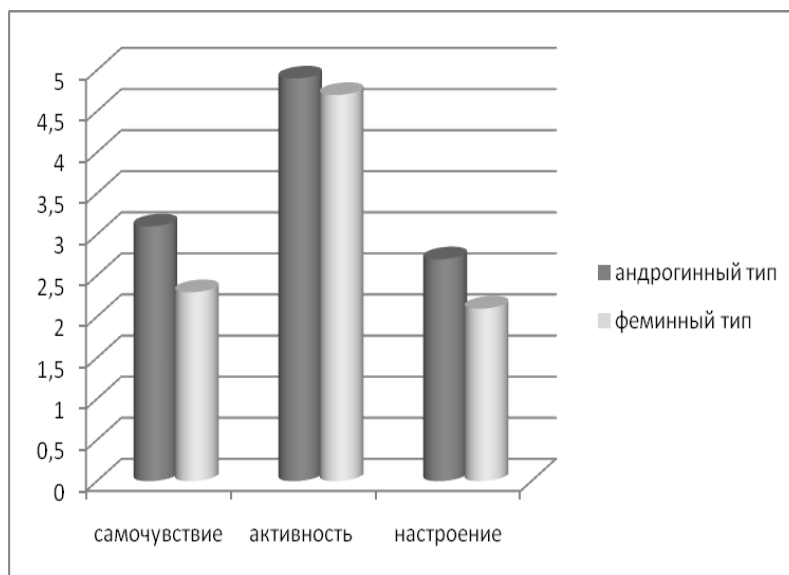

Рис. 2. Показатели самочувствия, активности и настроения у андрогинного и феминного типов

Анализируя показатели САН у представителей андрогинного и феминного типов гендерной идентичности можно заметить следующее:

1) в целом андрогинный тип гендерной идентичности характеризуется более благоприятным состоянием;

2) значимые различия получены по показателям самочувствия и настроения, которые выражаются в том, что представители андрогинного типа обнаруживают более высокий уровень самочувствия, более благоприятный фон настроения ($p \leq 0,05$);

3) по показателям активности различий между андрогинным и феминным типами не значимы.

Характеризую общую картину актуального психоэмоционального состояния испытуемых (вне зависимости от типа гендерной идентичности) следует обратить внимание на тот факт, что если показатель активности находится в пределах нормы (4 и более), то значения по шкалам настроение и самочувствие существенно снижены (менее 4), что свидетельствует о неблагоприятном состоянии личности. Вероятно, что снижение оценки своего самочувствия и настроения как раз и отражают специфику субъективного переживания процесса старения. В тоже время снижения оптимистичности в оценке своего физического и психоэмоционального состояния не сказывается отрицательным образом на оценке пенсионером уровня собственной активности и её результатах, которая оценивается достаточно высоко.

В целом обобщая полученные данные можно сделать общий вывод о существенном снижении оценки пенсионерами своего самочувствия и настроения на фоне достаточно благоприятной оценки собственной активности. Причём более ярко данная тенденция выражена у представителей феминного типа гендерной идентичности.

Анализируя показатели САН представителей пожилого и старческого возраста (рис. 3) можно заметить следующее:

1. Значимые различия получены по показателю активность, это выражается в том, что представители пожилого возраста показывают более высокий уровень активности, чем представители старческого возраста. Полученные результаты позволяют предположить, что представители пожилого возраста ведут более активный образ жизни, в то время как представители старческого возраста отмечают снижение уровня собственной активности. На наш взгляд это вполне закономерно и может быть обусловлено таким объективным фактором как физическое старение организма, снижение уровня его физиологических функций.
2. По показателям самочувствия и настроения различия между пожилым и старческим возрастом не значимы и обусловлены по всей видимости случайным фактором.

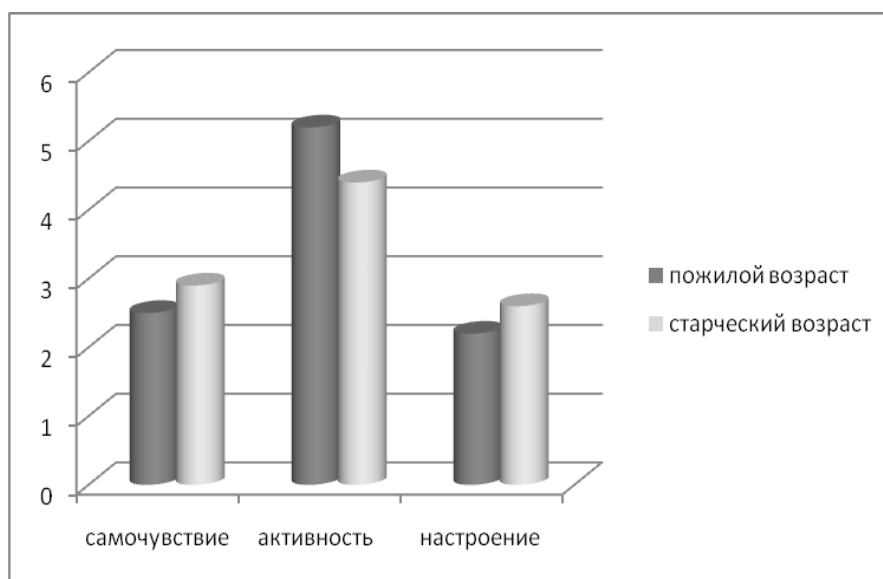

Рис. 3. Показатели самочувствия, активности и настроения у представителей пожилого и старческого возрастов

Таким образом, основное отличие психоэмоционального состояния пенсионеров старческого возраста сводится к общему снижению уровня активности, и не отражается на оценке собственного самочувствия и настроения, которая остаётся на уровне соответствующем пожилому возрасту.

С целью сравнительного анализа показателей качества жизни как детерминанты психического благополучия личности в период геронтогенеза мы использовали методику «Удовлетворенность качеством жизни». Полученные нами результаты представлены на рисунках 4 и 5.

Анализируя полученные данные можно заметить, что по большинству параметров не выявлено значимых различий у представителей андрогинного и феминного типов гендерной идентичности. В то же время существуют некоторые особенности самооценки удовлетворенности качеством жизни, обусловленные типом гендерной идентичности. Так наиболее значимые различия получены по показателям «личные достижения» ($p \leq 0,01$). Они выражаются в том, что представители андрогинного типа гендерной идентичности в большей мере удовлетворены своими личными достижениями, что согласуется с полученными нами данными о более высоком уровне активности представителей данного типа. Следует отметить, что если показатель удовлетворенности личными достижениями пенсионеров феминного типа соответствует низкому уровню, у пенсионеров андрогинного типа он попадает в диапазон среднего уровня удовлетворённости.

Другое значимое расхождение выявлено по параметру «негативные эмоции» ($p \leq 0,05$). Оно проявляется в том, что представители андрогинного типа гендерной идентичности в большей мере удовлетворены своим психоэмоциональным состоянием, уровнем переживания негативных эмоций, что так же согласуется с данными по методике САН.

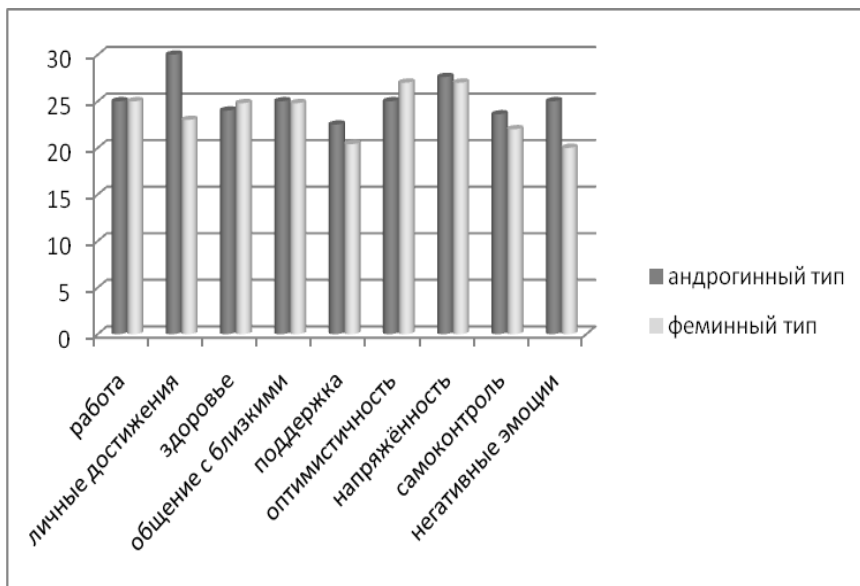

Рис. 4. Показатели оценки качества жизни андрогинного и феминного типов

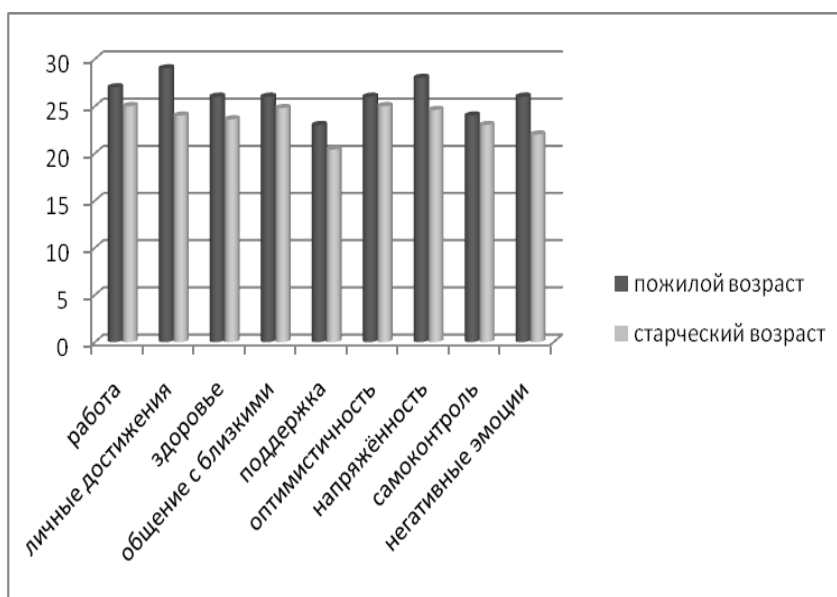

Рис. 5. Показатели оценки качества жизни представителей пожилого и старческого возрастов

Анализ удовлетворённости качеством жизни по выборке в целом позволяет нам выявить наиболее проблемные зоны, характеризующиеся снижением определённых показателей. Так, к числу показателей соответствующих низкому уровню удовлетворённости по результатам исследования можно отнести следующие: общение с близкими (друзьями и родственниками) и поддержка (внутренняя и внешняя). Таким образом, ключевыми моментами снижающими уровень эмоционально-психологического благополучия пенсионеров является ощущение недостаточной моральной, эмоциональной поддержки, а так недостаток общения с близкими людьми.

У представителей пожилого и старческого возраста по большинству параметров удовлетворённости качеством жизни расхождения значений не имеют статистической значимости. В то же время по ряду показателей значимые различия у данных групп были выявлены.

Так, показатели по шкале «Личные достижения» значительно выше у представителей пожилого возраста ($p \leq 0,05$), что свидетельствует о большей удовлетворенности данной группы своими личными достижениями.

Результаты по шкалам «Напряжённость» и «Негативные эмоции» также значительно выше у лиц пожилого возраста ($p \leq 0,05$), что свидетельствует о том, что они в большей мере удовле-

творены своим психоэмоциональным состоянием, уровнем переживания негативных эмоций, нежели лица старческого возраста.

С целью оценки стратегий используемых представителями третьего возраста для разрешения возникающих эмоциональных проблем мы использовали методику «Способы копинга» (R. Lazarus, S. Folkman, адаптированный К.Л. Гусевой). Результаты соотношения различных копинг стратегий анализируемых нами групп представлены на рисунках 6 и 7.

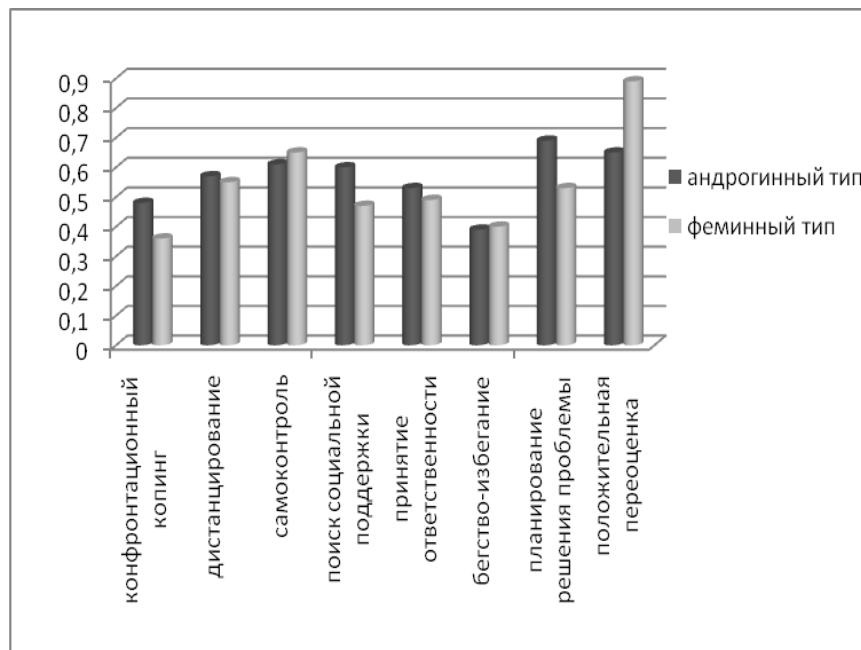

Рис. 6. Степень выраженности копинг-стратегий представителей андрогинного и феминного типов

По результатам сравнения результатов представителей андрогинного и феминного типов наиболее значимые различия выявлены по параметру «положительная переоценка» ($p \leq 0,01$). Так представители феминного типа в большей мере склонны смиряться с ситуацией, принимая ее и стараясь извлечь из нее позитивные моменты. Данная стратегия относится к конструктивным видам копинга, но в то же время она характеризуется снижением усилий по изменению ситуации, некоторой пассивностью.

У представителя андрогинного типа более выражены такие копинг-стратегии как: «планирование решения проблемы», «поиск социальной поддержки», «конфронтационный копинг» ($p \leq 0,05$). Преобладание копинг-стратегии «планирование решения проблемы», относимой авторами методики к числу наиболее конструктивных видов копинга позволяет сделать вывод о большей эффективности представителей данной группы в преодолении кризисных ситуаций. Преобладание стратегии «поиск социальной поддержки» свидетельствует о более развитой способности представителей андрогинного типа находить эмоциональную поддержку в контактах с другими людьми, что является показателем большей адаптивности. И наконец, преобладание копинг-стратегии «конфронтационный копинг» свидетельствует о способности пенсионеров андрогинного типа активно отстаивать свою позицию.

У представителей пожилого и старческого возрастов значимых различий копинг-стратегий не выявлено. В то же время следует отметить, что существует наиболее предпочтительные варианты поведения в проблемной ситуации характерной для людей в период геронтогенеза. Так наиболее выражены такие виды копинга, как «планирование решения проблемы», «положительная переоценка», «самоконтроль». В наименьшей мере представлены копинг стратегии: «бегство – избегание», «конфронтационный копинг». Оценивая данные стратегии с точки зрения их действенности, эффективности следует разделить их на две группы: конструктивный копинг (способствующий решению проблемы) и деструктивный копинг (увеличенное эмоциональное напряжение в меньшей степени способствует решению проблемы). В контексте данного анализа копинг людей третьей возрастной группы можно оценить как конструктивный, что может быть обусловлено большим жизненным опытом, приобретением жизненной мудрости.

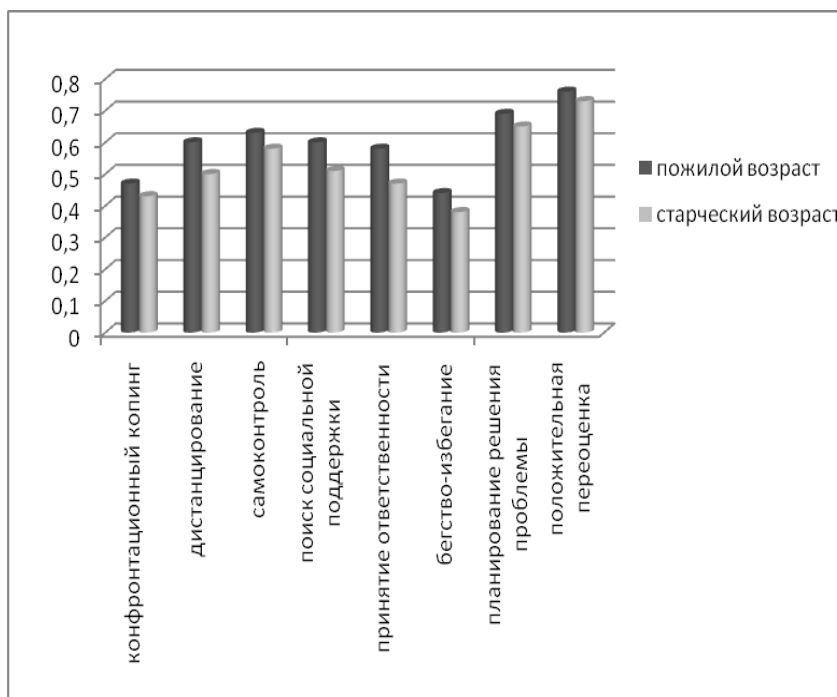

Рис.7. Степень выраженности копинг-стратегий представителей пожилого и старческого возрастов

Для оценки особенностей переживания процесса старения на бессознательном уровне мы использовали «Цветовой тест отношений» (М. Эткинда). Испытуемым предлагалось подобрать к каждому возрастному периоду наиболее подходящий, ассоциирующийся с ним цвет. При анализе нас в первую очередь интересовали цветовые характеристики периода старости. Полученные нами результаты представлены на рисунках 8 и 9.

При оценке цветовых профилей представителей андрогинного и феминного типов гендерной идентичности мы обнаружили существенные различия. В целом цветоассоциативный профиль людей андрогинного типа отличается большей дифференцированностью, в то время как у пенсионеров феминного типа выбор цветов более однозначен и характеризуется либо преобладанием активированного состояния (красный), либо расслабленного, пассивного (голубой). Преобладание у представителей феминного типа таких цветов, как красный и голубой, на наш взгляд свидетельствует о более включённом, эмоциональном переживании текущего периода жизни. Среди представителей же андрогинного типа достаточно большая часть испытуемых, предпочитает серый цвет, что символизирует эмоциональную отстраненность, сдержанность.

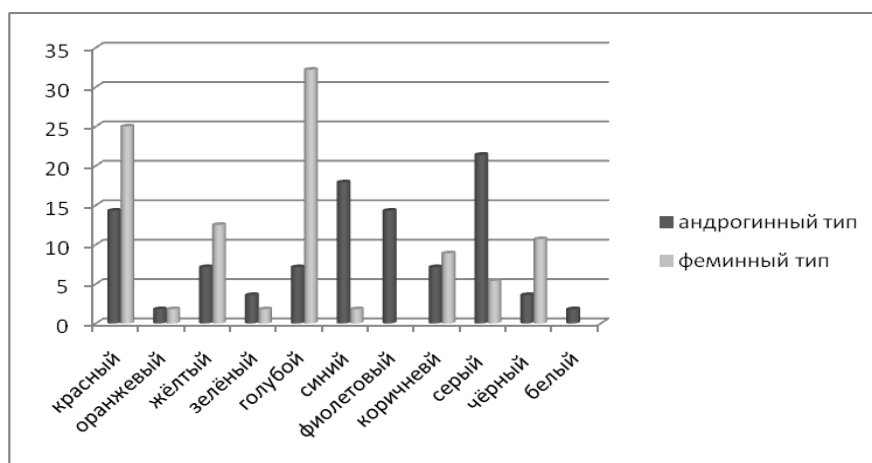

Рис.8. Показатели цветового теста отношений у андрогинного и феминного типов

Кроме того значительно более представлен у представителей андрогинного типа выбор синего и фиолетового цветов. Данные цветовые выборы отражают такие особенности психоэмоциональной сферы, как актуализация бессознательного стремления к расслаблению, покою, безопасности, а так же потребности в смирении, отстранённости, духовном росте.

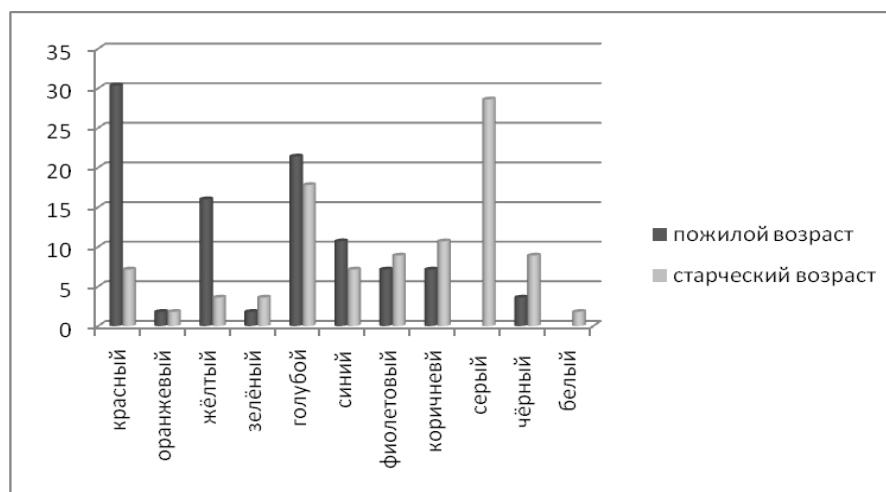

Рис.9. Показатели цветового теста отношений у представителей пожилого и старческого возрастов

Сравнительный анализ цветового профиля представителей пожилого и старческого возрастов позволил выделить некоторые особенности восприятия текущего периода жизни. Наиболее яркие отличия получены по красному, желтому и серому цветам. Так у людей пожилого возраста в значительно большей степени представлена доля красного и желтого цветов, что позволяет охарактеризовать их отношение к периоду старения как более позитивное, оптимистичное, активное. Отличительной особенностью цветового профиля людей старческого возраста является присутствие серого цвета, который у данной возрастной группы наиболее выражен. Следует отметить, что в группе людей пожилого возраста данная цветовая ассоциация вообще отсутствует. На наш взгляд состояние эмоциональной отстраненности, отгороженности, может быть связано с некоторой утратой активности, возрастным сужением временной перспективы. Таким образом, в целом можно сказать, что на протяжении периода геронтогенеза эмоциональный фон и оценка текущего периода жизни несколько утрчивает позитивный, оптимистичный оттенок.

Заключение

В целом обобщая полученные данные можно сделать вывод о существовании специфических особенностей переживания процесса старения в зависимости от таких факторов, как тип гендерной идентичности и этап геронтогенеза. Подводя итог, мы можем сформулировать некоторые обобщающие выводы об особенностях переживания личностью процесса старения, обусловленных данными факторами:

1) Более благоприятным эмоциональным и физическим состоянием характеризуются пенсионеры андрогинного типа гендерной идентичности, это выражается в том, что представители данного типа гендерной идентичности более высоко оценивают собственный уровень самочувствия и настроения, в большей мере удовлетворены своими личными достижениями, а также общим уровнем негативных эмоций.

2) Пенсионеры пожилого возраста в большей мере удовлетворены своим психоэмоциональным состоянием, уровнем переживания негативных эмоций, а так же уровнем личных достижений по сравнению с представителями старческого возраста. Более высокие значения демонстрируют пожилые люди и по данным оценки уровня собственной активности.

3) Копинг-стратегии в период геронтогенеза имеют специфику обусловленную типом гендерной идентичности. Феминный тип гендерной идентичности наиболее высокие значения демонстрирует по шкале «положительная переоценка», т.е. они в большей мере склонны смириться с ситуацией, принимая ее, акцентируясь на позитивных моментах, уроках, которые можно извлечь. Копинг представителей андрогинного типа в целом можно охарактеризовать как более активный, характеризующийся принятием усилий по изменению проблемной ситуации. Это выражается в преобладании таких активных стратегий совладания, как «планирование решения проблемы», «поиск социальной поддержки», «конфронтационный копинг».

4) В целом копинг людей периода геронтогенеза можно оценить как конструктивный, что может быть обусловлено большим жизненным опытом, приобретением жизненной мудрости. Выбранные большинством испытуемых копинг-стратегии - «планирование решения проблемы» и «положительная переоценка» - предполагают активную внутреннюю работу, а так же целенаправленные внешние усилия по изменению проблемной ситуации.

5) Цветоассоциативные характеристики периода старости, отражающие в большей мере неосознаваемые аспекты переживания процесса старения также имеют особенности в зависимости от типа гендерной идентичности и этапа геронтогенеза. Цветоассоциативный профиль людей андрогинного типа в целом отличается большей дифференцированностью, в то время как у пенсионеров феминного типа выбор цветов более однозначен и характеризуется либо преобладанием активированных состояний (красный), либо расслабленных, пассивных (голубой). У людей пожилого возраста в значительно большей степени представлена доля красного и желтого цветов, что позволяет охарактеризовать их отношение к периоду старения как более позитивное, оптимистичное, активное. Отличительной особенностью цветового профиля людей старческого возраста является присутствие серого цвета, который отражает состояние эмоциональной отстраненности, отгороженности, что может быть связано с некоторой утратой активности, возрастным сужением временной перспективы. Таким образом, в целом можно сделать вывод, что на протяжении периода геронтогенеза эмоциональный фон и оценка текущего периода жизни несколько утрачивает позитивный, оптимистичный оттенок.

Литература

1. Вассерман, Л.И. Медицинская психодиагностика: Теория, практика и обучение [Текст] / Л.И. Вассерман, О.Ю. Щелкова - М.: Академия; СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2004. - 730 с.
2. Вопросник Сандры Бэм по изучению маскулинности - фемининности / Практикум по гендерной психологии Под ред. И.С.Клециной. СПб., 2003. С. 277 – 280.
3. Головей Л.А., Рыбалко Е.Ф. Практикум по возрастной психологии. – СПб.: Речь, 2001.
4. Краснова О.В., Лидере А.Г. Социальная психология старения: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. - М.: Издательский центр «Академия», 2002. - 288 с.
5. Практикум по психологии здоровья / Под. ред. Г.С. Никифорова. – СПб.: Питер, 2005. – 351 с.
6. Стюарт-Гамильтон Ян. Психология старения. СПб.: Питер, 2010. - 320 с.
7. Эриксон, Э. Г. Детство и общество : Пер. с англ. / Э. Г. Эриксон, А. А. Алексеев. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб. : Речь, 2000 . – 416 с.

УДК: 159.923.2

НОРМА СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: СТРУКТУРНО-ГЕНЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ NORMS AND SOCIAL IDENTITY VIOLATION: STRUCTURAL AND GENETIC ANALYSIS

Е.А. Петраш
E.A. Petrash

Курский государственный медицинский университет

Kursk State Medical University

E-mail: petrash@mail.ru

Ключевые слова: социальная идентичность, норма социальной идентичности, структура социальной идентичности.

Keywords: social identity, the rate of social identity, the structure of social identity.

Аннотация. Представлены теоретико-методологические и эмпирические результаты, отражающие закономерности функционирования социальной идентичности в норме, представленные на структурном уровне социальная идентичность реализуется через организацию системы взаимосвязей когнитивного, ценностного, мотивационного компонентов), на генетическом уровне через онтогенетические этапы формирования, на феноменологическом уровне через систему статусов.

Abstract. Presents the theoretical, methodological and empirical results that reflect the principles of functioning of social identity is normally presented at the structural level of social identity is realized through the organization of cognitive relationships, value, motivational components), at the genetic level through the developmental stages of formation, at the phenomenological level through the system status.

Введение

История изучения социальной идентичности характеризуется относительно короткой длительностью (около семидесяти лет), с одной стороны, с другой – интенсивным возрастанием исследовательской активности (по результатам библиометрического анализа по базе научно-электронной библиотеки eLibrary по ключевым словам «социальная идентичность» общий объем научных публикаций за период 1993–2014 г.г. пятикратно увеличился) [1]. Однако вопросы изучения социальной идентичности до настоящего времени остаются неоднозначными и противоречивыми: сосредоточенность исследовательского интереса только на одном аспекте изучения социальной идентичности (структурном или феноменологическом или динамическом уровне исследования); в исследованиях нарушений социальной идентичности (аддиктивная и делинквентная идентичность, нарушение социальной идентичности при соматопатологии) отсутствует генерализация в общекритериальных оценках; исследования социальной идентичности носят преимущественно констатирующий характер.

Понимая социальную идентичность как системный интегративный феномен, включающий онтогенетические и социогенетические основания, характеризующийся множественностью проявлений, определяем как осознание и переживание индивидом групповой принадлежности, проявляющейся в принятии социальных норм и идентификации себя в устойчивых социально-психологических качествах своего Я [Никишина, Кузнецова, Петраш, 2]. Континуальность социальной идентичности реализуется на трех системных уровнях: структурном (через организацию системы взаимосвязей структурных компонентов); генетическом (через онтогенетические этапы формирования); феноменологическом (через систему статусов).

Организация и методы исследования

Исследование проводилось на следующих базах: общеобразовательные школы г. Курска, ГБОУ ВПО «Курский государственный медицинский университет» Минздрава России. Общий объем выборки испытуемых составил 455 человек, сформированные в четыре исследовательские группы по критерию возрастного этапа: подростковый возраст (12–15 лет) – 73 человека; юношеский возраст (17–22 года) – 78 человек; период взрослости (23–57 лет) – 218 человек, период геронтогенеза (58–74 года) – 86 человек. Выборки уравниваются по гендерному основанию в соотношении 50% женщин и 50% мужчин; этническому – все русскоговорящие. В юношеском возрасте, периодах взрослости и геронтогенеза контролировался образовательный статус (50% имеют полное или неполное высшее образование; 50% имеют полное или неполное среднее специальное образование).

Исследование осуществлялось с использованием следующих психодиагностических методик: методика исследования личностной идентичности МИЛИ (Л.Б. Шнейдер); опросник ценностных ориентаций Ш. Шварца; методика диагностики мотивационной сферы личности В.Э. Мильмана; тест репертуарных решеток Дж. Келли. Статистическая обработка эмпирических результатов осуществлялась с использованием методов описательной (показатели средних значений, среднее квадратическое отклонение, мода, медиана, частота распределения), сравнительной (непараметрический U-критерий Манна-Уитни, угловое преобразование ϕ -Фишера) статистики и метода корреляционного анализа (r-критерий ранговой корреляции Спирмена). Обработка полученных результатов осуществлялась с использованием пакета прикладных программ для Windows (MS Excel, Statistica 6.0).

Организация исследования генеза структуры социальной идентичности в норме от подросткового возраста к периоду юности, взрослости, геронтогенезу осуществлялся в следующей последовательности: анализ социальной идентичности на уровне структурных компонентов (когнитивного, ценностного, мотивационного), на уровне организованности структуры социальной идентичности; на феноменологическом уровне.

Результаты исследования

Социальная идентичность на уровне когнитивного компонента, представленного системой когнитивных конструктов, в подростковом возрасте характеризуется значимым преобладанием простых, недифференцированных когнитивных конструктов в сравнении с периодами юности ($p=0,034$), взрослости ($p=0,021^*$) и старости ($p=0,024$). При этом в юношеском возрасте, этапах взрослости выявлено значимое преобладание сложных и дифференцированных когнитивных конструктов ($p=0,012$). Содержательно система конструктов также имеет ряд особенностей с учетом возрастного этапа: в подростковом возрасте содержанием когнитивных конструктов являются такие социальные явления, как межличностное общение и межличностные отношения; в юношеском возрасте содержание когнитивных конструктов имеет статусно-ролевую направленность, а также сосредоточено на оценке и принятии социальных норм процессов; в период взрослости когнитивные конструкты содержательно ориентированы на профессионально-деятельностные аспекты социально-психологических явлений; период геронтогенеза характеризуется, так же, как и в подростковом возрасте, содержательной направленностью на межличностные отношения, но с тем отличием, что эти отношения сосредоточены на ближайшем окружении.

При исследовании мотивационного компонента социальной идентичности по показателям средних значений мотивационных шкал были сформированы мотивационные профили по группам испытуемых. В подростковом возрасте выявлен уплощенный мотивационный профиль, характеризующийся низкой дифференцированностью мотивационной иерархии личности, а также узким диапазоном мотивов. При этом в профиле значимо преобладают общая активность ($p=0,016$) и коммуникативная мотивация ($p=0,028$) в сравнении с другими возрастными группами испытуемых. Мотивационный профиль в юношеском возрасте характеризуется импульсивностью, проявляющейся в значимом преобладании мотивов социального комфорта ($p=0,022$), коммуникативных мотивов ($0,034$) и творческой активности ($p=0,029$). В период взрослости выявлен прогрессивный мотивационный профиль, характеризующийся низкими значениями мотивов поддержания (мотивы поддержания жизнеобеспечения, мотивы комфортности, статусные мотивы) при значимо более высоких показателях уровня развивающих мотивов (мотивы общей активности, мотивы творческой активности, мотивы социальной полезности). В период геронтогенеза преобладает экспрессивный мотивационный профиль, характеризующийся значимым преобладанием мотивов комфортности ($p=0,025$) и поддержания жизнеобеспечения ($p=0,041$).

Социальная идентичность на уровне ценностного компонента на разных возрастных этапах, согласно процедуре исследования, предполагает два уровня анализа: система ценностных ориентаций на уровне представлений и система ценностных ориентаций на уровне их реализации в поведении. На трех возрастных этапах (подростковый, юношеский возраст, период геронтогенеза) выявлено рассогласование уровня представлений и уровня поведенческой реализации (Рис. 1).

В период взрослости система ценностных ориентаций является согласованной со значимым преобладанием ценности традиций ($p=0,019$), проявляющейся в уважении, принятии обычаев и идей социума, а также следование им; ценности самостоятельности ($p=0,026$), реализующейся в самоконтроле и саморегуляции; ценности достижения ($p=0,031$) как проявлении личного успеха через проявление компетентности в соответствии с социальными стандартами; ценность власти ($p=0,024$), проявляющаяся в достижении социального статуса или престижа. Ценностные ориентации, проявляющиеся только на уровне представлений и не находящие реализации в поведении, являются декларативными.

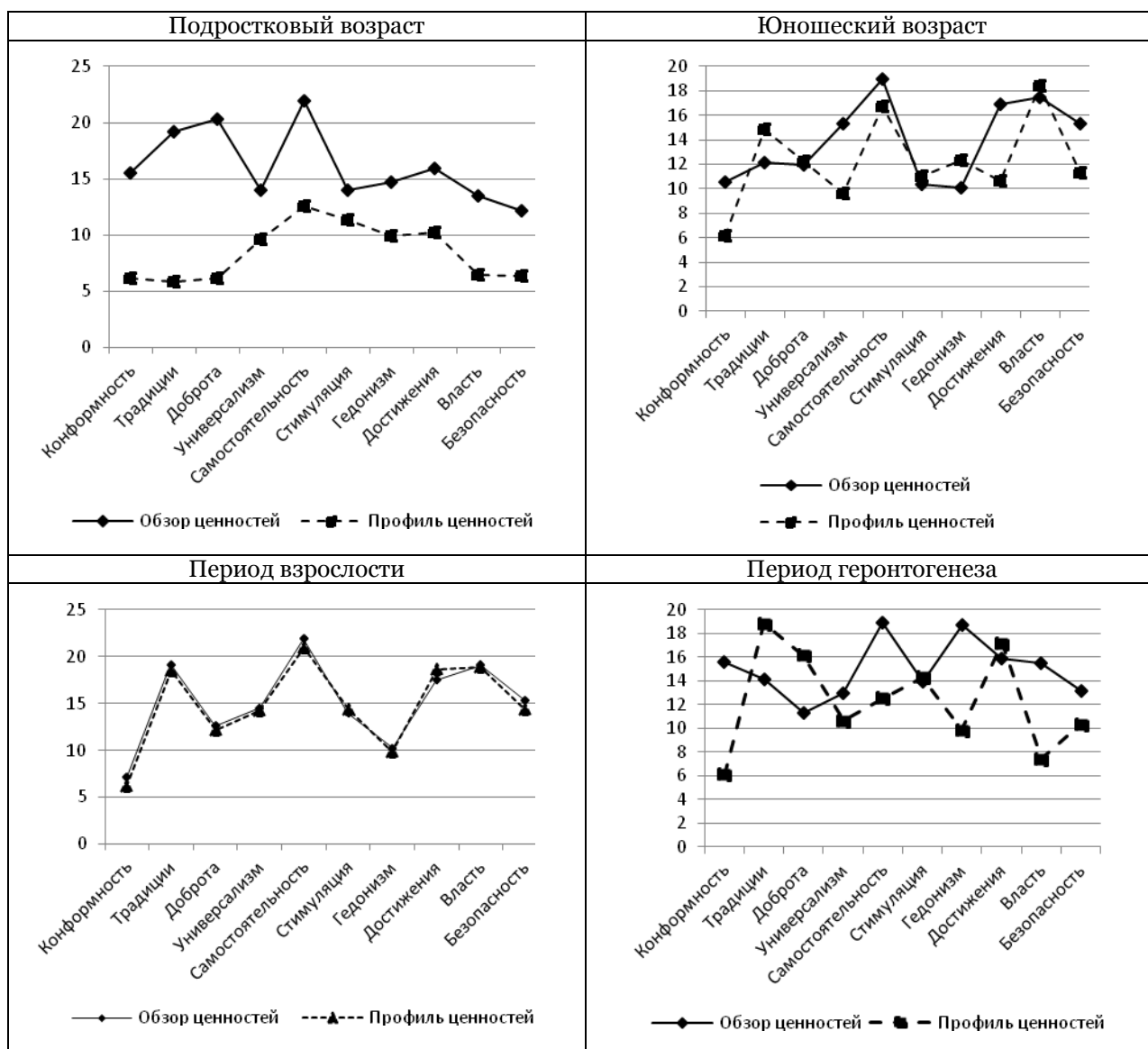

Рис. 1. Усредненный профиль системы ценностных ориентаций в подростковом, юношеском возрасте, во взрослости и геронтогенезе

В подростковом возрасте ценность традиций ($p=0,019$), доброты ($0,022$), самостоятельности ($p=0,036$) и достижений ($p=0,025$) значимо более выражены и являются декларативными. При этом реализуются ценности стимуляции (как стремления к новизне и глубоким переживаниям), гедонистические ценности (ценности наслаждение или чувственное удовольствие) и ценности безопасности (для других людей и себя, как социальная стабильность общества и взаимоотношений). Юношеский возраст так же, как и подростковый, характеризуется преобладанием декларативных ценностей достижения и самостоятельности (при значимом повышении уровня их выраженности), но в отличие от последнего, в юношестве декларируются ценности власти ($p=0,011$) и универсализма ($p=0,020$). Фактически реализуемыми являются ценности традиций, самостоятельности и власти. Геронтогенез как возрастной этап также характеризуется рассогласованностью системы ценностных ориентаций: при декларировании ценностей самостоятельности, гедонизма и безопасности фактически реализуются на уровне поведения ценности традиций, доброты и достижений.

Результаты, полученные при исследовании структурных компонентов социальной идентичности на разных возрастных этапах, указывают на наличие специфических особенностей, представленных в таблице 1.

Таблица 1

Специфические особенности структурных компонентов социальной идентичности
в генетическом аспекте

Возрастной этап	Характеристика структурных компонентов социальной идентичности
Подростковый возраст	Когнитивный компонент социальной идентичности в подростковом возрасте представлен простыми слабо дифференцированными когнитивными конструктами, содержательно направленными на межличностные, семейные отношения. Мотивационный компонент представлен уплощенным мотивационным профилем, который реализуется в значимо преобладающей общежитейской мотивационной направленности, представленной высокой общей активностью, мотивом общения и социального комфорта. В системе ценностных ориентаций значимо преобладающими являются ценности стимуляции, гедонистические ценности и безопасность. При этом выявлено рассогласование системы ценностных ориентаций на уровне представлений и уровне их реализации в поведении.
Юношеский возраст	Когнитивный компонент социальной идентичности в юношеском возрасте характеризуется сложной дифференцированной организацией когнитивных конструктов статусно-ролевой направленности. Мотивационный компонент в структуре социальной идентичности представлен импульсивным мотивационным профилем с доминированием коммуникативных мотивов, творческой активности и мотивов комфортности. Система ценностных ориентаций является рассогласованной с преобладанием ценностей традиций, самостоятельности и власти.
Период взрослости	Когнитивные конструкты так же, как и в подростковом возрасте, являются простыми и недифференцированными, но с профессионально-деятельностной направленностью. Мотивационный компонент реализуется через экспрессивный мотивационный профиль с преобладанием статусно-социальных мотивов и мотивов комфортности. Система ценностных ориентаций является рассогласованной со значимым преобладанием ценностей традиций, доброты и достижений.
Период геронтогенеза	На уровне когнитивного компонента в структуре социальной идентичности так же, как и в юности, выявлена сложная и дифференцированная система когнитивных конструктов. Мотивационный компонент представлен прогрессивным мотивационным профилем с преобладанием высоких показателей общей и творческой активности. На уровне ценностного компонента социальная идентичность характеризуется согласованностью системы ценностных ориентаций с преобладанием ценности традиций, самостоятельности и власти.

Оценка взаимосвязей структурных компонентов социальной идентичности осуществлялась методом корреляционного анализа (r -критерий ранговой корреляции Спирмена, $p < 0,05$).

Оценка структуры взаимосвязей компонентов социальной идентичности в группе подростков выявлены прямо пропорциональные взаимосвязи между показателями простых когнитивных конструктов и коммуникативной мотивацией ($r = 0,49^*$), а также мотивации комфортности с гедонистическими ценностями ($r = 0,44^*$) и статусной мотивацией ($r = 0,57^*$). Обратные пропорциональные значимые взаимосвязи установлены между следующими показателями: показателями простых когнитивных конструктов с общей мотивационной активностью ($r = -0,42^*$), ценностями традиций ($r = -0,38^*$) и универсализма ($r = -0,41^*$); показателями сложных когнитивных конструктов и статусной мотивацией ($r = 0,46^*$); коммуникативной мотивацией и ценностями власти ($r = 0,51^*$); общей мотивационной активностью и ценностью самостоятельности ($r = -0,37^*$); декларируемыми гедонистическими ценностями и ценностями доброты ($r = -0,47^*$), ценностями традиций и безопасности ($r = -0,41^*$); мотивацией творческой активности и комфорта ($r = -0,52^*$).

В период юношеского возраста установлены прямо пропорциональные взаимосвязи показателей сложных когнитивных конструктов с мотивационной комфортностью ($r = 0,39^*$), коммуникативной мотивацией ($r = 0,42^*$), мотивацией творческой активности ($r = 0,37^*$), ценностью самостоятельности ($r = 0,44^*$); показателями простых когнитивных конструктов и мотивационной активностью ($r = 0,46^*$); мотивационной активностью и реализуемой ценностью власти ($r = 0,41^*$); ценностями традиций на уровне представлений и на уровне реализации в поведении ($r = 0,33^*$). Обратные пропорциональные взаимосвязи выявлены между показателями простых когнитивных конструктов и декларируемой ценности безопасности ($r = -0,49^*$), общей мотивационной актив-

ностью и ценностью власти ($r=-0,34^*$), общественно полезной мотивационной направленностью и декларативной ценностью власти ($r=-0,51^*$), мотивацией комфорта и ценностями достижения ($r=-0,47^*$).

Структурная организация социальной идентичности в период взрослости характеризуется статистически значимыми прямо пропорциональными взаимосвязями показателей сложных когнитивных конструкторов с показателями творческой мотивационной активности ($r=0,43^*$), ценностями традиций ($r=0,47^*$) и конформизма ($r=0,46^*$); общей мотивационной активностью и ценностью самостоятельности ($r=0,39^*$); общественно полезной мотивацией и ценностями традиций ($r=0,40^*$); творческой мотивационной активностью и общественно полезной направленностью ($r=0,51^*$); реализуемыми ценностями самостоятельности и власти ($r=0,37^*$); ценностями самостоятельности на уровне представлений на уровне реализации в поведении ($r=0,64^*$). Обратные пропорциональные значимые взаимосвязи выявлены между показателями простых когнитивных конструкторов с мотивационной творческой активностью ($r=-0,47^*$) и общественно полезной мотивацией ($r=-0,39^*$).

Период геронтогенеза характеризуется минимальным количеством статистически значимых взаимосвязей с преобладанием связей обратно пропорционального характера. Статистически значимые прямо пропорциональные взаимосвязи выявлены между показателями сложных когнитивных конструкторов с ценностями традиций ($r=0,41^*$) и статусной мотивацией ($r=0,38^*$) при обратных пропорциональных взаимосвязях простых когнитивных конструкторов с мотивацией поддержания жизнедеятельности ($r=-0,64^*$) и мотивации комфорта ($r=-0,39^*$).

Обобщая полученные результаты, следует отметить, что когнитивный компонент, реализующийся через систему когнитивных конструкторов, на всех этапах онтогенетического развития выступает как системообразующий, концентрируя на себе большинство взаимосвязей. К специфическим особенностям системы взаимосвязей структурных компонентов социальной идентичности можно отнести следующие: на этапах подросткового возраста и геронтогенеза преобладающим является отрицательный вектор взаимосвязей, в то время как в периоды юношеского возраста и взрослости, наоборот, преобладают прямо пропорциональные взаимосвязи.

Анализ структурной организации социальной идентичности в норме осуществлялся последовательно от подросткового возраста до этапа геронтогенеза (включая этапы юношеского возраста и взрослости) через расчет коэффициента организованности структуры, который определяется как разность коэффициентов когерентности и дивергентности на основании полученных значимых взаимосвязей ($p=0,01$ и $p=0,05$).

В подростковом возрасте выявлено значимое превышение показателей дивергентности над показателями когерентности, что соответствует дезинтегрированности структурной организации социальной идентичности; в юношеском возрасте и в период взрослости наоборот, выявлено значимое превышение показателей когерентности над показателями дивергентности, что указывает на интегрированность структурной организации социальной идентичности; на этапе геронтогенеза структурная организация социальной идентичности характеризуется дезинтегрированностью, на что указывает значимое превышение показателей дивергентности над показателями когерентности. Оценка общей организованности структуры социальной идентичности в генетическом аспекте, осуществляемая через расчет коэффициента организованности структуры, выявлена следующая закономерность: максимальные значения соответствуют периоду взрослости; при отрицательных значениях коэффициента организованности структуры социальной идентичности в подростковом возрасте к юношескому возрасту значения коэффициента организованности структуры смещаются в положительную сторону; в геронтогенезе значения коэффициента организованности структуры социальной идентичности снижаются до отрицательных значений (Рис. 2).

Генез структурной организации социальной идентичности в норме в подростковом возрасте характеризуется дезинтегрированностью, на что указывает значимое превышение показателей дивергентности над показателями когерентности; к юношескому возрасту и в период взрослости структурная организация социальной идентичности становится интегрированной, что проявляется в положительных значениях коэффициента организованности структуры; на этапе геронтогенеза структурной организации социальной идентичности вновь становится дезинтегрированной.

Феноменологический уровень анализа социальной идентичности реализовывался через оценку системы статусов (методика МИЛИ Л.Б. Шнейдер) [Шнейдер, 3].

В результате исследования статусной системы идентичности на возрастных этапах (подростковый возраст, юношеский возраст, периоды взрослости и геронтогенеза) выявлены следующие тенденции. В подростковом возрасте преобладающими являются статус диффузной идентичности, характеризующийся неустойчивостью целей, ценностей, убеждений, неудовлетворенностью собой, психической ригидностью, а также статус моратория идентичности, рассматриваемый как состояние нормативного возрастного кризиса идентичности (рис. 3).

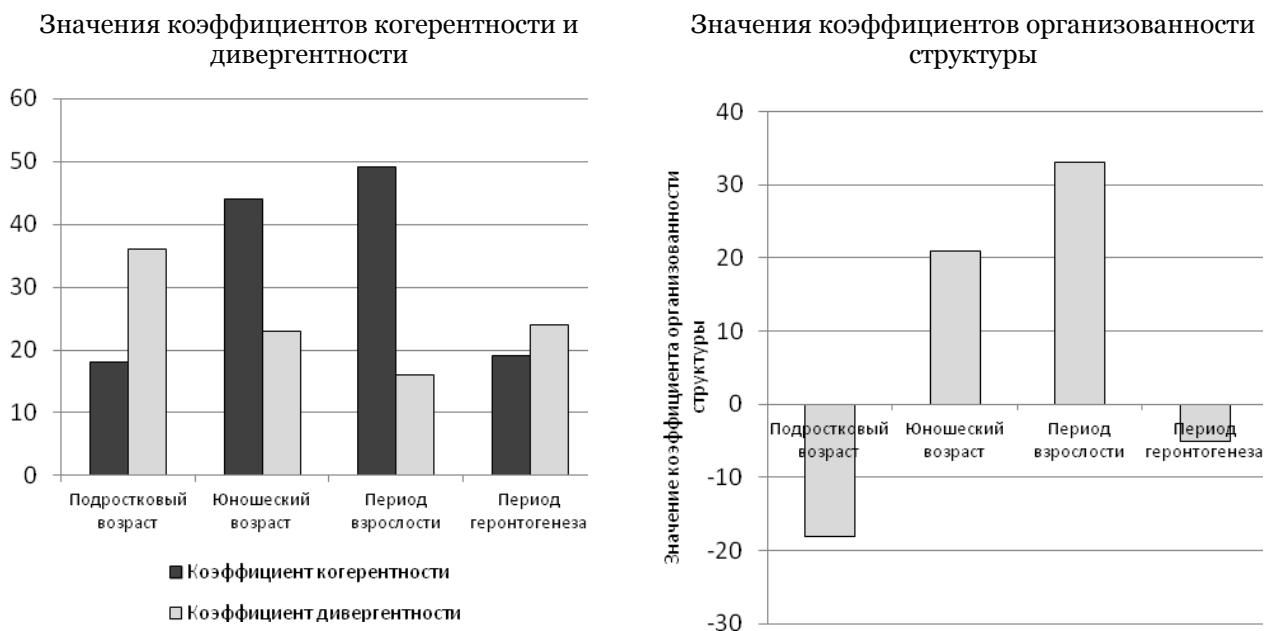

Рис. 2. Гистограмма коэффициентов когерентности, дивергентности и организованности структурной организации социальной идентичности в генетическом аспекте

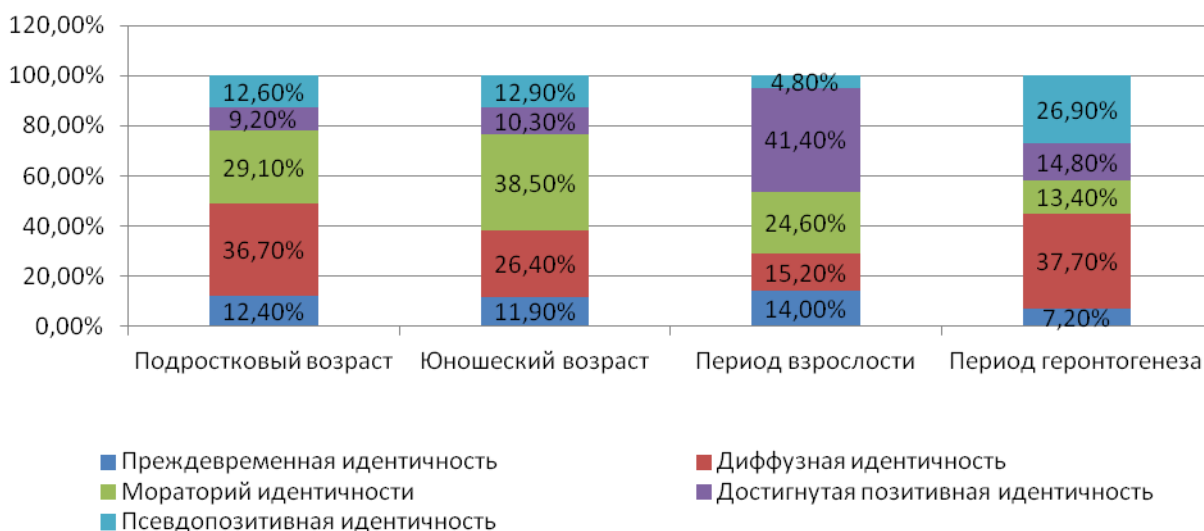

Рис. 3. Гистограмма частот статусной системы идентичности на разных возрастных этапах

В юношеском возрасте преобладающими статусами являются мораторий идентичности, сопровождающийся высокой тревожностью и рефлексивности, что обусловлено решением основных возрастных задач данного онтогенетического этапа; а также диффузная идентичность, проявляющаяся преимущественно в сфере межличностных отношений, ограничивающихся стереотипными контактами и социальной изолированностью. На возрастном этапе взрослости преобладает достигнутая позитивная идентичность, характеризующаяся устойчивой системой целей, ценностей и убеждений, обеспечивающих направленность и осмысленность жизни, реализующаяся в позитивном самоотношении и стабильном взаимодействии с социумом. При этом у 26,4% испытуемых, находящихся на этапе взрослости, выявлен статус моратория идентичности, что может являться закономерным проявлением нормативного кризиса середины жизни. На этапе геронтогенеза преобладает статус диффузной идентичности, а также псевдопозитивной идентичности, характеризующейся нарушением временной связности жизни, психической ригидностью, низкой рефлексивностью и болезненным неприятием критических замечаний в свой адрес.

Выводы

На качественно структурном уровне норма социальной идентичности в подростковом возрасте характеризуется преобладанием простых когнитивных конструкторов, уплощенным мотивационным профилем и рассогласованностью системы ценностных ориентаций на уровне представлений и на уровне поведения. В юношеском возрасте и в период взрослости преобладающими являются сложные дифференцированные когнитивные конструкторы. Мотивационный компонент в юношеском возрасте представлен импульсивным мотивационным профилем, в период взрослости – прогрессивным мотивационным профилем. Ценностный компонент в юношеском возрасте характеризуется рассогласованностью, в то время как в период взрослости система ценностных ориентаций является согласованной. На этапе геронтогенеза в структуре социальной идентичности преобладающими являются простые когнитивные конструкторы, экспрессивный мотивационный профиль и рассогласованность системы ценностных ориентаций на уровне представлений их реализации в поведении.

На феноменологическом уровне социальная идентичность в подростковом возрасте соответствует статусу диффузной; в юношеском возрасте преобладающим является статус моратория социальной идентичности; к периоду взрослости социальная идентичность достигает статуса позитивной идентичности; на этапе геронтогенеза социальная идентичность феноменологически вновь соответствует статусу диффузной.

Литература

1. Научная электронная библиотека Elibrary // URL: <http://elibrary.ru/defaultx.asp>
2. Никишина В.Б., Кузнецова А.А., Петраш Е.А. 2014. Временная перспектива при нарушении идентичности у людей с алкогольной зависимостью // Международный журнал фундаментальных и прикладных исследований. – №8. – с. 138.
3. Шнейдер Л.Б. 2007. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики. – М.: Московский психолого-социальный институт. – 128 с.

УДК 159.99

**ИССЛЕДОВАНИЕ ОТНОШЕНИЯ К ИДЕАЛАМ
STUDY OF ATTITUDES TO THE IDEALS****Т.Н. Разуваева, Е.А. Шевченко
T.N. Razuvaeva, E.A. Shevchenko***Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85**Belgorod National Research University, 85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia**E-mail: Razuvaeva@bsu.edu.ru, Shevchenko_e@bsu.edu.ru*

Ключевые слова: идеал, развитие, отношение, персонология
Keywords: ideal, development, attitude, personology.

Аннотация. Работа посвящена проблеме идеалов в современной психологии. Идеалы рассматриваются как важный фактор развития, определяющие поведение и направленность личности. В статье дается теоретическая модель отношения к идеалам и проводится статистическая проверка наиболее важных теоретических положений. В ходе анализа результатов исследования заключается, что степень осознанности идеалов определяет их роль в развитии и регуляции поведения личности.

Abstract. The work is devoted to the ideals of modern psychology. Ideals are considered as an important factor of determining the behavior and orientation of the individual. The article presents the theoretical analyses of the attitude to the ideals and carries out statistical verification of the most important theoretical propositions. The analysis of the results of the study is that the degree of awareness of the ideals that determines their role in the development and regulation of individual behavior.

Персонология как современная интегральная наука о личности позволяет по-новому взглянуть на вопрос личных идеалов. В персонологическом контексте понятие «идеал» используется для описания стремления личности к совершенству и самосовершенствованию, является направляющей его развития, мотивом, целью. При этом идеал рассматривается в тесной связи с личной жизнью человека, его индивидуальностью [16]. Каждый человек не только сам наполняет содержанием свои идеалы, но сам их «конструирует», развивает и приводит к затуханию в ходе своей жизни.

Идеалы рассматриваются в контексте их «становления», развития, то есть основное внимание уделяется характеристикам пути к идеалу. Траектория в данном контексте будет пониматься как динамическое соотношение этих характеристик пути.

Важность данного исследования заключается в том, что изучаются сложности и противоречия процесса индивидуализации и персонализации, связанные с выбором идеалов и их «овнутрением». От того, какой идеал, какой образец для подражания и определения перспектив развития выбирает человек, во многом зависят его судьба и жизненный путь. С другой стороны, сам жизненный путь во многом определяет личностные идеалы, их содержание, а также может становиться для личности «путем к идеалу».

В ходе теоретического анализа были разобраны подходы к идеалам личности в отечественной психологии таких ученых, как: К.А. Абульханова [1], Л.И. Божович [4], Ф.Е. Василюк [6], С.Л. Рубинштейн [15], Л.С. Выготский [7], А.Н. Леонтьев [12], Д.А. Леонтьев [11], Е.Б. Старовойтенко [16], Г.В. Иванченко [8] и др. Также были проанализированы труды зарубежных психологов: А. Адлера [2], З. Фрейда [5], Л. Бинсвангера [3], У.С. Буллита [5], М. Кляйн [9], Х. Кохута [10], А. Маслоу [13], Г. Олпорта [14], К. Роджерса [15], Р. Тайсона, Ф. Тайсона [18], Л. Франкла [19], Э. Эриксона [20] и др.

Рассматривая идеалы в контексте пути к идеалу, можно выделить следующие критерии анализа различных психологических теорий (психоанализ, гуманистическая психологии, экзистенциальная психологии и отечественная психология личности):

1. Определение идеала/понимание природы идеала;
2. Жизненное становление идеалов личности;
3. Вклад личности в развитие идеалов;
4. Противоречия, проблемы и кризисы становления идеалов личности;
5. Перспектива личностного осуществления идеалов.

Таким образом, были выделены и систематизированы важные структурные и содержательные характеристики идеалов, а затем с помощью теоретического анализа и синтеза была

сформирована персонологическая модель пути к идеалу, которая легла в основу разработанного нами психологического опросника. Данные, полученные таким образом, были проанализированы с помощью компьютерной программы для обработки статистических данных SPSSStatistics 17.0. Для выявления возможных взаимосвязей между полученными по критериям данными использовался метод ранговой корреляции по Спирмену.

В исследовании приняли участие 94 респондента в возрасте от 20 до 35 лет.

Согласно результатам полученных эмпирических данных, у большинства участников идеалы осознаны, это психологическое образование является развитым и играет важную роль в жизни индивида. Но степень осознанности индивидуального вклада участников исследования в свои идеалы различна.

Прежде чем перейти к анализу полученных результатов, обратим внимание на идеалы, которые описывали участники исследования (таблица 1). Для удобства отдельные идеалы объединим в общие группы.

Таблица 1

Содержание идеалов личности

Идеал успешность (деловой)	Успешность, перспективность, респектабельность, деловой подход, целеустремленность
Идеал независимости	Независимость, свобода, свобода выбора, индивидуализм
Идеал активной жизненной позиции	Активность, динамизм
Идеал близких взаимоотношений	Любовь, дружба, семейственность, доверительность, взаимоподдержка, взаимопомощь
Идеал порядочности	Порядочность, искренность, честность, правдивость, достоинство, справедливость
Идеал самореализации	Самореализация, самосовершенствование
Идеал спокойствия	Спокойствие, созерцательность, размеренность течения жизни, пассивность, лень
Идеал физической красоты	Привлекательность, ухоженность, красота, аккуратность, изящество (ж), сила (м)
Идеал доброты	Доброта, жертвенность, сострадание, милосердие, жалостливость, готовность прийти на помощь, добродушие
Идеал образованности	Образованность, эрудированность, ум, развитый интеллект
Идеал бытового комфорта	Бытовой комфорт, удобство, чистота
Идеал «цель оправдывает средства»	«Цель оправдывает средства», провокации, хитрость, манипулирование
Идеал творческой личности	Творческая самореализация, креативность
Идеал наличия чувства юмора	Чувство юмора

Теперь перейдем к непосредственному анализу полученных результатов, согласно персонологической модели отношения к идеалу.

1. Постоянное развитие, становление идеалов. Первый пункт модели касается вопроса развития идеалов на протяжении жизни человека, последовательности их формирования, источников возникновения.

Первые идеалы личности начинают развиваться в детстве, основным источником их формирования является семья ребенка. Таким образом, благодаря детско-родительским отношениям, человек усваивает семейные, родительские идеалы.

Но уже в подростковом возрасте идеалы начинают претерпевать изменения, и источником новых ориентиров в жизни становятся другие люди, которые окружают человека, даже если между ними нет тесных, родственных отношений. На первый план выходят также герои фильмов, книг, исторические личности. Другими словами, начинается активный поиск идеалов извне, что способствует формированию идентичности.

Следующий важный этап развития идеалов связан с взрослением личности, когда идеалы вновь переосмысливаются, меняются. Согласно полученным результатам, как и предполагают большинство исследователей, занимающихся изучением идеалов, респонденты чаще всего указывают

на свой личный вклад в развитие и формирование представлений об идеале. Однако анализ результатов явно свидетельствует и о том, что важными источниками также остаются детско-родительские отношения, другие значимые люди и примеры выдающихся людей, герои кино, книг и др. Об этом свидетельствует значение медианы (максимальное значение 5), показанное в таблице 2.

Это говорит о том, что роль всех источников формирования идеалов нельзя недооценивать и в возрастном периоде от 20 до 35 лет (респонденты, принявшие участие в исследовании). Более того, у мужской части выборки влияние семьи на актуальные идеалы особенно заметно, для многих участников исследования отец является идеалом и в настоящее время, независимо от возраста респондента.

Таблица 2

Статистический анализ источников формирования актуальных идеалов личности

		Детско-родительские отношения	Влияние других значимых людей	Примеры-выдающихся людей, героев книг, кино	Общественные, социальные идеалы	Идеалы культуры	Собственные взгляды на идеал, личная позиция
N	Валидные	94	94	94	94	94	94
	Пропущенные	0	0	0	0	0	0
Среднее		3,8824	4,1373	3,7451	2,5882	3,0196	4,1765
Медиана		4,0000	4,0000	4,0000	3,0000	3,0000	5,0000

2. Осознанность или неосознанность пути личности к идеалу. Показатели осознанности идеалов демонстрируют, как много внимания уделяет человек своим идеальным жизненным ориентирам, как он с ними обходится. В персонологической модели предполагалось, что чем старше становится человек, тем более осознанными являются его идеалы. Однако в выборке от 20 до 35 лет зависимости осознанности идеалов от возраста участников исследования не обнаружено. В то же время, анализ статистических данных в SPSSStatistics 17.0 методом ранговой корреляции по Спирмену показал следующие данные, представленные в таблице 3 (здесь и далее будут приведены только статистически значимые коэффициенты корреляции).

Таблица 3

Значимые корреляции осознанности идеалов у участников опроса

Элементы статистического анализа по Спирмену		Коэффициент корреляции
Осознанность идеала участником исследования	Значимость идеала для личности как ориентира саморазвития	0,673
	Личностный, персональный идеал	0,731
	Активная позиция в осуществлении своего идеала	0,703
	Значительность личного вклада в представления о своих идеалах	0,645
	Важность осуществления идеалов в реальной жизни	0,484
	Субъективная трудность для личности пути достижения идеалов	0,693
	Сила желания достичь идеала	0,410
	Выраженность страха потери идеала	0,549

Другими словами, осознанность идеала личностью связана с позицией личности по отношению к своим идеалам. То есть, когда идеалы понимаются человеком как ориентир собственного развития, имеют персональную форму выражения, вклад в формирование этого персонального видения личности большой, и человек активно стремится их воплотить в реальность, идеалы становятся неотъемлемой частью жизни личности, и их формирование, путь к достижению идеала становится осознанным. При этом человек принимает ответственность за свои идеалы, так как они относятся напрямую к его личности, а не навязаны, привнесены извне, и видит те трудности, противоречия, с которыми ему необходимо научиться обходиться и справляться.

3. Индивидуальность идеалов и пути к ним.

Идеалы человека изначально существуют в социуме и культуре, но на определенном этапе эти общие стандарты становятся личностными, неповторимо «овнутряются», и это тот необходимый рубеж, который должен пройти человек в своем стремлении к идеалу. Согласно проведенному исследованию, то, что идеал останется поверхностным, «внешним» для личности, во многом связано со следующими условиями, указанными в таблице 4.

Таблица 4

Значимые корреляции, указывающие напеременные, связанные с поверхностным принятием идеалов

Элементы статистического анализа по Спирмену		Коэффициент корреляции
Поверхностные, стандартные, принесенные извне идеалы личности	Значимость идеала для личности как ориентира саморазвития	- 0,673
	Неосознанность личностью своих идеалов	0,731
	Активная позиция в осуществлении своего идеала	- 0,690
	Значительность личного вклада в представления о своих идеалах	- 0,891
	Важность осуществления идеалов в реальной жизни	- 0,419
	Субъективная трудность для личности пути достижения идеалов	- 0,783
	Сила желания достичь идеал	- 0,383
	Выраженность страха потери идеала	- 0,497

Отрицательные корреляции указывают на то, что чем более «внешним» являются идеалы, тем менее выражены у человека другие факторы, перечисленные выше.

Опросник «Мой путь к идеалу» позволяет также ответить на вопрос, кто может помочь личности в осуществлении идеала, стать ее опорой и проводником на этом пути. Хотя вопрос был открытым, у участников опроса в общей сложности сформировалось три варианта ответа на этот вопрос:

1. Только я сам могу помочь себе на пути к идеалу;
2. «Учитель», человек, который сможет помочь на пути к идеалу, будет сопровождать;
3. Семья, близкие люди.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что возрастает роль личности в формировании и развитии идеалов, человек сам берет на себя ответственность и занимает активную позицию на пути к идеалу. В то же время потребность в «учителе» показывает на необходимость присутствия в жизни людей, которые сопровождают человека на этом пути. Можно предположить, что такую функцию в современном социуме может обеспечить развивающее психологическое консультирование.

7. Противоречия и трудности на пути к идеалу.

Важным для становления идеалов являются решения жизненных противоречий, преодоление трудностей на пути к идеалу. В предыдущих пунктах уже были рассмотрены следующие противоречия:

- Реальное – идеальное;
- Истинные личностные идеалы – поверхностные стандарты;
- Интуитивные критерии совершенства – осознанные идеалы.

Но также можно еще говорить о том, что существуют противоречия, связанные со способами движения к реализации идеала. Так, например, многие участники исследования желают и стремятся достичь свой идеал и в то же время не хотят, чтобы он был достигнут.

Можно говорить о страхах и тревогах, которые существуют у личности в связи с идеалами. Далее приведены некоторые из них:

1. Сложность пути к идеалу, трудности, с которыми придется столкнуться;
2. Страх, что не хватит способностей, энергии, сил, возможностей;
3. Страх разочароваться в своих идеалах, что будет значить, что заблуждался, жил неправильно;
4. Страх потерять идеал, как потеря смысла жизни;
5. Может мешать контакту с реальностью;
6. Не дает «жить спокойно»;
7. «Навязанные извне» идеалы путают, дезориентируют, ухудшают самооценку, сбивают с пути;

8. Мешают быть гибким, подстраиваться под ситуацию, в которой необходимо предать свой идеал;
9. Неприятие идеалов значимыми людьми.

Персонологическая модель пути к идеалу стала основой для разработки психологического опросника «Мой путь к идеалу», направленного на выявление общих и индивидуальных характеристик пути личности к идеалу.

В ходе работы были выявлены наиболее часто встречаемые идеалы личности. Идеалы имели описательный характер.

Проанализирован процесс становления идеалов личности. В актуальных идеалах обнаружены описательные категории, относящиеся к более ранним возрастам.

Позиция личности по отношению к собственным идеалам, их роли в собственном развитии, определяет степень его осознанности и мотивационной «силы».

Чем важнее роль идеалов в развитии личности, тем сильнее осознаются и трудности, с которыми может столкнуться личность при их проживании.

Литература

1. Абульханова, К. А. Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности): Избранные психологические труды/К.А. Абульханова. – М.:Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Изд.: НПО «МОДЭК», 1999. – 224 с.
2. Адлер, А. Практика и теория индивидуальной психологии: Лекции по введению в психотерапию для врачей, психологов и учителей/А. Адлер. - М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. – 214 с.
3. Бинсвангер, Л. Бытие-в-мире/Л. Бинсвангер. – М.: Рефл-Бук, 1999.–398 с.
4. Божович, Л. И. Проблема формирования личности /Под ред. Д.И. Фельдштейна /Л.И. Божович. – 2-е изд. – М.: «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. – 352 с.
5. Буллит, У.С. Представления о мотивах и личности в психоанализе/У.С. Буллит, З. Фрейд. – М.: ИГ «Прогресс», 1999. – 64 с.
6. Василюк, Ф. Е. Методологический анализ в психологии /Ф.Е. Василюк. – М.: МГППУ; Смысл, 2003.–240 с.
7. Выготский, Л. С. Собрание сочинений. В 6-ти томах. Т.6. Научное наследство/Л.С. Выготский. - М.: Педагогика, 1984. - 400 с.
8. Иванченко, Г. В. Идея совершенства в психологии и культуре /Г.В. Иванченко. – М.: Смысл, 2007. – 255 с.
9. Кляйн, М. Некоторые теоретические выводы, касающиеся эмоциональной жизни ребенка. В сб: Психоанализ в развитии /М. Кляйн. – Екатеринбург: Деловая книга, 1998. – 60 с.
10. Кохут, Х. Восстановление самости/Х. Кохут. – М.: Когито-Центр, 2002. – 316 с.
11. Леонтьев, Д.А. Психология смысла. Природа, строение и динамика смысловой реальности/Д.А. Леонтьев. – 2-е изд. – М.: Смысл, 2003. – 487 с.
12. Леонтьев, А.Н. Мотивы и эмоции: Курс лекций/А.Н. Леонтьев.- М.: Наука, 2008.- 56 с.
13. Маслоу, А. Мотивация и личность/А. Маслоу. – СПб.: Питер, 2010. – 352 с.
14. Олпорт, Г. Становление личности. Избранные труды/Г. Олпорт. – М.: Смысл, 2002. – 462 с.
15. Роджерс, К.О становлении личностью/К. Роджерс. – М.: Прогресс, 1994. – 320 с.
16. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии/С.Л. Рубинштейн. – СПб: Питер, 2000. - 712 с.
17. Старовойтенко, Е.Б. Психология личности: в парадигме жизненных отношения/Е.Б. Старовойтенко. – М.: Академический проект, 2004. – 265 с.
18. Тайсон, Р. Психоаналитические теории развития. Т.14./Р. Тайсон, Ф. Тайсон. - Екатеринбург: Деловая книга, 1998. – 528 с.
19. Франкл, В. Воля к смыслу/В. Франкл. - М.: Апрель-Пресс, 2000.- 368 с.
20. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис/Э. Эриксон. – Пер. с англ./ Общ.ред. и предисл. Толстых А.В. - М.: Издательская группа "Прогресс", 1996. - 344 с.

УДК: 159.943-057.87

**ОТКРЫТЫЙ ДОСТУП К ЛИЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ
КАК СПОСОБ ПРИВЛЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОДОБРЕНИЯ ПОДРОСТКАМИ
В ИНТЕРНЕТ ПРОСТРАНСТВЕ**
**OPEN ACCESS TO PERSONAL INFORMATION IN SOCIAL NETWORKS AS
A WAY TO ATTRACT SOCIAL APPROVAL BY TEENS IN INTERNET SPACE**

О.И. Самосват
O.I. Samosvat

Курский Государственный Медицинский Университет, Россия, 305041, г.Курск, ул.Карла Маркса, д.3

Kursk State Medical University, 3, Karl Marks St., Kursk, 305041, Russia.

E-mail: olgasamosvat1112@gmail.com

Ключевые слова: социальные сети, социальное одобрение, подростковый возраст, коммуникативное поведение подростков, личная информация, открытый доступ к личной информации, интернет пространство.

Keywords: social network, social approval, teen age, teenagers communicative behavior, personal information, open access to personal information, internet space.

Аннотация. В статье представлена эмпирическая аргументация изучения открытого доступа к личной информации в социальных сетях, как способа привлечения социального одобрения подростками в интернет пространстве. Раскрытие личной информации всегда носит характер демонстративности, и, как и все демонстративные действия, имеет своей целью привлечения внимания – в частности, привлечения социального одобрения.

Abstract. The article presents an empirical arguments of the study of open access to personal information in social networks as a way to attract social approval by teens in internet space. Disclosure personal information always has the character of demonstrative and like all demonstrative actions it aims to draw attention - in particular attract social approval.

Задаваясь вопросом о причинах высокой интернет-активности, неуклонно возрастающего числа пользователей социальных сетей среди подростков, а также их намеренного раскрытия подробностей собственной личной жизни и собственных мыслей и идей, нами была сформулирована проблема о влиянии социального одобрения на коммуникативное поведение современных подростков в социальных сетях, и о влиянии открытого доступа к личной информации на получение социального одобрения подростками в социальных сетях.

Аргументируя тезис об увеличении числа пользователей социальных сетей в России, представляем статистические данные Adobe Social в показателях общего числа пользователей и в показателях затраченного времени, так количество пользователей социальных сетей с 2010 по 2015 год выросло почти в два раза (с 37,5 млн. человек до 76 млн.) В зависимости от региона, пользователи тратят на социальные сети от 30 до 41% от всего времени, проведенного в интернете (в среднем 2 часа 38 минут ежедневно, что на 42 минуты больше, чем время проводимое в соц. сетях в прошлом году)[11]. Из них больше половины общего числа пользователей насчитывает молодежь (26% пользователей в возрасте от 25 до 34 лет, 18% - от 18 до 24 лет, 10% пользователей в возрасте от 12 до 17 лет) [8].

Социальное одобрение в социальных сетях мы определяем как эмоциональную поддержку виртуальным сообществом индивиду в виде социального приятия, за содержание действий, соответствующее социальному ожиданию[2]. Целенаправленный поиск субъектом одобрения в социальных сетях выступает одним из ведущих механизмов возникновения от них зависимости [5].

Социальное одобрение в социальных сетях имеет особую ценность для подростков, так как является одним из показателей успешного взаимодействия индивида с социальной группой. В подростковом возрасте коммуникативная активность со сверстниками выступает ведущим типом деятельности; характеризуется следующими отличительными чертами: во-первых это ориентация на интимно-личностное общение [9]; во-вторых перенос акцента семейного влияния под влиянием сверстников; в-третьих формирование собственной субъективной реальности[1].

В объективной реальности социальное одобрение выражается в вербальной и невербальной похвале, присуждении наград и материальных благ, в повышении социального статуса, в количестве позитивных социальных контактов, в высокой оценке материальных и нематериальных продуктов деятельности человека, в особых привилегиях и т.п. Факторами формирования социального одобрения в объективной реальности являются: физические, профессиональные, социальные и психологические качества; социальный статус; способности и таланты; количество материальных благ; количество социальных контактов; наличие власти и др.

Способы выражения социального одобрения в социальных сетях - это количество «лайков» (знак «нравится»), количество комментариев/отзывов к опубликованной информации, количество репостов (перенос записи со стены одного профиля на стену другого профиля без изменений), количестве подписчиков/друзей профиля. На формирование социального одобрения в социальных сетях влияют факторы: текущее количество подписчиков/друзей профиля; текущее количество опубликованной информации; текущее количество «лайков», репостов; социальный статус в объективной реальности; социальный статус текущих подписчиков/комментаторов/лиц, оставивших «лайк» и сделавших репост в объективной реальности; активность владельца профиля в социальной сети (обновление профиля; участие в группах по интересам; репосты/комментирование/«лайк» информации, опубликованной другими участниками социальной сети); востребованность публикуемой информации; субъективная симпатия, феномен психического заражения.

Для стимулирования социального одобрения в социальных сетях используют следующие способы воздействия: активное обновление информации профайла; активные репосты/«лайки»/комментарии/подписки на других пользователей социальной сети; публикация востребованных материалов; самореклама, открытое обращение к пользователям социальной среды; участие в конкурсах и акциях социальной сети; повышение социального статуса в объективной реальности; коммуникативное поведение и содержание публикаций в соответствии с социально приемлемым поведением целевой аудитории; формирование востребованного имиджа; ложь.

Социальная сеть выступает как система пользователей, соединенных виртуальными взаимосвязями [11]. Коммуникация в социальных сетях происходит преимущественно посредством текстовых сообщений. Сообщения в виде текста передаются в социальных сетях по средствам блога, чата, личных и групповых сообщений, публичных сообщений, текстовых комментариев.

С целью установления контакта в социальных сетях подростки используют поведенческие стратегии демонстративности, открытия личной информации и шутки. Личная информация раскрывает подробности личной жизни пользователя, дает представление о происходящем в его внутреннем мире. Сообщение такого рода информации в объективной реальности считается приемлемой в кругу близких людей. В социальных сетях сообщение личной информации является стимулом возникновения симпатии и позитивного отношения у реципиента, а, следовательно, и получения от него элементов социального одобрения.

Способами раскрытия личной информации в социальных сетях являются: публикация личных фото и видео материалов; сообщение о подробностях личной жизни через текстовые формы коммуникации; публикация материалов, являющихся продуктами творчества и интеллектуального труда; открытость элементов содержания аккаунта без использования настроек приватности.

Раскрывая подробности своей личной жизни, содержание своего внутреннего мира, свои мысли и чувства, подросток пытается установить более близкие и доверительные отношения с пользователями. Он демонстрирует свое желание к интимно-личностному общению, и ожидает позитивную эмоциональную реакцию от пользователей.

В социальных сетях личную информацию можно раскрыть двумя способами: лично и анонимно. Личное раскрытие подразумевает указание своего авторства или размещение информации на странице своего аккаунта без указания ссылок на других возможных авторов. Анонимное раскрытие означает размещение личной информации в тематических группах сети без указания своего авторства и без ссылки на страницу своего аккаунта. И в первом и во втором случае подросток получает реакцию пользователей социальной сети. Однако, при использовании первого способа раскрытия, он полностью принимает на себя ответственность за негативную и позитивную реакцию, а при использовании второго, он такую ответственность с себя снимает.

Раскрытие личной информации всегда носит характер демонстративности, и, как и все демонстративные действия, имеет своей целью привлечения внимания – в частности, привлечения социального одобрения.

Мы выделили для себя область коммуникативного поведения подростков в социальных сетях и обозначили в качестве цели исследования - изучение раскрытия личной информации как стратегии привлечения социального одобрения подростками в социальных сетях через показатели социального одобрения в социальных сетях.

Объектом исследования является коммуникативное поведение подростков в социальных сетях (паттерны, темы). Предметом – раскрытия личной информации как стратегии привлечения социального одобрения подростками в социальных сетях через показатели социального одобрения в социальных сетях.

Мы выдвинули следующие гипотезы исследования:

- коммуникация подростков в социальных сетях обусловлена влиянием поиска социального одобрения;

- одной из основных стратегий поведения подростков в социальных сетях является открытие личной информации, которая проявляется в темах сообщений и коммуникативных паттернах поведения и определяется объемом социального одобрения.

Раскрытие личной информации как стратегии привлечения социального одобрения подростками в социальных сетях анализировались через: коммуникативные паттерны, темы сообщений, показатели социального одобрения в социальной сети. Коммуникативные паттерны понимаются как совокупность норм и традиций общения определенной группы людей (конструктивные – близость, принятие, шутки; и неконструктивные – агрессия, демонстративность, отрицание, сексуальный интерес) [4]. Темы сообщений определяются как основной предмет коммуникации, смысловое содержание чего-либо (личная информация, отвлеченные темы, политика, флирт, демонстративность, групповая информация, информация о третьих лицах, эмоции) [3]. Показателями социального одобрения в социальной сети являются: число записей аккаунта, количество виртуальных друзей, количество подписчиков аккаунта, число групп по интересам, в которых состоит пользователь, число лайков аккаунта, число личных репостов, число репостов другими пользователями, количество комментариев аккаунта, количество личных фото-видео материалов, число прямых обращений и открытой саморекламы.

Организация и методы исследования

Определив для себя спектр изучаемых задач, мы сформировали выборку исследования, в которую вошли подростки 14-17 лет русскоговорящие, активно использующие социальные сети (не менее трех), обучающиеся на момент исследования в средней образовательной школе (111 человек). Исследование осуществлялось в социальных сетях Facebook [<https://ru-ru.facebook.com>], Twitter [<https://twitter.com>], ask.fm [<http://ask.fm>], Спрашивай.ру [<http://sprashivai.ru>] в 2013-2014 г.г. Общее число вступивших в коммуникацию с основной группой испытуемых, составило 1426 человек. Анализ сообщений осуществлялся в формате диалогов. Исследование проводилось по условиям информированного согласия: «Пользователь, размещая на Сайте принадлежащий ему на законных основаниях Контент, предоставляет другим пользователям неисключительное право на его использование».

Исследование проводилось посредством следующих методов и методик: критический курс-анализ [7], метод функциональной прагматики как вид контент анализа [3]; методы количественной и качественной обработки данных (угловое преобразование ф-Фишера, критерий ранговой корреляции г-Спирмена).

Результаты и обсуждение

Тема сообщения как основной предмет коммуникации выступает ее смысловым содержанием. Содержание коммуникативного поведения подростков в социальных сетях характеризуется преобладанием отвлеченных тем (17%), личной информации (27%) и демонстративной информации (19%) (Рис.1). Их общий объем составляет более половины всей коммуникации (63%). Данные темы коммуникации можно определить как онтогенетически специфичные для подросткового возраста.

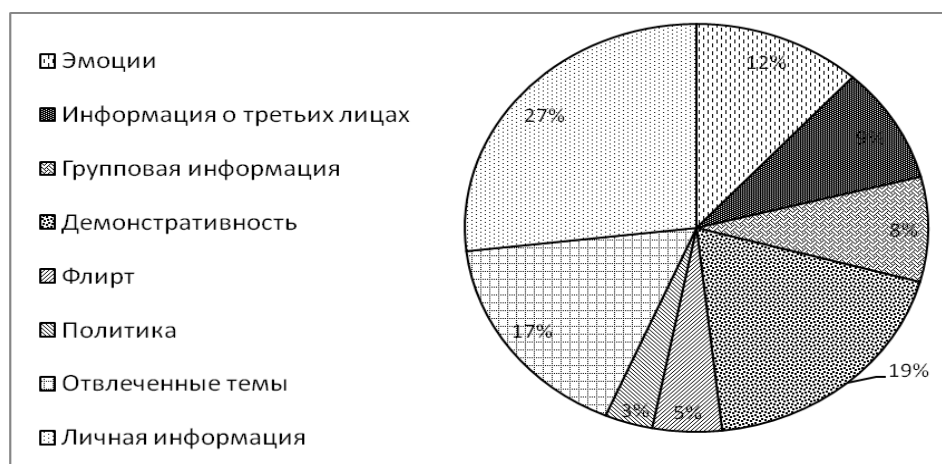

Рис. 1. Диаграмма распределения тем сообщений подростков в социальных сетях(%)

Результаты использования различных способов социального одобрения подростками в социальных сетях представлено в таблице 1.

Таблица 1

Показатели способов выражения социального одобрения подростков в социальных сетях

Показатель	Среднее число	Общее число
число записей аккаунта подростка	44	4860
количество виртуальных друзей	445	49399
количество подписчиков аккаунтов	2716	3015009
число групп по интересам	122	13579
число лайков аккаунта подростка	34605	3841264
число репостов другими пользователями	15	1722
число личных репостов	295	32783
количество комментариев аккаунта	1676	186048
количество личных фото-видео материалов	13	1551
число прямых обращений и открытой саморекламы	5	576

Преобладающие способы выражения подросткам социального одобрения в социальных сетях, выражающиеся в лайках, репостах, комментариях и подписках, не зависят от количества записей аккаунта. Для получения социального одобрения в социальной сети достаточно одной записи аккаунта, которая содержит в себе востребованную информацию.

Наибольшее число элементов социального одобрения у аккаунтов, содержащих прямые обращения. Это можно объяснить тем, что возникает ощущение личного общения, и прямой просьбы непосредственно к реципиенту. А личное обращение воспринимается как приглашение к коммуникации, и на это реципиент охотнее отвечает комментариями, лайками, репостами, подписками.

Аккаунты с большим числом подписчиков, лайков, репостов и комментариев привлекают к себе больше людей. В таких аккаунтах подростки охотнее оставляют проявления социального одобрения из соображений того, что тем самым они и сами получают социальное одобрение. Так как аккаунт содержит в себе большое число элементов социального одобрения, он представляет собой востребованную информацию. Подростки одобряют такую информацию, чтобы продемонстрировать окружающим, что они «в теме», и они согласны с группой. Если же аккаунт содержит в себе меньшее число элементов социального одобрения, подростки не охотно отзываются на него, так как в этом случае информация является невостребованной и не представляет ценности для интернет-пространства.

Также элементы социального одобрения несут в себе функцию призыва к коммуникации самого коммуникатора. Через лайки, репосты, комментарии и подписки один человек сообщает другому, что заметил его сообщения, что он одобряет их и разделяет мысли коммуникатора. Тем самым реципиент проявляет к коммуникатору симпатию и позитивное отношение, и призывает его к дальнейшей коммуникации. Более всего реципиент в такой ситуации заинтересован в том, чтобы коммуникатор поменялся с ним ролями и сам стал реципиентом, оставив элементы социального одобрения в аккаунте нового знакомого.

Оценивая взаимосвязи социального одобрения и тем сообщений подростков в социальных сетях, получены следующие результаты (г-критерий ранговой корреляции Спирмена, $p < 0,05$):

- выявлена положительная корреляция со значимой связью по показателям коммуникативных паттернов и социального одобрения: личная информация - лайки ($r = 0,31$; $p = 0,018$), личная информация - репосты другими участниками коммуникации ($r = 0,275$; $p = 0,031$), личная информация - количество сообщений ($r = 0,448$; $p = 0,006$).

Размещение открытой личной информации рассчитано на привлечение социального одобрения. Личная информация создает ощущение близких и доверительных отношений. Каждый из пользователей может узнать о подробностях личной жизни, о мыслях и чувствах владельца аккаунта. Такая возможность привлекает многих, как положительно настроенных пользователей, так и отрицательно настроенных. Личная информация может быть использована другими пользователями в своих целях, что, по сути, является нарушением и преступлением. Но, в социальных сетях, это также является признаком популярности и социального одобрения. Владельцы информации не заинтересованы в подобном, так как похищение их информации лишает их возможности получить больше социального одобрения, которое перейдет к тому, кто опубликует эту информацию уже под своим именем.

Приемлемым поведением являются репосты – размещение информации на собственной странице с сохранением ссылок на автора. Количество репостов (цитируемость) является показателем популярности в социальной сети. Причины цитирования могут быть различными, но самая распространенная – показать остальным пользователям сети, что человек думает также, что он

ведет схожий образ жизни. Таким образом, мы можем говорить о том, что репост личной информации является демонстрацией близости мышления и стиля жизни между людьми.

Размещение личной информации привлекает больше друзей и подписчиков аккаунта. Это является мощным стимулом для владельца этого аккаунта, так как интерес проявляется непосредственно к его личности. Мы можем говорить о подкреплении поведения, вследствие чего человек открывает все больше и больше личной информации, и становится все более демонстративным.

Личная информация является наиболее комментируемой темой в социальных сетях. Это обусловлено тем, что комментатор может вступить в непосредственную коммуникацию с автором, и напрямую пообщаться с ним. Ощущение близости, которое создает личная информация, помогает более безопасно начать коммуникацию с человеком, так как есть заочная возможность сформировать представление о стиле жизни и стили мышления автора.

Полученные результаты указывают на связь между темами сообщений и социальным одобрением в коммуникации подростков в социальных сетях.

Установлено, что подростки, чьи аккаунты имеют высокий уровень открытости личной информации (как стратегии привлечения социального одобрения в социальных сетях), имеют большое число лайков (как основного способа выражения социального одобрения в социальных сетях) ($r=0,432$). Это можно считать двусторонним процессом, в котором с одной стороны данное поведение является востребованным, а с другой стороны является подкрепляемым.

ВЫВОДЫ

Основной целью раскрытия личной информации в социальных сетях подростками является получение социального одобрения. Используя данную стратегию в социальных сетях, подросток привлекает внимание к своему аккаунту, тем самым провоцируя пользователей на свое одобрение. Личная информация всегда демонстративна. Демонстративность в содержании личной информации, а также отвлеченная информация (рассматриваемая как источник новой информации) служит стимулом получения большего числа элементов социального одобрения. Аккаунты, содержащие личную информацию, привлекают к себе больше элементов социального одобрения.

Коммуникативное поведение подростков, чьи аккаунты имеют высокий уровень открытости личной информации, характеризуется демонстративностью и открытостью. Данное поведение, с одной стороны, является востребованным, а с другой стороны – подкрепляемым. Подростки проявляют коммуникативную активность в поисках социального одобрения, что, с одной стороны, указывает на дефицит социального одобрения в объективной реальности, с другой стороны, выявленная схема влияния поиска социального одобрения на активность коммуникативного поведения в социальных сетях выступает как один из механизмов возникновения интернет-зависимости. Социальное одобрение реализуется экстернорезированными способами (внешними): лайками, репостами, комментариями, подписками, не рефлексировается подростками, а принимается в количественно-накопительном формате и поддерживает их активность в демонстративных паттернах поведения.

Личная информация, как тема сообщений, размещаемых в социальных сетях, является предпочтительной темой среди подростков в социальных сетях. Использование личной информации, как основной темы сообщений возрастает (в динамике: 2013г. – в среднем, 3 поста аккаунта, содержащих личную информацию; 2015 г. – в среднем, 27 постов аккаунта, содержащих личную информацию).

Литература

1. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: Языки славянской культуры, 1997. – с.576
2. Леонтьев А. А. Психология общения. – 3-е изд. – М.: Смысл, 1999. – с.365.
3. Майерс Д. Социальная психология / Д. Майерс; Пер. с англ. З.С.Замчук. - СПб.: Питер, - 2013. - с.800;
4. Мирошниченко А.А. Этика деловых отношений/«МИЭМП», - 2011. – с.86.
5. Научная электронная библиотека - <http://elibrary.ru>
6. Никишина, В.Б. Состояние зависимости: метапсихологический анализ/В.Б. Никишина, И.В. Запесочная. – Курск: КГМУ, - 2012. – с.252;
7. Стернин И.А.. О понятии коммуникативного поведения // *Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung*. Halle, 1989, S.279-282.
8. ФОМ Интернет - <http://runet.fom.ru>
9. Шибутани Т. Социальная психология/ М `Прогресс`. - 1969. - с.534.
10. Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды / М.: Педагогика. - 1989. – с. 560.
11. Adobe Social - <http://www.adobe.com/ru>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Александрова В.А.** – ассистент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации НИУ «БелГУ»
- Алиева О.В.** – кандидат педагогических наук, Россия, Белгородская область, заместитель диктора школы по научно-методической работе МОУ «Волоконовская средняя общеобразовательная школа №1».
- Багана Ж.** – доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации НИУ «БелГУ»
- Бандеров И.И.** – ассистент кафедры журналистики Казанского федерального университета
- Белоедова А.В.** – аспирант кафедры журналистики НИУ «БелГУ»
- Бобровская Г.В.** – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Волгоградского государственного гуманитарно-социологического университета
- Бойчук И.В.** – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации НИУ «БелГУ»
- Ван Синсинь** – аспирант кафедры филологии НИУ «БелГУ»
- Вишнякова О.Д.** – профессор кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова
- Волобуева Н.М.** – кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры социальной работы и психологии Белгородского университета кооперации, экономики и права
- Глебова Я.А.** – преподаватель ЦМК гуманитарных дисциплин Медицинского колледжа НИУ «БелГУ»
- Гэ Цзиниэнь** – аспирант кафедры Романо-германской филологии и межкультурной коммуникации НИУ «БелГУ»
- Евстифеева М.С.** – ассистент кафедры «общеобразовательные дисциплины» Института непрерывного образования ФГБОУ ВПО «Волгоградский Государственный Аграрный Университет»
- Ерошенко Н.В.** – кандидат педагогических наук, старший преподаватель, Россия, Белгород, Белгородский юридический институт МВД России
- Ерошенкова Е.И.** – доцент, кандидат педагогических наук, доцент, Россия, Белгород, Белгородский государственный национальный исследовательский университет
- Ермаков В.О.** – кандидат филологических наук, Заслуженный учитель Украины, Россия, Севастополь, ГБОУ СОШ №3
- Ермакова Л.Р.** – доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Исаев И.Ф.** – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики НИУ «БелГУ»
- Кичигина В.В.** – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии НИУ «БелГУ»
- Корнеева С.А.** – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии НИУ «БелГУ»
- Король Л.Д.** – кандидат психологических наук, доцент кафедры международной языковой коммуникации Острожской академии (Украина)
- Коротыцкая М.В.** – кандидат социологических наук, доцент кафедры журналистики НИУ «БелГУ»
- Кузнецова Л.Б.** – доцент кафедры психологии БелГУ, кандидат психологических наук

- Куценко А.А.** – ассистент кафедры иностранных языков НИУ «БелГУ»
- Лавриненко А.О.** – магистрант кафедры коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью НИУ «БелГУ»
- Локтева А.В.** – доцент кафедры общей и клинической психологии НИУ «БелГУ»
- Манохин Д.К.** – кандидат филологических наук, доцент кафедры философии и теологии НИУ «БелГУ»
- Нагорный И.А.** – профессор кафедры филологии НИУ «БелГУ», доктор филологических наук
- Нуриев В.А.** – старший научный сотрудник Института языкознания Российской Академии Наук
- Петраш Е.А.** – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии здоровья и коррекционной психологии Курского государственного медицинского университета
- Перминов В.О.** – кандидат филологических наук, доцент, Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения
- Радченко Е.И.** – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики НИУ «БелГУ»
- Разуваева Т.Н.** – доктор психологических наук, профессор кафедры общей и клинической психологии НИУ «БелГУ»
- Самосват О.И.** – преподаватель факультета повышения квалификации ППС Курского государственного медицинского университета
- Свищев Г.В.** – доцент кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Серезжо Т.Н.** – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры социальной работы и психологии Белгородского университета кооперации, экономики и права
- Слепцова С.В.** – доцент кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Трайковская Н.П.** – аспирант кафедры английской филологии Тульского государственного педагогического университета
- Тяжлов Я.И.** – аспирант кафедры журналистики НИУ «БелГУ»
- Уздеева Т.М.** – доцент кафедры отечественной и мировой литературы Чеченского государственного университета, кандидат филологических наук
- Фатыхова М.Х.** – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики электронных средств массовой информации Казанского федерального университета
- Фомичева Ж.Е.** – профессор кафедры английской филологии, проректор по международному сотрудничеству и образованию Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого
- Харченко В.К.** – доктор филологических наук, профессор кафедры филологии НИУ «БелГУ»
- Шевченко Е.А.** – магистр психологии, ассистент кафедры общей и клинической психологии НИУ «БелГУ»